В. Г. ТРУХАНОВСКИЙ

АНТОНИ ИДЕН

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

От автора

Прежде чем окончательно посвятить свое время той или иной теме, каждый автор решает для себя важный вопрос: зачем и кому это нужно? Так было и в данном случае. Политическая биография Антони Идена привлекла автора по ряду соображений.

Во-первых, Иден играл одну из важнейших ролей в реализации внешней политики Англии на протяжении 30-50-х годов текущего столетия. Эти десятилетия насыщены такими событиями, как политика умиротворения" агрессоров, возникновение второй мировой войны, деятельность антигитлеровской коалиции, развитие послевоенного противоборства между социализмом и империализмом и др. Изучение деятельности Идена дает возможность лучше понять и осветить ход этих событий. Жизнь его в определенной степени является частью дипломатической истории Англии.

Во-вторых, история международных отношений тех лет остается объектом острой идеологической и политической борьбы. Поток посвященных ей исследовательских работ, публицистических и мемуарных изданий в буржуазном мире не уменьшается. Поэтому попытка изложить нашу позицию с учетом достижений отечественной и зарубежной науки может оказаться полезной.

Сам Иден опубликовал три больших тома воспоминаний и многочисленные статьи, в которых содержится не только апологетика собственной персоны и британской внешней политики, но и большой заряд антикоммунизма и антисоветизма. Убедительный ответ на это требует рассмотрения акций британской дипломатии и действий самого Идена на протяжении 30 - 50-х годов.

В-третьих, в исторической и мемуарной литературе встречаются утверждения о том, что Идена не должно ставить в один ряд с прочими английскими "умиротворителями", поскольку он будто бы придерживался во внешней политике отличных от них взглядов, был настроен либерально и действовал как сторонник коллективной безопасности. К сему добавляется рассуждение о его якобы "благожелательном" отношении к Советскому Союзу. Представляется целесообразным рассмотреть реальные факты, открывающие позицию Идена и по этим вопросам.

В-четвертых, как свидетельствует опыт советских историков и ряда их зарубежных коллег, читатели с большим интересом

воспринимают книги, в которых политика различных стран и классов раскрывается через судьбы соответствующих государственных деятелей. Это делает историческое повествование более живым, конкретным и доходчивым.

Руководствуясь этими соображениями, автор и представляет на суд читателя первую, насколько ему известно, марксистскую книгу об Антони Идене.

•

Трухановский В.Г.
Антони Иден
Страницы английской дипломатии, 30-50-е годы
От автора

Прежде чем окончательно посвятить свое время той или иной теме, каждый автор решает для себя важный вопрос: зачем и кому это нужно? Так было и в данном случае. Политическая биография Антони Идена привлекла автора по ряду соображений.

Во-первых, Иден играл одну из важнейших ролей в реализации внешней политики Англии на протяжении 30-50-х годов текущего столетия. Эти десятилетия насыщены такими событиями, как политика умиротворения" агрессоров, возникновение второй мировой войны, деятельность антигитлеровской коалиции, развитие послевоенного противоборства между социализмом и империализмом и др. Изучение деятельности Идена дает возможность лучше понять и осветить ход этих событий. Жизнь его в определенной степени является частью дипломатической истории Англии.

Во-вторых, история международных отношений тех лет остается объектом острой идеологической и политической борьбы. Поток посвященных ей исследовательских работ, публицистических и мемуарных изданий в буржуазном мире не уменьшается. Поэтому попытка изложить нашу позицию с учетом достижений отечественной и зарубежной науки может оказаться полезной.

Сам Иден опубликовал три больших тома воспоминаний и многочисленные статьи, в которых содержится не только апологетика собственной персоны и британской внешней политики, но и большой заряд антикоммунизма и антисоветизма. Убедительный ответ на это требует рассмотрения акций британской дипломатии и действий самого Идена на протяжении 30 - 50-х годов.

В-третьих, в исторической и мемуарной литературе встречаются утверждения о том, что Идена не должно ставить в один ряд с прочими английскими "умиротворителями", поскольку он будто бы придерживался во внешней политике отличных от них взглядов, был настроен либерально и действовал как сторонник коллективной безопасности. К сему добавляется рассуждение о его якобы "благожелательном" отношении к Советскому Союзу. Представляется целесообразным рассмотреть реальные факты, открывающие позицию Идена и по этим вопросам.

В-четвертых, как свидетельствует опыт советских историков и ряда их зарубежных коллег, читатели с большим интересом воспринимают книги, в которых политика различных стран и классов раскрывается через судьбы соответствующих государственных деятелей. Это делает историческое повествование более живым, конкретным и доходчивым.

Руководствуясь этими соображениями, автор и представляет на суд читателя первую, насколько ему известно, марксистскую книгу об Антони Идене.

Глава I. НАЧАЛО ПУТИ

Считается общепризнанным, что Антони Иден был счастливчиком. Ему везло почти неизменно на протяжении сравнительно длительного активного жизненного пути. Иден родился в аристократической семье, располагавшей большими связями в английских правящих кругах. Природа одарила его безупречной внешностью и наделила умственными способностями, хотя и не выдающимися, но вполне достаточными, чтобы действовать с успехом в тех жизненных сферах, которые он избирал.

Многих сверстников Идена унесла первая мировая война. Но ему посчастливилось без единой царапины пройти через опасности фронтовой жизни и в то же время получить хороший послужной список. После войны ряды тех, кто мог бы явиться соперником Идена на политическом поприще, сильно поредели, и это очень облегчило его путь наверх: конкуренция была небольшой. Консервативные деятели оценили усердие и преданность начинающего политика и позаботились о его продвижении.

Случай привел Идена на пост, связанный с Лигой Наций; это принесло ему популярность и репутацию, благоприятную для политической карьеры. Его расхождения с премьер-министром Невилем Чемберленом и отставка по только не повредили ему, но, напротив, создали возможность для дальнейшего продвижения вверх, к самым высоким государственным постам.

Удачей для Идена была и ориентация в дальнейшем им Уинстона Черчилля, который официально утвердил претензии Идена на пост премьер-министра Англии, сделав его своим "наследным принцем". Эти успехи Идена были отчасти закономерны. Однако не менее закономерным был и катастрофический провал, постигший его п.1 посту премьер-министра к исходу 1956 года.

Антони Иден родился 12 июня 1897 г. в родовом поместье Виндлистоун Холл, расположенном в одном из северных графств Англии - Дареме. Семейная хроника повествует, что Идены жили

в этом районе уже в конце XIV века. Первый из известных предшественников семьи умер в 1413 году. Ему принадлежал солидный участок земли, который постепенно увеличивался в результате покупок и заключения выгодных браков и через несколько поколений разросся до масштабов крупного поместья. В мрачный и бурный период средневековья Иденам постоянно приходилось с мечом в руках защищать свои владения от алчных и разбойных соседей, а также от набегов воинственных шотландцев, время от времени спускавшихся с Гайлэндских и Чивиотских гор.

В годы английской буржуазной революции XVII века Идены выступали верными слугами Стюартов. Роберт Иден в 27 лет был полковником в армии Карла I и по его поручению сформировал пехотный полк в тысячу человек. Но Карл потерпел поражение, и при Кромвеле молодой полковник лишился своих владений. Заслуги Роберта Идена перед династией Стюартов были вознаграждены после реставрации, когда ему вернули прежнее имущество, а его старший сын получил от Карла II титул барона.

Семья баронов Иденов в своей деятельности вскоре переступила границы северных графств Англии и начала играть видную роль на общеанглийской политической сцене. Особого успеха достигли дети третьего барона Идена. Старший сын, четвертый барон Иден, последовательно представлял графство Дарем в трех парламентах. Второй сын стал губернатором Мэриленда - британской колонии в Северной Африке. На этом посту он, в свою очередь, заслужил титул барона, а женившись на Каролине Калверт, унаследовал титул графов Священной римской империи (впоследствии все эти три титула - барона Идена, барона Идена -Мэрилендского и графа Священной римской империи - в связи с различными генеалогическими пертурбациями стали наследственным достоянием одного лица из рода Иденов). Третий сын сделал крупную политическую и дипломатическую карьеру и стал лордом Оклэндом. Восьмой преуспел на дипломатическом поприще, будучи послом Англии при ряде европейских дворов, и получил титул лорда Хинли...

Самой яркой личностью среди иденовского клана был первый лорд Оклэнд. Он изучал право, малоинтересную для аристократов в те времена экономику и основал Национальный банк Ирландии. У энергичного лорда установились тесные отношения с премьер-министром Пипом, I "морый посылал его во Францию для заключения торгового договора, потом со специальной миссией в Мадрид. 1л Испанией последовала Америка, а затем лорд Окленд приставлял свою страну в качестве посла при правительстве Голландии. Наконец, он становится

членом английского правительства, получив пост главного казначеи. Дружба между лордом Оклэндом и Питтом вскоре расстроилась по причине, далекой от политики. Молодой премьер-министр влюбился в дочь Оклэнда, но она вышла замуж за другого. Отчуждение, возникшее между двумя недавно тесно сотрудничавшими политиками, толкнуло Оклэнда в стан противников Питта. И в новом лагере получил важный пост - министра торговли.

Его дети также сделали карьеру. Один из них, Морюн, приобрел известность как дипломат, представлял Англию в Дании, Германии, Австро-Венгрии и Испании.

Его брат Джон стал епископом. Третий сын, Джордж, будучи сторонником отца в его разрыве с Питтом и партией тори, в конце концов стал ведущим представителем оппозиционной партии вигов, занимал в их правительствах посты министра торговли, министра военно-морского флота и генерал-губернатора Индии и получил за свои заслуги титул графа.

На протяжении XIX столетия, в "золотой век" Англии, разросшаяся семья Иденов играла важную роль в государственных делах. Члены ее являлись министрами, послами в крупных европейских державах, колониальными администраторами высших рангов, епископами англиканской церкви. Семья давно уже привыкла к власти и, подобно другим аристократическим фамилиям, считала управление делами страны своей прерогативой.

Пятый барон Иден в XIX столетии построил внушительный, красивый по тем временам и вместительный дом, ставший новым родовым гнездом Иденов. Здание было расположено в центре обширного парка на склоне холма, обращенного на восток, откуда со стороны Северного моря ветры доносят свежий морской воздух. В этом доме, построенном как Виндлистоун Холл, через полстолетия родился Антони Иден. Хозяином поместья и владельцем титула - седьмым бароном Иденом был его отец, Уильям, женатый на Сибил Грей.

Этот брак значительно расширил семейные аристократические связи Иденов. Греи также занимали высокие государственные посты. Прадедом Сибил был первый граф Грей, брат премьер-министра Англии, осуществившего в 1832 году реформу избирательного права. Позднее, накануне первой мировой войны, один из Греев был министром иностранных дел. Отец леди Иден был губернатором Бенгалии, а затем Ямайки.

Сэр Уильям Иден являл полную противоположность своим энергичным предкам. Политикой он не интересовался, жил постоянно в своей усадьбе, занимаясь хозяйством и охотой, и, как

утверждают, писал неплохие акварели. Отец Антони отличался своими дикими выходками, совершенной нетерпимостью в отношениях с людьми, включая и членов семьи. Шорох газеты, которую кто-либо из домочадцев читал в комнате, где находился глава семьи, мог привести его в бешенство. Он не выносил веселых детских голосов и игр. Чем все это было вызвано? Возможно, какими-то серьезными психическими отклонениями. Но не исключено и другое. Подобная мелочная раздражительность зачастую проистекает из общей неудовлетворенности окружающей действительностью. Недаром один из биографов Антони Идена - Рис-Могг характеризует его отца как человека, который "всегда грозил кулаком богу за то, что он не создал лучшего мира".

В начале XX века правящая элита Англии, в состав которой входил и клан Иденов, имела все основания быть недовольной положением дел в стране и в мире. "Золотой викторианский век" был уже в прошлом. Англия быстро утрачивала свою ведущую роль в мировых делах. Поднимались молодые капиталистические державы, такие как Германия и США, энергично теснившие Англию и в области промышленного производства, и в сфере внешней торговли. Флоты других стран создавали реальную угрозу английскому господству на морях. Ранее Англия не нуждалась в постоянных союзниках, ибо была настолько сильна, что в любой момент, когда возникала необходимость, могла создать коалицию государств против своего врага. Теперь же Лондон должен был усиленно искать более или менее постоянных союзников, видя в агрессивности поднимавшегося германского империализма непосредственную угрозу своим интересам в Европе и в колониальном мире. Правда, британская колониальная империя охватывала четверть земного шара, но ее видимой прочности уже серьезно угрожали молодые империалистические соперники.

Быстро менялась обстановка и внутри страны. Рабочий класс, чрезвычайно увеличившийся численно, все более активизировался. Он завоевал избирательное право, и в палате общин действовали его представители. Англию сотрясали мощные забастовки, для подавления которых применялись войска. В стране происходили необратимые изменения. Может быть, вершители судеб Англии еще не до конца их понимали, но уже чувствовали эти грозные перемены, и, приходя в бешенство от неспособности что-либо изменить, менее выдержанные из них, вроде седьмого барона Идена, грозили небу кулаком.

Мать Антони считалась одной из красивейших женщин Англии своего времени. Современники вспоминают, что, когда

леди Иден появлялась на балах, многие из присутствовавших забирались на золоченые стулья, чтобы получше ее рассмотреть. Она любила путешествовать и обладала, как отмечают знавшие ее, покладистым характером. Мать, естественно, была ближе к детям, чем отец, по занималась ими довольно мало. В то время в аристократических семьях дети воспитывались гувернантками, а родители встречались с ними нечасто.

Антони был четвертым ребенком в семье. Его сестра Марджори появилась на свет на десять лет раньше, а братья - Джон и Тимоти - на восемь и четыре. Последний, Николас, родился через три года после Антони. Дети воспитывались в условиях максимального комфорта. Семья пребывала в то время на гребне успехов, сопутствовавших ей на протяжении многих десятилетий.

И все же детство у маленьких Иденов было не особенно радостным. Отец находился в состоянии постоянной войны с самим собой и с семьей, которую он терроризировал. Взрывы бешенства у сэра Уильяма и его резкая манера разговаривать глубоко травмировали детей. Обуреваемые страхом, они старались любыми средствами избежать встреч с отцом, которые и так были весьма редкими. Сэр Уильям, как писал впоследствии в книге о нем ею сын Тимоти Иден, "не мог выносить сколько-нибудь длительное время даже присутствия своих собственных детей... Он по праздникам всегда бежал от них".

У Антони, пожалуй, сложились лучшие отношения с отцом, чем у других детей. Положение третьего сына служило для него своеобразной защитой, ибо сэр Уильям концентрировал свое внимание на старших сыновьях. Кроме того, в некоторой степени интересы отца и Антони совпадали: оба любили рисовать, охотиться, заниматься садом. Акварели, написанные отцом, висели в комнате сына на протяжении всей его жизни. Антони всегда положительно отзывался об отце. Он унаследовал от отца не только любовь к живописи, но и неровность характера. Известно, что у Идена-младшего напряжение, усталость тоже иногда обретали выход во взрывах раздражения. Однако он лучше умел владеть собой. Отношения с отцом оказали на Идена большое психологическое воздействие. Он навсегда усвоил привычку считаться с чужой сильной волей и приспособляться к ней, что побуждало его искать в жизни не прямого столкновения и пробы сил, а компромисса. Перед силой он отступал.

Эти качества начали развиваться у Антони еще в ранние детские годы. Мать впоследствии вспоминала: "Он всегда был самым спокойным. Говорят, что прославленные люди зачастую были самыми непослушными детьми. Антони таким не был. Он

никогда ни на минуту не причинил мне беспокойства".

Мать была довольна сыном. Но у сына вряд ли были большие основания быть довольным ее отношением к себе. Один из биографов Идена, Рандольф Черчилль, пишет, что его мать "никогда не относилась к Антони с той любовью и симпатией, как к своему первенцу - Джону и самому младшему в семье - Николасу. Друзья дома убеждены, что Антони, хотя и стремился скрыть, был уязвлен этим и что травма явилась для него побудительным мотивом стремления к самостоятельности, которое доминировало над всей его личной и общественной жизнью".

В детстве Антони постоянно находился на попечении гувернантки Брумхед, к которой надолго сохранил сердечную привязанность. Она обучала своего питомца немецкому и французскому языкам и делала это талантливо. Гувернантка привила Антони любовь к изучению иностранных языков, что пригодилось ему в дальнейшем.

Когда Антони исполнилось восемь лет, его поместили в подготовительную школу в Южном Кенсингтоне, а через год - в закрытую школу в Сэндройде, в графстве Сэррей. Это было ортодоксальное учебное заведение, готовившее к поступлению в знаменитый Итон. В Сэндройде воспитывались дети английской знати, а также наследники некоторых европейских монархов. Там, например, позже учились будущий король Югославии Петр, сын Уинстона Черчилля Рандольф и другие отпрыски семейств такого же ранга.

В Сэндройде Антони пробыл четыре года. Среди своих сверстников он ничем не выделялся. Правда, получил высокое место по французскому языку и истории, но с математикой оказался явно не в ладах. По этому предмету он был оставлен на второй год. Такой удар по самолюбию имел благие последствия. Антони начал упорно заниматься и вскоре выровнялся по математике. Его общие успехи были сравнительно хороши, но не более того.

Перед окончанием Сэндройда учитель английского языка следующим образом характеризовал Антони: "По развитию несколько моложе своих лет, ему не хватит решительности... У него мягкая натура... Хотелось бы, чтобы за порогом школы он был более энергичным".

1. 1 коп был Антони перед поступлением в Итон, через который за последние двести лет прошли все его предки.

11тон был главным поставщиком государственных деятелей и высших администраторов Англии. Он открывал пум. в привилегированные университеты - Оксфорд и Кембридж. Эту же

роль Итон продолжает играть и в нами* время, хотя и в более ограниченном масштабе.

Антони Иден в Итоне - примерный, дисциплинированный, но не яркий ученик. Его однокашники свидетельствовали, что "он всегда был очень хорошо одет и хорошо выглядел"; один из преподавателей - У. Хоуп-Джонс - признался, что в школьные годы он думал об Идене так: "У него манеры лучше, чем мозги".

Бледное впечатление, которое оставил Антони в Итоне, объяснялось не только его далеко не блестящими способностями, но и скованностью, осторожностью и сдержанностью в поведении. Он выработал привычку так себя поржать еще дома, когда ему приходилось постоянно остерегаться отцовского гнева.

Юный Иден понимал, что успехи его в школе довольно посредственные. Это огорчало Антони, он чувствовал себя несчастным и даже написал об этом отцу. Ответом ему служили следующие строки: "Не удручайся, душа моя! Не теряй веры в бога! Хвала господу, ты не никудышник. Ты еще можешь стать таким же великим и хорошим человеком, как твой любящий отец".

Бывшие ученики Итона ежегодно 4 июня, в годовщину окончания школы, встречаются в классных стенах. Но Иден никогда не участвовал в этих встречах. Сам он не оставил по себе у Итона ни плохой, ни хорошей памяти, и Итон, в свою очередь, не завоевал его сердца.

Прямо со школьной скамьи, едва ему исполнилось 18 лет, Иден ушел добровольцем на фронты первой мировой войны. За несколько недель до его зачисления в армию умер сэр Уильям. Старший брат Джон был убит на поле сражения во Франции еще в 1914 году. Вскоре погиб и служивший во флоте Николас, с которым Антони был более близок, чем с другими братьями. Война взяла свою дань с семьи Иденов. Ее члены вступали в вооруженные силы добровольцами. В первые годы войны в Англии не существовало обязательной воинской повинности. Традиция, однако, была такова, что аристократия в случае войны должна была военной службой платить стране за свое привилегированное положение.

Военная служба Антони началась в сентябре 1915 года в пехотном батальоне, который был сформирован из жителей сельских районов родного графства Идена - Дарема. Командование полагало, что земляки охотнее будут служить вместе. Батальон был укомплектован физически сильными, дисциплинированными солдатами с достаточной общеобразовательной подготовкой, командовал батальоном крупный местный землевладелец лорд Февершем. Вначале в его

имении, а затем в Олдершоте, крупнейшем военном центре Англии, шло интенсивное обучение новобранцев.

В мае 1916 года батальон Идена был переправлен во Францию и 15 сентября участвовал в наступательной операции, понеся тяжелые потери. Командование попыталось отвести остатки батальона с передовой, но при этом он попал под сильный пулеметный огонь немцев. Командир, многие офицеры и солдаты были убиты, уцелели лишь немногие. Таким было боевое крещение Идена.

Поначалу молодой лейтенант чувствовал себя неуверенно. Застенчивый по характеру, он выглядел моложе своих лет и смущался при необходимости отдавать команды. Однако война вырабатывала характер, и к Антони пришла зрелость.

Возмужавший на фронте Иден показал себя спокойным, распорядительным и исполнительным офицером. У него складывались неплохие отношения с солдатами и еще лучшие - с офицерами. 19-летнего Идена назначили батальонным адъютантом - он стал самым молодым адъютантом в английской армии. В 1917 году Антони руководил вылазкой во вражеские траншеи и проявил при этом большую личную храбрость: когда шедший с ним сержант был тяжело ранен, Иден дотащил его через прополочные заграждения до своих окопов, за что был награжден военным крестом. Вскоре он получил звание капрала и был переведен в штаб бригады, а войну закончил в штабе 1-й английской армии. Однако демобилизация задерживалась. Еще в течение года Иден служил, занимаясь учетом оставшегося от боевых действий военного имущества, и лишь в 1919 году он смог сменить капитанскую форму на штатский костюм.

Армейская служба благоприятно сказалась на формировании личности Идена. Война закалила его характер, внушила уверенность в собственных силах и возможностях, выявила в нем способности организатора и руководимая, о которых мало кто подозревал ранее.

После демобилизации - Идену в то время было 22 года - встал вопрос, что делать дальше. Старший в роду - Тимоти унаследовал баронский титул, став восьмым бароном Иденом, и все отцовское состояние.

Гаков английский закон. Младшие должны думать о себе сами, опираясь на поддержку семьи, ее связи и влияние. Как правило, младшие члены аристократических семейств шли на государственную службу; в армию, в колониальную администрацию, в дипломатию, в государственный аппарат. Обычно их уже с детства готовили к тому, поскольку заранее известно, кто станет наследником титула и поместья, а кому

придется добиваться места по.! солнцем самостоятельно.

Армия не прельщала Антони, он мечтал о карьере дипломата. Мать посоветовала поступить в Оксфорд, как повелось у Иденов издревле. Как ни трудно было вновь садиться за парту, но для вступления на дипломатическое необходима была основательная университетская подготовка.

Иден поступил в Оксфорд, в традиционный для его семьи колледж Крайст Черч, но избрал необычную специализацию - восточные языки. Он изучал персидский и и райский. Знание Востока открывало хорошие возможности для продвижения по дипломатической службе.

Многое может измениться в человеке под влиянием среды, условий, обстоятельств, но основа, как правило, остается прежней. Война сильно изменила характер Идена, однако в университетские годы Антони, как и в итонский период, держался замкнуто и обособленно, у него было мало друзей.

В Оксфорде весьма популярен Университетский союз - студенческая общественная организация. Там обычно пробуют свои силы и развивают ораторские способности многие, кто помышляет о политической карьере или просто интересуется политикой. Через эту организацию прошли видные политические деятели Англии. Иден же стоял в стороне от союза. Не участвовал он и в деятельности других аналогичных обществ, существовавших тогда в Оксфорде.

Его интересы лежали в других сферах. 20 ноября 1920 г. некоторые студенты получили за подписью Идена и двух его друзей краткое, отпечатанное на машинке письмо, в котором содержалось извещение о создании "общества Уффици", по названию известной картинной галереи во Флоренции, и приглашение вступить в него. Из письма явствовало, что предполагается пригласить для выступлений перед членами общества ряд видных художественных критиков и живописцев. В "общество Уффици", насчитывавшее 35 членов, привлекали лишь "избранных". На собраниях общества обычно заслушивались доклады о творчестве живописцев и скульпторов. Антони выступил с сообщением о постимпрессионисте Поле Сезанне. Биографы Идена единодушно отмечают его глубокую и оригинальную трактовку творчества Сезанна, свидетельствующую о наличии у автора тонкого художественного вкуса.

Иден участвовал и в университетском драматическом обществе, продолжая, как в детстве, увлекаться самодеятельными театральными представлениями, которые давались по праздникам в Виндлистоуне и в расположенном неподалеку имении лорда Февершема.

Более серьезными были занятия Идена в Азиатском обществе Оксфордского университета. Друзья Антони вспоминают о его участии в дискуссиях по проблемам Ближнего и Дальнего Востока. От матери Иден унаследовал любовь к путешествиям. В оксфордский период он с тремя приятелями предпринял большую поездку по Европе и Малой Азии.

В Оксфорде Иден воспитал в себе любовь к систематическому и упорному труду. Он работал регулярно не менее восьми часов в день - значительно больше, чем посвящали учебе другие студенты. Много трудился он и во время каникул. Все это дало положительные результаты в 1922 году Иден окончил Оксфордский университет с почетным дипломом первой степени.

Поступая в университет, Иден стремился к дипломатической карьере, то к окончанию курса его намерения изменились: он решил "пойти в политику". Это тоже соответствовало семейной традиции. Среди его предков были видные парламентарии, министры и даже премьер-министры Англии. Вопрос о выборе партии перед ним не стоял. Аристократ по рождению, связанный прочными классовыми и идейными узами с консерваторами, старший в семье, где господствовали консервативные традиции, он всегда считал, что борьба за цели консервативной партии является делом, которому стоит посвятить жизнь.

Объективные обстоятельства облегчали Идену достигшие поставленной цели. Потери Англии в войне, как отмечает один из английских авторов (допуская известное преувеличение), "включали почти все обещающее и лучшее, что имела нация". Для Идена этот печальный итог стал по-своему благоприятным. Резко сократилось число конкурентов на поприще политической деятельно-. т. п продвигаться по лестнице успеха стало легче. Кто знает, может быть, именно это обстоятельство и подвигло Идена отказаться от спокойной дипломатической службы и избрать менее надежную, но зато более заманчивую политическую карьеру.

Страна в это время бурлила. Война ускорила ранее медленно происходившие процессы в экономике, политике, идеологии. В России произошла социалистическая революция. Революционная волна докатилась до Центральной Европы. Дыхание революции чувствовалось и в Англии. Правящие круги страны лихорадочно пытались изучить новые условия, понять, куда идет мир, и отыскать надежные средства для сохранения в новой обстановке своего привилегированного положения.

Воина подвергла суровому испытанию английскую экономику. Так называемые старые отрасли промышленности - добыча угля, металлургия, судостроение - сократили свое

производство. Расширились новые отрасли: химия, автомобилестроение, самолетостроение, машиностроение, связанные с производством вооружения. Однако нм процессы происходили стихийно и болезненно сказывались на общем экономическом положении страны.

Экспорт английских товаров в годы войны сократился, и теперь в очень трудных условиях велась борьба за отвоевание утраченных рынков. Своих финансовых ресурсов для ведения войны у Англии оказалось недостаточно, пришлось занимать у Соединенных Штатов Америки большие суммы и частично распродать имевшиеся капиталовложения за границей. Государственный долг возрос в десять раз.

Одновременно в стране происходила усиленная концентрация производства и капитала. Капиталисты создали Федерацию британской промышленности, объединившую 18 тыс. фирм. Война принесла огромные прибыли буржуазии. Появилась новая мощная группа предпринимателей и банкиров, наживших на военном бизнесе крупные состояния. Первые два послевоенных года в промышленности и торговле наблюдался искусственный бум: население лихорадочно раскупало предметы первой необходимости, которых оно в значительной степени было лишено во время войны. Однако покупательная способность вскоре иссякла. В 1920 году бум сменился кризисом, а затем наступила длительная депрессия.

Страна вступила в войну в условиях подъема рабочего движения. Империалистический, захватнический характер войны, перекладывание на плечи трудящихся ее тягот и жертв, хищная погоня буржуазии за военными прибылями вызвали крайнее обострение классовых противоречий и огромный рост забастовочного движения. Бастовавшие выступали за конфискацию военных прибылей, национализацию ряда отраслей промышленности, за демократический мир. Численность профсоюзов, их организованность росли. Победа Великой Октябрьской социалистической революции в России стимулировала рост революционных настроений у английского пролетариата. Рабочие с нетерпением ожидали окончания войны и отмены военного положения, с тем чтобы еще более активно повести борьбу за свои экономические и политические права.

Многоопытная и дальновидная английская буржуазия сознавала, что после войны классовая борьба развернется с новой силой. Поэтому заранее были приняты меры с целью ослабить будущие выступления трудящихся. Кабинет министров в то время возглавлял либерал Ллойд Джордж. Выходец из народных низов, умный и ловкий политик, он служил правящим классам более

мудро и эффективно, чем это делали бы их прямые представители.

И правительство применило старый английский традиционный метод - оно попыталось подкупить рабочий класс.

Были сделаны серьезные, правда, краткосрочные экономические уступки трудящимся. В начале 1918 года осуществлена реформа избирательного права, увеличили число избирателей с 8 до 21 млн. человек.

В результате широкие массы трудящихся получили право избирать в парламент. В том же году была проведена реформа системы народного образования, которая должки облегчить получение образования детьми трудящихся.

Сразу после того, как 11 ноября 1918 г. было подписать перемирие, закончившее первую мировую войну, практически все профсоюзы Англии предъявили предпринимателям свои требования. Как правило, рабочие требовали сокращения рабочего дня, повышения заработной платы и восстановления ограниченных в годы войны прав профсоюзов. Отказ удовлетворить эти требования означал забастовку. Положение правительства осложнялось тем, что в армии начались восстания, дело дошло до создания Советов. Правительство хотело подольше сохранить массовую армию для борьбы против революции вовне и против рабочего движения внутри страны, но вынуждено было прочно демобилизовать ее.

Страну потрясали мощные стачки. В январе 1919 года началась всеобщая стачка в промышленном районе реки Клайд (Шотландия). Бастующие заняли городское управление города Глазго и подняли над ним красный флаг. Затем в движение пришла более чем миллионная армия горняков. Всеобщая забастовка охватила железные дороги. Правительство и предприниматели маневрировали. С одной стороны, они давали понять, что не остановятся перед применением вооруженной силы для подавления стачек, с другой - вели дело к компромиссу и шли на временные уступки трудящимся. В условиях подъема массового рабочего движения в стране и под влиянием победы Октябрьской революции в России в Англии активизировались революционные элементы. В 1920 году они объединились и создали Коммунистическую партию Англии.

К концу 1920 года правительство и предприниматели исподволь перешли в контрнаступление. В октябре правительство провело через парламент закон, дававший ему чрезвычайные полномочия для борьбы против выступлений рабочего класса. Это было прямое отступление от хваленой английской демократии, от буржуазно-демократических свобод, являвшихся гордостью

Англии. Весной 1921 года, когда вновь обострился конфликт в угольной промышленности, руководители профсоюзов железнодорожников и транспортников предали шахтеров, вероломно отказав им в обещанной поддержке. Это дало возможность правительству и шахтовладельцам нанести поражение горнякам. Вслед за горняками потерпели поражение и другие отряды рабочего класса. Буржуазия брала реванш, но ненадолго. Ближайшее будущее таило в себе еще более мощные классовые битвы.

Неспокойно было и в обширной Британской империи, над которой, как гордо заявляли колонизаторы, "никогда не заходит солнце". Действительно, английские колониальные владения, разбросанные по всему земному шару, занимали после первой мировой войны площадь почти в 16 млн. кв. км (в 64 раза больше площади метрополии). Население колоний насчитывало 432 млн. человек. Это значит, что на одного англичанина работали девять колониальных рабов.

Война, революция в России стимулировали развитие национально-освободительного движения в колониальной империи Англии. Еще было далеко до того момента, когда солнце английского владычества окончательно закатилось, но грозные предвестники этого были налицо.

Самая старая и самая близкая от Лондона колония - Ирландия восстала весной 1916 года. Английское правительство устроило ирландцам "кровавую пасху", жестоко подавив восстание. После окончания мировой войны свободолюбивые ирландцы провозгласили свою родину республикой, начали создавать новые органы власти. Англичане применили силу. Военные действия продолжались в течение трех лет. Английские регулярные войска и вспомогательные части чинили самые изощренные зверства в напрасных усилиях сломить сопротивление ирландцев. Эти действия вызвали протесты английского общественного мнения, возмущение народов всего мира.

И все же Англия, великая империалистическая держава Англия, по количеству населения в десять раз превосходящая Ирландию (в материальном отношении это превосходство было еще большим), не смогла справиться с освободительной борьбой ирландского народа. В декабре 1921 года был подписан договор, по которому Англия признала существование ирландского свободного государства. Это было крупнейшее поражение британского империализма.

В Лондоне с тревогой следили за нарастанием недовольства в Индии - крупнейшей жемчужине английской имперской короны.

13 апреля 1919 г. в городе Амритсаре командование расстреляло мирный митинг. В результате организованной бойни 379 человек было убито и 1200 ранено. Это было сделано, чтобы запугать свободолюбивые силы в Индии. Английское правительство им преподнесло генералу Дайеру, организовавшему эту кровавую бойню, денежную награду в 20 тыс. ф. ст. Колебания индийской буржуазии и помещиков помешали широкому развертыванию освободительного движения в Индии, по ненадолго.

В Египте, находившемся под протекторатом Англии, и 1919 году развернулось мощное народное восстание против английского господства. Восстание было подавлено силой, но через два года египтяне восстали вновь. К 1922 году Англии пришлось отказаться от протектората над Египтом. Правда, ряд привилегий в "независимом королевстве Египет" Англия все же сумела сохранить еще на четверть века.

Национально-освободительная борьба в Британской империи развивалась и углублялась, энергично размывая основу британского влияния в послевоенном мире. Не все и английских верхах отдавали себе отчет, куда идут события. Лорд Керзон, министр иностранных дел, так рисовал послевоенное положение Англии: "Никогда еще английский флаг не развевался над более мощной, чем сейчас, и более единой империей. Никогда наш голос не звучал более веско в хоре народов при решении будущих судеб человечества". Керзон и иже с ним не понимали тогда, какая полоса начинается в истории их страны, как будет меняться положение в мире в самом ближайшем будущем.

То соотношение сил в империалистическом мире, которое сложилось в конце 1918 - начале 1919 года, было зафиксировано Парижской мирной конференцией. К началу конференции Англия уже достигла многих из тех целей, которые преследовала в первой мировой войне. Экономическое могущество Германии и ее конкуренция на мировых рынках были сокрушены, угроза со стороны германского военно-морского флота - устранена. Германские колониальные владения были заняты английскими и союзными им войсками. Англия оккупировала ценные в стратегическом и сырьевом отношении турецкие территории. Поэтому главная задача ее на Парижской конференции заключалась в том, чтобы удержать и закрепить мирным договором захваченное и завоеванное от посягательств со стороны своих союзников по войне.

Во многих отношениях ей удалось этого добиться. Англия и ее доминионы (самоуправляющиеся колонии) получили большую часть германских колоний и бывших турецких территорий. Вопросы, касающиеся Германии (ее границы, репарации, объем

вооруженных сил и др.), были решены в значительной степени в соответствии с английскими пожеланиями. Но Англия не хотела большого ослабления своего поверженного врага. Ей нужна была Германия послушная и в то же время достаточно сильная для борьбы с Советской Россией и в качестве противовеса Франции. Мнение Англии было учтено и при решении проблем Центральной и Восточной Европы.

Основной из выработанных на Парижской конференции договоров - Версальский содержал в себе и Статут Лиги Наций, являвшийся его неразрывной частью. Борьба по вопросу о том, какой должна быть международная организация - Лига Наций, была острой. Результатом явился компромисс, в своей основе близкий к английской идее. Была создана Лига, не имевшая в своем распоряжении необходимых реальных прав и средств для поддержания международного мира. Руководящая роль в этой организации принадлежала Англии и Франции. Поскольку политическое столкновение между Англией и Францией по вопросу о том, кому из них должна принадлежать ведущая роль в делах послевоенной Европы, закончилось к середине 20-х годов в пользу Англии, то и в Лиге Наций голос Англии был весомее французского голоса.

По-иному складывалась ситуация в отношении революционной России. Официальная Англия заняла в связи с Великой Октябрьской социалистической революцией резко отрицательную позицию. Англия вкупе с Францией, Японией, США и рядом других стран организовала вооруженную интервенцию в Советскую Россию, чтобы, опираясь на внутреннюю контрреволюцию, восстановить там капитализм. В тяжелой борьбе рабочие и крестьяне России разгромили внутреннего и внешнего врага. При этом они получили поддержку со стороны английских трудящихся и народов других стран. В Англии движение в поддержку Октябрьской революции получило наименование "Руки прочь от России!". Уинстон Черчилль, военный министр в правительстве Ллойд Джорджа и главный организатор антисоветской интервенции, писал после того, как в 1920 году английские трудящиеся превратили вступление Англии в войну против РСФСР на стороне белопанской Польши: "Всякая военная интервенция была невозможна. Ничего не оставалось, кроме слов и бессильных жестов... Под давлением общественно- 111 мнения Ллойд Джордж был вынужден уведомить польское правительство, что... британское правительство не может предпринять ничего против Советской России".

Правящие круги Англии были вынуждены также (хотя и

весьма неохотно) пойти на подписание с Советской Россией 16 марта 1921 г. полуторгового, полуполитического соглашения, означавшего признание Англией Советского правительства де-факто. Это был крупный успех советской внешней политики, обеспечивший тем самым прорыв общеимпериалистического антисоветского фронта.

Поражение английской политики в борьбе против сонм/мистической революции в России было не единственной неудачей Англии на международной арене. На Ближнем и Среднем Востоке в первые послевоенные годы ее также ожидали серьезные провалы. Англия пыталась военными средствами сохранить свое господство над Афганистаном, но безуспешно. Подписанный в августе 1919 гола договор с Афганистаном предусматривал ее отказ от контроля над внутренней и внешней политикой этой страны. Аналогичным образом закончилась и попытка навязать Ирану договор, превращавший эту страну в английский протекторат. Использование войск, подкупа, провокаций не дало положительных результатов. Установить английское господство над Ираном не удалось.

Сложный для Англии оборот приняли события в Турции. Турция потерпела поражение в войне, и в августе 1920 года державы-победительницы навязали ей Севрский мирный договор, расчленявший страну и ставивший ее в полную зависимость от англо-франко-итальянских империалистов. Но это был призрачный успех. Поднявшееся в Турции национально-освободительное движение смело Севрский договор. Английское правительство начало руками зависимой от него Греции войну против турецкого народа и потерпело в этой войне сокрушительное поражение. Впоследствии Англия в том или ином виде сохранила за собой ряд ранее принадлежавших Турции на Ближнем Востоке территорий, но добиться осуществления всех своих планов в отношении Турции не смогла.

Народы Афганистана, Ирана, Турции в своей борьбе против английского империализма получили неоценимую помощь со стороны Советской России. Советская интернационалистская поддержка сыграла важную роль в обретении этими народами политической свободы.

Радикальные изменения в экономическом положении Англии, в соотношении классовых сил внутри страны и за ее пределами, крайне усложнившаяся международная обстановка повлекли за собой крупные изменения в политической системе, при помощи которой английская буржуазия управляла страной. В период войны Англия оказалась в настолько трудном положении, что потребовалась консолидация всех сил правящих классов, чтобы

справиться с ситуацией. Это выразилось в создании коалиционного правительства, состоявшего из представителей как консерваторов, так и либералов. К участию в коалиции были привлечены и лейбористы. Коалиционное правительство - отступление от английской традиции. В Англии обычно предпочитают иметь однопартийные правительства. Но, поскольку и после окончания войны обстановка для английской буржуазии продолжала оставаться чрезвычайно сложной и опасной, коалиционное правительство во главе с либералом Ллойд Джорджем было сохранено до конца 1922 года.

Консерваторы и либералы представляли все слои английской буржуазии и все более сращивающейся с ней аристократии. На протяжении многих десятилетий они, чередуясь в правительстве в зависимости от исхода парламентских выборов, управляли страной. Такая расстановка политических сил сложилась еще в XIX веке и отражала тогдашнее внутреннее и внешнее положение Англии. Однако в начале XX века изменились условия, изменилось и положение партий. Либералы выражали интересы торговой и промышленной буржуазии и пользовались значительным влиянием среди мелкой буржуазии и части рабочего класса. Консерваторы были партией монополистического капитала и являлись самой реакционной политической силой в стране. Сдвиг английской буржуазии в сторону реакции накануне и в годы войны и обострение классовых противоречий привели к росту влияния консерваторов и ослаблению позиций либералов И в то же время в результате возросшей сознательности рабочего класса в его среде нарастало разочарование деятельностью либералов и усиливалось стремление к созданию своей политической партии. Такая партия и возни! а под названием лейбористской.

Лейбористы не были революционной партией. Это реформ истекая партия, которая никогда не стремилась и не стремится к проведению социалистической революции и к замене буржуазного строя социалистическим. Появление лейбористской партии на политической сцене Англии в начале XX века явилось результатом сознательной долговременной политики английской буржуазии, которая т пользовала часть огромных прибылей от эксплуатации многочисленных колониальных рабов для создания верхушке рабочих несколько лучших условий, чем условия существования основной массы пролетариата. Этот метод частичных уступок во имя сохранения целого, метод подкупа верхушки трудящихся для раскола, ослабления их рядов и привлечения на сторону буржуазии части рабочих английская буржуазия выработала и начала практиковать раньше других.

Руководящая роль в лейбористской партии с самого и.мчала и до сих пор принадлежит правым элементам, принимающим предложенные им правила игры. Когда лидеры лейбористов были допущены к власти в 1924 точу, они делом доказали свою благонадежность, и лейбористская партия заняла в двухпартийной политической системе Англии место либералов, которые благодаря поляризации сил, участвующих в классовой борьбе, в 20-х гм чах окончательно ушли с политической арены.

Постепенно лейбористская партия стала частью политической системы английского буржуазного государства. Поскольку основную массу ее членов составляют рабочие, а объективно они заинтересованы в замене буржуазного строя социалистическим, то есть в ликвидации буржуазного и в создании вместо него социалистического государства, лейбористская партия может выполнять. шло роль лишь при условии успешного обмана широких масс трудящихся. Поэтому лейбористы, когда они находятся у власти, проводят политику, объективно отвечающую интересам монополистической буржуазии, и в то же время убеждают трудящихся, что эта политика отвечает их интересам. Для того чтобы обман выглядел более убедительно, лейбористы идут на некоторые реформы и уступки трудящимся, не затрагивающие основ существующего строя. Покуда эта тщательно отработанная и выверенная система классового обмана действует, правые лидеры лейборизма нужны буржуазии, и они могут быть уверены, что их услуги будут вознаграждаться и материально (путем создания условий существования, равных условиям средней буржуазии) и морально - в виде допуска к государственной власти. Поскольку руководство партии, претендующей на представительство рабочего класса, осуществляет такой обман, оно совершает акт предательства в отношении этого класса. Владимир Ильич Ленин давно разоблачил предательскую сущность политики лидеров лейборизма и соответственно ее квалифицировал. Прошедшие с тех пор пять-шесть десятилетий убедительно подтвердили справедливость ленинской оценки.

Октябрьская революция энергично двинула вперед классовое, политическое сознание не только трудящихся России, но и других стран, включая Англию. Она подняла на новую, более высокую ступень роль народных масс в политической жизни соответствующих стран. Эта роль радикально возросла и в Англии. Английские трудящиеся наконец завоевали избирательное право. Такое право получили и женщины, ставшие в ходе войны важной силой в экономике, заменив в промышленности многих мужчин, ушедших на фронт. Условия

труда на заводах и фабриках продиктовали новую моду - викторианская юбка до пола уступила место укороченной юбке чуть ниже колена. Женщины получили не только новую моду, но и значительную экономическую самостоятельность; приходилось считаться с ними как с реальной силой.

По мере роста образованности, политической сознательности трудящихся и опыта классовой борьбы правящие круги должны были расширять, углублять, совершенствовать методы и способы идеологической обработки масс с тем, чтобы держать в порабощении их волю, ум, психику. Необходимость этого возрастала в связи с тем, что именно в то время наблюдался резкий упадок религиозности народных масс и, следовательно, религиозный рычаг идеологического воздействия в значительной степе- ни перестал выполнять свою важную функцию.

Правящие классы Англии издавна уделяли большое внимание обману угнетенных классов. Лицемерие и ханжество стали неотъемлемым элементом английской политической жизни.

Лиши отмечал, что английская буржуазия побила рекорд по отвратительному лицемерию. Теперь, в 20-х годах XX века, эти черты английской политической жизни приобрели особый размах. Лицемерие и ханжество обязательно присутствуют в выступлениях многих государственных и политических деятелей, в печати, литературе и искусстве. Поэтому так трудно по источникам того времени восстанавливать истинные мотивы действий английского правительства, политических партий, их отдельных партий.

Развитие науки и техники дало в распоряжение английских правящих кругов новые технические средства, многие весьма эффективно могли быть использованы ими для расширения идеологического воздействия на трудящихся. В Англии появляется массовая печать. Газеты, которые ранее были и по цене, и по содержанию доступны лишь буржуазному читателю, теперь "демократизируются", то есть приспосабливаются к широким слоям населения. На выпуске таких газет специализировались первые "короли прессы" - лорд Нортклиф, лорд Бивербрук и некоторые другие. Кинопромышленность вышла из периода становления и превратилась в важный инструмент идеологического воздействия. Наконец, появляется массовое радиовещание. Английское правительство в году создает специальную организацию - Британскую радиовещательную корпорацию и сразу же до предела использует ее возможности для травли горняков, которые объявили тогда всеобщую забастовку. В этом эпизоде, как в капле воды,

отразилась роль средств идеологического воздействия в английской жизни 20-х годов и последующих десятилетий.

К концу 1922 года английские правящие круги пришли к убеждению, безусловно преждевременному, что наиболее трудный для них период во внутренних делах и и мировой политике миновал и, следовательно, утратило смысл дальнейшее сохранение правительственной коалиции. В октябре 1922 года консерваторы приняли решение ч разрыве сотрудничества с либералами. Последствием и ого шага было создание однопартийного консервативного правительства и назначение новых выборов в парламент. Этой ситуацией и воспользовался Антони Иден для того, чтобы начать свою политическую карьеру.

Первый старт был для него (впрочем, как и для многих начинавших английских политиков) неудачным. Сразу же после окончания курса в Оксфорде Антони, используя связи семьи, сумел добиться выдвижения своей кандидатуры местной консервативной организацией в родном графстве Дарем, в избирательном округе Спиннимур. Перспективы не были особенно обнадеживающими. Место в парламент в избирательном округе оспаривали три кандидата - консерватор, лейборист и либерал. Поскольку основную массу избирателей составляли горняки с местных угольных шахт, естественно, что они отдали свои голоса лейбористскому кандидату. Иден по числу собранных голосов - 7576 - занял второе место, либерал оказался на третьем.

Для 25-летнего консерватора, дебютировавшего в рабочем по составу избирательном округе, это был не такой уж плохой результат. Иден собрал приличное число голосов и сохранил свой избирательный взнос. Английский закон предусматривает, что кандидат в депутаты при его выдвижении вносит залог в 150 ф. ст. Если он соберет менее одной восьмой всех поданных в избирательном округе голосов, залог пропадает; если более - залог возвращается. Это правило ограничивает возможности выдвижения кандидатов из среды бедняков.

Победы не получилось, но поражение не было ни сокрушительным, ни позорным. Избирательный округ Спиннимур предпочел лейбориста консерватору не только в 1922 году; на протяжении ряда десятилетий, до конца политической карьеры Идена ни одному консерватору не удалось одержать здесь победу.

Иден и его покровители сразу же занялись подысканием более надежного избирательного округа. Вскоре случай помог найти такое место. Консервативный депутат парламента от округа Уорвик и Лимингтон стал членом палаты лордов, - и тем самым его место в палате общин оказалось вакантным. В Уорвике были назначены внеочередные выборы.

Перед местной организацией консервативной партии (такие организации существуют во всех избирательных округах; их главной задачей является проведение в парламент депутатов-консерваторов) встал вопрос о кандидате взамен выбывшего. В претендентах не было недостатка. 18 октября 1923 г. исполком местной организации консерваторов пригласил Антони Идена выступить на собрании в Лимингтоне в связи с его возможным избранием в качестве кандидата. У молодого человека пока никаких заслуг перед консерваторами не было. Правда, он неплохо провел в сложных условиях избирательную кампанию год назад, но все же победы не добился. Его достоинствами были лишь хорошее происхождение и прекрасная внешность: высокий рост, стройная фигура, правильные черты лица, красивые глаза под густыми бровями. благородных очертаний лоб и пышная шевелюра. Иден всегда умел изящно, со вкусом одеваться. Говорили, что во всей Англии никто не может так изысканно завязать галстук, как Антони. Он обладал ровной, спокойной манерой держаться. На выборах в буржуазных странах всему этому придается большое значение.

Когда на заседании исполкома местной организации консерваторов кто-то заикнулся: "Иден еще так молод", влиятельный лорд Брок воскликнул: "Молод, черт возьми! Но у него есть мозги, и он решил делать парламентскую карьеру. Я предсказываю ему блестящее будущее". Иден в ответ обязался с течением времени устранить беспокоящий присутствующих недостаток - молодость - и скромно (а это всегда хорошо действует на любую аудиторию) признался, что, к несчастью, у него еще нет такого приносимого многолетней деятельностью преимущества, как политический опыт. Он дал обещание коммутировать это безграничным энтузиазмом и преданное м к) делу консерватизма.

Избирательная кампания 1923 года в округе Идена затянулась. Не подошел еще срок голосования на внеочередных выборах, как были объявлены всеобщие парламентские выборы. Это было вызвано серьезными политическими событиями, к которым Иден никакого отношении не имел.

На протяжении многих десятилетий Англия придерживалась в экономической политике принципа "laisser faire", то есть свободы торговли и невмешательства государства в игру экономических сил. В период английского экономического превосходства этот принцип себя оправдывал. Однако конкуренты Англии его не соблюдали. Они вели ожесточенную борьбу за внешние рынки сбыта, оградив свой внутренний рынок мощными стенами таможенных тарифов. Многие годы в Англии шли споры

относительно отказа от свободной торговли и перехода к протекционизму. Наконец, в 1923 году тогда еще молодой консервативный премьер-министр Стэнли Болдуин решил, что время для изменения экономической политики настало. В Англии существует традиция, согласно которой крупные политические повороты правительство может осуществлять лишь в том случае, если оно предварительно выступало с соответствующими предложениями на всеобщих парламентских выборах и получило на них "мандат народа". Нет нужды говорить, что политические партии соблюдают эту традицию лишь в том случае, если считают, что это им выгодно. Болдуин счел целесообразным "обратиться к стране" по вопросу о введении протекционизма, распустил парламент, в котором консерваторы имели большинство, и назначил новые выборы.

На этих выборах Идену повезло. Его популярности способствовали два обстоятельства: женитьба и то, что одним из противников на выборах была его экстравагантная родственница.

Антони Идеи выбрал себе подругу жизни не в аристократических, а в финансовых кругах. В Англии давно повелось, что брачные союзы заключаются аристократией крови с аристократией денег. Таким путем укрупняются состояния, а младшие отпрыски аристократических семей обеспечивают себе безбедную жизнь.

Избранницей Антони стала Беатрис Бекетт, дочь банкира. Венчание состоялось в разгар избирательной кампании, 5 ноября 1923 г., в фешенебельной церкви святой Маргариты в Лондоне. "Медовый месяц" молодые провели в графстве Сассекс, он был рекордно коротким - два дня. И сразу же Антони вновь окунулся в избирательную кампанию. Женитьба молодого кандидата в парламент в сочетании с весьма импонирующей внешностью привлекли на его сторону симпатии многих избирателей, и прежде всего женщин.

Противником Идена на выборах, выступавшим от лейбористской партии, была графиня Уорвик. Графиня в роли представительницы партии английских рабочих выглядела весьма необычно. Что это было - чудачество аристократки или проявление с ее стороны истинного интереса к социальным проблемам? Трудно сказать. Пикантность ситуации усугублялась тем, что Антони был дважды родственником "левой" графини. Она была свекровью его сестры, вышедшей замуж за лорда Брука, наследника графства Уорвик; кроме того, жена Идена Беатрис сама состояла в родстве с графиней. Таким образом, выборы в парламент выглядели как семейное дело Иденов.

Выборы принесли ему победу. Он получил 16 337 голосов,

либерал - 11 134, графиня-лейбористка - 4 015. Победа Идена выглядела особенно внушительно потому, что в целом в стране консерваторы потерпели поражение: если в прежнем парламенте они имели 345 мандатов, то теперь только 258. Итак, в 26 лет Антони Иден прошел в парламент от округа Уорвик и Лимингтон. Его позиции в этом округе впоследствии настолько упрочились, что он представлял его в парламенте непрерывно на протяжении 33 лет.

Выборы 1923 года показали, что избиратели не одобряют предложения лидера консерваторов Стэнли Болдуина о введении протекционизма: сыграли свою роль опасения, что протекционизм вызовет повышение цен на продукты питания. Правительству пришлось подать в отставку. Сложным оказался вопрос о преемнике Болдуина. Даже после неудачи на выборах у консерваторов оставалось большинство в парламенте, но как потерпевшие поражение они формировать правительство не могли. Следующей по числу мандатов была лейбористская партия, имевшая 191 место. Либералам принадлежало лишь 159 мест. По традиции в таких случаях правительство формирует вторая по силе партия. Таковой на этот раз оказалась лейбористская партия. В правящих кругах не было ясности в том, как поведут себя лейбористы, оказавшись у власти. Не станут ли они проводить действительно социалистическую программу, если не по собственным убеждениям, то под давлением рядовых членов партии? В конце концов решили проделать опыт, дав лейбористам возможность сформировать правительство, а если оно будет вести себя "неразумно", то свалить его простым голосованием в парламенте, ибо консерваторам и либералам принадлежало большинство.

В такой ситуации Антони Иден впервые вступил под готические своды палаты общин в Вестминстере. Это было старое здание парламента, просуществовавшее до 1942 года, когда его разрушили немецкие бомбы.

Первое в истории Англии лейбористское правительство было поручено сформировать лидеру партии Рамзею Макдональду. Выходец из семьи шотландского учителя, Макдональд в юности, покинув Шотландию, перебрался в Лондон, где примкнул к лейбористскому, или, как в Англии предпочитают говорить, "социалистическому" движению. У Макдональда были внушительная внешность, прекрасные манеры, хорошо поставленный голос. Однако, по свидетельству близко знавших его людей, за этой внешностью скрывался мелкий интриган, человек безграничного тщеславия и самомнения. В душе он презирал и боялся английских рабочих и был так же

последователен в своей вражде к Советскому Союзу и коммунизму, как консерваторы.

Среди лейбористов есть много субъективно честных людей, озабоченных положением трудящихся при капитализме и стремящихся своей деятельностью в лейбористской партии улучшить их судьбу. Но пробиться наверх этим людям почти не удается. За семь десятилетий существования партии выработались такие ее структура и процедура партийной жизни, которые тщательно и надежно отфильтровывают и не допускают в высшие руководящие органы партии людей действительно революционных убеждений или тех, кто по своим убеждениям мог бы осуществить радикальные меры, изменяющие английскую социально-экономическую систему в пользу трудящихся и в ущерб буржуазии.

К руководству партией приходят, как правило, карьеристы чистейшей воды, хорошо сознающие, что сделать карьеру в условиях буржуазного государства можно, лишь находясь в услужении у этого государства. Они - продукт британской политической системы. На протяжении столетий в Англии вырабатывалось отношение к политической деятельности как к своеобразному бизнесу. Для английских буржуазных деятелей политическая деятельность - это не способ служения народу, обществу или идее, а средство делать карьеру, приносящую в случае крупного успеха власть и деньги. В этом смысле правые лейбористские лидеры ничем не отличаются от обычных буржуазных политиканов.

Таким же в принципе был и Макдональд. Он не только стал премьер-министром, но и взял на себя руководство министерством иностранных дел. Другие члены правительства также были из числа правых лейбористов. Среди них было и несколько чисто буржуазных деятелей, которых Макдональд включил в состав кабинета для придания ему в глазах буржуазии большей респектабельности.

И все же создание первого в истории Англии лейбористского правительства явилось важным событием в жизни страны. Отныне лейбористская партия становилась одной из двух чередующихся у власти правящих партий, либеральная партия практически сходила с исторической сцены, уступив свое место лейбористам. С этой новой расстановкой сил должны были считаться и консерваторы. одним из представителей которых в палате общин ныл Антони Иден. Молодой консерватор начинал политическую жизнь в интересное время.

4 февраля 1924 г. он выступил в парламенте. Первая речь вновь избранного депутата является как бы его крещением. Ее

ждут. Как-то покажет себя начинающий политик? Редко-редко какой-либо очень способный молодой политик поразит своим выступлением палату и надолго оставит сильное впечатление. Обычно же такие речи бывают самыми заурядными, и им аплодируют из чистой вежливости. Первая парламентская речь Антони Идена принадлежала как раз к этой категории. Он сам это понимал и впоследствии с неудовольствием вспоминал свой дебют, называя его "незрелой попыткой".

Иден выступил в связи с резолюцией, которую консерваторы внесли на рассмотрение палаты, по вопросу об ассигнованиях на военно-воздушные силы. Резолюция гласила: "Англия должна располагать военно-воздушными силами для обороны ее собственной территории, достаточно мощными для того, чтобы обеспечить необходимую патрону от воздушного нападения со стороны самой сильной авиации, находящейся на расстоянии авиационного удара от ее берегов". Это был 1924 год. Никто тогда еще не мог угрожать Англии, и слова об "обороне" - обычное лицемерие, которое так затрудняет чтение английских политических материалов. На деле в тех условиях резолюция консерваторов была призывом к гонке вооружений.

Иден, разумеется, поддержал требование своей парит. Правда, он оказался в несколько неудобном положении, когда его спросили, с чьей, собственно, стороны ожидается авиационное нападение, и вынужден был прижиться, что не знает этого, но тут же потребовал, чтобы правительство в порядке страховки обеспечило защиту Англии от опасности нападения с воздуха". Затем он поднялся" до рассмотрения проблем военной стратегии вообще, заявив, что "нападение является наилучшим средством обороны".

Все биографы Идена сходятся в том, что его первое выступление в палате общин было неудачным, бледным, но некоторые из них считают, что в конечном итоге это пошло ему на пользу: он не вызвал зависти и недоброжелательства у своих коллег. Наиболее суров в своей оценке Рандольф Черчилль. "В дальнейшем, - пишет он, - речи Идена часто писали для него другие люди... Его же первая речь была написана им самим". И далее ядовитый биограф продолжает: "Сплошные штампы, полное отсутствие всего, что хотя бы отдаленно граничит со спорностью или оригинальностью мысли и формы, как будто были замечены теми, кто готовил его речи через пятнадцать или двадцать лет. Невидимки, готовившие его речи и коммюнике, когда он достиг положения, дававшего ему возможность пользоваться их услугами, достойны похвалы за то, что при сотрудничестве с ним строго придерживались образца, каковым являлась его первая

парламентская речь".

Антони Иден всю жизнь стремился приобретать друзей или хотя бы доброжелателей и строго придерживался правила не наживать врагов. Именно поэтому, подготавливаясь к выступлениям, он заботился прежде всего о том, чтобы никого не задеть. Идеи, как отмечает его биограф Рис-Могг, "при обсуждении проекта той или иной своей речи пройдется по нему со всей тщательностью и, если обнаружит в нем фразу, которая покажется излишне резкой или острой, удалит ее. Это делает речи несколько скучными, но исключает возможность кого-либо задеть".

Иден дебютировал в момент, когда волна пацифизма, явившегося своеобразной реакцией на первую мировую войну, захлестнула многие страны, в том числе и Англию. Широкое распространение получило осуждение войны как аморальной акции, крепли настроения в пользу разоружения, росла вера в Лигу Наций как поборника дела мира. Речь Идена прозвучала диссонансом этим настроениям. И не случайно. Иден шел в ногу со своей партией, а консерваторы-империалисты не только желали, но и официально требовали новых вооружений. В этом смысле первая речь Идена помогает лучше понять характер его деятельности в годы, когда он стал министром по делам Лиги Наций.

Последующие выступления Идена не имели четко выраженной направленности. Он как бы еще ищет, нащупывает область, на которой надлежало сконцентрироваться. В 1924 году Иден выступает по поводу мирного договора с Турцией. Выступление удачное, ибо оратор говорит о том, что хорошо знает! Иден уже тогда был знатоком Ближнего Востока. В то же время он участвует в обсуждении жилищного вопроса, рассуждает о пособиях семейным военнослужащим и даже занимается критикой памятника принцу Альберту - супругу королевы Виктории. "Альберт-мемориал" не нравится Идену, он называл его национальным несчастьем".

Молодой депутат часто посещал свой избирательный округ, произносил там речи. Ведь за избирателями полагается систематически ухаживать, чтобы они не подумали, что их депутат зазнался и пренебрегает теми, кто его послал в парламент. Лишь самые маститые политики с устоявшейся нерушимой репутацией могут позволить себе реже бывать у своих избирателей. До этого Идену было еще далеко.

Вскоре связи Идена с избирателями подверглись очередной проверке. Первое лейбористское правительство просуществовало менее года: в октябре 1924 года состоялись новые всеобщие

выборы.

Правые лейбористы, формирующие правительство, в период пребывания у власти находятся как бы между молотом и наковальней. Рядовые члены партии, голосами которых их лидеры проводятся в парламент и получают право на создание правительства, нетерпеливо ожидают от "своего" правительства мероприятий по улучшению их положения. В то же время буржуазные круги пристально следят за деятельностью лейбористского правительства, чтобы оно "не шло на поводу у безответственных элементов" и не слишком затрагивало интересы капиталистов. Правительство не может игнорировать ни одну из этих сил. Отсюда - лихорадочное маневрирование, в результате которого трудящиеся получают весьма незначительные уступки, как правило, не превышающие того, на что пошло бы и консервативное правительство под нажимом народных масс.

Кабинет Макдональда был вынужден учитывать единодушное требование английских рабочих установить нормальные дипломатические отношения с СССР. Отношения были установлены в феврале 1924 года, а в августе были подписаны общий и торговый договоры между двумя странами. Примерно в это же время по требованию рабочих правительство было вынуждено прекратить им же начатое несколько ранее судебное дело против редактора коммунистической газеты Кэмпбелла. Предпринятая в парламенте консерваторами и либералами атака против правительства по данным вопросам привела к тому, что правительство распустило парламент и назначило новые выборы.

Выборы вошли в историю благодаря так называемому "Письму Коминтерна". В разгар избирательной кампании консерваторы опубликовали в своей печати поддельное письмо, якобы исходившее от Коминтерна, в котором шла речь о подготовке вооруженного восстания в Англии. Что это была фальшивка, стало ясно сразу же. Цель фальшивки - напугать английского избирателя "ужасами революции" и тем самым побудить его проголосовать не за лейбористов, а за консерваторов. Хотя в правящих кругах Англии имелась полная ясность относительно характера "документа", руководимый Макдональдом Форин Оффис направил Советскому Союзу ноту протеста. Тем самым фальшивке авторитетом правительства был придан характер подлинного документа. Даже король Георг V отметил тогда в своем дневнике, что нотой по поводу фальшивки МИД "поставил премьер-министра и его партию в затруднительное положение". А ведь нота была отредактирована самим Макдональдом!

Так консерваторы и Макдональд обеспечили поражение

лейбористов и решительную победу консервативной партии на выборах 1924 года. Консерваторы овладели властью на пять лет.

Для Идена новые выборы прошли благополучно. Его авторитет в избирательном округе возрос. Он активно выступал по тем двум вопросам, вокруг которых шла борьба, осуждал правительство лейбористов за то, что оно прекратило преследование редактора коммунистической газеты Кэмпбелла. Речи Идена были выступлениями заурядного консерватора-антисоветчика, поносившего "правительство большевиков, действующее по мотивам, враждебным Британской империи и всему тому, что она отстаивает". Стоит ли удивляться, что молодой политик - империалист и аристократ - занял такую позицию в отношении страны, народ которой устранил эксплуататоров и поднял знамя борьбы против империализма, наиболее ярким воплощением которого была тогдашняя Англия?

Консервативное правительство снова сформировал Стэнли Болдуин - крупный промышленник, тесно связанный с тяжелой индустрией. Он представлял среднее поколение консервативных лидеров. Из "старой гвардии" в его правительство вошли Остин Чемберлен (пост министра иностранных дел), сын известного бирмингемского промышленника и популярного политического деятеля конца XIX века, и Уинстон Черчилль, человек выдающихся способностей и огромной воли. В стремлении пробиться к власти Черчилль в свое время изменил консервативной партии и переметнулся к либералам. Теперь, когда звезда вигов закатилась, Черчилль бросил тонущий корабль либералов и вернулся назад, к консерваторам. Болдуин, посягавший, что лучше иметь Черчилля соратником, чем врагом, принял "блудного сына" и максимально вознаградил его, дав портфель министра финансов (самый важный пост после премьер-министра).

Правительство Болдуина стремилось к спокойствию как во внутренней, так и во внешней политике. Но успеха оно не имело. В 1926 году достигло кульминации забастовочное движение: в стране - впервые в английской истории - разразилась всеобщая стачка, парализовавшая экономическую жизнь и потрясшая социальную структуру страны. Во внешних делах соперничество с Францией закончилось в пользу Англии после подписания Локарнских соглашений, которые были призваны упрочить британский выигрыш по послевоенному мирному урегулированию. В то же время Лондон выступал последовательным врагом Советского Союза и попытался, хотя и неудачно, организовать новую интервенцию в Страну Советов. Кроме того, Англия вела активную борьбу против китайской

революции. На поверку оказалось, что Болдуину и тем, кого он представлял, спокойствие было нужно "на их условиях".

Иден продолжал делать политическую карьеру. В Англии буржуазные деятели строят ее в основном двумя способами. Какая-либо сильная личность своими выступлениями в парламенте привлекает к себе внимание руководителей своей партии оригинальностью выдвигаемых идей или силой критики в адрес противников. Личность эту замечают и, по возможности, удовлетворяют ее честолюбие. Часто это делается не потому, что такой деятель очень нужен партии в данный момент, а затем, чтобы он в поисках более надежных путей наверх не перебежал и другую партию. Другой путь, наиболее распространенный, состоит в том, что молодой политический деятель псом своим поведением стремится доказать лидерам парши свою полную надежность, дисциплинированность, работоспособность, скромность, умение с уважением относиться к старшим коллегам, прислушиваться к их пожеланиям. Способности и инициатива хороши и здесь, но они должны проявляться так, чтобы не выглядели упреком другим.

Антони Иден настойчиво продвигался именно этим путем. В консервативной партии положение было в те годы неустойчивое, позиции Болдуина - недостаточно прочными. В этих условиях не мудрено было и просчитаться. Но Иден все же сделал ставку на Болдуина.

Он хорошо понимал устремления Болдуина как во внутренней, так и во внешней политике и в своих выступлениях развивал аргументацию, подтверждавшую и обосновывавшую линию Болдуина. Было бы неверно утверждать, что Иден тем самым шел вразрез со своей совестью, со своими убеждениями. И концепция Болдуина, и спокойная, без ненужного шума и аффектации манера проведения ее в жизнь соответствовали спокойному, чуждому склонности к авантюрам характеру Идена. Это обстоятельство весьма упрощало положение молодого парламентария.

"Короли прессы" - лорды Бивербрук и Ротермир через свои газеты "Дейли экспресс" и "Дейли мейл" вели атаку на Болдуина. Они требовали свернуть активность Англии на Ближнем Востоке. Иден проявил безусловную решимость, определенно и безоговорочно выступив против "королей прессы", в защиту своего лидера. Трудно сказать, была ли это верная интуиция, подсказавшая, что в конце концов победа останется за Болдуином, или просто случайная удача, которая иногда помогает даже игрокам на скачках.

Иден занял активную позицию поддержки Болдуина и в его

борьбе против либерала Ллойд Джорджа. Болдуин сыграл в 1922 году активнейшую роль в ликвидации коалиции консерваторов с либералами. Ллойд Джорджу пришлось отойти от власти, и он превратился в последовательного критика консерваторов вообще и Болдуина в частности. Тот платил ему в ответ устойчивой ненавистью. Если верна мысль, что люди ненавидят тех, кому они причинили когда-то зло, то отношение Болдуина к маститому лидеру либералов подтверждает ее.

Стэнли Болдуин был достаточно умным политиком, энергичным организатором партии. Однако на фоне таких ярких, оригинальных деятелей, как, скажем, Ллойд Джордж или Черчилль, он выглядел весьма бледно. Болдуин это понимал и усвоил соответствующую манеру поведения. Со своей неизменной трубкой и простовато-хитроватой улыбкой он походил на преуспевающего фермера, с успехом занимающегося разведением свиней (кстати, это и было одним из его хобби). Лорд Биркенхед, вспоминая совместную работу с ним в коалиционном правительстве Ллойд Джорджа, говорил: "Болдуина считали дурачком". Когда в 1923 году Болдуин впервые встал по главе правительства, противники назвали его правительство "кабинетом, состоящим из второклассных умов". Честолюбцам, как правило, очень трудно признать чье- либо превосходство над собой. Как мог принять это Болдуин, достигнув в государстве высшей власти и завоевав полиции лидера партии? Он ничего не прощал ни Ллойд Джорджу, ни другим.

Иден тоже не упускал случая покритиковать противника своего лидера. Хотя обычно Антони не выступал систематически против какого-либо определенного деятеля, чтобы не создавать в его лице постоянного противника, однако в случае с Ллойд Джорджем он отступил от этого правила и нападал на него систематически на протяжении ряда лет, что очень импонировало Болдуину.

"Иден, - пишет Рандольф Черчилль, - как и многие другие амбициозные молодые люди консервативной парши, быстро понял, что под руководством Болдуина продвинуться можно скорее скромной и безоговорочной службой партии и правительству, чем демонстрацией своей личности и воли перед палатой общин. Продвижение осуществлялось главным образом не за заслуги и выдающиеся способности, а за постоянную преданную службу партии и правительству".

В 1925 году Иден наряду с парламентской деятельностью занимался журналистикой. Отец его жены был I-о ил а дельцем солидной провинциальной газеты "Йоркшир пост", и Антони время от времени помещал там статьи о работе парламента под

псевдонимом "Заднескамеечник", а также рецензии на книги и критические статьи о живописи. Летом того же года в качестве представителя "Йоркшир пост" Иден принял участие в имперской пресс-конференции, проходившей в Австралии. Он всегда любил путешествовать, а на этот раз путешествие было длительным (оно заняло около полугода) и интересным и доставило Идену большое удовольствие.

В группу входили ряд молодых деятелей, сделавших впоследствии заметную карьеру, а также приобретшая затем скандальную известность реакционная общественная деятельница леди Астор с супругом. Путь лежал пароходом в Канаду, затем поездом через Канаду от атлантического до тихоокеанского побережья. Оттуда опять по морю, с остановкой на живописных Гавайских островах, в Новую Зеландию и Австралию. Возвращались через Индийский океан, с остановкой на Цейлоне.

Корреспонденции, которые Иден посылал во время пути в свою газету, свидетельствуют о его стремлении понять проблемы, стоявшие перед Британской империей. Но глубоко вникнуть в них автор не смог. Читатели скептически замечали, что "серьезная" информация, содержавшаяся в статьях, заимствовалась из туристских путеводителей. Все, однако, признавали удачным описание Иденом пейзажей, в чем сказывался его художественный вкус. Как бы там ни было, но, возвратившись в Англию, Иден издал эти статьи в виде небольшого томика под названием "Место под солнцем", предисловие к которому написал сам Стэнли Болдуин. Тот факт, что лидер партии и премьер-министр счел необходимым представить читающей публике молодого рядового члена парламента, заставлял предполагать многое. После этого стали говорить, что молодой Иден - протеже Болдуина. А это было немало для человека, начинающего политическую карьеру.

Человек, читающий речи и статьи Идена, произнесенные и написанные им в течение семи лет до того, как он получил первый правительственный пост, неизменно приходит к выводу, что их автор всеми силами стремился действовать в строгом соответствии с позицией своей партии и ее лидеров. Публичные выступления Идена дают материал для оценки его убеждений, как они сложились к концу 20-х годов, корда закончилось формирование его как личности.

Консервативная партия объединяет людей, политические взгляды которых в целом отвечают интересам английских монополий, но различаются в части, касающейся средств, при помощи которых эти интересы должны обеспечиваться. В партии четко выявляются два крыла: правое и левое. Если правые

деятели партии (Хикс, Черчилль и др.) были сторонниками применения силы в борьбе с рабочим движением, то ряд молодых консерваторов считали возможным и необходимым предотвратить классовые столкновения путем организации "сотрудничества" промышленников с рабочими. Лидер партии Болдуин находился где-то в центре, Иден - чуть левее центра.

Крайнее обострение классовой борьбы в 1926 году побудило консерваторов искать средства предотвращения подобных взрывов. Усилиями промышленников и правых профсоюзных лидеров был выработан механизм "сотрудничества" между предпринимателями и рабочими. Эта система стала известна под именем "мондизм" (по имени сэра Альфреда Монда, который вел переговоры с Генеральным советом тред-юнионов). Мечту консерваторов о классовом мире удачно изобразил карикатурист тех лет Макс Бирнбом. На его рисунке Болдуин радостно наблюдает, как представители капитала и труда пожимают друг другу руки, а над ними сверкает радуга.

В этом направлении развивались и взгляды Идена на классовую борьбу. Он выступал за то, чтобы устранить забастовки. "Целью консерваторов, - говорил Иден, - должно быть возможно более широкое распространение частного владения собственностью с тем, чтобы дать каждому рабочему возможность стать капиталистом". Для этого предлагались весьма неопределенные меры помощи промышленности со стороны государства. Необходимо, утверждал Иден, "развивать проекты сотрудничества в промышленности. Чтобы идеал консерваторов был достигнут, рабочие в промышленности должны иметь всевозрастающую личную заинтересованность в ее прогрессе. Этому будет сопутствовать большая заинтересованность в благополучии промышленности".

Нужно было ничего не смыслить в характере отношений между трудом и капиталом, в экономических проблемах вообще, чтобы предлагать превратить каждого рабочего в капиталиста. Сам Альфред Монд был далек от таких иллюзорных проектов. Иден же как будто всерьез перил в это. Публикуя свои воспоминания спустя 35 лет, он приводит без каких-либо оговорок свои рассуждения па эту тему, относящиеся к 1929 году.

Консерваторы понимали, что им необходимо постоянно работать над "приручением" верхушки рабочего класса, обрабатывая в нужном направлении руководителей лейбористской партии и профсоюзов. Интересен совет Болдуина молодым консервативным депутатам парламента, как им вести себя с лейбористскими депутатами.

"Хотя, - говорил Болдуин, - у вас имелись лучшие

возможности для получения образования, вы не очень полагайтесь на это. Они знают значительно больше, чем вы, о страховании от безработицы. А главное, никогда не позволяйте себе саркастических замечаний по их адресу".

Идея замены классовой борьбы классовым "сотрудничеством" объединила группу молодых консерваторов, в которую кроме Идена входило еще полдюжины деятелей. Они условились встречаться раз в неделю за обедом, чтобы обсуждать различные политические проблемы, а также тесно сотрудничать в парламенте. "Стэнли Болдуин, - пишет Иден, - относился с большой симпатией к нашей небольшой группе, разделяя наши юношеские идеи о прогрессивном консерватизме".

Если в области внутренней политики Иден и его единомышленники стремились к смягчению общественных противоречий и классовой борьбы, то в международном плане они выступали за применение крайних мер и средств в борьбе против Советского Союза. Английские консерваторы многое сделали для обострения международной обстановки во второй половине 20-х годов. Они устроили в Англии и за ее пределами ряд крупных провокаций против СССР, а в 1927 году разорвали с ним дипломатические отношения. В то время весьма активизировались попытки ведущих империалистических держав организовать новую вооруженную интервенцию против СССР. Консервативное правительство Англии было тогда главным врагом Советского Союза. В декабре 1927 года XV съезд ВКП(б), отметив в своих решениях обострение противоречий между странами буржуазного окружения и СССР, констатировал, что "под руководством консервативного лондонского кабинета реакционные элементы международной буржуазии начали подготавливать почву для вооруженного нападения на СССР".

Антони Иден целиком и полностью разделял и поддерживал враждебную СССР политику Болдуина и его министра иностранных дел Остина Чемберлена. Он часто выступал в палате общин, высмеивая идею заключения договоров с СССР, нормализующих отношения между двумя странами, пугая "советской опасностью" соседей СССР и рассуждая о "подрывном" характере советской пропаганды.

Последняя тема особенно настойчиво звучала в его выступлениях, и не случайно. Свыше двадцати лет, от Октябрьской революции до второй мировой войны, английские правящие круги упорно требовали от СССР прекращения "антианглийской пропаганды". Да и в последней четверти века они нередко затрагивали эту тему. В чем же здесь дело?

Известно, что Советский Союз никакой подрывной

пропаганды против Англии никогда не вел. Он приложил огромные усилия к нормализации отношений между двумя странами, и не его вина, что эти отношения, за исключением периода 1941 - 1945 годов, неизменно оставались неудовлетворительными. Английская сторона, ставя вопрос о "пропаганде", по существу, требовала, чтобы был изменен характер всей публикуемой в СССР информации об Англии. А это значит, что советские газеты, журналы и книги должны были бы освещать внутреннюю жизнь Англии и ее внешнюю политику не с марксистско-ленинских, а с выгодных британской буржуазии позиций: например, умалчивать о причинах классовых столкновений в стране, об эксплуатации Англией многочисленных колоний, об империалистическом характере ее внешней политики и т. д. Иначе говоря, правящие круги Англии требовали, чтобы в этих вопросах наш идеологический фронт сошел с марксистских позиций и перешел на буржуазно-объективистские. Разумеется, Советский Союз не мог не отвергнуть подобных претензий.

Постановка английской стороной этого вопроса свидетельствовала о многом: об остроте идеологической борьбы, о том, что существование СССР открывает глаза английским трудящимся и помогает разорвать ту плотную, многослойную пелену лжи и обмана, которой их все время окутывает буржуазная система идеологического порабощения, парализуя их волю к борьбе.

В английской политической жизни лицемерие и обман в различных формах и тончайших проявлениях играют, пожалуй, большую, чем в любой другой стране, роль в поддержании господства буржуазии. Именно это дает возможность английским правящим кругам заявлять претензии на особый "демократизм" Англии. И именно это делает английскую политическую буржуазную систему особенно чувствительной ко всему, что разоблачает ее лживость и лицемерие.

Естественно, что в своих выступлениях Иден большое внимание уделял проблемам Британской империи, особенно после кругосветного турне в 1925 году. Из своего путешествия Иден вынес уверенность, что существует взаимная заинтересованность в тесных связях между метрополией и доминионами. Его поразило, как мало знают в Англии о жизни в доминионах, и наоборот. Пожалуй, это единственный вопрос, поставленный им в книге "Место под солнцем". Если учесть, что в тот момент доминионы вели упорную борьбу за расширение своих политических прав и спустя год добились признания своей самостоятельности в области внутренней и внешней политики, а

также юридического равенства с Англией, то можно сделать вывод о явном нежелании или неспособности автора раскрыть истинное положение дел в Британской империи.

Той же линии Иден придерживался и в дальнейших своих выступлениях по имперским проблемам. Он пытался разъяснять, что большой процент неудачных переездов из Англии на постоянное жительство в доминионы, заканчивающихся возвращением обратно, обусловлен тем, что эмигранты плохо готовятся к выезду и не знают заранее условий, с которыми столкнутся на новом месте. Это было любимой темой его выступлений. Однако вскоре в них зазвучали и более серьезные мысли: Иден ратовал за введение предпочтительных тарифов в торговле между странами империи. Не сам он, конечно, изобрел эту идею: консерваторы давно готовили данную меру и через несколько лет осуществили ее. Выступления Идена по имперским проблемам побудили одного из его биографов впоследствии заметить, что "они создали ему престиж в высших сферах" и были "явно рассчитаны на то, чтобы понравиться престарелым империалистам".

Примечательна также позиция Идена в отношении Соединенных Штатов Америки. С самого начала своей политической карьеры он был убежден, что сотрудничество с США крайне важно для внешней политики Англии. "Достижение большей степени взаимопонимания между нашей страной и Соединенными Штатами, - говорил он в апреле 1929 года, - самая важная цель, которую может правительство Англии поставить перед нами... Это самая важная гарантия сохранения международного мира в грядущие годы".

По мере того как к Идену приходила политическая зрелость, он начинал видеть шире и глубже, поняв, что противоречия между Англией и США, особенно в борьбе за мировые рынки, весьма серьезны, Но это не изменило его позиции в принципе. Такая определенность линии Идена в отношении США сделала его впоследствии наиболее популярным в Америке английским министром иностранных дел.

О сохранении мира в приведенном выше высказывании Идена говорится так, будто само собой разумеется, что это являлось целью английской внешней политики. В дальнейшем он будет многие сотни, а может быть, и тысячи раз говорить о мире подобным образом. Поэтому необходимо разобраться в значении этого выражения в устах Идена, как и многих других английских буржуазных политиков, выступающих в роли миротворцев.

Англия - империалистическая держава, а внешней политике империализма органически присуще стремление к агрессии и

войне. Однако было бы неверно утверждать, что в империалистической, в данном случае английской, политике такое стремление проявляется в каждый конкретный момент. Если интересы Англии в какой-то период времени обеспечены соответствующим международным урегулированием, то она видит свою выгоду в сохранении этого урегулирования и в предотвращении войны, поскольку последняя могла бы его ликвидировать или нарушить. Так было, например, после первой мировой войны, когда Англия была заинтересована в сохранении версальской системы.

Иначе говоря, английская политика заботится о сохранении только такого мира, который отвечает ее интересам. Если условия мира не соответствуют интересам Англии, ее правящие круги ищут выгодного для них решения в войне, разумеется, по традиции приняв меры к тому, чтобы переложить ее основную тяжесть на плечи других. Поскольку английские интересы присутствуют в различных районах земного шара, часто возникает ситуация, когда Англия хлопочет о мире в одном месте и в то же время идет на подготовку или развязывание войны в другом.

В 20-х годах, например, английское правительство не было заинтересовано в нарушении мира в Западной Европе, но одновременно было не прочь организовать вооруженную интервенцию против СССР и вело борьбу против китайской революции. Как справедливо замечает один из видных специалистов по истории Англии В. И. Попов, "английские правящие круги пошли на обострение отношений с Советской страной, поставив перед собой задачу организовать против нее систему дипломатических и военных союзов, с тем чтобы подготовить антисоветскую войну". В 30-е годы Англия также не хотела войны на Западе, но упорно готовила и провоцировала войну Германии против СССР. А зигзагообразную линию своей внешней политики британские правящие круги маскируют разговорами о мире, ибо им нужно держать народ в состоянии постоянного обмана и неведения относительно истинного характера этой политики. Самое слово "мир" в лексиконе английских политиков - одно из наиболее часто употребляемых. Вероятно, некоторые из них являются жертвой собственной пропаганды и воспринимают это слово в его прямом значении. Но только некоторые.

Общественное мнение многих стран в 20-30-е годы связывало надежды на мир с деятельностью Лиги Наций. Иден не разделял таких надежд. Вспоминая 20-е годы, он говорит: "Я не был пацифистом". Но не был он и убежденным сторонником Лиги

Наций, ибо не верил в возможности этой организации или толковал их весьма ограничительно. "Я надеялся, - пишет он, - что Лига будет полезна главным образом тем, что создаст условия государственным деятелям различных стран для встреч и обмена мнениями". Точно так же думал и Болдуин, видевший ценность Лиги в содействии обсуждению международных проблем представителями европейских стран. В выступлениях Идена по поводу Лиги Наций господствуют скептицизм и вера в то, что многосторонние соглашения (блоки типа Локарно) наилучшим образом отвечают английским интересам.

В этой сфере взгляды Идена также целиком и полностью соответствовали позиции его партии и консервативного правительства. Англия в отличие от Франции всегда хотела видеть Лигу слабой и беспомощной, которая была бы лишь форумом для дискуссий по международным проблемам. В симпатиях к Локарно и в скептическом отношении к Лиге находило свое выражение неизменно отрицательное отношение Англии к идее коллективной безопасности, наблюдавшееся на протяжении ряда десятилетий XX века.

К концу 20-х годов Иден выработал для себя довольно четкую концепцию международных отношений, которой придерживался затем до конца своей политической карьеры. Эта концепция, в которой прагматический подход к проблемам английской внешней политики переплетается с несколько идеалистическими посылками в оценке действий стран и правительств, является весьма примитивной даже с точки зрения ряда ученых буржуазного мира. Иден совершенно не учитывает глубинных мотивов в действиях народов и правительств. Экономические противоречия как одна из движущих сил в мировой политике вообще не принимаются им в расчет.

Он ищет корни всех международных неурядиц и войн в человеческой природе, в настроениях и чувствах народов. По Идену, устранить возможность войны можно, только переделав, видоизменив соответствующим образом "настроения" народов. "Ожидать, - заявлял он, - что Лига Наций изменит человеческую природу в течение одного или двух лет, было бы нелепым предположением". И далее: "Вы не измените при помощи той или иной организации в течение одного дня настроения народов. Для этого нужно время". Подобная смесь прагматизма и идеализма у буржуазных государственных деятелей встречается и в наше время. Но особенно она была распространена в годы, когда развертывалась активная политическая деятельность Идена.

Главное в концепции Идена - его понимание роли и места Англии в мировой политике. Здесь он явный империалист,

идущий по стопам многочисленных предшественников в ногу со своей партией. Еще на заре своей карьеры Иден говорил: "Делом первейшей важности является то, чтобы наше влияние как стабилизирующей нации в Европе было сильным", что на деле означало претензию на английскую гегемонию в Европе. Борьбе за эту цель Иден отдал многие годы своей жизни.

В 1925 году произошло важное событие в карьере Идена - он стал личным парламентским секретарем заместителя министра внутренних дел Локер-Лэмпсона. Пост незавидный, сопряженный со многими технико-организационными делами в палате общин и к тому же неоплачиваемый: просто личный помощник, да еще не у министра, а у его заместителя. Однако этот пост дал молодому политику многое.

У Локер-Лэмпсона были хорошие отношения с министром иностранных дел Остином Чемберленом, у которого он сам некоторое время был личным парламентским секретарем. Поэтому когда помощник Чемберлена Ламли уходил в отставку, то Чемберлен обратился к Локер-Лэмпсону за советом, кого взять на его место. Локер-Лэмпсон порекомендовал Идена. Ламли присоединился к этой рекомендации (они были друзьями с Антони еще с университетских лет). Чемберлен, уже составивший мнение об Идене на основании его выступлений в парламенте, прислушался к этим рекомендациям и сделал Идена своим парламентским секретарем. То был важный шаг по пути наверх. Именно он окончательно определил дальнейшую судьбу молодого парламентария. Через 30 лет Иден, вспоминая об этом назначении, напишет: "Я с удивлением думаю сейчас, как быстро двинули меня в политическую стратосферу".

Назначение состоялось в июле 1926 года. К этому времени Иден уже в течение трех лет выступал в парламенте. Его новые обязанности сводились к тому, чтобы быть связующим звеном между членами парламента и министром и сообщать ему соображения депутатов по проблемам внешней политики. В силу этого парламентский секретарь по традиции не может выступать (во всяком случае часто) по вопросам, относящимся к компетенции его шефа. Для Идена это было огорчительно - ведь он уже вошел во вкус дискуссий по международным проблемам.

Однако такое неудобство с лихвой компенсировалось огромными преимуществами, которые давала новая должность. Все биографы сходятся на том, что Идену крупно повезло, когда он был принят "на выучку" к Остину Чемберлену. Молодой политик оказался в центре об- суждения правительственного курса и принятия внешнеполитических решений. Тесные отношения с Чемберленом сулили поддержку этого весьма

влиятельного в те годы консервативного деятеля и министра, открывали (в случае если помощник сумеет понравиться министру) перспективу большой карьеры в области внешней политики. Иден обладал всеми данными, чтобы "прийтись ко двору" у Чемберлена (ровный, выдержанный характер, образование, исполнительность, подкупающая внешность), и старался наилучшим образом выполнять свои новые обязанности. Это снискало ему благосклонность Чемберлена, которой он пользовался затем до самой кончины своего покровителя.

Работа у Чемберлена привела Идена в Женеву, в штаб-квартиру Лиги Наций, задолго до того, как он стал министром по делам Лиги Наций. Через несколько недель после того, как состоялось назначение Идена, Чемберлен предложил своему помощнику поехать с ним в Женеву, но за свой счет, ибо жесткие правила Форин оффис не предусматривали финансирования таких поездок для лиц иденовского ранга. Антони не имел тогда возможности принять это предложение, но уже через год он смог сопровождать министра на сессию Лиги Наций.

Тогда Совет Лиги Наций заседал четыре раза в год, и соответствующие страны обычно были представлены министрами иностранных дел. Германия была введена в Лигу в 1926 году, и, следовательно, в Женеве собирались министры всех крупных и средних держав, за исключением СССР и США. Сессия Совета продолжалась неделю, и у министров имелась возможность для частных встреч и бесед друг с другом, которым придавалось большее значение, чем дебатам в Совете.

"Я поехал в Женеву, - вспоминает Иден, - без особого чувства уверенности. Мое настроение можно определить скорее как настороженный интерес, сочетающийся с некоторым скептицизмом". Однако первый вояж в Женеву доставил ему немалое удовольствие. Поездка министра иностранных дел сама по себе была тогда событием. На железнодорожном вокзале "Виктория" министра и сопровождавших его лиц провожали в цилиндрах начальник вокзала и чиновники Форин оффис. В Дувре их встречал, а затем провожал на пароход начальник порта. На французском берегу министра приветствовал мэр города Кале. Затем - переезд поездом до Парижа и непременный обед в английском посольстве. Вечером группа отправлялась ночным поездом с Лионского вокзала в Швейцарию. На вокзале в Женеве прибывших встречал весь штат английского представительства при Лиге Наций. Так было в те годы. Со временем протокол значительно упростился.

Английская делегация остановилась в гостинице "Бо риваж", расположенной на берегу Женевского озера. Это была постоянная

резиденция Чемберлена и его спутников во время пребывания в Женеве. Неподалеку от "Бо риваж", в гостинице "Отель де Берже", находившейся на берегу Роны, размещалась штаб-квартира французского министра Бриана. Чемберлен встречался со своими партнерами за ленчем и обедом. На ленч приходил Штреземан, министр иностранных дел Германии. За столом шла беседа о международных проблемах. Присутствовавший на министерских трапезах Антони Иден внимательно слушал. На его глазах делалась "большая политика", здесь он проходил курс наглядного обучения британской дипломатии.

Если личные дела Идена двигались от хорошего к лучшему, то положение в Англии развивалось как раз в обратном направлении. Реакционная внутренняя и внешняя политика правительства консерваторов вызывала все большее недовольство внутри страны. К 1929 году, когда должны были состояться очередные парламентские выборы, по свидетельству английских историков, "страна была разочарована и измучена... и жаждала перемен". Естественно, что консерваторы потерпели поражение на выборах, потеряв 159 мест в палате общин. Лейбористы одержали победу, прибавив себе 28 мандатов. Кабинет Болдуина подал в отставку, и Макдональд сформировал второе лейбористское правительство.

Иден, однако, успешно прошел через испытания избирательной кампании и вновь был избран. Успехи в парламенте поднимали его авторитет в глазах избирателей. Положение Идена в округе Уорвик и Лимингтон становилось все более прочным. В соответствии с традицией он зачастил перед выборами в свой округ, приезжал туда вместе с женой и принимал активное участие в различных вечерах с развлечениями и танцами, организуемых местными консерваторами. Избирательный округ был расширен, и кандидату пришлось объезжать многочисленные деревни, выступая с речами. Иден рассказывал, что как-то вечером, приехав в деревню, он застал аудиторию, состоящую из агента консервативной партии и двух репортеров местной газеты. Все равно пришлось выступать. Избирателей нужно уважать и никоим образом не проявлять к ним пренебрежения. Иначе потеряешь голоса.

В 1930 году на Англию, как и на другие капиталистические страны, обрушился острейший экономический кризис, тяжесть которого усугублялась тем, что до этого английская экономика не прошла стадию подъема. Промышленное производство резко сократилось. Бурно росла безработица. Народные бедствия вели к обострению классовой борьбы. Правительство металось в поисках выхода за счет трудящихся.

Когда в 1931 году пошатнулся фунт стерлингов, Макдональд попытался спасти положение, уменьшив пособия безработным и другие социальные расходы. В условиях глубокой нужды, царившей не только среди безработных, но и среди многих работающих, это было провокационным вызовом рабочему классу. Ярость рабочих была так велика, что лейбористские министры (за исключением трех) не посмели поддержать предложение Макдональда. Тогда премьер пошел на прямое предательство и сговорился с Болдуином и лидерами либералов о создании коалиционного правительства. Консерваторы сохранили пост премьера за Макдональдом, а три министерских портфеля - за другими перебежчиками из лагеря лейбористов. Таким был фасад. Реальная же власть в правительстве оказалась в руках консерваторов. Заместитель премьер-министра Болдуин являлся гораздо больше премьер-министром, чем сам Макдональд, которому было позволено ряд лет лицедействовать на политической авансцене. Созданное тогда "национальное правительство" просуществовало со многими модификациями полтора десятилетия. Лейбористская же партия долго не могла оправиться после перебежки ее лидеров в стан противника.

Все эти пертурбации оказались Идену на руку. Консервативная партия пробыла в оппозиции чуть более двух лет. Это были нелегкие годы в ее истории. Трудности, переживаемые английским капитализмом, вызвали ожесточенную борьбу мнений внутри партии относительно дальнейших путей развития Англии и ее империи. К этому прибавлялись личные амбиции и борьба за власть в партии. Уинстон Черчилль создал группу "Лига защиты Индии" и предпринял отчаянную попытку, как отмечает Тэйлор, устранить Болдуина от руководства консервативной партией, атакуя его политику в отношении Индии. Болдуин устоял. Устоял он и тогда, когда "газетные короли" Бивербрук и Ротермир образовали Объединенную имперскую партию с целью свалить Болдуина и изменить имперскую политику консерваторов. Во всех этих случаях Иден оставался верен группе Болдуина, что вскоре принесло свои плоды.

Время пребывания консерваторов в оппозиции Иден использовал для дальнейшего изучения международных отношений, путешествовал, встречался за границей с осведомленными людьми, порой выступал в парламенте по внешнеполитическим проблемам. Восхождение продолжалось, хотя и незаметно для широкой аудитории.

В 1932 году предстояла международная конференция по разоружению, и правительство начало заранее готовиться к ней. В марте 1931 года Макдональд решил создать трехпартийный

(лейбористы, консерваторы и либералы) комитет для подготовки к конференции. Консерваторов должны были представлять Остин Чемберлен, Сэмюэль Хор (бывший министр авиации) и Антони Иден, включенный в состав кабинета по предложению Болдуина и Чемберлена. Это было огромное доверие для молодого политика.

Председательствовал в комитете Макдональд, ряд министров присутствовали на его заседаниях. Либералов представлял Ллойд Джордж. Комитет работал в течение года, его заседания проходили обычно в кабинете премьер-министра в здании палаты общин. То был первый опыт участия Идена в обсуждении международных проблем на самом высшем уровне - на уровне кабинета министров. И, как признался Иден позднее, опыт ему понравился. Теперь он мечтал получить младший министерский пост. Дело шло к тому, что осуществление этой мечты "маячило", если повезет, в недалеком будущем. "Свой" во всех отношениях человек не мог долго оставаться в стороне. Буржуазная Англия нуждалась в людях, которые могли бы активно и умело бороться за интересы Британской империи.

Глава II. НА ПЕРВОМ ЭТАПЕ ПОЛИТИКИ "УМИРОТВОРЕНИЯ"

На второй день после создания "национального правительства" Филипп Сноуден, один из соратников Макдональда, сказал ему, что он приобретет очень большую популярность в аристократических кругах. Макдональд, восторженно потирая руки, ответил: "Да, завтра все герцогини в Лондоне захотят расцеловать меня". Человек безмерного тщеславия, он всю жизнь добивался, чтобы эти круги признали и приняли его. Теперь, после перебежки Макдональда в их лагерь, эта мечта сбылась.

Макдональд был исключен из лейбористской партии как предатель и как таковой вошел в историю английского и международного рабочего движения. Зато правящие круги щедро оплатили оказанную Макдональдом услугу. Они сохранили за ним пост премьер-министра до 1935 года, а затем до его кончины в 1937 году - министерский пост лорда-президента совета. Сыну Макдональда Малькольму в "национальном правительстве" в 1931 году был предоставлен портфель заместителя министра по делам доминионов. Через четыре года Малькольм Макдональд - уже министр по делам колоний и член кабинета. Сын лейбориста, сам лейборист - во главе ведомства, задача которого состоит в подавлении национально-освободительного движения и сохранении господства английского империализма над сотнями миллионов колониальных рабов!

Такова английская политическая традиция. Она не может не

вызывать возмущения у тех, кто является искренним поборником интересов трудящихся. Но вызывать удивление она не должна. С тех пор как общество разделилось на антагонистические классы, существует практика использования господствующими кругами выходцев из угнетенных классов в государственном аппарате и в иных сферах для навязывания своей воли и проведения своей политики. Такие выходцы, как правило, действуют усерднее хозяина (им ведь нужно заслужить доверие, продемонстрировать благонадежность и выслужиться!) и с большим знанием дела, поскольку они лучше знают среду, из которой вышли. Еще в древнем Риме существовала практика, когда бывшие рабы-вольноотпущенники достигали высоких государственных должностей и служили классу рабовладельцев.

Прошли десятилетия, а буржуазные мемуаристы и историки все еще восхваляют Макдональда. Кстати, Иден в 1962 году писал, что сформирование Макдональдом "национального правительства" представлялось ему "необходимым и мужественным актом". Да иначе и быть не могло: официальная английская пропаганда и идеология считают своей важной задачей облагораживать и превозносить любое классовое предательство в пользу буржуазии. Английским правящим кругам нужно, чтобы было как можно больше макдональдов, больших и маленьких. И в то же время правительственно-буржуазная пропаганда приходит в бешенство, если какой-либо выходец из буржуазии начинает (что бывает редко) искренне и благородно выступать в защиту трудящихся. Его будут поносить и травить до конца его дней. Примером может служить Хьюлет Джонсон, настоятель Кентерберийского собора.

В коалиционном, или "национальном"[1], правительстве состав кабинета, то есть руководящего ядра правительства, состоящего из министров первого класса (у них даже жалованье больше, чем у обычных министров), был небольшим - десять человек. Четыре места были предоставлены Макдональду и его соратникам - бывшим лейбористам. Кроме Макдональда, сохранившего милостью консерваторов пост премьера, Филипп Сноуден остался министром финансов, Томас получил портфель министра по делам колоний и доминионов и лорд Сэнки - лорда-канцлера. Подобная щедрость к группе Макдональда со стороны консерваторов объяснялась просто: правительству предстояло провести ряд мер по преодолению экономического кризиса за счет трудящихся, мер крайне непопулярных, и Болдуин считал, что в интересах его партии сделать ответственными за эти меры в глазах народа Макдональда и компанию.

Консерваторы взяли себе также четыре портфеля. Болдуин

стал лордом-президентом совета и заместителем премьера, Невиль Чемберлен (сводный брат Остина) получил пост министра здравоохранения, Сэмюэль Хор - министра по делам Индии и Канлиф Листер - министра торговли. Два либерала - Герберт Самуэль и лорд Ридинг возглавили министерства внутренних и иностранных дел соответственно.

Идену оказался на руку крах лейбористского правительства и замена его "национальным". Если бы этого не произошло, следующие выборы в парламент состоялись бы лишь в 1933 году (палата общин избирается на четыре года), и Идену пришлось бы довольствоваться ролью "заднескамеечника" партии, находящейся в оппозиции, еще минимум два года. Теперь же перед ним досрочно открылись большие возможности.

Антони Иден быстро обретал заметное положение в партии. Но человек так уж устроен, что как бы энергично ни двигался он по пути успеха, ему и в голову не придет, что темп его продвижения вполне достаточен. Поэтому неудивительно, что в 1931 году, когда одно правительство сменялось другим, Иден мечтал о том, чтобы его не забыли. Он полагал, что может рассчитывать на пост младшего министра. Но, конечно, уверенности в этом не было и быть не могло. Ведь за министерские посты шла острейшая борьба между тремя партиями и внутри каждой из них. Да к тому же он был еще очень молод и в парламенте заседал лишь восемь лет.

27 августа 1931 г. Иден записывает в дневнике, что в этот день завтракал с Остином Чемберленом, который сказал, что у Антони есть шансы получить пост в министерстве иностранных дел и что он заручился согласием на это лорда Ридинга, назначенного министром иностранных дел. Болдуин тоже будет говорить с Ридингом в этом плане. Судя по всему, Болдуин с большим энтузиазмом относился к кандидатуре Идена, чем к любой другой. "Министерство иностранных дел, - записывает Иден, - да еще при условии, что министр находится в палате лордов, - это больше, чем то, на что я надеялся, и я не думал, что мне удастся получить этот пост".

На следующий день в дневнике появляется запись: "Предложение последовало должным образом. Нельзя быть более добрым, чем был ко мне Стэнли Болдуин. Он сказал, что хочет, чтобы я пошел в министерство иностранных дел. Он предполагал направить меня туда и в том случае, если бы наша партия одержала победу на выборах. Болдуин добавил, что рассматривает меня как "потенциального министра иностранных дел" через десять лет и поэтому хочет, чтобы я как можно скорее приобрел опыт. К сожалению, существует препятствие.

Макдональд желает, чтобы его сын получил пост в Форин оффис. Болдуин не намерен соглашаться на это. Ридинг, как и Болдуин, хочет, чтобы я был в министерстве иностранных дел... Сын Макдональда получит пост в министерстве доминионов. Во всяком случае "один из этих двух постов будет ваш...". Я сказал ему, что из этих двух предпочел бы Форин оффис. Болдуин заметил: "Еще бы, еще бы"".

Болдуину действительно не просто было обеспечить Идену пост заместителя министра. Поскольку правительство являлось коалиционным, каждая из трех партий добивалась для себя определенного количества портфелей, и всех нужно было по возможности удовлетворить. Да и в самой консервативной партии были молодые способные деятели, имевшие не меньше, чем Иден, права претендовать на пост заместителя министра иностранных дел, например Дафф Купер.

Решающую роль в этом назначении сыграло то, что Болдуин видел в Идене надежного человека, которому можно доверять и на которого можно положиться. Что касается объективных данных, то Иден ими обладал: он на протяжении ряда лет занимался в парламенте внешнеполитическими сюжетами, прошел выучку у Остина Чемберлена - видного представителя старой консервативной гвардии, знал внутреннюю жизнь министерства и был неплохо осведомлен о положении дел в Европе и на Ближнем и Среднем Востоке.

К 1 сентября вопрос решился, и Иден стал заместителем министра иностранных дел[2]. Тем самым было положено начало почти 24-летнему периоду, на протяжении которого Иден с небольшими перерывами находился у руля английской внешней политики.

Иден стал не просто заместителем министра, в его компетенцию входила ответственность за деда его министерства в палате общин. По английским традициям министр-лорд имеет право выступать только в палате лордов, но не в палате общин. Поскольку лорд Ридинг был в верхней палате, выступать по вопросам внешней политики в палате общин должен был Иден. Это придавало дополнительный и весьма значительный вес его назначению.

В этой связи у Идена возникали иногда неприятные ситуации. В Форин оффис после министра вторым лицом является постоянный заместитель министра. Партии могут сменять друг друга в правительстве, министры приходят и уходят, а постоянный заместитель остается на своем посту, несмотря на все эти перемены. Он неограниченный руководитель аппарата МИД, всей его внутренней деятельности, он же готовит, используя

аппарат, предложения для министра по вопросам компетенции министерства. Министр по традиции считается с мнением своего постоянного заместителя и, как правило, всегда следует его советам. Постоянный заместитель в те годы, пропуская все донесения из-за рубежа через свои руки, размечал их министру и некоторым другим членам кабинета. До Идена же такие материалы доходили только на обратном пути от министра. Можно себе представить его смущение, когда сидящие в парламенте на казначейской скамье, то есть в первом ряду, члены кабинета, прочтя, скажем, шифровку из Парижа, начинали обсуждать с Иденом донесение посла, которого он еще не видел.

Но все это были мелочи по сравнению с тем, что Антони Иден в 34 года стал уже заместителем министра иностранных дел.

Иден получил свой пост в трудное для Англии и для мира время. В 1931 году Япония напала на северо-восточные провинции Китая (Маньчжурию). Этим агрессивные силы зажгли первый очаг надвигавшейся второй мировой войны. В Германии поднимал голову и рвался к власти фашизм.

Английская экономика билась в тисках экономического кризиса. Охваченные паникой правящие круги предпринимали чрезвычайные меры, чтобы справиться с экономическими трудностями. "Национальное правительство" провело ряд мер по сокращению пособий безработным, снизило заработную плату государственным служащим, сократило жалованье личному составу вооруженных сил. Естественно, эти меры натолкнулись на энергичный отпор со стороны народных масс, хотя правительство лицемерно утверждало, что оно руководствуется "равенством жертв для всех". Английский король, чтобы продемонстрировать "равенство жертв", добровольно пошел на сокращение своего цивильного листа. Шум в прессе по этому поводу был поднят невероятный. Наглядным примером "равенства жертв" служит сокращение жалованья военным морякам: рядовым - на 25%, а старшим офицерам - на 3,7%. В результате стихийно возникло восстание на судах эскадры, стоявшей на рейде базы Инвергордон. Отказала одна из главных опор империалистической Британии - флот. Зашаталась и вторая опора - фунт стерлингов. Пришлось пойти на крайние меры - отменить его золотой паритет.

Консерваторы считали, что в их интересах провести досрочные выборы в парламент и, воспользовавшись кризисом в лейбористской партии, получить в палате общин устойчивое большинство. Это дало бы им свободу рук на следующие четыре года. Выборы состоялись в октябре. Перебежка лидеров обернулась для лейбористов сокрушительным поражением. Они потеряли 236 мест, получив лишь 52. Зато консерваторы вместо 260 мандатов, которыми они располагали до выборов, теперь получили 473. Это обеспечило консерваторам абсолютное большинство в палате общин, позволявшее осуществлять любые их планы.

Иден без труда прошел в новый парламент. Он собрал на 29 тыс. голосов больше, чем его противник лейборист. После объявления итогов голосования Иден появился на балконе местного клуба консерваторов и заявил собравшейся толпе: "Я думаю, что сегодня мы поработали для Англии лучше, чем когда-либо ранее". Вероятно, он имел в виду не только собственный успех, но и победу своей партии.

Коалиция консерваторов, либералов и группы Макдональда просила у избирателей "докторский, мандат" для лечения разбитой кризисом Англии. И получила его. Лечение состояло в новом туре снижения пособий безработным! Ответом были мощные демонстрации и митинги протеста, массовые рукопашные схватки с полицией. Консерваторы постепенно,

поэтапно ввели протекционизм, защитив внутренний рынок Англии таможенными пошлинами и лицензиями. Следует признать это разумной мерой. Англия была слишком слаба, чтобы перед лицом своих мощных конкурентов позволить себе роскошь свободной торговли. Внутри консервативной партии десятилетиями шла острая борьба по этому вопросу. Она закончилась теперь победой сторонников протекционизма.

Иден не принимал в этой борьбе активного участия. На протяжении всей своей жизни он не имел интереса к финансовой и вообще к внутренней политике и плохо разбирался в этих вопросах. Для карьеры в области внешней политики это значения не имело. В выступлениях по проблемам свободы торговли и протекционизма Иден говорил: "Вероятно, было бы правильным сказать... о молодых членах нашей партии, что в фискальных вопросах мы просто оппортунисты. Я лично готов признать себя виновным в этом. Мне представляется, что эти фискальные противоречия могут быть правильно подвергнуты проверке лишь... результатами, которые в действительности будут Достигнуты". Результаты проверки опытом были в пользу протекционизма.

Экономический кризис в Англии достиг апогея во втором квартале 1932 года. Затем медленно и трудно британская экономика стала выползать из кризиса. В 1934 году в значительной степени благодаря расширению военного производства начался период оживления. Но в 1938 году вновь наступила полоса кризиса, прерванного через год войной.

Сразу же после выборов произошли изменения в составе "национального правительства", делавшие его более консервативным. Невиль Чемберлен, набиравший силу в партии, заменил в министерстве финансов Филиппа Сноудена, которому была предоставлена синекура - пост лорда-хранителя печати; вскоре он был пожалован титулом виконта. Невиль Чемберлен, таким образом, не только получил возможность осуществить меры по введению протекционизма, но и вышел на финишную прямую, ведущую к креслу премьер-министра. По традиции премьер-министрами Англии становились, как правило, те, кто прошел через министерство финансов.

Лорд Ридинг, с которым Иден очень хорошо ладил, должен был уступить портфель министра иностранных дел Джону Саймону, с которым Иден, как скоро обнаружилось, был не в ладах. Крупнейший юрист, Саймон в 1913 году стал членом кабинета в либеральном правительстве Асквита. Он снискал немалую популярность на посту председателя комиссии, которая в конце 20-х годов разрабатывала предложения о внесении

изменений в управление Индией. Хотя Саймон принадлежал к либеральной партии, убеждения у него были архиреакционные. Известный английский либеральный деятель Беренс однажды заявил: "Английский либерал - это хороший консерватор". По нашим же критериям, Саймон был крайне правым консерватором. Именно поэтому ему доверили столь ответственный пост.

Приход Саймона означал, что в палате общин функции Идена сократятся. Как замечает академик И. М. Майский, "...Иден был парламентским товарищем министра иностранных дел в палате общин, и так как Саймон тоже был членом палаты общин и выступал там по всем наиболее важным внешнеполитическим вопросам, то Идену приходилось играть второстепенную роль". Но это не отодвинуло Идена в тень. Ему было поручено представлять Англию в Лиге Наций. Выступления в этой организации принесли Идену такую популярность в Англии и за ее пределами, какой он никогда не снискал бы в палате общин. Вскоре об Идене писали и говорили значительно больше, чем о Саймоне и Болдуине.

Английские историки достаточно единодушно утверждают, что Саймон не стал хорошим министром иностранных дел, поскольку имел юридический склад ума. Выступая по проблемам внешней политики, он детально аргументировал позиции различных сторон, и слушателям не всегда удавалось уяснить, какова же позиция Лондона, которую им преподносят как "объект поддержки". Болдуин в этой связи как-то заметил, что Форин оффис, кажется, ведет две политики: одну - профранцузскую, а другую - прогерманскую. Он же, Болдуин, предпочел бы, чтобы менее подробно демонстрировались аргументы британских оппонентов и более определенно делались собственные выводы и предложения.

Каждый человек имеет какие-то особенности характера. Имел их и Саймон, но не в них было дело. В Англии министров относят к числу плохих, хороших или выдающихся в зависимости от степени успеха их политики. Что касается Саймона, то его имя стоит первым в ряду министров, которые в 30-е годы проводили политику "умиротворения" агрессивных держав, приведшую в 1938 году к Мюнхену, а в 1939 - к возникновению второй мировой войны. "Приход Саймона в Форин оффис, - пишет Рандольф Черчилль, - положил начало гибельной эпохе, когда при сменявших друг друга министрах иностранных дел - Саймоне, Хоре, Идене и Галифаксе... Англию глупо вели ко второй мировой войне". В этом заключении важно и то, то оно исходит от консерватора, крайнего реакционера и антисоветчика, и то, что оно возлагает прямую ответственность за английскую политику

30-х годов не только на Саймона, но и на Идена.

Оба они пришли в министерство иностранных дел, когда заканчивалась в английской политике "эра Локарно", а ей на смену шла "эра Мюнхена". Как на том, так и на другом этапах в основе лондонского курса лежало стремление канализировать экспансию и агрессию Германии на Восток, и прежде всего в направлении Советского Союза.

Как отмечает английский историк А. Дж. П. Тэйлор, "30-е годы XX в. называли черными годами, дьявольским десятилетием. Представление народа о них может быть выражено в следующих словах: "массовая безработица и умиротворение"[3].

Международные отношения в период между двумя мировыми войнами изменялись быстро, значительно быстрее, чем в XIX веке и накануне первой мировой войны. Это было результатом ускорения темпов развития крупных держав и усиления неравномерности их развития. Жизнь опрокидывала многие тщательно продуманные и разработанные внешнеполитические концепции. Прошло десять лет, и история подтвердила прогноз В. И. Ленина относительно того, что противоречия, заложенные в версальско-вашингтонской системе, взорвут ее.

Английская внешняя политика в начале 30-х годов определялась противоречием двух миров - капиталистического и социалистического, в данном случае британского империализма и Советского Союза. Успешное выполнение первого пятилетнего плана в СССР показало несостоятельность империалистических расчетов на "неустойчивость" Советской державы, ее "развал" вследствие внутренних трудностей. С другой стороны, налицо были межимпериалистические противоречия между Англией и побежденными в первой мировой войне либо "обделенными" странами: Германией, Японией и Италией.

Первое противоречие Лондон считал главным и во имя его разрешения готов был даже жертвовать некоторыми своими интересами в межимпериалистической сфере. В результате была рождена так называемая политика "умиротворения" агрессивных, хищных фашистских и милитаристских держав, которую английские правящие круги упорно проводили на всем протяжении 30-х годов. Смысл этой, как казалось ее авторам, хитроумной политики состоял в том, чтобы путем территориальных, военных, экономических и политических уступок Германии, Италии и Японии направить их экспансию прежде всего против СССР. В конечном итоге эта политика должна была привести, как мыслили ее творцы, к разгрому Советского Союза и насыщению фашистских держав в такой степени, чтобы они перестали угрожать британским интересам.

Коварство этого замысла вполне соответствовало традициям империалистической внешней политики. В нем слились и борьба против прогрессивных социальных движений народов во имя сохранения реакционных империалистических порядков, и натравливание одних стран на другие, и стремление откупиться от противника за чужой счет, и предательство в отношении своих союзников, и, конечно, прикрытие всего этого лицемерными фразами об интересах мира.

Английские политики своими действиями сумели видоизменить самый смысл термина "умиротворение". Первоначально это слово имело гуманное содержание и обозначало внесение мира и покоя в душу человека, в отношения между людьми. К концу 30-х годов оно стало грязным словом, покрытым позором и заслуживающим презрения, ибо символизировало теперь постыдный сго вор с фашистскими хищниками, предательство целых стран и народов в эгоистических интересах империалистических политиков, вероломную сделку с преступными силами, принесшими человечеству неисчислимые жертвы и страдания.

Классовая ненависть английских правящих кругов к социализму трансформировалась в антисоветскую направленность политики "умиротворения". Теперь это признают даже буржуазные ученые. Так, в 1965 году Маргарет Джордж опубликовала в США книгу, в которой убедительно доказала, что именно антикоммунизм помешал лондонскому правительству своевременно понять всю степень опасности, исходившей для Англии от фашистской Германии. Естественно, современные защитники политики "умиротворения" тут же бросились в спор с историком, назвавшим классовую причину позорной политики. Но английский автор Невиль Томпсон, обратившийся к этой теме в 1971 году и внимательно изучивший доводы М. Джордж и ее оппонентов, вынужден был прийти к выводу, что у нее "более сильная аргументация". Томпсон констатировал, что "нелюбовь и недоверие консерваторов к СССР в этот период являлись аксиомой" и что у английских правящих кругов "к русской системе не было никаких чувств, кроме плохо скрытого страха и ненависти". Таких признаний немало. На их основании А. Дж. П. Тэйлор сделал четкий вывод: "Большинство консерваторов предпочитали национал-социализм коммунизму".

Английская печать 30-х годов не скрывала, что фашистскую Германию "умиротворяют" против Советского Союза. Известный обозреватель газеты "Обсервер" Гарзин призывал к созданию "сильной Центральной Европы под гегемонией Германии в качестве бастиона против коммунистической России". Когда в

1935 году был заключен советско-французский пакт, целью которого являлась защита от германской агрессии, английские консерваторы, по свидетельству Остина Чемберлена, расценили это "почти как предательство западной цивилизации". Ненависть к Советскому государству неизбежно должна была сделать английское правительство союзником фашизма - наиболее злобного врага социализма.

Серьезное значение для осуществления политики "умиротворения" имело то обстоятельство, что не только консерваторы, но и либералы и правые лейбористы питали глубочайшую ненависть к коммунизму. В этом смысле в Англии в период генезиса "умиротворения" существовало своеобразное "национальное единство" (к 1939 г. ситуация несколько изменилась).

Однако политика "умиротворения" была враждебна не только Советскому Союзу. Она была направлена против освободительных устремлений человечества в целом, против его развития по пути прогресса. "Умиротворение" - архиреакционная концепция!

Самым непосредственным образом эта политика задевала и интересы многих стран Европы и Азии. Технология "умиротворения" была сравнительно проста: в пасть фашистским хищникам бросали куски территорий различных стран и целые страны. Так, японский милитаризм "умиротворяли" за счет Китая. Итальянский фашизм ублажали, продавая ему Эфиопию и Сомали. Ряд стран Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы был выдан "умиротворителями" германскому фашизму. В правящих кругах Англии не раз подробно обсуждалась ситуация в Центральной Европе, которую в связи с ее неустойчивым положением именовали "зоной землетрясений". Определенные страны признавались "не способными" самостоятельно решить свои проблемы; посему они под руководством Германии должны быть превращены в некое экономическое и политическое объединение, которое явится "стабилизирующим фактором" в этом беспокойном районе.

Подобный план, как считали его авторы, мог бы удовлетворить агрессивные устремления германского фашизма и настроить его благожелательно в отношении Англии и ее колоний. Помогая Германии создать колониальную империю в Европе, политики Англии надеялись побудить ее отказаться от претензий на ее колонии, захваченные после первой мировой войны. Главное же - этот замысел толкал Германию на Восток, в сторону СССР.

Новая линия во внешней политике Лондона начала осуществляться практически с 1931 года, когда Англия при

содействии Франции и некоторых других стран не допустила, чтобы Лига Наций помешала Японии осуществить ее агрессию в Северо-Восточном Китае.

Прошло некоторое время, прежде чем под политику "умиротворения" была подведена, так сказать, "научная, теоретическая" база. Наиболее "научно" это сделал Е. Х. Карр, бывший работник Форин оффис, на протяжении многих лет выступающий в роли историка-международника и специалиста по СССР.

Карр утверждает, что международные отношения подвергаются постоянным изменениям в зависимости от изменений в балансе сил между отдельными странами. Империалистические государства, мощь которых растет, предъявляют определенные требования к тем, которые становятся относительно слабее. Обычно возникающие таким образом противоречия регулируются войной. Карр предлагает регулировать их мирным путем, за столом переговоров. "Поскольку неудовлетворенные державы, - пишет он, - поняли возможность устранения недовольства в ходе мирных переговоров (предваряемых, несомненно, вначале угрозой применить силу), постепенно может быть создана какая-то устойчивая процедура "мирного изменения"; она завоюет доверие неудовлетворенных держав. А когда такая система будет признана, примирение станут рассматривать как вполне естественную вещь". Поскольку Карр с одобрением цитирует Невиля Чемберлена, защищающего политику "умиротворения", ясно, что практической реализацией своей теории он считает курс английского правительства, который, как известно, вскоре привел к Мюнхену и мировой войне.

История показала, что "умиротворение" агрессоров не только не предотвратило, но значительно ускорило мировую войну. Это признают как историки-марксисты, так и их идейные противники. Произошло же это потому, что капитализм как социально-экономическая система неизбежно порождает противоречия, ведущие к войне. Лишь с появлением мировой социалистической системы создаются условия, при которых становится возможным навязать буржуазным государствам мирное решение спорных проблем.

Концепция Карра свидетельствует о непонимании им природы капитализма. Возможно, это добросовестное заблуждение. Но сюда ни в коем разе нельзя отнести то, что Карр "не заметил", как Англия и ее партнеры осуществляли "мирное изменение" карты Европы и Азии за счет третьих стран, как "умиротворители" подкармливали фашистского зверя плотью и

кровью народов этих стран. К Моменту выхода в свет книги Карра уже не существовало независимых Австрии, Чехословакии, Эфиопии, значительная часть Китая оказалась под управлением Японии.

Вспоминая об этом, трудно хладнокровно воспринимать рассуждения Карра о "критериях справедливости и несправедливости", о "роли морали" в международных отношениях. О какой справедливости и морали могут говорить творцы политики "умиротворениях/, организаторы мюнхенского сговора, превратившие судьбы народов и государств в предмет позорной сделки с самыми преступными силами в истории человечества - с фашизмом? Эти гуманные понятия органически чужды международным отношениям империализма.

Английские правящие круги всегда осуществляли политику "умиротворения" за счет третьих стран и народов и всегда с целью создать такую новую ситуацию, чтобы доминирующая роль в Европе принадлежала Англии. Поэтому они упорно добивались осуществления изменений только в результате переговоров между державами-агрессорами и Англией, то есть, по существу, с согласия Англии. Однако Германия и Италия, не желая зависеть от ее "благодеяний", чем больше убеждались в готовности английского правительства идти им на уступки, тем больше стремились ставить его перед свершившимся фактом. В таких случаях "умиротворение" осуществлялось в форме невмешательства в разбойные акции агрессоров: "умиротворители" не мешали фашизму творить его черные дела. Невмешательство, следовательно, являлось вариантом "умиротворения". Обычно оно сопровождалось двусмысленной и беззубой критикой в адрес агрессора; таким способом ему выражали неудовольствие за односторонние действия и "давали удовлетворение" народным массам, возмущавшимся актами агрессии.

Английское правительство "умиротворяло" агрессора даже за счет своих союзников - фактических или потенциальных. Член парламента Элеонора Ратбон определяла в то время "умиротворение" как "план продажи своих друзей с целью откупиться от своих врагов. Этот план чреват опасностью того, что наступит время, когда у вас уже не останется друзей; затем окажется, что они вам нужны, но уже поздно перекупить их обратно".

Жертвами "умиротворения" стали Чехословакия, Австрия, Польша и ряд других стран, включая даже Францию, поскольку "умиротворение" радикально подрывало ее безопасность. Правящие круги Франции, настроенные антикоммунистически,

хотя и шли в фарватере английской политики, но проявляли колебания, нерешительность, вызывавшие раздражение Лондона. Там слишком поздно поняли, что "умиротворение" создает смертельную угрозу и для самой Англии. Эта политика имела негативное международное значение, ибо подрывала безопасность многих стран, последовательно отдавая их под власть фашизма и открывая ему дорогу к мировому господству. Дорого пришлось платить народам за это преступление английского империализма, и прежде всего народам СССР, вынесшим основную тяжесть борьбы против фашизма.

История свидетельствует, что чем крупнее преступление империалистических сил, тем большие политико-пропагандистские усилия прилагаются ими, чтобы сделать его психологически приемлемым для народных масс. Так было и с политикой "умиротворения". Как замечает советский англовед А. Н. Красильников, "в 30-е годы, когда решались судьбы целых стран и народов, английские правящие круги всячески маскировали свои действия и намерения, а английская дипломатия оставалась верна своей основной традиционной черте - лицемерию, которое наиболее четко проявлялось в отношениях Англии с Советским Союзом".

"Умиротворители" говорили мировому общественному мнению: у Германии, Италии и Японии существует глубокое недовольство сложившейся ситуацией в Европе и Азии, они предъявляют определенные конкретные требования; отказать им в этих требованиях (которые, как давали понять, во многом обоснованны и справедливы) - значит вызвать войну (в которой Англия и Франция обязательно потерпят поражение). При такой постановке вопроса политика "умиротворения" выглядела единственно разумной. Средние англичанин и француз, находясь в здравом уме и твердой памяти, но будучи введены в заблуждение лживой пропагандой, не могли требовать от своих правительств "авантюристической политики", которая привела бы к национальной катастрофе. Таким образом, "умиротворители" обеспечивали возможность продолжать гибельный для человечества курс.

"Умиротворители" утверждали, что, поскольку Германия, Италия и Япония значительно усилились (тот факт, что этому содействовали в свое время опять-таки лондонские политики, тщательно замалчивался), баланс сил изменился в их пользу, то есть уменьшились силы, которые могли бы явиться преградой на пути агрессии. Отсюда безнадежность сопротивления требованиям Германии, Италии и Японии.

Александр Кадоган, ставший в конце 30-х годов постоянным

заместителем министра иностранных дел, в своих мемуарах утверждал впоследствии, что Галифакс, Чемберлен и другие "умиротворители" будто бы "верили, что их долгом является приложить все усилия, чтобы предотвратить войну, которую мы почти наверняка должны были проиграть". Это ли не яркий пример того, как буржуазные политики стремятся облачить свои преступные замыслы в благородные одежды! Кадоган был далеко не глуп, он прекрасно знал суть тогдашней политики английского правительства, знал, к чему привела эта политика, знал, что фронт народов, образовавшийся против агрессоров, в состав которого входила и Англия, в конце концов выиграл войну против фашизма.

Английский народ обманывали, давая заведомо неверные прогнозы вооруженного сопротивления агрессору.

Действительно, баланс сил между Англией и Францией, с одной стороны, и Германией, Италией и Японией - с другой, изменился в пользу агрессоров. Кстати, каждый акт "умиротворения" все более оборачивался в ущерб Англии. Но было бы неверно считать, что соотношение сил между странами, рвавшимися к реваншу и агрессии, и государствами, готовыми им противодействовать, в 30-х годах было хуже, чем в годы, предшествовавшие периоду "умиротворения". Скорее наоборот. Осуществляя успешное строительство социалистического общества, Советский Союз превратился в мощную державу, способную оказать агрессорам решительное сопротивление.

СССР не только мог, но и стремился сыграть активную роль в предотвращении войны. В начале 30-х годов ЦК ВКП(б) принял решение о развертывании борьбы за коллективную безопасность. Эта борьба стала генеральной линией советской внешней политики, практическим осуществлением ленинского принципа мирного сосуществования государств с различным социальным строем.

Английские консерваторы не только всячески противодействовали советским усилиям организовать коллективный отпор агрессии в Европе, но и упорно не желали идти на двусторонние меры с СССР по укреплению мира. Причина здесь одна - классовая ненависть к социалистическому государству. Постоянный заместитель министра иностранных дел Александр Кадоган свидетельствовал в 1938 году: "Мы все чувствовали ненависть и отвращение к русским". Не беря в расчет во всем объеме эти настроения правящих кругов Англии, нельзя ничего помять в их внешней политике.

Бешеная злоба английских империалистов к СССР не относится к категории чистых эмоций. Она порождена

совершенно реальными материальными факторами. В революционных социалистических преобразованиях, осуществленных советским народом, английский империализм видел угрозу своим классовым позициям.

Даже непосредственная опасность возникновения мирового пожара не заставила в 1939 году английское правительство подчинить свою ненависть к Советскому Союзу необходимости объединиться с ним в совместных усилиях по предотвращению фашистской агрессии. Лишь совершенно очевидная истина, обнаружившаяся к середине 1941 года и состоявшая в неспособности Англии без помощи СССР избежать поражения во второй мировой войне, заставила английские правящие круги на время отказаться от официального и открытого антисоветизма и пойти на военный союз с СССР. Как только стало ясно, что разгром Германии и ее союзников будет обеспечен, английская политика вновь стала определяться ненавистью к СССР, к социализму.

В свете этих бесспорных фактов становится ясной фальшь утверждений английских "умиротворителей", будто в мире не было сил, способных приостановить бесчинства агрессоров.

Следует добавить, что английские правящие круги отвергали пусть небольшие, но все же определенные возможности налаживания коллективной безопасности, которыми располагала Лига Наций. После вступления СССР в Лигу в 1934 году эти возможности возросли. Но не прошло и двух лет, как "умиротворители" подорвали Лигу Наций и практически свели на нет ее значение.

Соединенные Штаты Америки также несут свою долю ответственности за политику "умиротворения" и за Мюнхен. Однако это не должно заслонять того факта, что у США (и это хорошо понимал президент Рузвельт) были противоречия с Германией и особенно острые - с Японией. Английское правительство, за небольшими исключениями, совершенно не желало использовать этот фактор для организации сопротивления агрессору (вторая мировая война показала, что существовали большие потенциальные возможности в этой области). У Невиля Чемберлена, премьер-министра, по свидетельству Кадогана, существовало "почти инстинктивное презрение к американцам... Временами они нас раздражали". Разумеется, в действительности дело было совсем не в симпатиях или антипатиях премьер-министра. Чемберлена раздражали претензии США на руководящую роль в мировых делах, то есть на ту роль, которую - он был в этом абсолютно убежден - должна играть Англия. Сказывались, таким образом, англо-американские

противоречия.

Возникает важный вопрос: существовало ли в Англии организованное противодействие политике "умиротворения" и если да, то каковы его результаты?

Единственной политической организацией в стране, занявшей безоговорочно отрицательную позицию в отношении политики "умиротворения" и неуклонно ее придерживавшейся, была Коммунистическая партия. В выступлениях Генерального секретаря Гарри Поллита и депутата парламента - коммуниста Уильяма Галлахера политика "умиротворения" разоблачалась как империалистическая, враждебная интересам английских трудящихся, профашистская политика. Печатные органы Компартии, а также редактируемый Палмом Даттом журнал "Лейбор мансли" много сделали для раскрытия классового характера политики "умиротворения". И сегодня передовые статьи, которые писал в те годы Палм Датт, звучат актуально, их выводы подтвердила история.

К сожалению, влияние Компартии в стране было невелико, и она не смогла в какой-либо степени помешать консерваторам "умиротворять" фашизм. Прежде всего это произошло потому, что руководство лейбористской партии проводило буржуазно-реформистскую политику. Время от времени правые лейбористы (а именно они составляли лейбористскую фракцию палаты общин) выступали с протестами против действий агрессивных держав и критикой политики "национального правительства". Но это была скорее парламентская политическая игра, чем принципиальная борьба. Оставаясь на позициях активного антисоветизма, лейбористское руководство не могло, да и не стремилось организовать эффективное противодействие внешнеполитическому курсу правительства. Более того, лейбористы часто даже солидаризировались с политикой "умиротворителей". Например, Артур Гейдерсон-младший заявил в феврале 1938 года в палате общин: "На этой стороне палаты нет депутатов, у которых были бы какие-либо возражения против политики всеобщего умиротворения, на которую ссылался премьер-министр"[4].

Что касается либералов, то они уже давно утратили свои позиции в политической жизни страны. Национал- либералы, входившие в состав правительства, ничем не отличались от твердолобых тори. Так, министр иностранных дел Джон Саймон выступал с безоговорочно-умиротворительских позиций.

Как ни парадоксально, буржуазные исследователи, занимающиеся изучением "антиумиротворительских" тенденций в Англии, сосредоточивают внимание прежде всего на позиции и

выступлениях отдельных деятелей консервативной партии. Объяснение этому отыскать нетрудно. Теперь, когда английская консервативная партия пытается задним числом оправдать свои неблаговидные деяния, содействовавшие немецкому фашизму в развязывании второй мировой войны, она стремится к умышленному раздуванию и непомерному преувеличению роли тех элементов в партии, которые в той или иной степени были не согласны с внешнеполитическими акциями Невиля Чемберлена и других "умиротворителей". Цель здесь одна - затушевать вину английских консерваторов в возникновении второй мировой войны. Неискушенный читатель подводится таким образом к следующему рассуждению: ну что ж, были среди консерваторов люди неумные, непринципиальные, проводившие позорно провалившуюся политику; но были среди них и люди большой храбрости, принципиальности и политической чистоты, отвергавшие политику сговора с фашизмом и смело клеймившие наглых фашистских лидеров. Для консерваторов очень важно именно такое "дифференцированное" отношение к ним, ибо они и ныне активно действуют на английской политической сцене и нуждаются в голосах избирателей на парламентских выборах.

Английский консерватизм не оригинален в своем стремлении преуменьшить ответственность за пособничество фашизму. После победы народов над гитлеровской Германией это стало в буржуазных странах своеобразной модой. Поскольку фашизм запятнал себя чудовищными преступлениями, все те организации и деятели, которые с ним сотрудничали, на протяжении вот уже более четверти века стараются преуменьшить степень сотрудничества и, следовательно, свою ответственность. Те же, кто в свое время занимал нейтральную позицию, нередко пытаются сейчас выдавать себя за антифашистов и борцов. Преувеличение или изобретение "заслуг" в сопротивлении фашизму характерно не только для тори и их апологетов. Это своеобразная реакция буржуазных политиков на исторический крах фашизма.

Изучение источников по этому вопросу привело американского историка Томпсона к следующему выводу: "При ближайшем рассмотрении консервативная оппозиция умиротворению похожа на мираж; чем больше ее изучаешь, тем менее существенной она представляется; но в каждом данном случае она никогда не исчезает полностью. Остается картина спорадического, время от времени появляющегося несогласия со стороны отдельных критиков и небольших группок, но не со стороны организованной группы... Трудно провести четкое различие между умиротворителями и их оппонентами даже в

конце 30-х годов. И попытка установить такое различие вводила бы в заблуждение, ибо практически в то или иное время все были за умиротворение если не Германии, то Италии и уж, конечно, Японии".

Как известно, английская консервативная партия существует на средства, передаваемые ей крупными банками и фирмами. Рядовая членская масса и среднее звено активистов, от которых во многом зависит успех партии на выборах, никакой роли в определении политики партии не играют. Политику формулирует лидер партии и его ближайшие коллеги и советники, и вся партия должна ее поддерживать. Если партия находится в оппозиции, ее депутаты в палате общин пользуются полной свободой критики правительства - ведь это правительство другой партии. Если же партия стоит у власти, то обязанность ее депутатов - целиком и полностью поддерживать свое правительство.

В Англии существует традиционный способ глушить критику в адрес правительства, исходящую из рядов собственной партии. Наиболее способных и энергичных критиков подкупают назначением на те или иные правительственные посты. После этого в силу коллективной ответственности членов правительства они превращаются из критиков в защитников правительства. В 30-х годах к этому способу не прибегали, ибо в нем не было нужды.

Имеется много и других средств, при помощи которых партийные организаторы заставляют недисциплинированных депутатов идти в ногу с партийным руководством. Однако в 30-х годах существовали необычайно благоприятные условия у депутатов-консерваторов для критики "национального правительства". Это было не консервативное, а коалиционное правительство. Выступление против него могло выглядеть как защита истинно консервативных принципов и осуждение линии, проводимой неконсервативными членами коалиции - либералами и национал-лейбористами, тем более что им принадлежали портфели премьера и министра иностранных дел. Когда же в 1935 году Макдональда сменил на посту премьера Болдуин, ситуация несколько ухудшилась, по все равно его можно было критиковать, ибо он пошел на коалицию с другими партиями и старая консервативная гвардия далеко не во всем его поддерживала. Лишь в 1937 году, с приходом на пост премьер-министра Невиля Чемберлена, человека автократических замашек, возможности для выражения официального несогласия с линией правительства у консерваторов - членов парламента резко сократились. И несмотря на все эти благоприятные условия для выступлений против политики "умиротворения" в 30-х годах, критика "национального правительства" была незначительной, по

существу, оно беспрепятственно проводило свою линию.

До мюнхенской сделки с фашистскими державами в рядах консерваторов практически не существовало деятелей, которые выступали бы против политики "умиротворения". Это относится и к Антони Идену, которого английская историография сделала самым эффективным "антиумиротворителем", соответствующим образом интерпретируя его разногласия с Чемберленом и уход в отставку в начале 1938 года. В действительности дело обстояло иначе.

Иден всегда считал необходимым пересмотр Версальского мирного договора в пользу Германии. И говорил об этом публично, хотя в несколько завуалированной форме. На одном из официальных обедов в 1932 году он заявил, что в Европе действует тенденция придавать слишком большое значение "механизму поддержания мира и этот перечень уступок в пользу нацистской Германии с весьма уделять мало внимания основам мира. Под механизмом подразумевалось версальское урегулирование, которое, по мнению Идена, следовало пересмотреть, чтобы создать взаимопонимание и доверие между странами. Без этого нельзя будет договориться о разоружении и сохранить мир. Такая идея сквозит в выступлениях Идена и после прихода фашизма к власти в Германии. В конце 1933 года Иден утверждал, что "для восстановления доверия в Европе (удивительное заявление: разве доверие в Европе когда-либо существовало? - В. Т.) необходимо устранить причины беспокойства". Это означало, что нужно ликвидировать причины недовольства Германии и Италии.

В частных заявлениях Иден был более определенен. За три недели до ремилитаризации немцами Рейнской области он говорил Гарольду Никольсону, что "готов пойти на огромные уступки аппетитам немцев при условии, что они подпишут договор о разоружении и присоединятся к Лиге Наций", и "намерен работать во имя этого на протяжении следующих трех лет".

Конкретное перечисление этих уступок можно найти в составленном Иденом 11 февраля 1936 г. меморандуме для правительства: "Готовы ли мы, например, - писал он, - признать, что Германия должна иметь особые торговые привилегии в определенных районах, скажем, в бассейне Дуная? Готовы ли мы отказаться от нашего положения наиболее благоприятствуемой державы для того, чтобы это можно было осуществить? Готовы ли мы при определенных условиях рассмотреть вопрос о предоставлении Германии гарантированного займа? Готовы ли мы рассмотреть вопрос о возвращении Германии по мандату или

другим путем хотя бы одной колонии, отнятой у нее во время войны? Готовы ли мы, в частности, если германское правительство девальвирует марку, противодействовать вероятному нажиму заинтересованных английских кругов, требующих дальнейшего устранения германских товаров с английского рынка? Готовы ли мы рассмотреть с Францией и Бельгией вопрос о ликвидации демилитаризованной зоны? Готовы ли мы действительно обратиться к Германии с предложениями, направленными на возможно более длительное сотрудничество в новом периоде европейского спокойствия и экономической реконструкции, вместо того чтобы, как это было до сих пор, ожидать с ее стороны различных "требований" и "отказов от обязательств"? Знаменательно, что именно этот перечень уступок в пользу нацистской Германии с весьма небольшими модификациями был предложен английским правительством фашистам во время секретных переговоров летом 1939 года.

Помимо Идена в списке "антиумиротворителей" фигурируют Роберт Ванситтарт, Леопольд Эмери, Уинстон Черчилль.

Роберт Ванситтарт известен как человек антигерманских убеждений. Действительно, он весьма недоверчиво относился к акциям и заверениям нацистского правительства. Но именно Ванситтарт с самого начала 30-х годов настаивал на пересмотре условий Версальского мирного договора, хотя, по понятным соображениям, не выступал публично с этим предложением. К 1936 году он уже говорил о необходимости вернуть Германии отнятые у нее колонии, "если мы хотим длительного мира".

Леопольд Эмери, представлявший имперское крыло в партии тори, то есть тех консерваторов, которые непосредственно были связаны с эксплуатацией народов и богатств колониальной империи, естественно, категорически возражал против возвращения Германии колоний. Но он был согласен на ее "умиротворение" за счет стран Центральной и Восточной Европы. Эмери громогласно требовал также удовлетворения претензий Италии.

Бесспорно, Уинстон Черчилль накануне второй мировой войны был наиболее ярким критиком внешней политики "национального правительства". Некоторые авторы утверждают, что ему принадлежал "единственный голос здравомыслия" в период осуществления политики "умиротворения". И все же даже Черчилль не может считаться последовательным противником "умиротворения". За два месяца до прихода Гитлера к власти он утверждал: "Устранение справедливого недовольства потерпевших поражение стран должно предшествовать

разоружению победителей". Лишь после ремилитаризации Рейнской области Черчилль решительно выступил против "умиротворения" Германии. "Но и после этого, - замечает Томпсон, - он продолжал надеяться, что Гитлер успокоится и превратится в доброго европейца".

Слабость "антиумиротворителей" проявлялась в том, что их выступления не были последовательными и носили спорадический характер. У них не было продуманной позиции по вопросам, в которых они расходились с правительством, не было позитивной программы. Более того, их стремления временами оказывались крайне противоречивыми и зачастую исключали друг друга. Придерживаясь древнего для английской политики принципа, состоящего в том, что Англия должна поддерживать баланс сил в Европе как гарантию своей безопасности, они в то же время не возражали против германской экспансии в Восточной Европе. Но ведь эта экспансия неизбежно укрепляла позиции Германии, ее военный потенциал и, следовательно, взрывала баланс сил.

Серьезно ослаблялись позиции "антиумиротворителей" их враждебностью к СССР. Среди них не было ни одного человека, который относился бы к Советскому Союзу без ненависти и предубеждения и был бы готов сотрудничать с ним на основе равноправия и взаимного уважения. Это радикальным образом подрывало возможности противодействия политике "умиротворения" агрессоров.

Несогласные с теми или иными акциями "умиротворения" находились па одинаковых классовых позициях с "умиротворителями". И тех и других объединяли империалистические интересы Англии. Поэтому пойти на радикальную конфронтацию они не могли.

Слабость "антиумиротворителей" выражалась не только в их крайней малочисленности (число депутатов- консерваторов, официально выступавших с критикой действий правительства во внешнеполитической сфере, не превысит десяти), но и в том, что палата общин всегда и неизменно поддерживала правительство. Даже в самый позорный и опасный момент, когда речь шла о мюнхенском соглашении, правительство пользовалось полной поддержкой парламента.

Политику "умиротворения" можно периодизировать довольно точно. Ее начало следует отнести к 1931 году, когда Англия, Франция и другие державы не использовали Лигу Наций и не приняли других мер для пресечения японской агрессии в Маньчжурии. Клемент Эттли говорил в 1937 году в парламенте: "Политика этого правительства начиная с 1931 года всегда

состояла в попытках умиротворить агрессора принесением в жертву более слабых стран. Но чем больше вы уступаете агрессору, тем огромнее становятся его аппетиты". Концом первого периода можно считать 1935 год, когда Англия и Франция (план Хора - Лаваля) взорвали робкие попытки Лиги Наций выступить против войны Италии с целью захвата Абиссинии. Начавшийся в конце 1935 года после провала плана Хора - Лаваля второй этап продолжался примерно три года. Мюнхенское соглашение (осень 1938 г.) можно считать завершением второго этапа в политике "умиротворения". Третий этап продолжался от Мюнхена до начала сентября 1939 года, то есть до возникновения второй мировой войны. Наконец, время "странной войны* (по май 1940 г.) следует считать четвертым периодом политики "умиротворения", которая осуществлялась уже в новых, своеобразных условиях, когда Англия юридически находилась в состоянии войны с Германией.

Первые акции по "умиротворению" фашистских агрессоров были осуществлены, когда Иден еще не занимал крупных государственных постов, позволявших влиять на внешнюю политику правительства.

В сентябре 1931 года японские войска спровоцировали (агрессоры никогда не стеснялись в выборе предлогов для нападения на свои жертвы) военные действия против китайских войск в Северо-Восточном Китае. Английские интересы на Дальнем Востоке были весьма значительны. Александр Кадоган в записке для кабинета, формулировавшей интересы Англии в различных районах земного шара и намечавшей линии внешней политики с учетом международной обстановки, писал в октябре 1938 года: "Английские интересы в Китае... значительны и концентрируются в основном в руках немногочисленной группы английских предпринимателей и концернов". Но дальше он подчеркивал: "Защита их не является жизненно важной". Чем же объяснялась такая индифферентность? Прежде всего тем, что Япония предполагала, выражаясь словами официального японского документа, "овладев всеми ресурсами Китая" и ряда других азиатских стран, "вновь скрестить мечи с Россией". А это, как полагали английские политики, было достаточным основанием для "умиротворения" Японии за счет Китая, даже если английские интересы там будут несколько ущемлены. И потому начиная с 1931 года Япония при попустительстве Англии и ряда других держав осуществляла захват китайской территории.

Консерваторы считали Японию "гарантом стабильности и порядка на Дальнем Востоке", сотрудничество с которым

необходимо для сохранения Британской империи. Япония, писал консервативный журнал "Сатэрдэй ревью", является "силой против большевизма в Китае и революционного национализма в Индии". "Необходимо отметить, - подчеркивал журнал, - что за спиной Китая стоит Россия.., минимальный здравый смысл и прозорливость должны бы научить Лигу Наций не совать пальцы между японским молотом и китайской наковальней". Неудивительно, что после этого журнал пришел к такому заключению: "Каждому школьнику известно, что единственной частью Китайской Республики, где жизнь и собственность находятся в безопасности, является та часть, где они охраняются японскими штыками".

Уинстон Черчилль выразил свою позицию не менее определенно. "В интересах всего мира, - заявил он, - чтобы закон и порядок были установлены в Северном Китае. Анархия и коммунизм принесли огромные страдания многомиллионному китайскому народу... Северная провинция Китая, которой Япония обеспечивает весьма значительную меру упорядоченного управления, является самой счастливой из всех провинций Китая в настоящее время".

В марте 1932 года Джон Саймон выступил по этому вопросу в палате общин с декларацией, которая, по словам лейбориста К. Зиллиакуса, "по существу заверяла японцев, что они могут делать все, что им угодно, ибо, что бы они ни предприняли и что бы ни говорил Устав Лиги Наций, Англия не пошевелит и пальцем. Японцы так и истолковали английскую политику, и события показали, что они были правы".

"Умиротворением" агрессивных сил необходимо считать и разностороннее содействие английских (равно как и американских) правящих кругов приходу к власти Гитлера в январе 1933 года. Английская пресса, и прежде всего консервативные газеты лорда Ротермира, вела пропаганду в пользу передачи власти в Германии нацистам. Еще осенью 1930 года Ротермир говорил: "Переход политической власти к национал-социалистам... порождает многие преимущества, а именно - создает прочную плотину против большевизма... Для существования западной цивилизации было бы наиболее полезно, если бы в Германии к власти пришло правительство, воодушевляемое теми же здравыми принципами, при помощи которых Муссолини за восемь лет возродил Италию". "Нью-Йорк тайме", отражая настроения американских реакционных Кругов, выразила восхищение "великой целью, которой добивается Ротермир, - спасением Европы от большевизма благодаря новой Германии, управляемой военной диктатурой".

Именно поэтому английские правящие круги вкупе со своими единомышленниками в США и Франции оказали гитлеровцам поддержку при захвате ими власти в Германии. Антисоветизм помешал этим кругам своевременно понять, что враждебность фашизма большевизму не исключает угрозы с его стороны интересам и безопасности других государств.

За этим шагом "умиротворителей" последовал следующий, и к нему уже прямое отношение имел Антони Иден. Речь идет о работе Женевской конференции по разоружению, в ходе которой Англия, США, Франция и Италия санкционировали так называемое "довооружение" Германии.

Хотя ни одно империалистическое правительство в 20 - начале 30-х годов не помышляло о разоружении, стремление народов предотвратить новую войну было столь велико, что тогда никто не посмел выступить против разоружения официально. Этим обстоятельством и объясняется огромная пропагандистская шумиха в прессе тех лет, призванная изобразить буржуазные правительства активными борцами за мир.

Идену было поручено представлять Англию в Лиге Наций. Его выступления в Женеве широко рекламировались прессой. Газеты были заполнены фотографиями молодого, элегантного министра. Популяризируя Идена как "поборника разоружения" и "миротворца", английская буржуазная печать тем самым ежедневно и ежечасно внушала своему читателю и мировому общественному мнению далекую от действительности мысль, будто политика Англии направлена на разоружение и обеспечение мира.

С этого времени и начало постепенно создаваться устойчивое, но совершенно неверное представление об Идене как о пацифисте или даже стороннике коллективной безопасности. Шли годы, и искусственно созданный пропагандой и рекламой образ все меньше и меньше походил на истинного Идена - верного и надежного исполнителя империалистической политики английских консерваторов.

Партнеры английского правительства в Женеве преследовали аналогичные цели, и потому вскоре выработалась устойчивая, единая для всех технология. Представители различных стран произносили на заседаниях Лиги и ее комитетов бесконечные речи, которые казались обывателю пацифистскими, а в действительности были рассчитаны на то, чтобы в море слов утопить суть дела. Очень скоро во многих странах стали ссылаться на Лигу Наций как на "женевскую говорильню".

Один из современников Идена - Дафф Купер в конце 20-х годов, будучи заместителем военного министра, посетил Женеву

в составе английской делегации. В своих воспоминаниях он так рассказывает об атмосфере, царившей в Лиге Наций: "Бесчисленные комитеты с бесконечными речами, комитеты, в которых ничего не делается и которые в действительности никогда не надеются чего- либо достичь. Сплетни, распространяемые политиками-космополитами, бесконечные нудные официальные обеды и приемы производили впечатление неразберихи и уныния".

Зато контакты в кулуарах Лиги, в спокойных уютных отелях и ресторанах Женевы и ее живописных окрестностях использовались для дипломатических зондажей и империалистических сделок. Первые шаги английской политики "умиротворения" были сделаны или в Лиге Наций, или в непосредственной связи с ее деятельностью.

В 1932 - 1933 годах в центре внимания мировой общественности находилась Международная конференция по разоружению, после длительных оттяжек открывшаяся 2 февраля 1932 г. в Женеве. Народы возлагали на нее большие надежды. Их стремление к разоружению и к укреплению мира достигло во время конференции своего апогея. В то же время в международных отношениях развивались процессы, делавшие перспективу разоружения нереальной.

Мировой экономический кризис в значительной степени обострил противоречия между империалистическими государствами и приблизил опасность возникновения войны между ними. На Дальнем Востоке развертывалась японская агрессия против Китая. Приход к власти в Германии нацистской партии резко усилил опасность возникновения войны в Европе.

В марте 1932 года английское правительство отменило правило (которым оно руководствовалось на протяжении ряда лет), гласившее, что не следует ожидать в ближайшие десять лет возникновения большой войны. Начальники штабов трех родов войск получили указание представить предложения об устранении наиболее существенных недостатков в английских вооруженных силах.

И все же некоторая возможность конструктивного решения проблемы разоружения даже в этих сложных условиях была. Очень многое зависело от позиции Англии, бесспорно игравшей ведущую роль в Лиге Наций.

Не может быть никаких сомнений в том, что английский народ в подавляющем большинстве был настроен в пользу разоружения. Ни один историк, затрагивая проблему разоружения, не может обойти молчанием волну пацифизма, захлестнувшую в первой половине 30-х годов Англию.

Проблемы мира и разоружения активно обсуждались на многочисленных митингах, созываемых обществами мира, Союзом Лиги Наций, студенческими организациями, на профсоюзных и лейбористских конференциях, на собраниях в избирательных округах, в многочисленных книгах и брошюрах. Национальный совет мира объединял 40 различных организаций. Настроения в пользу разоружения и укрепления мира захватили и многочисленных студентов Оксфордского университета. Их основная масса входит в студенческую общественную организацию, именуемую Оксфордский союз и пользующуюся большим авторитетом. 9 февраля 1933 г. Оксфордский союз принял резолюцию, в которой заявлял, что он "ни при каких обстоятельствах не будет воевать за своего короля и страну". Это решение отнюдь не было антипатриотичным. Наоборот, оно было принято людьми, которые заботились о благе своего короля и страны и считали, что для этого необходимо избежать в будущем войны. Решение Оксфордского союза получило большой международный резонанс.

Английская общественность выдвинула идею одностороннего сокращения вооружений Англией. Филипп Ноэль Бейкер, лейбористский публицист, удостоенный после второй мировой войны Нобелевской премии мира, в то время опубликовал книгу под названием "Частное производство оружия", в которой утверждал, что действительное разоружение Англии "вполне может оказаться решающим в том, чтобы обеспечить принятие новой политики всем миром в целом".

Отражая эти настроения, лейбористская и либеральная партии официально требовали от правительства реальных шагов на конференции в Женеве в направлении разоружения, одновременно голосуя в парламенте против увеличения военных ассигнований. Антивоенное движение в Англии во всех его формах, включая и успех кандидатов в палате общин, выступавших на дополнительных выборах под знаменем разоружения, достигло наибольшего подъема в 1933 году.

В основе выступлений английской общественности лежали не только пацифистские настроения, желание добиться разоружения в международном плане, но и понимание того факта, что вооружение, находящееся в руках английского империализма, всегда используется в агрессивных, реакционных целях.

Пример первой мировой войны был еще свеж в памяти рядового англичанина.

Как только открылась Конференция по разоружению, в адрес английской делегации в Женеве из Англии потоком хлынули тысячи телеграмм, требующих, чтобы она обеспечила соглашение

о разоружении. Но в Англии действовали и другие силы; именно они и определяли политику правительства в вопросе о разоружении. Историк Медликотт назвал их "консервативными элементами общества", включив в их состав "бизнесменов, владельцев предприятий, производящих оружие, империалистов, всех профессиональных военных в ранге выше капитана, членов палаты лордов, имеющих племянников в Кении" (то есть связанных с эксплуатацией колоний. - В. Т.).

Именно они определяли истинную позицию английского правительства в вопросе о разоружении. Официальная английская пропаганда, учитывая настроения английского народами мирового общественного мнения, провозглашала "национальное правительство" сторонником всеобщего разоружения, стремящимся всеми возможными средствами добиваться успеха Женевской конференции. В действительности правящие круги Англии отнюдь не были заинтересованы в позитивных результатах конференции и несут главную ответственность за ее срыв.

Английское правительство использовало конференцию в Женеве для своей дипломатической игры, состоявшей в противопоставлении одних держав другим (Германии - Франции) с целью усиления своей руководящей роли в европейских делах. Генерал Темперлей, член английской делегации, вспоминал впоследствии: "Мы испытывали почти чувство стыда из-за участия в колоссальном притворстве, из-за того, что народу не говорили правду".

Лицемерием со стороны лондонского правительства было уже то, что, вовсе не стремясь к успеху конференции, оно направило в Женеву огромную и весьма представительную делегацию. Возглавлял ее премьер-министр Макдональд, которого сопровождали министр иностранных дел Саймон, министр по делам доминионов Томас, военный министр Хэйлшем, а также министры военно-морского флота и авиации. Членам делегации помогали генеральный секретарь, 30 экспертов и другие чиновники различных учреждений, а также 12 клерков, шифровальщиков и машинисток и пять курьеров. В делегацию входили представители 10 министерств и департаментов. Иден был заместителем главы делегации и по существу фактическим ее руководителем.

Несмотря на внушительный состав, английская делегация явилась в Женеву без каких-либо определенных предложений. На протяжении более чем года работы конференции она не представила на ее рассмотрение ничего, хотя бы отдаленно напоминавшего план мероприятий по разоружению. Месяц за

месяцем заседала конференция, а Лондон был не в состоянии выработать какие- либо конструктивные идеи. Вспоминая тот период, Иден впоследствии запишет: "Я считал, что правительство его величества сознательно тянет время".

Советский Союз, хотя тогда еще и не был членом Лиги Наций, также был приглашен на Конференцию по разоружению. Советская делегация прибыла в Женеву с твердым намерением добиваться соглашения о разоружении и с определенным конкретным планом его достижения. Она предложила программу всеобщего и полного разоружения. На случай, если бы такие радикальные меры оказались неприемлемыми для других участников конференции, советская делегация заявила о своей готовности обсуждать любые другие предложения о разоружении. В этой связи она внесла проект конвенции о пропорциональном сокращении вооружений. Это была четкая и ясная позиция, свидетельствовавшая о том, что Советский Союз относится к идее разоружения по-деловому.

Английская делегация начала свою деятельность с того, что предотвратила принятие советских предложений. Это ей удалось сравнительно легко, поскольку Англия играла ведущую роль в Лиге Наций и на конференции (англичанин Гендерсон был председателем конференции), а также потому, что многие делегации империалистических держав поддерживали англичан, будучи незаинтересованными в действительном разоружении.

В октябре 1932 года Саймон, Иден и Ванситтарт, тогдашний постоянный заместитель министра иностранных дел, работали над запиской для правительства, формулирующей английскую позицию в отношении требований Германии предоставить ей "равные права и в области вооружений". Этот документ не получил определенной реакции со стороны кабинета, и в начале ноября 1932 года Идену пришлось возвратиться в Женеву, как он записал тогда в дневнике, "не располагая ни единым словом директив или указаний".

Вскоре, однако, указания последовали. На их основе и было налажено империалистическое соглашение о признании за Германией права на равенство в области вооружений. Германия потребовала снятия ограничений, наложенных на ее вооружения Версальским договором. Англия была за удовлетворение этого требования, Франция - против. Французские деятели понимали, что рост германских вооружений будет автоматически уменьшать безопасность Франции. Берлинское правительство угрожало, что уйдет с конференции, если его требование не будет удовлетворено. В конце концов германский и английский нажим, поддержанный Соединенными Штатами и Италией, вынудил

Францию уступить, и 11 декабря 1932 г. была опубликована декларация этих пяти держав, признавшая за Германией право на равенство в вооружениях. Поскольку это решение не сопровождалось соглашением об общем разоружении, оно неизбежно должно было подхлестнуть всеобщую гонку вооружений. Так усилиями Англии и ряда других буржуазных стран Женевская конференция превращалась из конференции по разоружению в конференцию по вооружению.

Английское правительство проводило в Женеве совершенно определенную линию. Она состояла, во-первых, в том, чтобы срывать принятие советских предложений. Отвергнув советские планы разоружения, Англия и ее империалистические партнеры не допустили и принятия представленного СССР проекта декларации об определении нападающей стороны. Иден требовал "эластичности" при установлении фактов агрессии и заявлял, что вопрос о том, кто первый перешел границу, имеет "второстепенное значение".

Во-вторых, английская позиция сводилась к тому, чтобы добиться ограничения вооружения партнеров, сохранив в полном объеме свои собственные. Делалось это достаточно просто и цинично. Адмирал Паунд настаивал на сохранении линкоров (наиболее важный элемент британского военно-морского флота) и требовал упразднения подводных лодок, которые представляли серьезную угрозу для английских надводных военных судов. Британские генералы готовы были согласиться на запрещение тяжелой артиллерии и тяжелых танков (их у Англии не было) и охотно шли на некоторое ограничение военной авиации. "Я писал Болдуину, - вспоминает Иден, - что, поскольку мы слабы в отношении авиации, любые международные ограничения должны быть нам только на пользу". В то же время английская делегация возражала против полного запрещения бомбардировочной авиации, которая нужна была Лондону для подавления национально-освободительного движения в колониях.

Позицию английского правительства и его империалистических партнеров в Женеве за пять лет до этого очень удачно в сатирической форме изобразил Уинстон Черчилль в одной из речей под названием "Басня о разоружении": "Однажды все звери в зоологическом саду решили разоружаться и организовали конференцию, которая должна была осуществить это. Открывая конференцию, носорог заявил, что употребление зубов - варварство, которое следует строжайше запретить; рога же, являющиеся в основном оборонительным оружием, конечно, должны быть разрешены. Буйвол, олень, дикобраз заявили, что они будут голосовать вместе с носорогом. Но лев и тигр заняли

иную позицию, защищая зубы и даже когти, служащие почетным оружием с незапамятных времен. Льва и тигра поддержали пантера, леопард, пума и племя малых кошек. Затем слово взял медведь. Он предложил, чтобы ни зубы, ни рога никогда более не использовались в драке ни одним зверем; совершенно достаточно, если зверям будет позволено в случае ссоры хорошенько сжать друг друга в объятиях. Кто может возражать против этого? Это так, по-братски; это будет великим шагом на пути к миру. Однако всех других зверей очень задело предложение медведя, а индюшка впала даже в панику. Дискуссия стала такой накаленной, и все звери, споря относительно мирных намерений, которые свели их вместе, настолько сосредоточились на мыслях о рогах, зубах и зажимах.., что стали поглядывать друг на друга с крайним озлоблением. К счастью, служители сумели успокоить их и развели по клеткам". Женевская конференция по разоружению удивительно точно воспроизвела в жизни басню Черчилля с той только разницей, что в мире не оказалось сил, способных сыграть роль служителей.

Письма Идена в Лондон отражали его нараставшую тревогу по поводу того, что в Женеве очень плохое впечатление производила тактика английской делегации, критиковавшей и отвергавшей чужие предложения, но не предлагавшей со своей стороны ничего позитивного. Это длилось уже год. Даже самым наивным людям стало ясно, что Англия не желает разоружения и умышленно тянет время в расчете на то, что в конце концов конференция тихо скончается. Идеи видел, что все это причиняет ущерб престижу Англии, и хотел как-то поправить дело. Он предложил выработать детальную конвенцию о разоружении и положить ее на стол конференции с тем, чтобы снять с Англии ответственность за ее провал. "Мне представляется единственной оставшейся у нас возможностью, - писал Иден Саймону, - в случае, провала конференции четко продемонстрировать перед всем миром, что мы сделали все возможное для обеспечения ее успеха". В Лондоне поняли обоснованность его тревоги. Так родилась идея, вскоре вылившаяся в документ, известный в литературе как "план Макдональда" и почему- то получивший незаслуженно широкую рекламу.

Реализовывалась эта идея с непостижимой быстротой. То, что Форин оффис и другие министерства не смогли сделать за многие годы подготовки к Конференции по разоружению и за первые 13 месяцев ее работы, Иден и два сотрудника его аппарата - Александр Кадоган и Уильям Малкин выполнили в Женеве за один уикенд. Для выработки такого документа, как международная конвенция о разоружении, - срок невероятный.

Подготовленный документ был быстро перепечатан, и 2 марта 1933 г. Иден с Кадоганом повезли его в Лондон. Макдональд, Болдуин, Саймон, Ванситтарт, а также комитет кабинета по внешней политике дружно одобрили проект конвенции. Было решено, что Макдональд и Саймон отправятся в Женеву, чтобы поторжественнее внести проект на рассмотрение конференции.

11 марта Макдональд и Саймон прибыли в Женеву. И здесь все предприятие чуть не рухнуло. Итальянский представитель на конференции Алоизи передал Макдональду приглашение Муссолини встретиться с ним. 14 марта Иден записал в дневнике: "Премьер-министр в полном восхищении от идеи визита в Рим и отказывается от всей идеи конвенции (о разоружении. - В. Т.). После ухода Алоизи мы беседовали с премьер-министром вдвоем. Я сказал ему, что, если он, пробыв неделю, покинет Женеву, даже не попытавшись что-либо предпринять, это произведет в высшей степени неприятное впечатление. В конце концов он согласился и признал, что конференции нужно "кинуть что-то в клюв"".

16 марта 1933 г. Макдональд выступил на Конференции по разоружению и изложил свой план решения проблемы, представив английский проект конвенции. Речь, по словам Идена, "критиковали за сумбурность и напыщенность, но она сделала свое дело". Так называемый "план Макдональда", а точнее план Идена - Кадогана - Малкина, представлял собой винегрет из различных приемлемых для Англии предложений, внесенных ранее на конференции. Отсюда - быстрота и легкость его изготовления. В то же время его авторы провели четкую тенденцию: план содержал аргументацию в пользу перевооружения Германии и предусматривал определенные преимущества для Англии в области вооружений по сравнению с другими странами.

Перед Иденом стояла неблагодарная задача: он должен был всерьез обсуждать со своими партнерами документ, который был состряпан и помпезно внесен на рассмотрение конференции не с целью решения проблемы разоружения, а как дезинформационно-пропагандистский ход, призванный замаскировать негативную позицию Англии и снять с нее ответственность за грядущий близкий провал конференции. Сложность заключалась в том, что партнеры Идена прекрасно понимали смысл английской "инициативы". Идену приходилось делать хорошую мину при плохой игре.

Его партнерами в Женеве были крупные буржуазные деятели и дипломаты тех лет, такие как француз Бонкур, немец Нейрат, австриец Дольфус, итальянец Алоизи, чех Бенеш, румын

Титулеску и американский наблюдатель Дэвис. От них Иден многому научился в области буржуазной дипломатии и техники ведения переговоров. И если впоследствии его считали мастером дипломатических переговоров, то именно Женеве 1932 - 1933 годов принадлежит первостепенная роль в шлифовке этого умения. За прошедшие долгие месяцы работы Конференции по разоружению Иден привык к Женеве, проводил там много времени и чувствовал себя как дома в викторианского стиля гостиной своего номера в отеле "Бо риваж".

Сразу же после внесения на рассмотрение конференции английского проекта Макдональд поспешно выехал в Рим, на встречу с Муссолини. Его отъезд лишний раз продемонстрировал отрицательное отношение Лондона к конференции и показал, что, как бы ни тужилась английская печать, рекламируя "план Макдональда", сами англичане не принимают его всерьез. Переговоры в Риме сразу же переключили внимание дипломатии европейских стран с Женевы на Италию, и "план Макдональда" был оставлен без особого внимания. Встреча же английского премьера с итальянским фашистским диктатором выявила действительное направление английской политики, состоявшее в достижении соглашения с фашистскими державами. Конкретно Макдональд надеялся достичь этого в рамках "пакта четырех", включавшего Англию (для нее, конечно, предназначалась руководящая роль), Францию, Италию и Германию. "Ирония заключается в том, - замечает биограф Идена Д. Бардене, - что не успел еще Гитлер уничтожить демократию в Германии, а мы уже бежали за ним, умоляя его объединиться вместе с Муссолини в пакте четырех держав".

Французский министр иностранных дел Поль Бонкур говорил о замыслах английского правительства, связанных с "пактом четырех": "Идея состоит в том, чтобы добиться объединения внутри Лиги Наций нескольких крупных держав, предоставляя Лондону роль арбитра". Из-за сопротивления Франции пакт, подписанный в июле 1933 года, не был ратифицирован. Потребовалось всего пять лет, чтобы прямая дорога от "пакта четырех" привела Англию и других членов пакта к мюнхенскому сговору.

Когда печально знаменитое паломничество английского премьера к Муссолини и "план Макдональда", предложенный Конференции по разоружению, обсуждались в палате общин, эти акции кабинета вызвали резкую отповедь со стороны Уинстона Черчилля. Он напрямую выступил против идеи разоружения, заявив, что конференции по разоружению приносят больше вреда, чем пользы. Во всяком случае одна такая конференция уже

обошлась английским налогоплательщикам в 40 тыс. ф. ст. Лучше бы Макдональд сидел дома и занимался внутренними проблемами, а не брался за дела, в которых не разбирается. Внешнеполитические заботы должны быть оставлены на попечение послов, имеющих необходимую подготовку и понимающих суть дела. Заявление это было сделано в присущем Черчиллю агрессивном тоне, усиливавшемся из-за личной неприязни, которую тот питал к Макдональду.

И здесь на выручку премьеру бросился Иден. Для него уже стало правилом выручать старших, невзирая на то, нравятся ему их поступки или нет. Это качество в Идене очень ценила старая консервативная гвардия, и прежде всего Болдуин. Надежность и безотказность - необходимые качества для политика, делающего карьеру. Бледный и напряженный, рассказывает один из биографов, поднялся Антони Иден, чтобы защитить Макдональда. Глядя на Черчилля, он заявил, что обвинения в адрес премьер-министра являются "злобным абсурдом". Новые времена требуют новых методов. Поездка в Рим - это и есть новый метод. Она может содействовать сближению Франции и Германии и т. д.

В общем Иден еще раз продемонстрировал свою благонадежность. Интересно, что это резкое по форме выступление не испортило в будущем его отношений с Черчиллем, ведь английские парламентские баталии - это зачастую, по существу, игра.

По мере того как международная обстановка ухудшалась, акции Идена быстро поднимались. К 1 января 1934 г. он получил великолепный новогодний подарок: осуществилась его голубая мечта, он стал полным министром, членом правительства. Вечером накануне рождества Макдональд пригласил Идена и предложил ему назначение на пост лорда-хранителя печати. По существу, это пост министра без портфеля; лицо, его занимающее, обычно входит в состав кабинета, но не возглавляет определенное министерство, а выполняет те или иные специальные поручения. Макдональд предложил этот пост Идену без включения его в состав кабинета. Его обязанности остались прежними - представительство в Лиге Наций и проблема разоружения.

Иден попросил несколько часов на размышления, чтобы посоветоваться со своим ангелом-хранителем Стэнли Болдуином. Болдуин объяснил своему протеже, что ему с большим трудом удалось устроить это назначение и что оно представляется чрезвычайно перспективным: если Иден не сможет продвинуться еще выше в составе нынешнего правительства, пост лорда-хранителя печати даст ему возможность претендовать на большее

в будущем правительстве.

В новом звании Иден был как бы прикомандирован к Форин оффис в качестве его второго руководителя. "В результате, - пишет И. М. Майский, - на известный срок в Англии оказалось два министра иностранных дел - "старший" в лице Саймона и "младший" в лице Идена... Отношения между ними были натянутые... В британском ведомстве иностранных дел все время шла внутренняя борьба".

К этому времени Антони Идену было всего 36 лет - по английским стандартам совсем немного. С годами Иден приобретал солидность. Его безукоризненная элегантность привлекала широкое внимание журналистов. Бесчисленные фотографии молодого министра заполняли газеты в Англии и за рубежом. Весь мир оповещался о том, как изящно умеет Идеи одеваться, в каких магазинах покупает шляпы и галстуки. В глазах обывателей он был воплощением аристократизма, ему старательно подражали мелкие чиновники, делающие карьеру.

Noblesse oblige, и Иден меняет свою лондонскую резиденцию. Он переезжает в более респектабельный дом, расположенный в районе Мэйфэр, примыкающем к Гайд-парку, - здесь традиционно обитает лондонская знать. Дом хорошо обставлен и обслуживается прислугой, одетой в красные с синим ливреи.

Более просторным и солидным стал и кабинет Идена в Форин оффис. Система английской государственной службы имеет строгие, хотя и неписаные, правила, фиксирующие продвижение человека вверх по служебной лестнице. Это подчеркивается оформлением его кабинета за счет имеющихся в распоряжении учреждения мебели и других предметов: более массивным чернильным прибором, большего размера ковром на полу и даже более изящными каминными щипцами. Все это является барометром, определяющим положение хозяина кабинета. Барометр Идена устойчиво показывал "ясно".

Наблюдая за рекламой Антони Идена в печати, некоторые публицисты попытались уже тогда всерьез оценить личность бурно восходящей политической звезды. Молодой политический комментатор Рандольф Черчилль, сын Уинстона Черчилля, опубликовал в 1934 году большую статью об Идене. "Самое последнее политическое увлечение, - пишет Рандольф, - это культ Антони Идена, который впервые обрел международную славу прошлым летом, когда французские газеты решили, что он одевается лучше всех в Англии. С тех пор политические прорицатели льстят ему, пророча, что он будет следующим лидером консервативной партии. У Антони Идена прекрасная осанка, почтительные манеры, у него всегда есть вежливое слово

для каждого, он обладает безграничным терпением и послушанием в отношении старших. Сверх того, через жену он связан с влиятельной семьей Бекеттов, играющей важную роль не только в Вестминстерском банке, но также и в руководстве газетой "Йоркшир пост", этой опоры ортодоксального консерватизма. Многие сильные лица и группы объединяются сейчас в хоре похвал. Нам говорят: как это замечательно, что такой молодой человек достиг столь высокого поста. Если принять в расчет его ограниченные способности, то это действительно замечательно... Антони Иден не обладает ни одним качеством, присущим молодости. Именно поэтому ему сопутствовал успех, успех с благожелательного соизволения старших. Его успех будет продолжаться только до тех пор, пока он будет служить им. Старики могут дурачить молодых людей с обещающими задатками, заявляя им: "Посмотрите на блестящее продвижение, которое мы обеспечили этому молодому человеку, Антони Идену". При этом они знают, что он не представляет для них никакой угрозы... Антони Иден всегда будет выигрывать, ибо старая шайка всегда будет поощрять скорее посредственность, чем яркие способности. Истинные же способности всегда будут подавляться".

Качества Идена, столь безжалостно охарактеризованные Рандольфом Черчиллем, были безусловно очень важны для старой гвардии консерваторов, державших в своих руках правительство. Не менее важна была для них уверенность, что Иден разделяет их взгляды, согласен с их политической линией и будет ее усердно осуществлять. Было ясно, что в недалеком будущем предстоит принять важные решения. И Иден оправдал их доверие.

Еще в декабре 1933 года английское правительство начало готовиться к новому туру переговоров с Германией. К этому времени у "умиротворителей" имелся уже солидный "задел". Продвинулось вперед дело с "пактом четырех?. В Женеве юридически было оформлено право Германии на довооружение. В "плане Макдональда" Англия официально предложила санкционировать для Германии 200-тысячную армию, отменив соответствующую статью Версальского мирного договора, разрешавшую Германии иметь не более 100 тыс. солдат и офицеров в вооруженных силах. Но как только уступки были сделаны, гитлеровцы тут же заявили, что им нужна 300-тысячная армия. В Париже забеспокоились, и было от чего.

Уже к этому времени там хорошо поняли, чего можно ожидать, когда в Лондоне заговаривают о переговорах с Берлином. Французское правительство, как замечает Иден,

"опасалось, что любые переговоры с германским правительством будут иметь своим результатом новые уступки". Французские правящие круги сознавали, что перевооружение Германии, которой управляют люди, официально поднявшие знамя реванша, представляет серьезную опасность для Франции. Отсюда и возражения из Парижа против некоторых английских предложений, возражения робкие и непоследовательные, но вызывавшие раздражение у английских министров и газет.

На протяжении многих лет английские политики пытались играть к выгоде Англии, сталкивая Германию и Францию. Эта игра активно велась и после первой мировой войны. Иден пишет об "английской тенденции поддерживать слабого против сильного, что может быть просто инстинктивным стремлением к балансу сил" - одному из важнейших принципов в английской внешней политике. Англия стремилась придерживаться этого принципа, чтобы самой выступать в качестве арбитра и господствующей силы в Европе.

В первой половине 30-х годов во Франции имелись реалистически мыслящие политики, понимающие, что английская игра в "баланс сил" может привести Францию к катастрофе. Особенно хорошо понимал это Барту, министр иностранных дел. Он выступал за франко-советский пакт против нацистской агрессии и за вступление СССР в Лигу Наций.

Чтобы оказать нажим на французов и подчеркнуть перед нацистами свою твердую решимость договориться с ними об уровне вооружений, в Лондоне был опубликован по этому вопросу меморандум, признавший, как пишет Иден, "неизбежность определенного перевооружения Германии". Еще раз английское правительство заявило, что Германия должна иметь 200-тысячную армию; предлагалось разрешить ей иметь и танки. Чтобы сделать приемлемыми для общественного мнения эти уступки, в меморандуме говорилось, что они необходимы для достижения соглашения о конвенции, ограничивающей вооружение сроком на десять лет. Разоружение через гонку вооружений - такова логика английской позиции!

Палата общин обсуждала меморандум. Это опять был нажим на Францию, реверанс в сторону Берлина и дезориентация английского народа. Содержащиеся в меморандуме предложения разумны, заявил министр иностранных дел Саймон, Германии должно быть обеспечено право на "равенство в вооружениях". Он сообщил, что Иден вскоре отправится в Париж, Рим и Берлин с целью обсудить там эти английские предложения. "Саймон изображал дело так, - замечает Бардене, - будто большой подарок преподносится англичанам, когда Гитлер и Муссолини любезно

соглашаются беседовать о разоружении, - это невзирая на известный факт, что Германия и Италия вооружаются до зубов".

Выступивший в дебатах Иден безоговорочно защищал меморандум. "Мы верим, - говорил он, - что в общем и целом этот документ справедлив, поэтому он должен быть поддержан и от него нельзя отступать". В своих мемуарах Иден не вспомнил об этой речи. И не случайно. "Комментарии представителей лейбористской оппозиции, - пишет Бардене, - явились предупреждением для палаты общин, что "умиротворение" уже началось, как это в действительности и было".

Возникает законный вопрос: может быть, в Лондоне не имели представления о замыслах нацистской Германии и в неведении содействовали ей в подготовке к их реализации? Документы дают на этот вопрос отрицательный ответ. Именно к моменту опубликования упомянутого меморандума, в январе 1934 года, английское правительство получило от своего посла в Германии Эрика Фиппса важное донесение. Посол сообщал, что новый германский режим, пришедший на смену Веймарской республике, может в будущем развязать международный конфликт, ибо "нацистская Германия не верит ни в Лигу Наций, ни в переговоры". Гитлеровская политика, писал Фиппс, преследует четыре цели: присоединение Австрии, восстановление восточных границ, экспансия на Юг и на Восток и возвращение ряда колоний. Что же можно сделать в этих условиях? Если Гитлер обнаружит, что ему не оказывают сопротивления, темп его продвижения увеличится; с другой стороны, если он встретит энергичный отпор, то на данной стадии не рискнет пойти на разрыв. Как признает сам Иден, Фиппс "считал, что Германия все еще вполне сознает свою слабость и изоляцию и ее можно остановить объединенным фронтом зарубежных стран".

Таким образом, английское правительство было прекрасно осведомлено об агрессивных замыслах Германии, о том, что эти замыслы непосредственно угрожают самой Англии, что Гитлера можно остановить, прекратив оказывать ему поддержку и создав единый фронт государств против агрессии. Знаменательно, что советская дипломатия аналогичным образом расценивала положение дел в Европе и предлагала те же меры борьбы с агрессией.

Английское правительство скрыло от парламента и общественного мнения соображения своего посла и продолжало действовать в прямом противоречии с ними. Иден упаковывал чемодан, чтобы нанести визит Гитлеру и Муссолини. Почему же Лондон действовал вразрез со здравым смыслом? Потому, что британских лидеров слепила ненависть к СССР, а в планы

Гитлера входила канализация германской агрессии на Восток.

16 февраля 1934 г. министр английского правительства Антони Иден отправился в свое первое турне по столицам Европы. Его сопровождали главный советник Форин оффис Уильям Стрэнг, способный, энергичный, тогда еще молодой чиновник, мастерски готовивший проекты любых документов и речей, сделавший впоследствии большую дипломатическую карьеру; парламентский секретарь лорд Крэнборн, наследник титула маркизов Солсбери, одной из самых влиятельных и до сих пор семей в Англии; личный секретарь Роберт Хенки, сын известного государственного деятеля. Были устроены торжественные проводы; на вокзал явились Джон Саймон, французский, германский и итальянский послы и личный представитель премьер-министра. Таким образом подчеркивалось значение, придаваемое предстоящему визиту.

В нацистской столице Идена встретили демонстративно торжественно и тепло. В его беседе с Гитлером обсуждались детали, касающиеся уровней вооружений различных стран. Настаивая на 300-тысячной армии для Германии, фюрер настойчиво пугал английского министра "советской опасностью": "Россию никогда нельзя забывать, ибо, если Россия не является угрозой сегодня, она будет представлять страшную опасность завтра". В различных вариациях фашисты долго станут внушать эту мысль лондонским, парижским, вашингтонским политикам, и те охотно будут глубоко заглатывать антисоветскую наживку.

Ни о чем конкретно не условились, но дружеский контакт был установлен. Гитлер Идену понравился. На обед в английское посольство он явился в сопровождении Нейрата, Гесса и Геббельса. Иден наслаждался подчеркнутым вниманием нацистских лидеров к его персоне.

Внимание это объяснялось просто. Иден был первым членом правительства великой державы, который явился в Берлин для встречи с фюрером. Этот акт поднимал престиж фашистского главаря в глазах немецкого народа и мирового общественного мнения. Морально-политический выигрыш для гитлеровского режима был бесспорным. А именно в первые годы своего существования этот режим особенно нуждался в такой поддержке, и подчеркнутое гостеприимство не было высокой платой за нее. Вскоре нацисты обнаглеют и станут отказывать эмиссарам из Лондона и Парижа даже в элементарной вежливости. Но пока это было делом будущего.

В политике все в конечном итоге балансируется. Содействие поднятию престижа фашистских диктаторов оборачивалось против Лондона. Издержки "умиротворения"! На это обратил

внимание Идена французский министр иностранных дел Даладье, заметив, что английская привычка забираться ко льву в его пещеру влечет за собой потерю престижа.

Из Берлина Иден направился в Рим. То была его первая встреча с Муссолини. Итальянский дуче поддержал требования Гитлера в области вооружения Германии. В отличие от Берлина в Риме Идена встретили прохладно. Муссолини не пришел на обед в его честь, и Иден на день сократил свое пребывание в итальянской столице.

В целом собеседования Идена в Берлине и Риме никаких практических результатов не дали. Но они показали готовность английского правительства следовать по пути "умиротворения" фашизма.

17 сентября 1934 г. Советский Союз вступил в Лигу Наций. "Инициатива (в организации его приема в Лигу. - В. Т.), - пишет Иден, - безусловно принадлежала Франции, она персонифицировалась в лице ее министра иностранных дел". Англия не возражала против вступления СССР в Лигу Наций. По случаю принятия Советского Союза Иден произнес речь, в которой заявил, что этот шаг ведет к большей универсальности организации.

Со стороны английского правительства это не было актом лишь формальной вежливости. С каждым годом Советский Союз становился все более мощной державой. И хотя, как замечает Иден, в Лондоне "советская военная мощь в огромной степени недооценивалась до самого момента немецкого вторжения", английские политики не могли в своей дипломатической игре совершенно выбросить "советскую карту". Наблюдая с раздражением и недовольством за франко-советским сближением, лондонские деятели сочли необходимым не оставлять германское правительство в абсолютной уверенности, что никакое соглашение между Англией и СССР невозможно. Они рассудили, что немцев при случае можно было бы припугнуть возможностью соглашения с СССР, чтобы они стали более сговорчивыми. Отсюда и поддержка Англией вступления СССР в Лигу Наций, и некоторые другие акции, речь о которых пойдет ниже.

1935 год был насыщен крупными международными событиями. Он был очень важным годом и для Антони Идена. Его имя повседневно и привычно мелькало не только в английской, но и в мировой печати. Удивительно, как росла его популярность. Он никогда не выдвигал никаких спорных идей, не создавал своими действиями никаких прецедентов, в его речах не было остроты. По образному выражению Барденса, если Черчилль

называл лопату лопатой, то Иден, вероятно, определил бы ее как "инструмент, с которым мы все несомненно знакомы". И между тем, как ни странно, замечает Бардене, мир смотрел на него "как на человека молодого, свежего, не ленивца, не разочарованного, как на желаемый контраст с неискренним академизмом Джона Саймона, самодовольным благодушием Болдуина, интригами смуглолицего Лаваля, хвастливым неистовством Муссолини и угрозами Гитлера".

Нужно, однако, отдать должное молодому министру - он был очень трудолюбив и всю свою жизнь подчинил интересам дела, как он его понимал. Иден работал до переутомления и почти не отдыхал. Постоянные разъезды оставляли мало времени, когда он мог бы остаться с семьей. Его жена называла себя "вдовой дипломата". Подрастали два сына: Симон, родившийся в 1925 году, и Николас - в 1930. Иногда Идены вместе с детьми наезжали в замок Уорвик или в Виндлистоун к родственникам. Но былого великолепия там уже не было. В усадьбе не поддерживался, как прежде, образцовый порядок. Отец скончался. Мать постарела и по английской традиции занялась благотворительностью.

Когда Идену случалось задержаться в Лондоне, он по вечерам уединялся в своем кабинете, пытался отдохнуть, почитать. Но часто из министерства приносили красный ящик, в котором были срочные документы, и книгу приходилось откладывать в сторону. В редкие свободные вечера Иден заходил в свой клуб. Это, конечно, был Карл- тон-клуб, членами которого состоят консерваторы - члены парламента и кандидаты в парламент. Там велись непременные разговоры с коллегами о политике. Если удавалось пойти в кино, Идеи выбирал комедию, но чаще всего Беатрис приходилось идти в кино без мужа. По воскресеньям семья Иденов отправлялась в церковь. Антони внимательно прислушивался к словам молитвы, которую знал на память.

Иден любил спорт, особенно теннис по уикендам. В Женеве он поднимал своих секретарей в 7 часов утра, чтобы до заседаний сыграть партию в теннис. Однако твердого режима дня не существовало. Внешнеполитическая деятельность связана с постоянными разъездами, и значительную часть времени Идеи проводил в международных вагонах; самолетами тогда еще пользовались мало.

В начале 1935 года Иден вновь курсировал по столицам европейских держав. Эти поездки были вызваны решением английского правительства добиться в самое ближайшее время общего соглашения с фашистской Германией. В ходе осуществления политики "умиротворения" установилась следующая закономерность: за каждой уступкой агрессивной

державе следовали все новые и быстро увеличивавшиеся требования с ее стороны; "умиротворение" давало обратный результат.

В январе 1935 года Саарская область, находившаяся под управлением Лиги Наций, по плебисциту отошла к Германии. Как представитель Англии в Лиге Иден имел непосредственное отношение к этому акту. Выступая в Женеве по радио 18 января, он заявил, что "Лига Наций может вполне обоснованно поздравить себя с решением вопроса о Сааре". Странные это были восторги. Не связаны ли они были с воспоминаниями о том, что писал посол Фиппс годом ранее: "После того как Саар будет возвращен рейху, целью Гитлера станет исправление восточных границ и экспансия в южном и восточном направлениях".

Не прошло и двух недель после присоединения Саара к Германии, а Эрик Фиппс уже доносил в Лондон: "Считаю своим долгом предупредить, что результаты саарского плебисцита сделали Гитлера более независимым, а предзнаменование успеха любых переговоров с Германией - менее благоприятным". Английское правительство реагировало на это сообщение ускорением мер по достижению договоренности с Германией.

3 февраля 1935 г. было опубликовано совместное англо-французское коммюнике, в котором оба правительства не признавали за Германией права односторонне отходить от Версальского договора, то есть права вооружаться без их разрешения, и одновременно предлагали ей договориться о "всеобщем урегулировании". Это было предложение заменить Версаль новым широким соглашением.

Германское правительство уведомило англичан, что оно предпочло бы вести переговоры с ними один на один - традиционная тактика нацистов разъединять своих противников, чтобы ослабить их позиции. Однако двусторонние переговоры вполне устраивали английское правительство, ибо оно мечтало об англо-германской сделке, которую следовало лишь замаскировать участием в ней некоторых других стран. Было условлено, что Саймон и Иден отправятся 11 марта в Берлин.

Одновременно английское правительство решило оказать на германское правительство некоторый нажим, чтобы сделать его более сговорчивым. Это - тактический прием, часто применяемый в дипломатических переговорах. Нажим должен был выразиться в подчеркнутом установлении контактов (не более) с Советским Союзом. Было объявлено, что из Берлина Иден поедет в Москву, что не вызвало острой реакции в Берлине, где хорошо знали истинное отношение английских консерваторов к СССР, 4 марта лондонское правительство опубликовало "Белую книгу", в

которой предлагалось дополнительно израсходовать 10 млн. ф. ст. (сумма ничтожная) на укрепление вооруженных сил Англии. Необходимость такой меры мотивировалась перевооружением Германии, которое могло создать угрозу миру. Из Берлина ответили уведомлением, что визит английских эмиссаров откладывается, поскольку Гитлер простудился. Классический случай дипломатической болезни!

Но худшее было впереди. 9 марта берлинское правительство объявило, что в Германии существует военная авиация, а 16 марта - что вводится обязательная воинская повинность и создается регулярная армия из 36 дивизий общей численностью в 550 тыс. человек. Гитлер дерзко, в одностороннем порядке рвал в клочки Версальский договор. Нацисты сами брали то, что им готовились в результате "общего, соглашения" преподнести лондонские политики. Эти акции они осуществляли, будучи уверены в полной безнаказанности - Гитлер извлекал уроки из политики "умиротворения". Даже если бы у него были какие-то опасения на сей счет, английские правящие круги постарались бы заранее их рассеять. Газета "Таймс" опубликовала письмо известного "умиротворителя" лорда Лотиана, в котором осуждалась "Белая книга" и оправдывались действия германского правительства. Стэнли Болдуин заявил в палате общин, что не следует па одну Германию возлагать вину за гонку вооружений. Мысль сама по себе правильная, но высказана она так, что послужила нацистам поддержкой.

Вскоре встал вопрос: как быть с отложенным визитом Саймона и Идена к Гитлеру? Следовало бы, писал позднее Иден, заявить Берлину, что поскольку немцы разорвали односторонне свои обязательства накануне визита, то он утратил всякий смысл и откладывается на неопределенное время. Но "умиротворители" были упрямыми людьми - им плевали в лицо, а они делали вид, что не замечают этого. И английский кабинет принял решение: заявить протест в Берлине против нарушения договорных обязательств и... осуществить визит Саймона и Идена.

Лыоис Броад пишет по этому поводу: "Французы были ошеломлены. Люди па континенте, симпатизирующие Англии, - глубоко огорчены. Неужели министр иностранных дел не понимает, какой ущерб он причиняет убывающему престижу Англии? Сама логика создавшейся ситуации явно требует, чтобы Англия перестала добиваться нового соглашения с главой государства, который не признает подписи своих предшественников... Нет нужды спрашивать, хочет ли все еще Гитлер, чтобы визит состоялся. О чем другом он мог еще мечтать в такой момент? Визит английских деятелей в Берлин в

сложившихся обстоятельствах заключал в себе молчаливое согласие с нарушением Германией ее договорных обязательств. Уже самого факта визита было достаточно для целей Гитлера. Он вежливо согласился принять визитеров*.

Но прием был далеко не вежливым. Гитлер отказался принять английское предложение, чтобы Германия возвратилась в Лигу Наций, подтвердил свое намерение создать полумиллионную армию, военную авиацию и военно-морской флот, преподнес визитерам в сдержанно угрожающем тоне территориальные претензии, касавшиеся Австрии, Чехословакии, Мемеля. Кроме того, он потребовал возвращения Германии бывших колоний. Всякие разговоры о центрально-европейском или восточно-европейском пакте были отклонены: нацисты не желали связывать себе руки. При этом фюрер настойчиво твердил о "советской угрозе".

Требования Гитлера привели Саймона и Идена в замешательство. Они готовы были "умиротворять" агрессивные аппетиты нацистов, но не в такой степени и уж, безусловно, не за счет английских интересов. Подводя итоги берлинским переговорам, Иден записал в дневнике: "Результаты плохие... Весь тон и характер радикально отличаются от того, что было год назад. Перевооружились и перевооружаются в старом прусском духе".

На официальном обеде в честь английских эмиссаров разговор зашел о первой мировой войне. Обнаружилось, что Иден и Гитлер в марте 1918 года находились на одном и том же участке фронта друг против друга. Оба принялись рисовать схему на обратной стороне меню и затем расписались на ней. "Она все еще хранится у меня, подписанная нами обоими", - сообщал Иден в 1962 году. Французский посол Понсэ после обеда спросил Идена: "Вы действительно находились напротив Гитлера? И не воспользовались случаем? Вас надо расстрелять!"

Из Берлина Саймон вернулся в Лондон, а Иден отправился в Москву - устанавливать контакты.

С точки зрения дипломатического протокола, было далеко не безразлично, кто из английских министров поедет в Москву. Даже Макдональд, по словам Идена, "считал неправильным, что два министра поедут в германскую столицу и только один - в Москву... Кое-что в этом действительно было, но русские не создавали затруднений". Да, Советское правительство в стремлении к коллективной безопасности пренебрегало мелкими провокациями со стороны своих недругов.

Во время заседания кабинета, на котором шла речь о поездке в Москву, Стэнли Болдуин прислал Идену записку, в шутливой

форме рекомендуя ему необходимое снаряжение для Москвы. Перечень включал: две дюжины бутылок виски, две дюжины сифонов содовой воды, ящик полусухого шампанского, консервированные сардины, мясо, овощи...

Жизнь неоднократно подтверждала, что пропаганда порой формирует взгляды и понятия не только тех, на кого она рассчитана, но и тех, кто ее ведет. В политике это весьма опасно, ибо создает превратное впечатление о противнике. Конечно, если консерваторы считали, что в Москву нужно ехать со своей морковью и содовой водой, это не имело серьезного значения. Но когда они внушили себе неверное представление о мощи СССР, это повлекло за собой ряд крупнейших просчетов.

27 марта 1935 г. Иден специальным поездом выехал из Берлина в свою, употребляя его же слова, "прокаженную поездку". Он устал, пытался в поезде читать учебник русского языка, которым снабдила его жена на дорогу, по вскоре оставил это занятие. На границе его ожидал специальный советский поезд. Много позже Иден вспоминал комфорт, с которым он ехал по советской территории, п стол в салон-вагоне, полностью опровергавший прогнозы Стэнли Болдуина.

Зато вспоминая свое первое посещение Москвы, Иден брюзжит по любому поводу. Его не устраивает встреча на вокзале, ему не нравится, как сделаны английские флаги, он сетует даже на московское небо. "Мрачный двухмильный путь от вокзала до посольства, - пишет Иден, - надолго запомнился мне. Огромные серые толпы... Погода, улицы, люди - все казалось серым, печальным и бесконечным". Предвзятость и недоброжелательность английского министра к СССР помешали ему увидеть нашу столицу и ее жителей в истинном свете. Только Кремль, хорошо видный из здания английского посольства на Софийской набережной, понравился Идену: "элегантный, живого, мягкого розового цвета; мало найдется более красивых видов в мире".

В переговорах кроме Идена участвовали главный советник Форин оффис Стрэнг, подробно записывавший беседы, и посол в СССР Чилстон. С советской стороны переговоры вели И. В. Сталин и М. М. Литвинов. На переговорах присутствовали Председатель Совнаркома В. М. Молотов и советский посол в Англии И. М. Майский.

Переговоры сразу приняли деловой характер. Иден доносил своему правительству, что советские представители прекрасно разбираются в международных делах. Позднее ему пришлось признать, что высказанные ими прогнозы о перспективах развития международных отношений оказались значительно

более точными, чем оценки, дававшиеся английским правительством.

Иден поставил вопрос о возможности "санкционировать на известном уровне вооружения Германии". В ответ ему было сказано, что Советский Союз не считает возможным пойти на легализацию германских вооружений. Идену было разъяснено, что речь идет не об исправлении несправедливостей Версальского мира, а о подготовке Германии к агрессии. Это совершенно различные вещи. "Мы не можем закрывать глаза на то, - заявили советские руководители, - что Германия вооружается для нападения. Стало быть, в настоящий момент нам нужно принять меры к тому, чтобы помешать Германии вооружаться!"

Иден пытался убедить оппонентов в том, что они преувеличивают стремление Германии к агрессии. В ответ ему было заявлено, что у Советского правительства нет ни малейших сомнений в германской агрессивности, ибо германская внешняя политика вдохновляется двумя основными идеями - идеей реванша и идеей господства в Европе. Прошло менее пяти лет, и жизнь показала всю правильность этой оценки.

В Москве прекрасно понимали, что английские политики стремятся подтолкнуть Германию к нападению на Советский Союз. Поэтому Идена предупредили, что, делая ставку на это, можно сильно обжечь руки. "Сейчас, - заявили ему, - было бы еще преждевременно сказать, в какую именно сторону Германия в первую очередь направит свой удар. В частности, вполне допустимо и даже более вероятно, что первый удар будет направлен и не против СССР... Вообще Гитлер, выдвигая в настоящее время на первый план восточную экспансию, хочет поймать на удочку западные государства и добиться от них санкции его вооружений. Когда эти вооружения достигнут желательного для Гитлера уровня, пушки могут начать стрелять совсем в другом направлении". История показала, насколько точным был и этот прогноз.

Иден не был оставлен в неведении относительно того, как в СССР понимают английскую политику "умиротворения". С одной стороны, Германия с ее явно агрессивными намерениями. С другой стороны, есть ряд государств, которые пытаются остановить Германию. Англия, не желая поддержать эти попытки, оказывает тем самым поддержку Германии.

В беседах с советскими руководителями Иден держался очень осторожно. Когда ему предстояло встретиться со Сталиным один на один, он был озабочен тем, чтобы иметь своего свидетеля при этом разговоре. И вот почему: "Я знал, что ряд моих коллег в Англии были против этого визита и, следовательно, против меня.

Па этом основании я хотел, чтобы Чилстон был авторитетным свидетелем и слышал все, что я скажу".

Во время беседы И. В. Сталин спросил Идена, считает ли он нынешнее положение в Европе более тревожным, чем в 1913 году. Иден ответил: "Я скорее употребил бы слово "беспокойным", чем "тревожным". Существование Лиги Наций, членами которой являются все европейские страны, за исключением Германии, представляет собой преимущество, которое отсутствовало накануне первой мировой войны". На это Сталин заметил: "Я согласен относительно ценности Лиги, но я думаю, что международное положение тем не менее значительно хуже. В 1913 году был только один потенциальный агрессор. Сегодня их два: Германия и Япония". Позднее Иден резюмировал: "Будущие события вскоре должны были подтвердить эти слова".

В заключение визита было согласовано совместное коммюнике. У английских дипломатов есть правило всегда, где это возможно, представлять свой документ и добиваться принятия его за основу для последующего обсуждения. Это, как считают, имеет известные преимущества. Так было и на этот раз. Иден привез с собой проект коммюнике. Советская сторона предложила свои поправки, и обсуждение затянулось. Оно продолжалось даже в антрактах в Большом театре, где в день отъезда Иден смотрел балет "Три толстяка", и практически до самого отхода специального поезда, увозившего из Москвы английского представителя. Затянувшееся обсуждение текста коммюнике было вполне естественным. Подобные документы всегда являются результатом компромисса, и стороны должны определить для себя его пределы.

Историки и публицисты констатировали содержательность итогового коммюнике, что выгодно отличало его от большинства аналогичных документов. В коммюнике отмечалось, что в настоящее время нет противоречий между интересами Англии и Советского Союза по каким-либо крупным проблемам международной политики и это создает прочную основу для развития полезного сотрудничества между ними в борьбе за сохранение мира. Обе стороны обещали руководствоваться в своих взаимных отношениях духом сотрудничества, в частности в общих усилиях двух стран по созданию организации для поддержания коллективной безопасности и мира.

Дипломатические коммюнике по-разному отражают действительные позиции договаривающихся сторон. Они способны точно выражать их настоящие интересы и устремления, но могут и многое недоговаривать, то есть не раскрывать полностью намерения сторон в определенных вопросах. Наконец,

коммюнике говорят по тактическим соображениям иногда значительно больше, чем в действительности имеют в виду подписывающие их правительства. Критерием соответствия положений коммюнике реальности являются практические внешнеполитические акции соответствующих правительств.

Если подходить с этой позиции к оценке коммюнике о пребывании Идена в СССР в марте 1935 года, то следует признать, что оно точно отражало позицию Москвы и совсем не соответствовало истинной позиции Лондона.

Советский Союз действительно считал, что у него нет радикальных противоречий с Англией, а английские правящие круги полагали, что само существование социалистического государства противоречит жизненным интересам их страны. Советское правительство желало сотрудничать с английским в деле создания системы коллективной безопасности, а английское правительство своей политикой "умиротворения" агрессоров взрывало усилия СССР и других стран, стремившихся коллективными усилиями сохранить мир. Кульминацией этой политики "умиротворения" был Мюнхен. Если Москва стремилась в двусторонних отношениях с Англией руководствоваться духом сотрудничества, то для политики Лондона была характерна последовательная враждебность в отношении СССР, приведшая Англию в начале 1940 года к решению начать вместе с Францией войну против Советской страны (этому помешали события, не зависевшие от английского правительства).

Пусть Лондон преследовал визитом Идена ограниченные цели - выяснить, какие настроения в Москве, и показать немцам, что Англия может пойти и на улучшение отношений с СССР. Тем не менее визит имел немалое значение. Он продемонстрировал, что международная роль Советского государства выросла настолько, что даже английские консерваторы вынуждены признать это. Переговоры с Иденом дали возможность еще раз изложить английскому правительству, а в известной мере и всему мировому общественному мнению концепцию советской миролюбивой внешней политики. Первый приезд Идена в Москву был полезен и для будущего, когда в годы второй мировой войны англо-советские отношения развивались на новой основе и Советскому правительству вновь пришлось иметь дело с Иденом как представителем одного из ведущих членов антигитлеровской коалиции.

Беседы с советскими руководителями произвели на Идена сильное впечатление. Вернувшись из Москвы, он говорил: "Что бы мы ни думали об эксперименте, который сейчас проводится в Советской России, но я никогда но был в стране, которая... была

бы больше занята на многие годы вперед своей внутренней работой... Наблюдатель действительно придет к выводу, что Россия во имя своих собственных интересов будет против всего, что может расстроить механизм, который она так трудолюбиво создает. И ничто так сильно не может нарушить его, как домна".

Визит Идена характеризовал собой положительный сдвиг в советско-английских отношениях. Но настроения, существовавшие в английском правительстве по отношению к СССР, помешали тогда же реализовать возможности, которые открывал этот визит. Как сообщает Иден, некоторые члены кабинета, придерживавшиеся религиозных взглядов, считали коммунизм движением антихриста. Другие были достаточно храбры, чтобы подумать о том, не следует ли "сесть за стол с дьяволом", но они сомневались, много ли он может предложить. В Англии существовало почти всеобщее мнение, что "военная мощь Советов расстроена и низкого качества". Это как раз гот случай, когда самоодурманивание собственной пропагандой возымело серьезные политические последствия. Предостережения, которые были сделаны Идену в Москве относительно опасности внешнеполитического курса английского правительства, пали, как говорят в Англии, "на глухое ухо". Политика "умиротворения" продолжалась.

С июня 1935 года несколько изменился состав английского кабинета. "Национальное правительство" было реорганизовано. Лейбориста Макдональда и либерала Саймона заменили консерваторы: Болдуин стал премьер-министром не только по существу, но и официально, а Сэмюэль Хор - министром иностранных дел.

Идена эта перетасовка затронула весьма значительно. Когда пошли разговоры о переформировании правительства, он не сомневался, что портфель министра иностранных дел будет отдан ему. Выждав некоторое время - не последует ли такое предложение, - он решил сам поставить этот вопрос. Идеи пошел к Болдуину и просил не оставлять его в Форин оффис на вторых ролях при новом министре, заметив, между прочим, что в крайнем случае он готов возглавить военно-морское министерство. Болдуин обещал подумать. Через некоторое время Идену позвонил секретарь кабинета Морис Хэнки и поздравил его с портфелем министра иностранных дел, заявив, что это дело решенное. Когда в парламенте в тот же день Болдуин тронул Идена за плечо и сказал, что им нужно переговорить, Иден был уверен, что знает, о чем пойдет речь. Однако можно себе представить его разочарование, когда он услышал, что министром иностранных дел назначают Хора, а Идена просят

остаться в Форин оффис в качестве министра по делам Лиги Наций и члена кабинета. Иден стал возражать, и, как он сам рассказывает, "несмотря на нашу дружбу, Болдуин счел мое поведение несколько неразумным - ведь не всякий имеет шансы стать членом кабинета, когда ему еще нет 38 лет". Идену ничего не оставалось, как согласиться.

Впрочем, Болдуин был не виноват в том, что мечта Идена пока не осуществилась. Невиль Чемберлен, пользовавшийся всевозрастающим весом в руководстве партии, настоял, чтобы Хор, хорошо зарекомендовавший себя в министерстве по делам Индии, получил министерство иностранных дел. Другая весьма влиятельная личность - редактор "Таймс" Джефри Даусон тоже замолвил слово за Хора. Верхушка консерваторов сочла, что Хор лучше будет осуществлять политику "умиротворения", чем Иден.

Через десять дней после образования нового кабинета Англия, не уведомив заранее Францию, подписала с Германией соглашение, по которому последняя могла строить флот, равный 35% общего тоннажа флота Британского содружества наций, иметь тоннаж подводных лодок, равный общему тоннажу подводного флота Британского содружества. Одновременно Германия обязалась содержать подводный флот, не превышающий 45% подводного флота Содружества. Тем самым отменялись соответствующие положения Версальского договора. Если раньше Германия в одиночку нарушала этот договор, то теперь она делала это совместно с Англией.

Хотя Иден и не принимал участия в переговорах о военно-морском соглашении с Германией, ему было поручено поехать в Париж и успокоить озабоченное французское правительство. Иден пытался убедить министра иностранных дел Лаваля, что все действия англичан ведутся в интересах не только Англии, но и Франции, но не преуспел. 21 июня он телеграфировал в Лондон, что англо-германское военно-морское соглашение рассматривается в Париже "как наносящее удар по коммюнике от 3 февраля. Что бы мы ни говорили, это мнение не изменится".

В это время Иден совершает второе паломничество к Муссолини, открывшее очередной этап в английской политике "умиротворения" итальянского агрессора. На протяжении ряда лет итальянский фашизм готовился к захвату Эфиопии (Абиссинии) - независимого государства и Северо-Восточной Африке. После спровоцированного нм вооруженного столкновения на границе между Эфиопией и Итальянским Сомали мировому общественному мнению стало ясно, что вскоре Италия развяжет войну против Эфиопии. Обе страны были членами Лиги Наций.

11оэтому разрешение возникшего конфликта являлось ее прямым делом. Было ясно, что, если Лига и теперь не примет эффективных мер против агрессора, она тем самым подпишет себе смертный приговор и утратит какой бы то пи было международный авторитет. Тем не менее, стремясь развить и упрочить сотрудничество. с Муссолини, правящие круги Англии сразу же выступили на стороне Италии, невзирая на то, что захват ею Эфиопии явно ослабил бы английские позиции в этом районе.

Английская печать оказала замыслам Муссолини существенную поддержку, всячески понося Эфиопию и заранее оправдывая фашистский разбой. Лейбористский еженедельник "Ныо стейтсмен" утверждал, что Эфиопия - это "варварская" страна. Консервативный журнал "Нэшнл ревью" писал, что Англия "имеет огромные интересы в Европе, и для нас... важно, чтобы Италия не была ослаблена колониальными затруднениями". Владелица другого консервативного журнала - "Сатэрдэй ревыо" - леди Хастон телеграфировала Муссолини: "Английские патриоты свидетельствуют свое почтение Муссолини - величайшему патриоту мира в связи с тем, что он намерен создать и достигнуть для Италии... Английские патриоты надеются, что Муссолини будет стоять твердо и пошлет к черту Лигу Наций, которая только для того и существует, чтобы дать возможность русскому большевизму уничтожить цивилизацию". Томпсон отмечает, что "многие правые консерваторы разделяли чувства леди Хастон, хотя не решались излагать их в таких категоричных выражениях".

А позиция самого правительства? На совещании в городе Стреза в апреле 1935 года Макдональд и Саймон выразили Муссолини молчаливое согласие на агрессию против Эфиопии. Вторым поощрением дуче была речь в парламенте нового министра иностранных дел Хора. Он просил членов палаты общин не верить не имеющим основания слухам, будто Англия намерена предпринять против Италии - "страны, которая была нашим другом со времени Рисорджименто", определенные недружественные меры вместе с французским правительством.

Стремясь удовлетворить Муссолини, но без войны, которая могла ослабить фашистский режим, английское правительство изобрело следующий план: Эфиопия уступает Италии часть своей территории, а за это Англия дает ей доступ к Красному морю, выделив коридор через территорию Британского Сомали. Такой план Идену и поручено было обсудить с Муссолини.

23 июня 1935 г. Иден прибыл в Рим. Как он ни старался, но не смог убедить дуче согласиться на английское предложение. Фашистам нужна была вся Эфиопия, а не ее часть. Намерения их были ясны и определенны, "Если мне придется прибегнуть к

войне для достижения своих целей, - заявил Идену Муссолини, - моей задачей будет стереть название "Эфиопия" с географической карты".

Огорченный неудачей своей миссии, Иден обсудил итоги встречи с английским послом в Риме Эриком Друммондом, и они пришли к выводу, что об этом следует доложить в Лондон, а уж там "пусть выбирают между поддержкой Лиги, ведущей к потере союзника (в лице Италии), и подрывом основ мира в Европе". Коллеги Идена по кабинету, не раздумывая, избрали вторую линию.

Когда же Иден выступил с публичным отчетом о рандеву с Муссолини в палате общин, он изложил в общих чертах предложения английского правительства Италии, но, по его собственному признанию, "ничего не сказал о требованиях Муссолини". Снова - в который уже раз - обман общественного мнения! Парламенту сообщили о предложениях, утративших уже всякий смысл, и умолчали о сути дела.

Так правящим кругам Англии удается дезинформировать и дезориентировать английский народ относительно характера их внешней политики. Однако наступают такие моменты, когда дезориентирующая пропаганда не в силах скрыть истинный смысл действий правительства, и тогда в народных массах растет глубокое недовольство.

Как же поступает в подобных случаях английское правительство? Меняет внешнеполитический курс? Ни в коем случае! Оно делает вид, что уступает настроениям масс, а затем, когда они успокоятся, пройдут парламентские выборы, правительство продолжает идти своим путем, постаравшись "доказать" общественному мнению, что иначе поступить нельзя. Этот традиционный английский (а может быть, и не только английский) прием в широком масштабе был применен в 1935 году.

Нарастание угрозы миру, японская агрессия в Китае, приход нацистов к власти в Германии, крах фарса с разоружением и шумно рекламируемая подготовка итальянского нападения на Эфиопию вызвали глубокую тревогу в английском общественном мнении. Рядом пацифистских организаций был проведен "плебисцит мира". Его результаты стали известны 27 июня 1935 г.: 11 млн. англичан проголосовали за участие Англии в Лиге Наций, за сокращение вооружений. Подавляющее большинство из них высказались за то, чтобы против агрессоров были применены экономические, а в случае необходимости и военные санкции. Это было внушительное требование английского народа к своему правительству поддержать Лигу Наций, эффективно бороться

против агрессии и коллективными мерами поддержать международную безопасность. Тем самым английский народ безоговорочно осудил политику "умиротворения".

Настроения широких масс были особенно опасны для консерваторов потому, что вскоре предстояли очередные выборы в парламент. Тогда правительство, чтобы удержаться у власти, организовало грандиозный политический обман.

Уезжая в Женеву, где должно состояться обсуждение итало-эфиопского конфликта, Иден не получил никаких определенных директив. Он оказался в трудном положении: по важнейшей проблеме, занимавшей тогда Лигу Наций, нужно было отделываться туманными, двусмысленными заявлениями.

А в Женеве ожидали, что Лондон четко сформулирует свою позицию. "Авеноль; генеральный секретарь Лиги Наций, - пишет Иден, - сообщил мне, что почти все делегаты имеют директивы последовать примеру Англии. Литвинов, в то время председательствовавший в Совете Лиги, неофициально предложил мне, чтобы Совет объявил, что он готов выполнить обязанности, возложенные на него Уставом". Идену оставалось только уклоняться от прямых ответов на подобные обращения. просто боюсь этих разговоров", - откровенно писал он своему коллеге по кабинету Ормсби-Гору.

Туманные декларации англичан весьма удивили итальянского представителя в Лиге Наций Алоизи. Как он заявил Идену, в Риме никак не ожидали, что Лондон займет такую позицию. И для того имелись веские основания, которые подкреплялись совсем недавними фактами. Когда безоружная Эфиопия, которой угрожала вооруженная до зубов Италия (англичане ей в свое время поставляли вооружение), обратилась в Лондон с просьбой продать хотя бы легкое стрелковое оружие, она получила отказ.

Затем произошло событие, поразившее многих. В Женеву для выступления в Лиге Наций прибыл Сэмюэль Хор. Когда Иден предварительно ознакомился с текстом его речи, он был поражен: Хор намеревался занять радикальную антиитальянскую позицию. Иден хотел было предложить некоторые поправки, чтобы сделать речь министра менее определенной, но Хор решительно отвел их, заявив, что Болдуин и Невиль Чемберлен внимательно изучили текст и одобрили его.

11 сентября Хор торжественно провозгласил в Ассамблее Лиги Наций, что "Лига и Англия вместе с ней стоят за коллективное обеспечение полного соблюдения Устава Лиги, и в особенности за твердое коллективное сопротивление всем актам неспровоцированной агрессии". Итало-эфиопский конфликт,

сказал он, в этом отношении не является исключением. "Недавняя реакция общественного мнения, - возвестил далее британский министр, - показывает, насколько дружно народ поддерживает правительство в его полном принятии обязательств, вытекающих из членства Англии в Лиге Наций".

Таким образом, голосование в "плебисците мира" против политики правительства было превращено в голосование за эту политику. Но то была еще не главная ложь, содержавшаяся в речи Хора. Главное обнаружилось позже.

Томпсон пишет: "Абсолютно ясно, что решение "национального правительства" заявить о безоговорочной поддержке Лиги Наций было вынужденным в связи с настроениями народа, нашедшими выражение в плебисците мира, и с тем фактом, что всеобщие выборы должны были состояться не позднее ноября 1935 года". Эту оценку разделяют многие буржуазные историки как в Англии, так и за ее пределами. Ее подтверждает и доверительная беседа между Невилем Чемберленом и Леопольдом Эмери, которую последний следующим образом записал в своем дневнике: "Мы должны были попытаться использовать Лигу Наций (в которую Чемберлен не очень-то верил) в целях внутренней политики. Речь не идет о том, что мы пойдем дальше самых мягких экономических санкций, таких как эмбарго на закупку итальянских товаров или продажу Италии военного снаряжения... Если дело обернется серьезно, французы откажутся первыми, а мы покажем, что сделали все, что могли". Чтобы Муссолини паче чаяния не принял речь Хора за чистую монету, то есть за изменение внешнеполитического курса Англии, Хор, как сообщает Иден, направил дуче "дружеское личное послание". В свете этих фактов неудивительно, что Тейлор определил действия английского правительства в Лиге Наций в сентябре - октябре 1935 года как "триумф лицемерия".

Речь Хора изменила настроение английских избирателей в пользу консерваторов, выборы в парламент были назначены на 14 ноября 1935 г. В своей избирательной программе тори клялись в верности Лиге Наций и заверяли всех и вся, что в "нынешнем несчастном споре между Италией и Эфиопией не будет колебаний в осуществлении линии, которую мы проводили до сих пор". Таким образом избирателю внушалось, что до сих пор проводилась линия на обуздание агрессора.

Грандиозный обман удался. Консерваторы получили в палате общин 387 мест. Это давало им вместе с примыкающими абсолютное большинство в 247 голосов. Лейбористы смогли провести лишь 154 депутата. Выборы 1935 года дали власть консерваторам практически на десять лет.

Иден был "героем дня" и в своих выступлениях всячески рекламировал упования консерваторов на Лигу Наций. В глазах общественного мнения он символизировал активную позицию английского правительства в Лиге Наций, направленную против агрессора. Консерваторов это вполне устраивало: ведь Иден был их человеком, и его заслуги ставились в актив тори.

Когда состоялась церемония вручения Идену документа об избрании его почетным гражданином города Лимингтона, на торжестве присутствовал Стэнли Болдуин. В речи по этому случаю Иден говорил: "Среди политических деятелей стало модным думать об отставке - о разведении свиней, домашней птицы, о кружке эля у камина (здесь последовал любезный жест в сторону Болдуина). Я обещаю не доставлять себе этого удовольствия. Мы все живем в эпоху, когда народы будут стараться понять друг друга. Только через Лигу мы можем надеяться создать в новом мире новый порядок, при котором ни одна страна никогда, даже на минуту, не подумает прибегнуть к войне как к инструменту национальной политики. Мы готовы во все времена сыграть свою роль в поддержании мира..." Политическая жизнь в Англии имеет свои правила. И Иден говорил то, что, как он знал, хотелось услышать его избирателям.

Речь Хора, естественно, не остановила, да и не имела целью остановить Муссолини. 3 октября 1935 г. Италия напала на Эфиопию. В Лондоне в тот же день была получена телеграмма от английского посланника в Аддис-Абебе, в которой сообщалось, что первые бомбы итальянцы сбросили на здание с медицинским оборудованием и медикаментами, над которым развевался флаг Красного Креста. Лига Наций при активном участии советской делегации приняла решение, устанавливающее нарушение Италией ее обязательств по Уставу Лиги и рекомендовавшее членам Лиги применить к Италии экономические санкции. Иден участвовал в принятии этого решения.

Поскольку до выборов в парламент оставался тогда еще месяц, английское правительство действовало по трем линиям: во-первых, оно стремилось всячески оттянуть срок вступления в силу объявленных санкций, и в частности препятствовало установлению эмбарго на ввоз нефти в Италию; во-вторых, сохраняло и развивало возможности для прямых переговоров с Муссолини; в-третьих, готовило компромисс, который удовлетворил бы итальянский фашизм за счет Эфиопии. Именно для этой цели в конце октября в Париж был послан руководитель эфиопского отдела Форин оффис Морис Петерсон, который вместе с французским коллегой разрабатывал условия компромисса. То была подготовка будущего соглашения Хора -

Лаваля. Основная часть работы осуществлялась в Женеве, где активно действовал Иден.

После того как прошли выборы в парламент, поиски мирных путей "умиротворения" итальянского фашизма усилились. Иден провел в министерстве иностранных дел совещание по выработке инструкций Петерсону. Петерсон, ведя в Париже переговоры с Лавалем, время от времени запрашивал указаний из Лондона и получал их от Идена. План, выработанный Петерсоном и его французским коллегой Сен-Квентином, получил предварительное одобрение английского правительства.

В начале декабря Сэмюэль Хор, направляясь на отдых в Швейцарию, заехал по пути в Париж и вместе с Лавалем принял этот план, предусматривавший расчленение Эфиопии и фактически передачу ее под контроль Италии.

Но вслед за тем произошли события, не предусмотренные английским кабинетом. Лаваль, старавшийся переусердствовать своих английских партнеров по части налаживания сотрудничества с Муссолини, допускает "утечку" информации, и содержание плана Хора - Лаваля появляется в газетах.

Французский министр хотел лишь застраховаться и лишить английское правительство возможности дать задний ход. Результат, однако, был совсем иной. Международное общественное мнение пришло в возмущение. Только что англичане радовались по поводу твердой позиции своего правительства в отношении итальянской агрессии, менее месяца назад они проголосовали за это правительство на выборах потому, что считали его сторонником Лиги Наций и опорой любой жертвы агрессии, а сейчас они узнали, что это же правительство продает несчастную Эфиопию итальянскому фашизму. Значит, речи английских представителей в Лиге и речи лидеров консерваторов на выборах были гнусным вероломством? Значит, консерваторы надули избирателей, а английское правительство обмануло мировое общественное мнение? Эти вопросы вставали перед каждым англичанином. На консервативных депутатов палаты общин обрушились тысячи возмущенных писем и запросов из их избирательных округов. Не менее глубокое возмущение охватило представителей различных стран в Лиге Наций. Наконец, британские доминионы недвусмысленно выразили свое неудовольствие. Правительство Болдуина оказалось в состоянии кризиса.

Лидеры консерваторов опасались, что многие консерваторы-"заднескамеечники" под воздействием возмущения, охватившего их избирательные округа, проголосуют в палате общин против правительства. Это грозило ему отставкой. Болдуин сознавал, что для выступления против правительства "заднескамеечники" нуждаются только в авторитетном лидере. Было два таких потенциальных деятеля - Уинстон Черчилль и Остин Чемберлен. На счастье Болдуина Черчилля не было в те дни в Англии: он-то уж явно не упустил бы момент и попытался бы свергнуть Болдуина. Чтобы нейтрализовать Остина Чемберлена, Болдуин предупредил его: "Остин, когда Сэм (имеется в виду Хор. - В. Т.) уйдет, я должен буду поговорить с тобой относительно Форин оффис". Эта попытка подкупа Остина Чемберлена оказалась успешной.

Хору (который ухитрился в Швейцарии сильно разбить нос, катаясь на коньках, и сейчас, срочно вызванный в Англию, отлеживался в постели) было предложено уйти в отставку. Его делали козлом отпущения.

19 декабря состоялись бурные дебаты в палате общин. Эттли предложил вотум недоверия правительству и заявил, что речь идет не только о чести Англии, но и о чести премьер-министра. И здесь вмешался Остин Чемберлен. Он заявил, что, каковы бы ни были расхождения во мнениях у консерваторов относительно тех или иных действий правительства, вызов, брошенный чести премьер- министра, должен быть всеми ими единодушно отвергнут. Таким образом, Остин Чемберлен заглотнул подброшенную ему Болдуином приманку и поспешил на выручку правительству, членом которого надеялся не сегодня, так завтра стать. Закончились дебаты принятием резолюции, отвергавшей план Хора - Лаваля и подтверждавшей верность парламента избирательной программе консерваторов.

На следующий день Болдуин, как и обещал, пригласил Остина Чемберлена для разговора о министерстве иностранных дел. Но как же тот был изумлен, когда премьер объяснил ему, что, поскольку министерство иностранных дел "сломило таких людей, как Хор и Ванситтарт", требуется, чтобы у его главы были "железные нервы ж-. Нет ничего страшнее для человека, уверял Болдуин собеседника, чем оказаться неспособным выполнять свои обязанности и притом самому не догадываться об этом. Сомнительно, что Остин Чемберлен сможет вынести тяжкий груз обязанностей министра иностранных дел, и потому "никто не поверит, что его назначение может быть более чем временным".

После столь обнадеживающей преамбулы Болдуин спросил, что думает на сей счет сам Чемберлен. Ответом было: "Если таково ваше мнение, то это решает дело".

Остин Чемберлен чувствовал себя нагло обманутым. Тем более бестактным показался ему вопрос Болдуина относительно его мнения о кандидатуре Идена на этот пост. Вместо ответа Чемберлен ехидно поинтересовался, уверен ли Болдуин, что здоровье Идена выдержит такое напряжение.

А Иден в это время ехал поездом из Женевы в Лондон. В Кале, на французском берегу Ла-Манша, английский консул передал ему просьбу Болдуина немедленно по прибытии в Лондон явиться на Даунинг-стрит и ни с кем не встречаться до беседы с ним.

Когда Иден явился, Болдуин спросил у него, кого он может порекомендовать на пост министра. Иден назвал Остина Чемберлена - что бы там он ни думал в тот момент про себя, но

приличие приходилось соблюдать. Болдуин ответил, что Остин не подходит, он стар. Тогда Иден предложил Галифакса. Болдуин отвел и его - по той причине, что он заседает в палате лордов, а министр иностранных дел должен выступать в палате общин. В конце концов Болдуин объявил Идену: "Выходит так, что это будете вы". Иден признается, что такой оборот не доставил ему удовольствия, - получалось, что этот пост ему предложили как бы потому, что не нашлось никого лучше.

Болдуин сказал лишь часть правды в отношении Галифакса. Дело заключалось в том, что Галифакс был известен как последовательный "умиротворитель". А в этот кризисный час правительству Болдуина нужно было продемонстрировать стране свою мнимую веру в Лигу Наций, в коллективную безопасность, готовность (тоже мнимую) выступить против агрессора. Репутация Идена целиком и полностью отвечала этой цели. Она и обеспечила ему портфель министра иностранных дел.

Лейбористский журнал "Нью стейтсмен" определил это назначение как "рождественский подарок Болдуина народу". Это означало, что Иден является деятелем, который отвечает чаяниям народных масс и в отличие от других будет проводить политику, которую хочет народ. Именно такая реакция на назначение Идена и нужна была правительству, которое стремилось к тому, чтобы общественное мнение поскорее успокоилось после сделки Хора - Лаваля и забыло ее.

Газеты наперебой уверяли своих читателей, что теперь все пойдет по-другому, по-новому. "Таймс" утверждала, что "назначение Идена точно отвечает требованиям как общественного мнения, так и дебатов в палате общин и палате лордов... Иначе говоря, желания, четко выраженные в палате общин, приводятся в исполнение. С назначением Идена правительство опять двинется вперед..." Ему вторил официоз консервативной партии "Дейли телеграф": "Сами обстоятельства, из которых возникла несчастным образом вакансия, определили Идена как самый подходящий и обнадеживающий выбор. Он твердый сторонник Лиги Наций... Поэтому его назначение... должно успокоить всех тех, чье доверие к правительству было подорвано Парижским соглашением".

Между тем действительность была очень далека от этих восторгов. И состояла она в том, что за политику правительства, включая сделку за счет Эфиопии, Иден несет ответственность не меньшую, чем любой другой член кабинета. Ныне точно известно, что по вопросу об итало-эфиопской войне никаких расхождений у Идена с его коллегами по правительству не было. Факты свидетельствуют о том, что он был даже более повинен в

происшедшем, чем многие другие члены правительства. Вспомним, как он принимал участие в выработке "компромисса", оформленного соглашением Хора - Лаваля, как организовал в Лиге Наций представление, которое ввело в заблуждение Лигу, мировое общественное мнение и английский народ относительно истинной позиции английского правительства в итальянской агрессии; фальшивые надежды на обуздание агрессора, вызванные таким образом, были взорваны сделкой Хора - Лаваля, следствием чего явилось крайнее ослабление Лиги и были значительно облегчены действия фашистской Италии. Наконец, именно Идеи несет ответственность за телеграмму эфиопскому императору Хайле Селассие (переданную через английского посланника в Аддис-Абебе), в которой английское правительство требовало, чтобы император принял план Хора - Лаваля. Эта телеграмма была послана в тот момент, когда Иден осуществлял руководство министерством в отсутствие Хора, находившегося в Швейцарии.

Да и сам приход Идена в Форин оффис в качестве его главы отнюдь не означал изменения курса внешней политики Англии, отказа от линии "умиротворения" агрессивных держав. "Когда Иден занял место Хора в качестве министра иностранных дел, - пишет Тэйлор, - план Хора - Лаваля исчез, но в остальном ничего не изменилось... Компромисс все еще носился в воздухе, новая версия того же плана ждала, когда ей будет позволено появиться на свет".

Лига Наций уже никогда больше не смогла оправиться от удара, который ей был нанесен английским и французским правительствами при помощи плана Хора - Лаваля. Она еще заседала некоторое время, лились речи, по вера народов и правительств в Лигу как инструмент мира и безопасности быстро угасла. На этом закончился первый этап политики "умиротворения", принесший Антони Идену пост министра иностранных дел Англии.

Глава III. МИНИСТР ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ В ПРАВИТЕЛЬСТВЕ "УМИРОТВОРИТЕЛЕЙ"

Антони Иден стал главой министерства иностранных дел в 38 лет. Весьма редкий случай в английской политической практике, когда столь важный пост поручался такому молодому деятелю. Чувства Идена по этому поводу были противоречивы. Конечно, он был безмерно счастлив, что достиг своей главной цели. В то же время Идеи не мог не понимать, что большая ответственность легла на его плечи в очень трудный момент. Создалась весьма сложная обстановка в области и внутренней и внешней политики Англии.

Правительство было крайне дискредитировано в глазах избирателей. Англичане чувствовали, что консервативные дельцы от политики нагло надули их на последних парламентских выборах. Личный авторитет лидера тори и премьер-министра Стэнли Болдуина был подорван, ибо он-то и являлся главным организатором грандиозного обмана. Многие вспоминали, что в 1929 году главным избирательным плакатом консерваторов был плакат с изображением Болдуина и надписью: "Вы знаете, что можете доверять мне". Тогда избиратели не доверились лидеру тори и забаллотировали его партию на выборах. Сейчас среди избирателей открыто выражались сомнения в том, не допустили ли они ошибки в 1935 году, когда вняли заверениям консерваторов и обеспечили им большинство в парламенте.

Международное доверие к английскому правительству также было сильно поколеблено. Совсем недавно 50 стран в Лиге Наций последовали его призыву выступить против итальянской агрессии и прижать агрессора санкциями. А через несколько недель то же самое правительство вступило в позорную сделку с тем же агрессором, показав тем самым, что его заверения о верности принципам Лиги Наций были сплошным лицемерием и ложью! Можно ли положиться на слово этого правительства? Нельзя полагаться, даже опасно полагаться! Как сообщал английский посланник в Белграде, план Хора - Лаваля привел к тому, что "престиж Англии в Югославии упал до нуля".

Отношения с Францией, отнюдь не сердечные и ранее, теперь явно ухудшились. Ведь получилось так, что английское правительство, провалив сделку, заключенную с Лавалем, сильно подвело своего французского партнера.

Крайне осложнились возможности для Англии вмешаться в итало-эфиопскую войну и наладить "компромисс" к своей выгоде. Поскольку авторитет английского правительства резко упал, Муссолини теперь был менее склонен считаться с мнением Лондона, рассчитывая добиться своих целей и без содействия Англии. Таким образом, английскому "честному маклеру" ничего не удавалось на этом заработать.

Успех Муссолини, ослабление Лиги Наций, крах попыток организации коллективной безопасности, взорванных интригами английского и французского правительств, весьма серьезно укрепляли позиции нацистской Германии и стимулировали агрессивные акции с ее стороны. Трудная задача - руководить внешней политикой Англии в этих условиях.

Но сложность положения Идеи а не исчерпывалась международными затруднениями. В английском кабинете реальная власть обычно принадлежит узкой группе политиков,

составляющих так называемый внутренний кабинет. Министр иностранных дел в силу важности своего поста всегда входит в его состав. Однако в случае с Иденом дело обстояло иначе. "Старики" использовали его имя, но к реальной власти не допускали.

Во внутренний кабинет кроме Болдуина входили министр финансов Невиль Чемберлен, министр внутренних дел Джон Саймон и лорд-Хранитель печати Галифакс. Болдуин благоволил к Идену, но внешней политикой не интересовался и поэтому не мог активно поддержать Идена. Трем остальным не слишком импонировали популярность Идена и его быстрый взлет. К тому же Саймон отлично помнил трения с Иденом в период собственного руководства Форин оффис. Галифакс сам мечтал о портфеле министра иностранных дел и считал, что Идеи "перехватил" у него этот пост. Время от времени он получал от кабинета поручения, связанные с вопросами внешней политики, и во время отсутствия министра присматривал за делами. "Старики" давали возможность Галифаксу приобрести опыт во внешнеполитической сфере на случай, если понадобится преемник Идену. Вообще все члены внутреннего кабинета были уверены, что разбираются в вопросах внешней политики по крайней мере не хуже Идена. В своих воспоминаниях он рассказывает, что обычно многие министры на заседаниях правительства "проявляли инициативу" и принимались составлять дипломатические послания по обсуждавшимся вопросам. Как-то через год после назначения Иден заявил энергичный протест против такой практики. Его покровитель Болдуин по этому поводу передал ему записку: "Не очень возмущайтесь. Я однажды видел, как Керзон расплакался, когда кабинет принялся исправлять его телеграммы". Едва ли эта аналогия могла послужить Идену утешением...

Внешнеполитическая концепция, которой уже на протяжении ряда лет придерживались правительство и сам Иден, с его приходом на пост министра, естественно, не изменилась. Ее пропагандистское обоснование состояло в том, что Англия в военном отношении слишком слаба, чтобы противостоять агрессивным устремлениям Германии, Италии и Японии, и потому должна идти на крупные уступки, с помощью которых эти страны нужно побудить согласиться на новое урегулирование, призванное заменить версальско-вашингтонскую систему. Разумеется, в этом новом урегулировании английские интересы должны быть максимально обеспечены и, следовательно, уступки агрессорам должны делаться за счет третьих стран.

Из фальшивой предпосылки, будто у антиагрессивных стран

нет достаточных сил, чтобы сдержать агрессию, делался "логический" вывод о необходимости соглашения с агрессорами и уступок им. "Невежественный вздор, - пишет Рандольф Черчилль, - который мололи в это время люди вроде Болдуина, Макдональда, Чемберлена, Хора, Саймона, Галифакса и Идена, а также газета "Таймс", состоял в том, что занятие Англией твердой позиции где бы то ни было автоматически приведет к войне, к которой мы не готовы. Эти широко распространенные разговоры неизбежно докладывались диктаторам и, естественно, поощряли их на новые выступления. Заявление Болдуина, что "санкции, если они будут эффективны, неизбежно приведут к войне", повторялось во всех пораженческих салонах и коридорах. Подобные блюда изо дня в день элегантно сервировались на страницах "Таймс".

Рядовые англичане не заметили, как во время парламентских дебатов по поводу проекта Хора - Лаваля Болдуин не только заявил, что этот проект "абсолютно и целиком мертв и что правительство безусловно не намерено пытаться возродить его", но вслед за этим добавил, что "в последний раз правительству было позволено взять на себя обязательства по коллективной безопасности". Остин Чемберлен тогда же подчеркнул, что нужно продолжать переговоры в поисках компромисса, который был бы лучше того, который придумал Хор. Речь, таким образом, уже тогда шла о продолжении прежней политики "умиротворения".

Между тем антиагрессивные силы в то время были в состоянии обуздать агрессоров. Гарантией этому являлись готовность СССР принять участие в коллективных мерах безопасности и желание многих членов Лиги Наций (ее решение о нападении Италии на Эфиопию убедительно это продемонстрировало) не допустить возникновения новой мировой войны. Наконец, победа над фашистским блоком во второй мировой войне показала неоправданность пораженческих настроений английского правительства в середине 30-х годов.

Возникает важный вопрос: что думал на этот счет новый министр иностранных дел? Ответ может быть дан совершенно определенный: он был согласен с внешнеполитическим курсом своего правительства. "И пресса, и общественное мнение, - пишет Деннис Бардене, - приветствовали его назначение в надежде, что оно будет означать прекращение старой политики. В действительности это было иллюзией... Иден продолжал действовать как охотно исполняющий свои обязанности слуга правительства, лояльно несущий свою ответственность... п не предпринимающий ничего без самых тщательных консультаций с заинтересованными министрами".

Молодой политик прекрасно понимал, что он сможет оставаться министром иностранных дел только в том случае, если будет преданно служить своей партии. А за годы своей пусть не очень долгой, но весьма насыщенной событиями карьеры он научился это делать и делал с большим удовольствием, тем более что обладал натурой человека, созданного играть вторые роли, претворяя в жизнь чужие планы.

Почти сразу после получения высокого назначения Иден пишет для внутреннего пользования правительства ряд документов, четко выявляющих его политическую линию. "Взвесив все, - резюмировал он, - я высказываюсь за то, чтобы попытаться прийти к соглашению с Германией... Мы обязаны быть готовыми сделать уступки Германии, причем ценные для нее уступки, если мы хотим, чтобы они достигли своей цели. Но эти уступки должны быть предложены как часть окончательного урегулирования, которое включало бы некоторое дальнейшее ограничение вооружений и возвращение Германии в Лигу Наций". Что это, как не классическая программа реализации политики "умиротворения" нацистской Германии? И, вероятно, сам Иден чувствовал это, когда, процитировав в своих воспоминаниях документ, он записал: "К тому времени я от случая к случаю употреблял слово "умиротворение" в речах или записках для Форин оффис". Свидетельство весьма значительное.

Первым актом "умиротворения" агрессоров, осуществленным Иденом па посту министра иностранных дел, было обеспечение невмешательства заинтересованных сторон, когда нацистская Германия осуществляла ремилитаризацию Рейнской области. Все буржуазные историки и даже сам Иден признают, что проводившийся Лондоном и Парижем курс "умиротворения" итальянского фашизма убедил Гитлера, что теперь, в начале 1936 года, настал и его час и он может, не опасаясь противодействия со стороны Англии и Франции, ввести свои войска и ремилитаризировать Рейнскую область. Это означало грубейшее нарушение не только Версальского, но и Локарнского договоров.

По Версальскому мирному договору Германии запрещалось содержать воинские части и строить военные сооружения на территории между Рейном и франко-бельгийской границей и на 50-километровой полосе по правому берегу Рейна. Это положение было включено в договор как одна из гарантий безопасности Франции от германского нападения. И действительно, эта мера серьезно улучшала стратегические позиций Франции. А ей приходилось всерьез тревожиться за свою безопасность, ибо фашистская Германия, одержимая жаждой реванша, на 30 млн. человек превосходила Францию по количеству населения и

обладала гораздо более мощным военно-промышленным потенциалом.

7 марта 1936 г. Германия двинула свои войска в Рейнскую зону и вывела их на границу с Францией.

Отдавая себе отчет в том, что если Париж и Лондон встанут на защиту договорных прав (а они должны были это сделать по юридическим мотивам и соображениям элементарного здравого смысла), то Германии придется тут же капитулировать, нацисты бросили правительствам Англии и Франции приманку. Они предложили подписать на 25 лет пакт о ненападении между Германией, Францией и Бельгией, заключить двусторонние пакты о ненападении с восточными соседями Германии (но не с СССР) и пообещали вернуться в Лигу Наций. При этом было подчеркнуто, что рейнская акция имеет и антисоветский аспект, поскольку она осуществлена как бы в ответ на советско-французский пакт о взаимопомощи.

Акция Германии была неожиданной для мирового общественного мнения, но не для английского правительства. Его посол неоднократно доносил из Берлина, что такая акция готовится. В конце января 1936 года у Идена состоялась примечательная беседа с министром иностранных дел Германии Нейратом, прибывшим в Лондон в составе германской делегации на похороны английского короля Георга V. Даже в изложении Идена, сделанном после войны, беседа выглядит весьма странно. Иден поинтересовался намерениями Германии в отношении положений Локарнского договора (то есть тем самым и в отношении сохранения демилитаризованной Рейнской зоны) и удовлетворился туманными рассуждениями Нейрата об отсутствии спорных проблем между Германией и Францией. Крайне важно то, что английский министр не предупредил немца о заинтересованности Англии в сохранении положений Версаля и Локарно, касающихся Рейнской зоны, и не сказал, что Англия не допустит их нарушения. Такое умолчание, когда опасность нарушения Германией этих положений носилась в воздухе, было равнозначно молчаливому согласию с готовившейся германской акцией.

На следующий день Идена посетил французский министр Фланден и сразу же заговорил о Рейнской зоне. Гго интересовал вопрос, какова будет позиция Англии, тлп Германия введет туда войска. Иден отказался дать о гнет на этот резонный вопрос. Хотя Англия вместе с Италией была гарантом Локарно и, следовательно, должна была обеспечивать статус-кво на Рейне, он заявил, что положение в Рейнской зоне относится "прежде всего к компетенции французского правительствах-.

Поскольку французский МИД ставил этот вопрос и перед английским послом в Париже Клерком, Иден дал ему твердое указание ничего не говорить французам о возможной английской позиции. Стало ясно, что английское правительство заранее умывает руки.

И уж совсем недвусмысленно позиция английского правительства была сформулирована Иденом в записке членам кабинета от 14 февраля: "Было бы предпочтительнее для Англии и Франции заранее вступить в переговоры с германским правительством о сдаче на определенных условиях наших прав в этой зоне, пока такая сдача все еще представляет ценность как предмет торга".

Обсудив создавшуюся ситуацию, Болдуин и Иден решили, что Лондон не поддержит никакой французской военной акции против Германии. То, что это уже было нарушением Англией ее обязательств по Локарнскому соглашению, не заботило ответственных собеседников. А когда встал вопрос об англо-французских штабных переговорах, Болдуин предупредил Идена, что они не нравятся консервативным членам парламента: "Ребята не хотят их*.

Английское правительство, парламент, печать прилагали немалые усилия, чтобы оправдать в глазах широких масс страны агрессивные действия Германии, изображая их вполне обоснованными и справедливыми. "В конце концов, - восклицал лорд Лотиан, - немцы идут на свой задний двор". Известный обозреватель-международник, член парламента Гарольд Никольсон записал по этому поводу в своем дневнике: "Со всех сторон только и слышишь выражение симпатий к Германии".

Пресса подыгрывала Гитлеру, рекламируя сделанные им предложения таким образом, что читатель должен был воспринять их как серьезное стремление нацистского фюрера укрепить будущий мир. Журнал "Спектейтор" писал: "Важно начать переговоры по позитивным предложениям Гитлера". А "Таймс" утверждала, что ремилитаризация Рейнской зоны дает правительствам шанс перестроить международные отношения в Европе заново.

"Шанс для перестройки" открыто связывался с антисоветской политикой. "В мирных предложениях Гитлера, - замечал "Спектейтор", - нет ничего несовместимого с концепцией, что Германия желает мира на Западе с целью обрести свободу действий на Востоке". Консервативный депутат палаты общин Роберт Бутби высказался еще более ясно, поставив все точки над "и". Люди, выступающие за безграничные уступки Германии, заявил он, питают надежду, что "придет день, когда мы добьемся,

что немцы и русские будут воевать друг против друга".

Морально-политическая поддержка действий Германии сопровождалась в английской прессе антифранцузской пропагандой. Вероятно, это делалось потому, что акция Гитлера больше всего затрагивала безопасность Франции, и ее правительство ожидало выполнения Лондоном своих обязательств по Версальскому и Локарнскому договорам. Подрыв стратегических позиций Франции являлся живым уроком английским правящим кругам, и они реагировали на него злобным раздражением по адресу Франции. Была и другая причина вспышки франкофобии в Англии. "На протяжении нескольких лет, - пишет Иден, - ряд моих коллег выражали недовольство по поводу того, что наши тесные отношения с Францией помешали нам достигнуть взаимопонимания с Германией*. Короче говоря, английское правительство не прочь было пойти на крупные уступки нацизму за счет интересов Франции.

А Франция в эти дни имела право заявить: "Мы двигаем свои войска в Рейнскую область" - и потребовать, чтобы Англия последовала ее примеру. Таково было прямое обязательство Англии по Локарнским соглашениям. В Лондоне очень боялись, как бы не возникла такая ситуация. Там опасались не военного поражения Франции - ее армия в то время без большого труда могла бы выбить нацистские части с берегов Рейна. Английские правящие круги страшило то, что крах рейиской авантюры может подорвать фашистский режим в Германии, привести к его падению и приходу к власти левых сил.

Гарольд Никольсон, хорошо знавший настроения в парламенте и правительстве, размышляя об этом в своем дневнике, записал, что, если бы Англия и Франция решили выбить силой гитлеровцев из Рейнской зоны, они, конечно, выиграли бы и вступили в Берлин. "Но что хорошего произойдет? - вопрошал он. - Это только означало бы коммунизм в Германии". Поэтому Никольсон считал, что у Англии был только один выход: "проглотить это унижение наилучшим образом и приготовиться к тому, что мы станем посмешищем для Европы".

7 марта немецкий посол в Лондоне Геш вручил Идену меморандум в связи с вводом войск в Рейнскую зону. Была суббота. Премьер-министр отправился накануне в свою загородную резиденцию Чекере, километрах в 60 от Лондона. По принятой в Англии традиции все, кто может, покидают Лондон на уикенд и возвращаются только в понедельник. Правительственная деятельность на два дня почти прекращается. Из этой традиции возникла многократная гитлеровская практика предпринимать

свои акции в субботу, чтобы на два дня задержать ответные меры.

Таким образом, Идену пришлось, не проконсультировавшись ни с кабинетом, ни с премьер-министром, самому занять определенную позицию. Он вызвал французского и итальянского послов и бельгийского поверенного в делах (в разное время, но в такой последовательности) и заявил, что французское правительство "не должно предпринимать ничего такого, что сделало бы положение еще более трудным". Если Иден, отнюдь не склонный к принятию самостоятельных решений, сделал столь ответственнее заявление, это могло означать лишь одно: английское правительство заранее определило свою позицию, сводившуюся к невмешательству в агрессивную акцию Гитлера. Одновременно Иден обратил внимание французского посла на контрпредложения Гитлера, подчеркнув, что они "произведут очень большое впечатление на общественное мнение". Это было прямое подыгрывание германским нацистам, пустившим свои "контрпредложения" для дезориентации и деморализации своих противников. Лишь после этого Иден созвонился с Болдуином, поехал в Чекере и доложил о создавшейся ситуации. Премьер-министр одобрил все предпринятые им действия.

Знаменательно, что 9 марта в палате общин проходили дебаты по вопросам обороны. Это давало прекрасную возможность поговорить и о вводе немецких войск в Рейнскую область - ведь события там имели прямое отношение к безопасности и обороне Англии. Однако премьер-министр ухитрился даже не упомянуть в своей речи о том, что произошло два дня назад. Депутаты дружно последовали его примеру.

Могли ли правительства Англии и Франции дать отпор Германии и заставить ее убрать свои войска из Рейнской зоны? Да, могли. Они располагали для этого необходимыми силами и средствами, тем более что Советский Союз с самого начала занял твердую позицию отпора агрессору. Председатель Совета Народных Комиссаров СССР В. М. Молотов прямо заявил об этом в интервью Шастэне - редактору французской газеты. Как сообщают советские исследователи М. Панкратова и В. Сиполс, цитируя Архив внешней политики СССР, У марта полпредство Советского Союза в Лондоне уведомило англичан, что, по мнению правительства СССР, "единственным достойным ответом Гитлеру явилось бы всемерное укрепление коллективной безопасности, включай и те меры принуждения в отношении Германии, на которые сочла бы возможным пойти Лига Наций".

Советский Союз в то время предлагал реальное средство, которое могло бы обуздать агрессора и обеспечить прочную безопасность Европы. Он выступал за тесное сотрудничество

СССР, Англии и Франции. 2 апреля 1936 г., как свидетельствуют официальные документы, приводимые М. Панкратовой и В. Сиполсом, Советское правительство довело до сведения правительства Англии, что для спасения Европы "крайне необходимо возможно более тесное сближение в борьбе за мир между СССР, Францией и Великобританией". Москва подчеркивала, что "только срочное укрепление коллективной безопасности, готовой ответить на всякую новую агрессию Германии решительными действиями, может привести Гитлера к сознанию, что мир все-таки выгоднее, чем война".

Таким образом, в Лондоне не могло быть никаких сомнений относительно позиции Советского Союза. Но английские правящие круги оставались глухи к голосу здравого смысла. Они решили действовать иначе.

В записке, составленной в это время Иденом для членов кабинета, говорилось: "В наших интересах заключить с Германией далеко идущее и на возможно более длительный срок соглашение об урегулировании, пока еще Гитлер в настроении пойти на это". Английский кабинет одобрил предложение Идена. Итак, несмотря ни на что, - курс на генеральное соглашение с нацистской Германией. А для этого ее "умиротворение" должно продолжаться, и первой задачей в этом плане была легализация гитлеровской акции по ремилитаризации Рейнской зоны.

Но как же французы? Проглотят ли они без сопротивления резкое ухудшение своих стратегических позиций и не попытаются ли силой восстановить прежнее положение? Чтобы исключить такую возможность, Иден и Галифакс срочно отправились в Париж.

Комментируя эту поездку, некоторые из биографов Идена истолковали прикомандирование Галифакса как свидетельство недостаточного доверия к молодому министру со стороны Болдуина и "стариков". Поручая ему столь важную миссию - решение вопроса войны или мира, они, тем не менее, обеспечивали надзор за ним члена внутреннего кабинета. Несмотря на всю свою популярность в Англии и за рубежом, Иден во внутреннем кабинете пользовался намного меньшим влиянием, чем Галифакс.

Идену и Галифаксу удалось провести свою линию в Париже на совещании стран - участниц Локарнских соглашений. Ту же линию Иден отстоял и на сессии Совета Лиги Наций, собравшегося в Лондоне 14 - 17 марта для рассмотрения жалобы Франции и Бельгии на нарушение Германией Версальского и Локарнского договоров. Совет признал, что Германия нарушила договоры, и этим ограничился. Выступление в Совете советского

наркома М. М. Литвинова, разоблачившего агрессивные внешнеполитические планы германского фашизма и заявившего о готовности СССР "принять участие во всех мероприятиях, которые будут предложены Совету Лиги локарнскими державами" и которые "будут приемлемы для других членов Совета", не встретило поддержки. Никаких мер предложено не было. Об этом позаботились прежде всего английские представители.

Обеспечив таким образом по существу легализацию и поддержку германской акции, лондонское правительство сочло, что нужно обсудить вопрос и в парламенте, не опасаясь нежелательной для себя реакции.

по и закрепились на обоих берегах Рейна. Дебаты открылись речью Идена. Он заявил, что целью английского правительства в создавшейся ситуации является, "во-первых, устранить опасность войны, во-вторых, создать условия, при которых переговоры могли бы иметь место, и, в-третьих, обеспечить успех этих переговоров с тем, чтобы они могли укрепить коллективную безопасность". Далее должна быть создана "более счастливая атмосфера, позволяющая провести более широкие переговоры по экономическим аспектам вооружений, что является незаменимым для обеспечения умиротворения Европы". Как эти слова были далеки от истинных намерений!

На самом деле английское правительство имело в виду снять для себя опасность военного столкновения г Германией, организовав ее нападение на страны, находящиеся к востоку. А это совсем не равнозначно понятию "устранение опасности войны". Да и для себя Англия по устранила эту опасность, она лишь усилила тяжесть войны, с которой столкнулась всего через три с половиной года. Как справедливо отметил английский историк Чарльз Уэбстер, именно ремилитаризация Рейнской зоны явилась "актом, который делал будущую войну неизбежной". Утверждение же о том, что намечавшаяся сделка с Гитлером должна была "усилить коллективную безопасность", является образцом английского политического лицемерия, ибо политика "умиротворения" была антиподом, отрицанием политики коллективной безопасности. К этой же категории относятся и слова об "умиротворении" Европы, которые должны были маскировать линию на "умиротворение" фашистских государств.

Палата общин, не исключая и ее лейбористскую часть, в целом одобрительно отнеслась к положениям, выдвинутым Иденом. Выступавшие подкрепили их рассуждениями о том, что не следует применять к Германии никаких санкций, а французов нужно предупредить, чтобы они не рассчитывали на поддержку Англии, если попытаются силой выдворить немецкие войска с

берегов Рейна. Об этом безапелляционно заявил Невиль Чемберлен, подводивший итог дебатам от имени правительства.

В Берлине ликовали. Очередная нацистская авантюра увенчалась успехом, политические и стратегические позиции фашизма стали более прочными. А. Дж. П. Тэйлор позднее заметил, что 7 марта было "последним шансом, когда Германия могла быть остановлена без всех страданий и жертв большой войны". И если это не было сделано, то только по вине английского правительства. Рандольф Черчилль следующим образом сформулировал итоги деятельности этого правительства в связи с ремилитаризацией Рейнской области. "Мы, - писал он, - миновали еще один верстовой столб на дороге к войне, по которой... нас гнали Болдуин, Макдональд, Чемберлен, Хор, Саймон, Галифакс и Иден".

Благоприятную ситуацию использовал и итальянский фашизм. Муссолини продолжал свое разбойничье дело, стремясь поскорее завоевать всю территорию Эфиопии. Итальянские чернорубашечники не останавливались перед самыми зверскими методами ведения войны. Были применены газы. Итальянские самолеты умышленно бомбили госпитали.

Усилия же английской стороны в это время были направлены на то, чтобы не допустить закрытия Суэцкого канала для итальянских судов и методом затяжек предотвратить применение к Италии нефтяных санкций. Это было продолжение прежней линии заискивания перед фашистским диктатором.

Еще 6 января 1936 г. Иден, только что приняв портфель министра иностранных дел, уверял итальянского посла, что утверждения печати о его антиитальянских настроениях совершенно не соответствуют действительности, так же как и слухи о его "каких-то острых личных расхождениях" с Муссолини, и в заключение выразил готовность сотрудничать с дуче.

5 мая итальянские войска заняли Аддис-Абебу и вскоре оккупировали всю Эфиопию. Хайле Селассие отправился в эмиграцию в Англию, где был принят более чем прохладно.

Ход событий поставил вновь вопрос о санкциях против агрессора. И здесь английское правительство проявило подчеркнутое усердие по отмене введенных Лигой Наций экономических санкций против Италии. Его не смущало то обстоятельство, что санкции были введены официально по предложению Англии, что они должны были остановить агрессию, но не достигли этой цели, что, предлагая отменить санкции, Лондон делает поворот в своей политике на 180 градусов.

6 мая Остин Чемберлен в палате общин потребовал отмены

санкций. Через месяц Невиль Чемберлен в нашумевшей речи в "клубе 1900 года" заявил, что продолжение политики санкций представляется ему "чистым безумием".

После этого вступил в игру Иден. Именно он, пользовавшийся репутацией поборника Лиги Наций и участвовавший ранее в принятии решения о санкциях, 18 июня объявил и "объяснил" в палате общин решение английского правительства отменить санкции против Италии. Годами он произносил многочисленные речи в пользу коллективной безопасности, а теперь открыто выступил против мер, направленных к достижению этой цели.

"Правительство его величества, - возвестил Иден палате общин, - после тщательного взвешивания и по совету, который я как министр иностранных дел счел своим долгом дать ему, пришло к заключению, что больше нет смысла продолжать осуществлять эти меры как средство давления на Италию".

Он не погнушался привести избитый аргумент о том, что санкции приведут к войне, которая "не ограничится пределами Средиземного моря". Это был заведомый обман, ибо еще в декабре 1935 года правительства Турции, Греции и Югославии дали Англии обязательство выступить на ее стороне, если Муссолини совершит "акт бешеной собаки", то есть ответит на санкции объявлением войны Англии. Против этой комбинации держав, за спиной которых стояли другие члены Лиги Наций, никакая "бешеная собака" не рискнула бы выступить.

Возмущение представителей лейбористов в палате выразил Гринвуд, заявив, что предложение Идена - "предательство Лиги Наций". Другие депутаты кричали: "Позор!", "В отставку!". Лейбористская партия опубликовала по этому поводу манифест под названием "Великое предательство". Так выявилось истинное лицо Антони Идена.

В середине 30-х годов в Европе развернулось движение Народного фронта, явившееся реакцией со стороны народов на наступление фашизма в ряде стран, на возрастание опасности новой войны и политику "умиротворения" агрессоров, практикуемую правительствами Англии, Франции и США. Вокруг рабочего класса объединялись мелкая буржуазия, интеллигенция и некоторые буржуазно-либеральные круги. В 1936 году в результате парламентских выборов пришли к власти правительства Народного фронта во Франции и Испании. Фашизм тем самым получил сильный отпор. В июле 1936 года монархо-фашистская реакция и военщина в Испании подняли мятеж против законного правительства. С самого начала мятежники действовали в теснейшем союзе с германским и итальянским фашизмом. Поддержка фашистских бунтовщиков вскоре

превратилась в прямую военную интервенцию Германии и Италии против Испанской Республики.

Для правящих кругов Англии и Франции создалась сложная ситуация. Победа мятежников и интервентов таила в себе серьезную опасность для этих стран. Под угрозой оказались их интересы на Средиземном море и в Северной Африке. Победа фашизма в Испании при помощи извне сделала бы в будущем эту страну естественным союзником Германии и Италии против Англии и Франции. Безопасность английской крепости в Гибралтаре и всего морского пути через Средиземное море в Юго-Восточную Азию ставилась в зависимость от благорасположения фашистских держав. А Франция попадала в клещи враждебных ей сил со стороны Рейна, альпийской границы и Пиренеев.

В то же время разгром фашистского мятежа в Испании и сохранение правительства Народного фронта резко ослабили бы реакционные силы в Европе вообще и в Англии и Франции в частности и повели бы к серьезному упрочению левых сил. Этого правящие круги обеих стран допустить не могли. Классовые интересы четко определили линию поведения английского и французского правительств в отношении революционно-освободительной войны в Испании. И Лондон, и Париж в ущерб интересам своих народов предпочли поддержать фашизм против социализма. "Умиротворение" фашистских держав перерастало в прямую поддержку их агрессии на европейском континенте.

Обоснованием такой позиции служило утверждение, что любые другие действия в отношении испанских событий повлекут за собой общеевропейскую войну. Тезис не новый. "Умиротворители" привыкли запугивать народ войной, чтобы он принял их политику. С таким аргументом мы встречались и при организации невмешательства в итальянскую агрессию в Эфиопии.

Между прочим, эту концепцию опровергают события, относящиеся к самой войне в Испании. В 1937 году итальянские подводные лодки начали топить нейтральные, не исключая и английские, торговые суда в Средиземном море. Подводное пиратство поставило под угрозу английские военно-морские позиции там, а также права других стран. В связи с этим в сентябре 1937 года в Нионе на Женевском озере состоялась международная конференция, которой понадобилось всего 48 часов, чтобы договориться о мерах по борьбе с фашистскими пиратами. Результаты сказались мгновенно. Нападения итальянских подводных лодок на торговые суда прекратились. Указанные меры не только не вызвали опасность возникновения войны, но, наоборот, послужили делу мира.

Английские консерваторы - хитроумные политики. Они изобрели такой способ поддержки фашизма в Испании, который многими не искушенными в политике людьми воспринимался как выражение нейтралитета в отношении происходивших там событий. Было выработано "соглашение о невмешательстве" в испанские дела, которое подписали 27 стран. Соглашение предусматривало запрещение экспорта и транзита оружия и военных материалов в Испанию. С первого взгляда это могло выглядеть как возможность для испанского народа без вмешательства извне, самостоятельно решить свои проблемы. Но то была лишь обманчивая внешность, за которой скрывалось хитроумное средство содействия удушению испанской революции.

Во-первых, речь шла о грубом нарушении международного права. Член палаты общин Адамс говорил в октябре 1936 года: "Испанское правительство не пользуется даже элементарной возможностью, предусмотренной международным правом, приобретать оружие за границей". Во-вторых, лишая испанское правительство зарубежных источников получения оружия, в то время как фашистские мятежники снабжались немецким и итальянским оружием, политика "невмешательства* объективно решала задачу содействия фашизму в удушении Испанской Республики. В этом отношении "невмешательство" в испанские дела было сродни эмбарго па поставки оружия в Эфиопию, которое английское правительство годом раньше практиковало в ходе итало-эфиопской войны. Лондон проявил инициативу и первым ввел эмбарго на продажу оружия Испании, даже не получив заверений, что другие правительства последуют его примеру.

Английское правительство действовало так, чтобы заложить основы для будущего сотрудничества с фашистским правительством, которое могло прийти к власти в Испании. "Иден, - замечает Рис-Могг, - как свидетельствуют его речи, относящиеся к тому времени, был озабочен тем, чтобы не сделать чего-либо такого, что могло бы настроить враждебно правительство Франко, если оно в конце концов консолидирует свою власть".

Однако в Лондоне отнюдь не стремились рекламировать свой приоритет в выработке политики "невмешательства", уступая сию сомнительную честь французскому правительству социал-демократа Леона Блюма. Английские историки и поныне утверждают, что инициатором этой политики был Париж. Иден также не преминул упомянуть об этом в своих мемуарах. А в действительности "невмешательство" родилось на Даунинг-стрит.

Известно, что вначале Париж по инициативе прогрессивного деятеля - министра авиации Пьера Кота намеревался разрешить республиканскому правительству Испании приобретать оружие во Франции. Затем Блюм был приглашен в Лондон, где ему пришлось отказаться от этого и согласиться выступить с предложением о "невмешательстве" в испанские события. Английский прогрессивный журнал "Лейбор мансли" писал в январе 1937 года: "Не является секретом, что предполагаемая политика Блюма, политика "невмешательства" в дела Испании, в действительности была изобретена национальным правительством и навязана Блюму".

Тем не менее было бы, конечно, неверно недооценивать "вклад" французского правительства в дело удушения испанской революции. Не только Франция, но и США активно проводили линию попустительства фашистскому международному разбою. "Личное убеждение Идена, - пишет Рис-Могг, - что "невмешательство" является наилучшей практической политикой, подкреплялось поддержкой этой политики со стороны правительства США".

Советский Союз принял вначале участие в работе "комитета по невмешательству", который заседал в Лондоне под председательством лорда Плимута. Советское правительство исходило из того, что республиканцы смогут подавить фашистский мятеж, даже не получая помощи извне. Поэтому задача состояла в том, чтобы использовать комитет для недопущения вмешательства Германии и Италии в испанские дела. Когда же СССР убедился, что комитет служит лишь прикрытием германо-итальянской интервенции, он заявил, что не может считать себя связанным "соглашением о невмешательстве" больше, чем другие его участники. К этому времени характер "невмешательства" вполне определился.

Поскольку Советский Союз, верный ленинскому принципу пролетарского интернационализма, выступил в поддержку прогрессивных революционных сил испанского парода, это не могло не повлечь за собой усиления враждебности к нему со стороны английского правительства. Гарольд Никольсон, отметив в августе 1936 года, что война в Испании провела размежевание между правыми и левыми силами в Европе, поставил вопрос: "Каким путем мы идем?" - и дал ответ: "Прогерманские и антирусские тенденции консерваторов будут укреплены и увеличены". И это в условиях, когда угроза новой мировой войны с каждым днем нарастала.

Активизация фашизма в подготовке к войне вызывала глубокую озабоченность всех народов, в том числе и английского.

Война в Испании вызвала четкое размежевание различных социальных сил в стране. Передовые, прогрессивные англичане выступили в поддержку справедливой антифашистской борьбы испанского народа. Им противостояли реакционные силы: различные профашистские круги, монополии, их политическая организация - консервативная партия и правительство, сформированное этой партией. Раскол страны на два антагонистических лагеря стал фактом. Не многие международные события влекли за собой подобное размежевание.

Реакционные силы шумно афишировали свои симпатии к испанскому фашизму и лидеру мятежников генералу Франко. Консерватор Пейдж Крофт заявлял: "Я считаю генерала Франко доблестным христианским джентльменом и верю его слову". Его коллега Арнольд Вильсон громогласно выражал надежду, что "господь поможет Франко победить в Испании, и чем скорее это произойдет, тем лучше". Даже Уинстон Черчилль, лучше других чувствовавший угрозу английским интересам со стороны Германии и Италии, в начале испанских событий выступил в поддержку испанских мятежников, которых квалифицировал как "патриотические, религиозные и буржуазные силы, действующие под руководством армии и поддерживаемые сельским населением во многих провинциях". Видя важную заслугу мятежников в том, что они выступают против попыток "установления коммунистического режима", Черчилль через год потребовал признания Англией франкистского правительства.

Правое руководство профсоюзов и лейбористской партии официально поддержало правительственную политику "невмешательства". Однако боевые прогрессивные элементы в этих организациях активно выступили против. Их выступления становились все более энергичными по мере того, как жизнь разоблачала истинный смысл "невмешательства".

Наиболее последовательными союзниками испанских борцов за свободу стали английские коммунисты. В числе тех, кто заявлял о своей солидарности с республиканской Испанией, были лучшие представители английской интеллигенции и определенная часть людей, придерживающаяся буржуазно-либеральных взглядов. В стране создавались общественные организации помощи испанским борцам за свободу. Интернациональные чувства английских трудящихся нашли свое выражение в том, что 2000 англичан отправились в Испанию и в рядах интернациональной бригады с оружием в руках сражались против фашизма.

Подобная реакция английского народа на войну в Испании лишь усилила стремление консервативного правительства помочь

фашизму прийти к власти на Пиренейском полуострове. Ответственность английских правящих кругов за то, что трехлетняя война в Испании закончилась установлением фашистской диктатуры, бесспорна и очевидна. Еще в 1937 году "Лейбор мансли" писал, что "действительным преступником, предавшим демократию и мир открытой фашистской агрессии в Испании, является национальное правительство". Много лет спустя историк А. Дж. П. Тэйлор, отнюдь не коммунист, пришел к тому же выводу: "Английская и французская политика, а не политика Гитлера и Муссолини решила исход гражданской войны в Испании".

А руководил английской внешней политикой в это время Антони Иден. Ни он сам, ни его биографы, ни прочие историки не отмечают каких-либо расхождений у Идена с другими членами правительства по поводу отношения к испанским событиям. И это не случайно. Именно Антони Иден, как подчеркивает Тэйлор, "добился того, чтобы Лига Наций покинула Эфиопию, согласился на реоккупацию Гитлером Рейнском области без сколько-нибудь серьезного протеста и проявил инициативу в организации притворства, осуществляемого "комитетом по невмешательству".

Все эти акции стимулировали агрессивность фашист- псих держав. Гитлер и Муссолини, чувствуя не только безнаказанность, но и поощрение, официально заявили о единстве своих целей и о намерении обеспечить единство действий для их достижения. 25 октября 1936 г. был оформлен военно-политический блок между Германией и Италией, известный как "ось Берлин - Рим". По соглашению между двумя фашистскими правительствами Германия признавала захват Италией Эфиопии, устанавливалась общая линия обеих стран в "комитете по невмешательству" в испанские дела, подтверждалось признание ими правительства Франко и намечались меры по оказанию ему помощи. Кроме того, были разграничены сферы экономического проникновения на Балканах и в придунайских странах. То был первый этап в сколачивании блока фашистских агрессоров для подготовки развязывания второй мировой войны. Вскоре "ось Берлин - Рим" была дополнена антикоминтерновским пактом, подписанным Германией и Японией в ноябре 1936 года, к которому через год присоединилась и Италия.

Сплочение агрессоров должно было бы поостеречь "умиротворителей". Но они сделали лишь вывод о том, что для достижения "общего урегулированиям следует пойти по пути дальнейших уступок фашизму. "Непосредственным результатом гражданской войны в Испании, - констатирует Тэйлор, - было то, что английские государев пенные деятели бросились искать

благосклонности Муссолини".

Иден провел ряд мероприятий с целью укрепления контактов с Римом, стремясь любой ценой убедить Муссолини, что в Лондоне относятся к нему с пониманием и дружески, что не следует придавать значения досадному эпизоду с санкциями, тем более сейчас, когда они отменены по настоянию Англии.

Британское правительство было весьма встревожено тем, что Италия перебросила в Испанию несколько дивизий, которые под видом "добровольцев" сражались против республики. В Лондоне понимали, что это делается не бескорыстно, и очень боялись, как бы итальянское правительство не заставило Испанию расплатиться за такую помощь" принадлежащими ей в Средиземном море Балеарскими островами или какой-либо другой частью испанской территории. Это резко изменило бы положение на Средиземном море в пользу Италии и к невыгоде Англии. Подозрения в Лондоне усиливались и тем, что Италия развернула в прессе антианглийскую кампанию.

В английском правительстве бытовало мнение, что после отмены санкций отношения с Италией можно улучшить, сделав ей определенные уступки, на которые Муссолини ответит взаимностью. И вот в июле 1936 года Иден провозгласил в палате общин: "Мы считаем закончившимся период напряженности в Средиземном море". Благожелательной реакции из Рима не последовало.

В начале ноября Иден сделал новую попытку. Он заявил в парламенте, что Англия имеет важные интересы на Средиземном море и признает существование аналогичных итальянских интересов. "В прошедшие годы интересы обеих стран в Средиземном море скорее дополняли друг друга, чем вызывали противоречия". Почему и на будущее не сохранить такие же отношения! "Должно быть возможным, - заключил Иден, - для каждой страны продолжать поддерживать свои жизненные интересы в Средиземном море, не только не конфликтуя друг с другом, но даже извлекая взаимную выгоду". Это было прямое и открытое предложение фашистской Италии сотрудничества в этом районе земного шара.

Затем последовали активные переговоры между Иденом и итальянским послом в Лондоне Гранди, из которых стало ясно, что и Муссолини не прочь заключить "джентльменское соглашение" с Англией.

Теперь встревожились французы. Опять Лондон ведет сепаратные переговоры за их спиной с одним из противников Франции. Французский посол в Лондоне Корбон обратился за разъяснениями к Идену. Тот "успокоил" его ничего не значащими

заверениями и пообещал держать в курсе переговоров с Италией.

В ходе этих переговоров Гранди добивался признания Лондоном "законности" захвата Эфиопии, а Иден проявлял большую озабоченность относительно того, как бы Муссолини не завладел Балеарскими островами. Англичане не могли так сразу согласиться на требование итальянцев, еще свеж был в памяти прошлогодний кризис в связи с планом Хора - Лаваля. Но, чтобы продемонстрировать фашистам, что все придет в свое время, английское правительство отозвало охрану своей миссии в Аддис-Абебе, а Иден заверил Гранди, что он готов "рассмотреть проблему Эфиопии отдельно". "Посол, - записал Иден, - после этого ушел в хорошем настроении".

В свою очередь, итальянское правительство согласилось дать обещание, что оно не намерено захватывать испанские территории, и к январю 1937 года "джентльменское соглашение" состоялось. По поводу названия впоследствии острили: для заключения "джентльменского соглашения" должны быть налицо по крайней мере два джентльмена.

Соглашение констатировало наличие жизненно важных интересов Англии и Италии в Средиземном море, говорило об их "совместимости", содержало обязательство уважать взаимно эти интересы и сохранять статус-кво. Иден впоследствии утверждал: "Мы ничем не поступились, чтобы получить это соглашение". Это далеко не гак. Заключив соглашение с Муссолини, Англия как бы реабилитировала все агрессивные деяния итальянского фашизма, официально признала неправильными действия Лиги Наций и собственную официальную позицию в отношении Италии в связи с ее нападением на Эфиопию. Лиге Наций и престижу Англии был нанесен еще один удар, а итальянский фашизм вновь получил морально- политическую поддержку. Это была демонстрация отрицания идей коллективной безопасности и свидетельство готовности продолжать линию на "умиротворение" Муссолини и Гитлера.

Не прошло и недели, как Муссолини нарушил соглашение. Без согласования с лондонскими партнерами он отправил в Испанию дополнительно 4000 "добровольцев". А это было чревато нарушением статус-кво, о поддержании которого "джентльмены" только что торжественно договорились. Не прекратилась и антианглийская, инспирируемая итальянским фашизмом пропаганда, хотя в соглашении было записано, что стороны будут "противодействовать любой деятельности, способной причинить ущерб добрым отношениям" между ними.

Но и тогда Иден пытался защищать Муссолини. Это, как он впоследствии признал, "свидетельствовало, что я был... слишком

услужлив в отношении фашистского диктатора". Что верно, то верно!

Международные отношения продолжали ухудшаться. Весной 1937 года осложнилось и положение Идена в правительстве. Ушел на покой его покровитель Стэнли Болдуин. Утрату личного престижа, понесенную в связи с провалом плана Хора - Лаваля, Болдуин в известной мере восстановил. Он занял твердую позицию в конституционном споре с королем Эдуардом VIII. Король намеревался жениться на дважды разведенной американке Симпсон. Консерваторы во главе с Болдуином выступили с резкими возражениями против такого брака, заявляя, что он уронит достоинство монархии. Король, поставленный перед выбором между троном и любовью, предпочел любовь. 12 мая 1937 г. состоялась коронация нового короля под именем Георга VI, и, как замечает английский историк, на торжестве "Болдуина приветствовали почти так же, как королевскую чету". На этом взлете популярности престарелый премьер-министр и решил отойти от дел.

Новым главой правительства стал Невиль Чемберлен, давно уже пользовавшийся в консервативной партии сильным влиянием и считавшийся наследником Болдуина. Хотя Чемберлену исполнилось уже 68 лет (он был только на два года моложе Болдуина), но он был чрезвычайно активен и деятелен. Будучи весьма ограниченным человеком, Чемберлен, как все посредственности, вознесенные случаем на большую высоту, твердо уверовал в собственную гениальность. В отличие от Болдуина, дававшего министрам большую свободу, он решил, что политическую линию во всех областях правительственной деятельности будет формулировать сам, а министры должны стать лишь точными исполнителями его предначертаний.

Свое главное внимание Чемберлен решил уделить внешней политике. Отмечено, что английские политические деятели, и способные, и, еще более, неспособные, имеют неодолимое тяготение к внешней политике. Может быть, это объясняется слабым чувством ответственности и тем, что внешнеполитическая сфера сулит им максимальное удовлетворение личного честолюбия и тщеславия. Как вспоминает Иден, однажды Болдуин сказал ему, что "из его двадцати коллег вряд ли найдется более одного, желающего быть министром труда; остальные девятнадцать считают, что они рождены быть министрами иностранных дел". Невиль Чемберлен был в числе девятнадцати.

Иден рассказывает, что однажды в его присутствии Остин Чемберлен в ответ на рассуждения Невиля по поводу положения в Европе сказал: "Невиль, ты должен помнить, что ничего не

смыслишь во внешней политике". Как показало время, младший брат не внял совету старшего.

Старомодный человек - и не столько по внешности, сколько по убеждениям, он жил идеями и концепциями викторианской эпохи и не учитывал, что от былого могущества Англии уже не так много осталось. Поэтому ему редко удавалось соразмерять свои внешнеполитические замыслы с реальными, значительно сократившимися возможностями страны. Это болезнь всех британских премьер-министров периода упадка английского империализма, и она дорого обходится народу.

Ни разу после первой мировой войны в кабинете министров не было столько лордов, как в правительстве Чемберлена. Он не желал считаться с оппозицией либералов и лейбористов в палате общин. "Когда я выступаю в парламенте, - записал однажды Чемберлен в дневнике, - то, как говорил мне Болдуин, всегда создается впечатление, будто я смотрю на лейбористскую партию, как па грязь".

Задолго до ухода Болдуина Невиль Чемберлен тщательно продумал, как он будет действовать в качестве премьер-министра. Это касалось и внешней политики. Чемберлена не устраивала существовавшая система решения внешнеполитических вопросов, большая роль Форин оффис в подготовке таких решений с его веками сложившейся и тщательно отработанной процедурой прохождения дипломатических документов. Чемберлен отводил министерству иностранных дел второстепенную роль в осуществлении внешней политики страны. Он считал, что сам должен ее вырабатывать, принимать решения по принципиальным вопросам и сам же проводить их в жизнь. Для этого премьер-министр должен поддерживать непосредственные контакты с иностранными послами, обмениваться личными письмами с главами правительств и методом личных переговоров подготавливать к заключать с ними необходимые соглашения. И все это без консультации с министерством иностранных дел и с его главой. На первый взгляд такая практика кажется абсурдной, но Чемберлен объяснял ее необходимостью ускорить решение внешнеполитических проблем и избежать проволочек, которые Форин оффис неизбежно будет чинить, если ему доверить ведение таких дел. То, что в министерстве работают опытные сотрудники, прекрасно знающие все аспекты соответствующих проблем, умеющие вести дипломатические переговоры (а английская дипломатия действительно является самой опытной и квалифицированной в буржуазном мире) и, следовательно, могущие помочь избежать серьезных ошибок, - это в голову Чемберлену не приходило. Особенно он верил в свою способность

вести личные переговоры с главами других правительств и обеспечить при этом выгодные для Англии результаты.

Еще в бытность свою министром финансов Чемберлен пытался прибрать к рукам Форин оффис, в частности в вопросе о назначении послов. Аппарат министерства иностранных дел официально является частью всей гражданской службы Англии, охватывающей всех государственных служащих страны. Гражданская служба построена по тщательно отработанной структуре, имеет свою систему отбора кадров, их продвижения по служебной лестнице, поощрения и т. п. Это весьма эффективно действующий в интересах английской буржуазии организм, весьма влиятельный в государственной жизни. Возглавлял гражданскую службу во времена Идена Уоррен Фишер, бывший одновременно постоянным заместителем министра финансов.

Не прошло и нескольких недель после занятия Иденом поста министра иностранных дел, как Фишер (нельзя допустить, что это было сделано им без соответствующего указания Чемберлена) заявил ему, что отныне Иден должен через него докладывать премьер-министру свои предложения о новых назначениях по министерству. Это было требование, чтобы Иден признал за главой гражданской службы право подбора послов и посланников. Идеи возмутился, последовал резкий разговор, и вопрос был представлен на разрешение премьер-министру Стэнли Болдуину. Однако Болдуин уклонился от принятия решения и посоветовал Идену обратиться к... Чемберлену. Лишь после серьезного разговора с Чемберленом Идену удалось отстоять свою самостоятельность в назначении послов и посланников.

Тогда же появились и другие признаки грядущих осложнений. Иден, например, помнил речь Чемберлена 10 июня 1936 г., в которой тот назвал санкции против Италии "безумием". Такое заявление должно было исходить не от министра финансов, а от министра иностранных дел, а Чемберлен сделал его, даже не посоветовавшись с Иденом. 17 июня Чемберлен записал в дневнике: "Я поступил так умышленно, ибо чувствовал, что партия и страна нуждаются в руководстве и в подтверждении того, что правительство не колеблется и не дрейфует без определенной политики... Я не посоветовался с Антони Иденом, ибо он был бы обязан умолять меня не говорить того, что я предложил... Он держался в связи с этим насколько можно деликатно, но, конечно, верно то, что он не мог не пострадать в глазах общественного мнения".

Именно такую линию продолжал в отношении Идена новый премьер-министр, и она привела в конце концов к их разрыву.

Поскольку пропагандистская машина консерваторов,

буржуазная английская историография и сам Антони Иден настойчиво распространяют на протяжении более трех десятилетий версию, будто Иден подал в отставку по соображениям "принципа" и из-за политических расхождений с правительством Чемберлена, нам представляется целесообразным здесь же заявить, что подобная версия не соответствует истине. Некоторые буржуазные авторы из Англии и США также разделяют этот вывод. Например, Томпсон рекомендует не преувеличивать расхождения между Иденом и Чемберленом, ибо как раз за два месяца до того, как он вышел из правительства, Иден заявил на заседании комитета по внешней политике, что "не существует вероятности близкой войны, а есть лучшие, чем когда-либо ранее, перспективы для умиротворения". Итак, эти слова были произнесены Иденом в самом начале 1938 года (в преддверии Мюнхена) и не перед случайной аудиторией, а в узком кругу официального органа палаты общин. Следовательно, они могут рассматриваться как выражающие политическую позицию Идена в то время. Эта позиция соответствовала позиции Невиля Чемберлена - и тот и другой делали ставку на "умиротворение" агрессивных держав.

Все источники, включая и мемуары самого Идена, единодушно говорят о том, что у Идена не было расхождений с Чемберленом по принципиальным вопросам внешней политики, по ее целям и задачам - "оба они вели дело к одному и тому же", как справедливо замечает Бардене.

Идену пришлось уйти в отставку потому, что дипломатические акции Чемберлена многократно ставили его в унизительное положение. Может быть, он и согласился бы терпеть унижения, чтобы остаться на любимом посту, если бы эти унижения не были публичными. А о них знали не только все сотрудники Форин оффис, не только многие высшие чиновники правительственного аппарата, но и дипломатические представители других стран. Антони Идену пришлось крайними мерами отстаивать свое достоинство, чтобы сохранить к себе хотя бы какое- то уважение в собственном министерстве. Это была главная причина.

Вторым основанием для отставки было несогласие Идена (оно подкреплялось несогласием всего аппарата министерства) с тактико-дипломатическими приемами, применяемыми Чемберленом. Его доморощенная дипломатия была крайне наивной, она отвергала тщательно отобранные и отработанные временем и дипломатическим искусством методы и приемы ведения переговоров с иностранными державами и в конечном итоге ставила страну в затруднительное положение.

Внутри правительства образовалась "большая четверка" во главе с Чемберленом, решавшая внешнеполитические вопросы. Кроме премьера в нее входили Джон Саймон, лорд Галифакс и Сэмюэль Хор, которого давно уже без шума вновь ввели в состав кабинета. Чемберлен значительно охотнее прислушивался к мнению этих людей, чем к соображениям Идена.

По всем внешнеполитическим проблемам Чемберлен предпочитал советоваться не столько с министром иностранных дел, сколько с Горацием Вильсоном - главным промышленным советником правительства, пользовавшимся при решении государственных дел значительно большим влиянием, чем давал его официальный пост. Вильсон был близким доверенным человеком Чемберлена и убежденным сторонником политики "умиротворения". Он вел ряд важнейших дипломатических переговоров по поручению Чемберлена и пытался влиять на ход дел в министерстве иностранных дел.

Позднее стало известно, как Гораций Вильсон пытался забросить в Форин оффис специального информатора, который за спиной у Идена доносил бы в резиденцию премьер-министра обо всем, происходящем в министерстве. Было решено устроить своего человека на должность личного парламентского секретаря Идена.

В мае 1937 года прежний личный секретарь Роджер Ламли получил повышение - его назначили губернатором Бомбея в Индии. Строго соблюдаемой в английской государственной службе традицией является выдвижение за хорошую работу на более высокий и лучше оплачиваемый пост. Это делается несмотря на то, что руководителям учреждений, из которых уходят поощряемые, приходится привыкать к новым сотрудникам. Вместо Ламли Идену рекомендовали некоего Томаса. Через две недели после того, как новый личный секретарь приступил к исполнению своих обязанностей, его пригласили к себе Гораций Вильсон и Уоррен Фишер для весьма странного разговора. По словам Томаса, оба они были очень недовольны министерством иностранных дел и Робертом Ванситтартом - постоянным заместителем министра иностранных дел, ранее работавшим личным секретарем у Болдуина. "Они сказали мне, - рассказал впоследствии Томас, - что Ванситтарт - паникер, что он мешает попыткам правительства завязать дружеские контакты с диктаторскими странами и что он имеет очень большое влияние на Антони Идена. По этой причине они активно поддержали идею, чтобы я, которого Гораций Вильсон хорошо знает, стал парламентским личным секретарем в министерстве иностранных дел, ибо это даст мне возможность помочь им навести мост

между Даунинг-стрит, 10 и министерством иностранных дел и обеспечить лучшее взаимопонимание между двумя учреждениями". Томас отказался действовать за спиной у своего шефа.

В конце 1937 года Иден получил убедительное свидетельство того, что Чемберлен намерен решать крупнейшие внешнеполитические проблемы помимо своего министра и даже не ставя его в известность. В октябре в Форин оффис состоялся обед в честь премьер-министра Югославии, на который был приглашен и Уинстон Черчилль. Последний был свидетелем того, как во время обеда Галифакс мимоходом обронил, что он едет в Германию с "неофициальным визитом". "Галифакс сказал, - пишет Черчилль, - что Геринг пригласил его в Германию со "спортивным визитом" и что у него есть надежда встретиться с Гитлером. Он отметил, что говорил об этом с премьер-министром, который очень одобрил такую поездку, и потому он, Галифакс, принял приглашение". У Черчилля создалось впечатление, что Иден был неприятно удивлен и огорчен этим известием. Действительно, поездка Галифакса была организована даже без его ведома.

Охотничья выставка была лишь предлогом. В действительности Галифакс от имени английского правительства вел важнейшие переговоры с Гитлером. 19 ноября 1937 г. он обсудил с фюрером программу достижения всеобъемлющего англо-германского соглашения. Собеседники обменялись уверениями в том, что их правительства занимают неизбежно враждебные позиции в отношении СССР. Затем Галифакс одобрительно отозвался обо всем, что до сих пор было проделано германским фашизмом в области внутренней и внешней политики. Англия стремится к сближению с Германией, сказал он, с тем чтобы затем обе страны совместно с Италией и Францией реорганизовали международные отношения в Европе.

Гитлер потребовал ликвидации Версальского мирного договора и припугнул английское правительство "игрой свободных сил", то есть войной. Галифакс заявил о готовности Англии "исправить ошибки Версаля" за счет Данцига, Австрии и Чехословакии. Желательно только, чтобы все это было осуществлено без войны, что означало - путем договоренности с Англией. Тогда Гитлер заметил, что Англии следовало бы вернуть германские колонии. Это требование не застало Галифакса врасплох. Он ответил, что, по мнению Чемберлена, колониальный вопрос "может быть разрешен как часть генерального разрешения всех трудностей".

Таким образом от имени английского правительства Гитлеру было дано согласие на "урегулирование" с Австрией,

Чехословакией и Польшей и в принципе - на возврат германских колоний. Галифакс настаивал на скорейшем начале переговоров о заключении общего англо-германского соглашения. Гитлер уклонился от определенного ответа. Он видел, что политика "умиротворения" ведет к изменению баланса сил в пользу Германии и чем дальше будут отодвигаться переговоры с Англией, тем более прочными будут позиции Германии в таких переговорах.

Можно себе представить возмущение Идена, когда он узнал о содержании "охотничьих" бесед Галифакса в Германии. Получалось, что министра иностранных дел отстранили от решения важнейших международных проблем.

После возвращения Галифакса английское правительство приступило к разработке конкретных предложений по всем аспектам "общего урегулирования" с Германией. В январе 1938 года уже был готов сводный документ, в котором были суммированы соображения различных департаментов к предстоящим переговорам. Эти соображения касались проекта западного пакта, ограничения вооружений, возвращения Германии в Лигу Наций, проблем Австрии и Чехословакии. Документ говорил также о "реорганизации Центральной Африки", чтобы удовлетворить колониальные требования Германии. Намечалось решение кардинальных проблем.

Позиция Форин оффис, то есть Идена, состояла в том, что рассмотрение колониального вопроса не должно иметь места до того, как будет начато обсуждение других аспектов "общего урегулирования", и что заранее не должно быть признано право Германии на возврат ей колоний. 24 января 1938 г. вопрос рассматривался комитетом по внешней политике английского правительства. В связи с этим в дневнике Кадогана появилась запись: "Иден не критиковал и поступил правильно. Сделал только одно замечание (и премьер-министр согласился с ним), что если мы пойдем на уступки в вопросе о колониях, то только если эти уступки составят часть общего урегулирования (подчеркнуто Кадоганом. - В. Т.)". 31 января Иден, Чемберлен, Вильсон и еще два крупных чиновника из Форин оффис вновь возвращаются к плану предстоящих переговоров с Гитлером. Чемберлен предлагает "сделать большой жест" и вернуть Германии Танганьику. Через месяц Невиль Гендерсон - посол Англии в Берлине изложил Гитлеру английские предложения об удовлетворении его колониальных аппетитов за счет Центральной Африки. Но, как доносил посол, тот "не проявил никакого интереса к предложениям о новом колониальном режиме в Африке".

Поведение Гитлера объяснялось просто. Он намеревался превратить в германские колонии территории ряда стран, расположенных к востоку и югу от Германии. Германия предполагала колонизировать Европу и меньше интересовалась Африкой, чем думали в Лондоне. Позднее Иден запишет, что еще в 1936 году он считал, что "Гитлеру нужны были колонии в Африке не как источник получения сырья и места для колонизации, а по соображениям мощи и престижа".

Новый, 1938 год начался для Форин оффис с того, что убрали Ванситтарта. Но, хотя широко распространена версия, будто это сделал Чемберлен, в действительности то была скорее работа Идена.

Существует мнение, что Ванситтарт не устраивал Чемберлена, ибо был противником политики "умиротворения". Это не так. Ванситтарт был известен своими антигерманскими настроениями. Он питал твердое убеждение, что Гитлер надувает английское правительство и ни одному его слову верить нельзя. Но из такой посылки Ванситтарт не делал вывода о необходимости изменения политики. Он был за соглашение с агрессивными странами, за их "умиротворение", но требовал осторожности, перестраховки, опасаясь, как бы Германия и Италия не надули своих "благодетелей".

Нет сомнений, что своих шефов Ванситтарт не устраивал не потому, что придерживался иных политических концепций, а что был сильной, волевой личностью, с установившимися взглядами на внешнеполитические проблемы. По своему положению постоянного заместителя министра иностранных дел он не только мог, но и обязан был давать советы и заключения своему министру, а время от времени и премьер-министру по всем проблемам, относящимся к компетенции Форин оффис. Обладая широкой эрудицией, большим умом и политическим чутьем, такой человек, разумеется, не мог прийтись по вкусу ни Идену, ни Чемберлену. Ванситтарт представлял начальству пространные, с обилием аргументов записки. При обсуждении тех или иных вопросов он упорно отстаивал свое мнение.

Ванситтарт безусловно был сильнее своих министров, а это нравится далеко не всякому шефу. Да и как могло нравиться Идену, когда во время заседаний некоторые члены кабинета ворчали, что он "поет с голоса" своего заместителя. Если глава Форин оффис призывал к осторожности в переговорах с Германией, кое-кто поговаривал, что внешнюю политику делает не столько Иден, сколько Ванситтарт.

Еще в 1936 году Иден пришел к мысли, что лучше убрать этого человека из министерства куда-нибудь подальше. Он

договорился с Болдуином о назначении Ванситтарта послом в Париж. Это был весьма важный и почетный пост. Но Ванситтарт отказался от предложения. Иден просил Болдуина (который тогда еще был премьер-министром) повлиять на него, но нажим на Ванситтарта не подействовал.

Иден пришел к выводу, что нужно убрать своего заместителя при любых условиях. Задача облегчалась тем, что тогдашний премьер был того же мнения. Чемберлен настаивал на удалении Ванситтарта, но, как пишет Иден, "одного этого было бы недостаточно, если бы я не чувствовал, что это даст и другие положительные результаты".

Иден решил назначить вместо Ванситтарта его помощника Александра Кадогана. Кадоган был тоже умен, эрудирован, трудолюбив, но держался скромно, ненавязчиво. Он уже несколько лет работал вместе с Иденом, и тот считал его своим человеком. Как обнаружилось через несколько десятилетий, когда были опубликованы дневники Кадогана, он не был "чьим-либо" человеком, а просто делал карьеру, приноравливаясь к характеру любого начальника. И всех их в равной степени презирал. "Слабоумные пустомели! - писал Кадоган в дневнике. - Занимающиеся саморекламой безответственные дурачки! Как я ненавижу (подчеркнуто Кадоганом. - В. Т.) членов парламента! Они воплощают в себе честолюбие, предрассудки, бесчестие, корыстолюбие, беззаботную безответственность, злобную лживость". Таково мнение об английских политических деятелях человека, всю жизнь проработавшего на высоких постах в Форин оффис, бывшего постоянным заместителем у таких министров иностранных дел, как Иден, Галифакс и Бевин, и регулярно общавшегося с премьер-министрами - Болдуином, Чемберленом, Черчиллем и Эттли.

Итак, было объявлено о назначении Александра Кадогана постоянным заместителем министра иностранных дел и о "повышении" Ванситтарта. Для этого был изобретен никогда ни ранее, ни позже не существовавший пост главного дипломатического советника при министре иностранных дел. В его задачу входило "давать советы министру по всем основным вопросам политики, относящимся к иностранным делам, которые будут переданы ему для этой цели". Формулировка емкая. Министр мог и не передавать такие вопросы на заключение своему главному советнику. И этой возможностью Идеи пользовался. Должность превратилась в синекуру для Ванситтарта. Основной поток дел шел мимо него снизу, из отделов, через Кадогана к Идену; лишь отдельные документы для приличия посылались Ванситтарту. Его редко приглашали на

совещания высших чинов министерства. Он занимал кабинет, обычно принадлежавший постоянному заместителю, но не имел в своем распоряжении никаких помощников и сотрудников. По любому документу, который попадал к Ванситтарту, он готовил подробную записку, анализируя все "за" и "против". Иден и другие, кому предназначались такие записки, отмахивались от советов Ванситтарта, чему скрытно, но упорно способствовал Кадоган, питавший к нему лютую ненависть. Упорный был человек Ванситтарт; он выносил это положение до 1941 года, когда все же вынужден был удалиться в отставку.

Итак, Иден сделал своей правой рукой Кадогана, безусловно зная, что тот является убежденным сторонником политики "умиротворения" агрессивных стран. Это было особенно важно, учитывая ключевую роль занимаемого Кадоганом поста.

Постоянный заместитель министра в Форин оффис отвечает за обеспечение эффективного функционирования министерства, он несет ответственность перед парламентом за расходование средств, отпускаемых министерству, дает рекомендации о продвижении или увольнении сотрудников, принимает послов иностранных держав. Наиболее важная его обязанность - давать советы министру по всем вопросам внешней политики. Выполняя эту обязанность, заместитель формирует мнение и позицию своего политического руководителя по всем аспектам международных отношений. В случае, когда министром становится человек неподготовленный, малосведущий в международной жизни (например, Эрнест Бевин после второй мировой войны), он, по существу, является рупором постоянного заместителя и других старших чиновников министерства. Во многих случаях заместитель, не докладывая министру, дает прямые распоряжения отделам министерства или посольствам. У него сосредоточивается вся корреспонденция, поступающая от английских представительств за рубежом, от иностранных посольств в Лондоне и из отделов министерства. Заместитель определяет, какие из этих материалов будут посланы шефу и другим членам кабинета.

Естественно поэтому, что смена постоянного заместителя английского министра иностранных дел не прошла незамеченной. Германское посольство в Лондоне старалось понять, что скрывается за назначением Кадогана. Собрав информацию по этому поводу, поверенный в делах Верман сообщил в Берлин: "Каких-либо определенных изменений в курсе внешней политики Англии в результате этих перемен в министерстве иностранных дел наверняка не следует ожидать в настоящее время, поскольку, как кажется, взгляды Кадогана в

большой степени совпадают со взглядами Идена". Прогноз оказался верным.

Не успел Идеи разобраться, стало ему легче от произведенных перемещений или нет, как он сам оказался вынужденным покинуть Форин оффис.

Впервые возможность отставки Идена возникла в январе 1938 года. Сильно устав, Иден отправился отдохнуть на средиземноморское побережье Франции. Это тоже английская традиция. Политические деятели побогаче - Бивербрук, Болдуин, например, имели собственные виллы на французской Ривьере; те, кому средства не позволяли подобную роскошь, устраивались на временной, но тем не менее регулярно практикуемой основе. И на этот раз поблизости здесь отдыхали Уинстон Черчилль и Ллойд Джордж. Трое встречались, беседовали о политике. Иден играл в теннис, занимался греблей.

Отдых был приятным и спокойным, пока утром 14 января не последовал телефонный звонок из Лондона. Кадоган сообщил, что нагрянули события, о которых нельзя рассказать по телефону. Они требуют немедленного возвращения в Лондон. Вечером Иден выехал в Париж. Из-за плохой погоды пришлось и дальше следовать поездом, в проливе штормило, и судно-паром, получив повреждения, пришвартовалось в Фолькстоне.

На причале уже ожидали Кадоган с помощником, которые привезли кучу важных документов. Знакомясь с ними в поезде, Иден сразу же понял, что его вызвали не зря. Оказывается, в отсутствие министра иностранных дел на имя Чемберлена было получено важное послание от президента США Франклина Рузвельта. Выражая тревогу по поводу быстрого ухудшения международных отношений, Рузвельт подчеркивал, что ряд малых и средних европейских государств начинает ориентироваться на сближение с агрессивными странами. Эта тенденция может привести к утрате демократическими странами своего влияния, и поэтому ее необходимо как можно скорее пресечь.

Президент предложил одновременно с усилиями английского правительства договориться с Германией и Италией созвать конференцию, которая "подготовила бы для всех правительств предложение, приглашающее их принять важные принципы, подлежащие соблюдению в международных отношениях. Принципы эти должны предусматривать сокращение вооружений, равный доступ к сырьевым материалам и соблюдение законов войны. Относительно Версальского мирного договора президент заявил, что "некоторые несправедливости послевоенной системы мира могут быть устранены". Рузвельт предупредил английского

посла в Вашингтоне Рональда Линдсея, что ожидает ответ не позднее 17 января, и если он будет положительным, то немедленно приведет свой план в исполнение.

Акция весьма многозначительная! Без сомнения, президент США лучше, чем лондонские и парижские политики, разглядел, в каком направлении развиваются международные отношения. Однако Рузвельт не имел в виду в те дни организацию коллективного отпора агрессорам. Он рассчитывал наладить с ними новое "всеобщее урегулирование", но под эгидой не Англии, как хотел Чемберлен, а США. Президента не смущало то обстоятельство, что официальной американской политикой был тогда изоляционизм. Он намеревался энергично вмешаться в европейскую и мировую политику, перехватить у англичан инициативу сговора с агрессивными странами и оформить этот сговор усилиями американского правительства; отсюда его готовность изменить версальско-вашингтонскую систему (в известных пределах, конечно) в пользу Германии, Италии и Японии.

Получив американское предложение, Чемберлен и не подумал вызвать Идена, чтобы обсудить возможную позицию Англии. Более того, зная, что министр иностранных дел вот-вот возвратится, он не стал его дожидаться и, не посоветовавшись с членами кабинета, послал президенту не просто отрицательный, но резко отрицательный ответ.

Чемберлен писал, что он сам прилагает усилия достичь соглашения с Германией, а в настоящее время особенно с Италией, поэтому он готов признать де-юре захват ею Эфиопии. Поскольку предложение президента идет вразрез с английскими усилиями, ему, по мнению Чемберлена, следует отложить свой план.

Этот ответ ушел в Вашингтон 13 января, Рузвельт ожидал его лишь к 17-му, а Иден вернулся 15 января.

Если отбросить избитые фразы дипломатической вежливости, которых в данном случае было не так уж и много, то послание Чемберлена означало: не лезьте в наши дела. Такая категорическая позиция объяснялась тем, что Чемберлен, относившийся к Америке и американцам с нескрываемой антипатией, несомненно, недооценивал возраставшую роль США в международных отношениях.

Иден тоже не хотел, чтобы американцы перехватили у англичан руководящую роль в европейской политике, но он страшно встревожился, когда увидел, что ответ Чемберлена составлен в таких выражениях, которые чрезвычайно осложнят англо-американские отношения и затруднят возможность

наладить сотрудничество с США (если возникнет такая необходимость) в решении европейских дел. А что касается Дальнего Востока, то там без Америки Англия явно была не в состоянии предпринять что-либо в защиту своих интересов.

Иден был крайне возмущен. Его шеф демонстративно пренебрегает им и за его спиной принимает решения, по которым непременно требуется мнение министра иностранных дел. Подстегиваемый репликами своего заместителя Крэнборна и укоризненными взглядами Кадогана, Иден направился 16 января в Чекере (это было воскресенье) и стал настойчиво объяснять Чемберлену возможные отрицательные для Англии последствия его ответа Рузвельту. Здесь впервые он применил угрозу отставки. По настоянию Идена в Вашингтон ушли телеграммы, призванные смягчить впечатление от ответа Чемберлена. Но они не ввели Рузвельта в заблуждение; он отложил свой план.

Чемберлен уступил Идену в деталях, касавшихся, по существу, лишь оформления отказа от американской инициативы, но одновременно пришел к решению избавиться от неприятного министра. Это и было вскоре осуществлено в связи с намерением Чемберлена начать официально переговоры с Италией об "общем урегулировании".

Из опубликованных дневниковых записей Чемберлена известно, что еще в августе 1937 года он направил Муссолини личное письмо. Тщеславный премьер любил такую переписку и был счастлив, когда получал ответ, подписанный фашистским главарем. "Я не показал свое письмо министру иностранных дел, - гласит запись в дневнике, - ибо у меня было чувство, что он заявит против письма возражения". На этот счет Рис-Могг замечает: "Когда он стал премьер-министром, он усвоил привычку обманывать своего министра иностранных дел".

Невестка Невиля Чемберлена (жена его покойного брата Остина) вдруг стала важной дипломатической персоной. Она выполняла роль посредника, передавая письма Чемберлена, адресованные Муссолини, итальянскому министру иностранных дел Чиано и получая на них ответы. Характерно, что, как явствует из записи Чиано в дневнике, леди Чемберлен часто появлялась в его кабинете с итальянским фашистским значком.

Чемберлен торопился начать переговоры с Италией по широкому кругу вопросов. Он пытался оторвать ее от Германии и ради этого готов был признать захват Эфиопии.

17 февраля 1938 г. Невиль Чемберлен записал в дневнике: откладывать переговоры "означало бы убедить Муссолини, что он должен считать переговоры с нами несостоявшимися и действовать соответственно... Итальянское общественное мнение

будет крайне возбуждено против нас... Две -диктаторские страны получат стимул для более тесного сближения. Последние остатки независимости Австрии будут утрачены, Балканские страны почувствуют себя вынужденными обратиться в сторону своих могущественных соседей. Чехословакия будет проглочена. Франция должна будет или подчиниться гегемонии Германии, или воевать: в последнем случае мы почти наверняка будем втянуты в войну. Я не могу взять на себя ответственность и допустить эту серию катастроф". Такова была концепция Чемберлена за три дня до отставки Идена.

Приведем интересный, на наш взгляд, анализ этой концепции, данный Рандольфом Черчиллем более четверти века спустя. "Кажется, что в этой краткой дневниковой записи, - пишет он, - имеется по меньшей мере шесть неверных предположений. Чемберлен утверждает, что шесть несчастий обрушатся на нашу страну, если ему помешают срочно начать переговоры с Муссолини: 1) "...две диктаторские страны получат стимул для более тесного сближения". Хотя Чемберлен и настоял на своем и провел переговоры, тесное сближение этих стран произошло. 2) "...последние остатки независимости Австрии будут утрачены". Это случилось через двадцать два дня. 3) "...Балканские страны почувствуют себя вынужденными обратиться в сторону своих могущественных соседей". Они это сделали. 4) "...Чехословакия будет проглочена". Она была проглочена с помощью Чемберлена. 5) "...Франция должна будет или подчиниться гегемонии Германии, или воевать". Франция сделала и той другое. 6) "...в последнем случае мы почти наверняка будем втянуты в войну". Мы были втянуты". Таким образом, история опрокинула все основные посылки Чемберлена и его единомышленников. Но для этого потребовалось испытание их временем.

Нужно ясно представлять себе, что Иден тоже был за переговоры с итальянцами для тех же целей, то есть для целей "умиротворения". Но в отличие от Чемберлена он настаивал, чтобы Рим до открытия официальных переговоров (неофициальные уже велись, а разница между неофициальными и официальными переговорами не всегда очень велика) продемонстрировал свою готовность держать слово и выполнил данное ранее Лондону обещание относительно вывода так называемых итальянских "добровольцев" из Испании. Таким образом, расхождения между Чемберленом и Иденом касались сугубо тактического момента и не затрагивали стратегию политики Англии в отношении Италии. Однако оскорбительно-пренебрежительное отношение премьер-министра к своему министру иностранных дел, его демонстративное стремление

осуществлять внешнеполитические акции за спиной последнего делали положение Идена невыносимым.

Дело осложнялось тем, что итальянцы знали, как относится Чемберлен к главе Форин оффис. Знали, ибо поручали копии всех важных документов, поступавших в английское посольство в Риме. Среди младших сотрудников посольства был один итальянец, который за крупное денежное вознаграждение поставлял министерству иностранных дел Италии ценнейшую информацию. Чиано не преувеличивал, когда заметил в дневнике: "Мы читаем все, что англичане посылают". Об этом успешном шпионаже англичане узнали только в 1944 году, но агент остался безнаказанным, поскольку он был итальянским подданным.

Другим надежным источником информации для Муссолини была секретная связь между близким к Чемберлену сотрудником аппарата консервативной партии неким Джозефом Боллом и средним чиновником итальянского посольства в Лондоне. Впоследствии Болл получил рыцарское достоинство "за услуги, оказанные стране". Утверждают, что Иден знал о таком канале связи, но не придавал ему значения. А напрасно!

В этих условиях не приходится удивляться дерзости итальянского посла Гранди, который в ответ на одно из приглашений Идена посетить его заявил, что очень занят, ибо у него назначена игра в гольф.

Отказавшись встретиться с Иденом 16 и 17 февраля, Гранди, однако, нашел время для встречи с секретным агентом Чемберлена, который, по словам посла, с октября 1937 года действовал в качестве прямого звена связи между ним и Чемберленом. "У меня с этим агентом, - писал Гранди, - были почти ежедневные контакты с 15 января". Так была организована встреча Гранди с Чемберленом 18 февраля 1938 г.

Чемберлен хотел провести ее один на один, но Иден настоял, чтобы встреча состоялась втроем. Она характерна тем, что Чемберлен принял все итальянские условия: обещал признать захват Эфиопии, предоставить Италии заем в 25 млн. ф. ст. и явиться самолично в Рим для встречи с Муссолини. В дипломатической истории нет подобных прецедентов, когда премьер-министр вместе с иностранным послом открыто выступают против собственного министра и, солидаризируясь с первым, отводит все соображения второго.

Но еще более невероятное произошло вечером того же дня. Гранди сообщает, что после переговоров на Даунинг-стрит Чемберлен направил к нему своего связного. Как было условлено, они встретились в обычном лондонском такси. Агент передал, что "Чемберлен шлет Гранди свои сердечные поздравления", что

премьер-министр "согласен с тем, что говорил посол", "все это было очень полезно для него" и "он уверен, что на следующий день все пойдет хорошо".

Своими действиями премьер-министр фактически уже освободил Идена от исполнения его обязанностей, и тот вынужден был заявить об отставке. Позднее Дафф Купер рассказал о позиции Чемберлена во время обсуждения этого вопроса на заседании кабинета: "Давая своим коллегам понять, что он, так же как и все они, стремился отговорить Идена от отставки, Чемберлен на деле был полон решимости избавиться от него и секретно уведомил итальянского посла, что надеется добиться этого".

В конце концов отставка Идена состоялась. Далеко не все члены правительства понимали, в чем дело, но поддержали Чемберлена. Лорд-канцлер Хэйлмен выразил мнение большинства своих коллег - членов кабинета, когда писал своему сыну: "Я не могу сказать тебе, почему Антони подал в отставку, потому что я сам не могу этого понять". Это естественно. Ведь "расхождения между Чемберленом и Иденом касались не более чем деталей: сроков переговоров с Италией", - замечает Томпсон. По такому пустячному поводу пост министра не покидают! Обсуждение в кабинете было длительным, и в конце кто-то из министров, принимая лицемерную позицию премьера за чистую монету, предложил с целью сохранить Идена в правительстве позволить ему вести переговоры с Италией так, как он считает правильным. Чемберлен, опасаясь, что это повлечет за собой компромисс, игнорировал сделанное предложение и сказал Идену: "В таком случае вы пришлите мне письмо (об отставке. - В. Т.)".

Следует иметь в виду, что Идену и английской буржуазной историографии не просто выгодно, но и крайне необходимо представить дело так, будто отставка Идена была вызвана принципиальными политическими мотивами. Это нужно для поднятия его престижа, для реабилитации консервативной партии. Однако факты, как говорится, лежат на поверхности и позволяют без особого труда установить истину.

Обстоятельства отставки Идена свидетельствуют, что он совсем не стремился уйти, а Чемберлен очень хотел, чтобы он ушел. В целях давления на Идена премьер и его ближайшее окружение изобрели версию, что ему нужно уйти в отставку или по крайней мере отстраниться на время от дел в связи с якобы плохим состоянием здоровья. Внешний вид Идена, прекрасно отдохнувшего месяц назад на Ривьере, наглядно опровергал такую выдумку, но не смущал ее авторов. Джон Саймон 18

февраля явился к Идену, долго говорил о посторонних вещах, а под конец заявил: "Побереги себя, Антони. У тебя усталый вид. Ты уверен, что здоров?" Иден заверил "заботливого" старшего коллегу, что чувствует себя превосходно.

Этим, однако, дело не кончилось. Саймон вскоре встретился с личным секретарем Идена Томасом, поведал ему, что любит Идена, как собственного сына, и очень встревожен, наблюдая за его поведением на заседаниях кабинета; он пришел к выводу, что "Идеи болен и физически, и психически". Шестимесячный отпуск дал бы возможность ему восстановить свое здоровье, и очень важно, чтобы Томас поехал вместе с ним. А в течение этого времени он, Саймон, и его коллеги по кабинету сохранят за Иденом его пост и присмотрят за внешней политикой". Томас ответил, что его шеф только что вернулся после отличного отдыха на юге Франции и его здоровье в наилучшем состоянии. Однако Саймон настаивал, уверяя, что "все теперь находится в руках Томаса". Он умолял его быть благоразумным и увезти Идена подальше. Томас не согласился, будучи всегда лояльным в отношении своего шефа.

Затем обработкой Томаса занялся Гораций Вильсон, сообщив ему по телефону, что "все уже решено и Антони подает в отставку по соображениям здоровья". После этого многозначительно добавил: "Так будет лучше для него и, что более важно, так будет лучше для вас, если вы убедите его поступить таким образом".

20 февраля 1938 г. Иден направил Чемберлену письмо об отставке. Последний абзац письма должен был успокоить лидера консерваторов. "Разрешите мне, - писал Иден, - закончить личной нотой. Я никогда не забуду помощь и советы, которые вы всегда с такой готовностью давали мне, и до того как стали премьер-министром, и после. Наши расхождения во мнениях, каковы бы они ни были, не могут ни вычеркнуть это из памяти, ни повлиять на нашу дружбу". Что это - обычные пустые слова формальной вежливости, весьма популярные в английской политической жизни, или программа отношений на будущее, заверение в полной благонадежности?

Дебаты в палате общин должны были дать ответ на этот вопрос. По существующей традиции член правительства, подающий в отставку, имеет право и возможность выступить перед палатой общин с разъяснением и обоснованием своей позиции. Уинстон Черчилль, недовольный тем, что правительство не включило его в свой состав, а также по причине уступчивости Чемберлена Гитлеру и Муссолини, решил, что отставка Идена даст возможность повести атаку на кабинет. Поэтому накануне выступления Идена в палате общин Черчилль послал ему письмо,

содержавшее совет не щадить своих коллег во имя интересов страны.

Однако Иден отнюдь не собирался организовывать и возглавлять поход против правительства Чемберлена. Он хотел уйти с достоинством, но тихо и спокойно, не раздражая руководящую партийную и правительственную верхушку. Поэтому и его выступление в палате общин было мягким, неопределенным, уклончивым. Оно явно разочаровало депутатов парламента, и особенно тех, кто с сомнением и критически относился к политике "умиротворения".

Никто из членов кабинета не солидаризировался с Иденом. Вместе с ним подали в отставку лишь его заместитель Крэнборн, парламентские личные секретари Идена и Крэнборна - Томас и Патрик, а также парламентский секретарь департамента внешней торговли Рональд Три. Считается общепризнанным, что выступление в парламенте Крэнборна по мотивам своей отставки было более определенным и боевым, чем речь Идена.

Представители оппозиции попытались использовать прения для атаки на внешнюю политику правительства. Их выступления были намного острее речи Идена, но бессодержательность и неопределенность его выступления серьезно ослабляли возможности для критики Чемберлена. Премьер-министр в своем ответе настаивал, что у них с Иденом было единство взглядов на цели внешней политики, но они разошлись относительно путей их достижения. Иден не возражал, потому что это было правдой. "Остальным членам правительства, включая меня самого, - продолжал Чемберлен, - не кажется, что такие расхождения во мнениях... достаточно важны, чтобы побудить моего достопочтенного друга покинуть нас".

Лейбористы внесли вотум недоверия правительству Чемберлена в связи с отставкой Идена. При голосовании только один консерватор проголосовал против правительства, но это был не Иден, а Адамс. Иден, Крэнборн, Черчилль и еще полтора десятка консервативных депутатов воздержались при голосовании.

Недовольство в Англии политикой "умиротворения" росло. Ряд реально мыслящих политиков постепенно приходили к выводу об опасности линии на уступки и сговор с фашистскими державами. Эти люди ожидали, что Иден, уйдя из правительства, возглавит борьбу за изменение внешнеполитической линии. Но они сразу же разочаровались в своих надеждах.

Некоторые историки считают, что Иден не начал эту борьбу, потому что по своему характеру не был борцом. "Многие, - пишет Рис-Могг, - удивлялись, почему Иден не возглавил кампанию

против Чемберлена. Одна из причин безусловно заключалась в том, что не в его натуре было сделать это". Томпсон повторяет ту же мысль: "Иден по складу своего характера был органически неспособен возглавить бунт... Он принял на себя... роль весьма уважаемого, сдержанного и осторожного критика".

Эти суждения верны, но лишь частично. Крайне важно было то, что у Идена не было с Чемберленом, Галифаксом, Саймоном и их единомышленниками принципиальных политических разногласий. Об этом говорит вся деятельность Идена в области внешней политики в "национальном правительстве" до отставки, его поведение во время отставки и в последующие годы. Интересен комментарий по поводу отставки, который дал Иден три десятилетия спустя, когда история и историография уже вынесли свой окончательный приговор Чемберлену и его политике. "Перечитывая документы, - пишет он, - касающиеся моей отставки, я пришел к убеждению, что, если бы мне было позволено продолжать ведение переговоров с Гранди в те сроки и теми методами, которые я счел бы подходящими и которые использует обычная дипломатия, я обеспечил бы с наименьшим риском такой максимальный прогресс в англо-итальянских отношениях, какой допустило бы настроение римского диктатора".

Таково последнее слово самого Идена. Уместен вопрос: где здесь несогласие с политической линией Чемберлена, с политикой "умиротворения"? Его нет. Что же остается? А остаются разногласия относительно техники, методов проведения этой политики в жизнь. Иден сожалеет, что ему не дали возможности осуществить замысел Чемберлена, он уверен, что смог бы успешнее реализовать его традиционными дипломатическими методами.

Мог ли Иден вести борьбу против Чемберлена, если он расходился с ним в части, касающейся техники исполнения, но не в политическом замысле? Безусловно, не мог.

Из отсутствия глубоких, принципиальных расхождений вытекал еще один мотив сдержанного поведения Идена в момент отставки и в последовавший период - желание и надежда вновь вернуться в состав правительства. Это был важный мотив, побуждавший Идена к выдержке, спокойствию, к тому, чтобы ни в коем случае не обострять отношений с Чемберленом. Том Джонс, секретарь кабинета и человек весьма информированный, после одной из бесед с Иденом писал своему другу за океан: "Иден популярен в левых кругах, но он хочет оставить дверь открытой для возвращения к правым... Болдуин и Галифакс с симпатией относятся к нынешнему поведению Идена". А историк Томпсон на

этот счет писал, что "многие, наблюдая за усилиями Идена вернуться этим способом в правительство, должны были удивляться, почему он в свое время ушел из него".

Таково было поведение Антони Идена после того, как ему пришлось покинуть Форин оффис. Оно в значительной степени определило и внутреннюю реакцию на его отставку. Некоторые историки, мемуаристы и биографы Идена сообщают, что в момент кризиса у дома 10 по Даунинг-стрит собралась толпа, встретившая появление Идена аплодисментами. Однако они явно преувеличивают значение этой сцены. Против резиденции английского премьер-министра почти всегда стоит большая или меньшая группа людей, состоящая из английских и зарубежных туристов и случайно забредающих сюда лондонцев. Всем интересно бросить взгляд на темную дверь с латунной до блеска надраенной цифрой 10 и на двух полицейских, стоящих у двери. Многие фотографируются на этом фоне. В моменты тех или иных событий толпа, естественно, увеличивается, и вряд ли следует воспринимать аплодисменты при появлении Идена как многозначительную демонстрацию. Ясно одно: реакция широкой английской общественности на уход Идена была спокойной и не поколебала положения правительства.

25 февраля Иден выступил в своем избирательном округе Лимингтоне. Его встретили приветственным пением и криками: "Призовите Идена обратно". Но речь Идена на этот раз была еще более благожелательной в отношении правительства, чем выступление в палате общин. Она понравилась Чемберлену, и он прислал Идену дружеское письмо, начинавшееся словами: "Прочтя речь, которую вы произнесли вчера перед своими избирателями, я хочу сказать вам несколько дружеских слов... Достоинство и сдержанность вашего выступления должны еще больше поднять вашу репутацию". Это был ясный совет, как Идену следует впредь вести себя.

Реакция английской прессы была спокойной: она не предсказывала изменения английской политики после отставки Идена. Консервативный официоз "Дейли телеграф" указывал, что "в основе событий не было вопроса о расхождениях принципиального характера". "Таймс", занимавшая позицию поддержки Чемберлена и германских нацистов, предсказывала "с определенной уверенностью, что отставка Идена не внесет никаких фундаментальных изменений в английские цели". Лейбористская "Дейли геральд" сделала верный прогноз: "При осуществлении политики Чемберлена любые уступки, какими бы позорными и унизительными они ни были, будут сделаны силам международного фашизма в обмен на его обещания не совать

руки в английские интересы". Газета не смогла только предсказать, что фашизм не сдержит своего обещания.

В фашистских странах, где газеты, особенно итальянские, вели кампанию против Идена, его отставка была встречена приветствиями и поздравлениями в адрес Чемберлена. Одна из итальянских газет дала информацию под заголовком: "Они убрали труп с Даунинг-стрит".

Но Иден далеко не был политическим трупом. Ему везло с самого начала, повезло и теперь, причем повезло крупно. Уйдя в отставку в феврале 1938 года, Иден создал себе репутацию (пусть необоснованную) противника политики "умиротворения" и сторонника энергичного отпора агрессивным державам, расчистив себе тем самым путь к участию в правительстве в годы второй мировой войны, и получил возможность в конце концов (в 1955 г.) стать премьер-министром Англии.

"Драма отставки Идена, - пишет Рандольф Черчилль, - его "сломанная карьера" сняли с него ответственность за все преступления десятилетия Макдональда - Болдуина, за которые он в действительности был ответствен ничуть не меньше, чем Макдональд, Болдуин, Хор, Саймон и Галифакс. Когда через несколько лет выражение "умиротворение" (впервые употребленное Иденом для определения дипломатического искусства) превратилось в грязное слово, Иден в глазах публики был святым благодаря своей отставке. Хотя он, конечно, не планировал этого, именно отставка Идена в конце концов привела его... на пост премьер-министра Англии". Эту бесспорную истину высказал и историк Тэйлор в следующих выражениях: "Иден... приобрел задним числом мифическую (подчеркнуто мною. - В. Т.) репутацию человека, любящего сильные действия, и превратился в символ сопротивления политике Чемберлена". В этом заключается суть дела.

Пребывание Идена не у дел оказалось довольно коротким - 18 месяцев. Он сам не рассчитывал, что ему так повезет.

Сразу же после ухода в отставку Иден уехал с женой на юг Франции. В палате общин он появился лишь через два месяца. Отставной политический деятель, вокруг которого началась возня различных лиц, желавших использовать его для противопоставления правительству Чемберлена, поторопился уехать из Лондона с тем, чтобы переждать на берегу Средиземного моря, пока уляжется шум, вызванный его отставкой. Успокоение наступило быстро, ибо вскоре внимание общественности было переключено на важные международные события. В течение полутора лет, прошедших до того, как Иден снова стал членом правительства, он много размышлял и мало

выступал с речами.

В это время Идену был 41 год. Он достиг зрелости и приобрел большой опыт государственной деятельности. Иден держался со спокойной уверенностью, жесты его были тверды и решительны.

Выглядел он моложе своих лет, по-прежнему уделял большое внимание внешности, производившей хорошее впечатление на его слушателей и особенно слушательниц.

Утверждают, что богатым человеком он не был, так как наследство получил скромное. Одно время предполагалось, что его жена Беатрис унаследовала от своего отца-банкира 150 тыс. ф. ст. - по тем временам крупную сумму. Однако в действительности ее наследство немногим превышало 20 тыс. ф. ст. В этих условиях утрата министерского жалованья, составлявшего тогда 5 тыс. ф. ст. в год, конечно, чувствительно сказалась на бюджете Иденов. От представительного дома с ливрейной прислугой пришлось отказаться. Да он и не нужен был теперь. Подрастали сыновья - Симон и Николас, и им необходимо было дать образование, соответствующее традициям буржуазно-аристократического класса. Это в Англии всегда связано с большими расходами. Было бы неправильно заключить на этом основании, что Иден оказался в стесненных материальных условиях. Ничего подобного. Он располагал достаточными средствами, чтобы вести образ жизни, принятый в аристократических и крупнобуржуазных кругах Англии.

Отставка Идена принесла ему новую популярность. Поэтому естественно, что ряд газет, предлагая ему регулярно поставлять им статьи, обещал крупные гонорары. Издательство предложило написать на весьма выгодных условиях книгу о его взглядах на внешнюю политику. Поступали заманчивые предложения и из мира бизнеса. Иден не воспользовался этими возможностями, ибо не считал для себя конченной политическую карьеру. Он надеялся когда-нибудь вернуться в правительство.

А пока продолжалось вынужденное безделье, он отдыхал на Средиземном море, играл в свой любимый теннис и изредка обменивался письмами на политические темы с небольшим числом знакомых. От выступлений по политическим вопросам воздерживался. Он, по его собственному признанию, не хотел причинять беспокойство правительству.

Беатрис, исходя из пословицы "нет худа без добра", была довольна, что наконец у Антони оказалось достаточно времени, чтобы побыть в семье. Она смутно представляла в свое время его министерские заботы, порождавшие большую занятость, чувствовала его неприятности, с которыми он столкнулся в первые два месяца 1938 года, но глубоко вникнуть в его тревоги

не хотела и не умела. Беатрис не любила политику и не интересовалась ею. Вряд ли она получила удовольствие, когда Антони преподнес ей сборник своих речей с посвящением: "Б. И. от А. И. В знак признательности за терпеливое выслушивание каждой из этих страниц". Во всяком случае, читать эту книгу ей было совсем не интересно и даже скучно.

В апреле 1938 года Иден получил письмо от Черчилля, который сообщал, что Чемберлен и Галифакс (преемник Идена на посту министра иностранных дел. - В. Т.) завершили переговоры с Муссолини. "Итальянский пакт, - писал Черчилль, - конечно, является полным триумфом для Муссолини, который получил сердечное принятие нами произведенных им против нас на Средиземном море фортификационных работ, признание захвата им Эфиопии и творимого им насилия в Испании". Иден отвечал: "Муссолини не дает нам ничего, кроме повторения обещаний, ранее данных и им же на рушенных..." Иден в общем разделял мнение Черчилля об итальянском "достижении" Чемберлена.

В конце года английский посол в Риме лорд Перт вручил итальянскому королю свои верительные грамоты, адресованные "королю Италии и императору Эфиопии". Это означало, что достигнутое соглашение начало действовать.

Иден промолчал, когда Гитлер 12 марта 1938 г. вопреки положениям Версальского и Сен-Жерменского мирных договоров двинул нацистские войска в Австрию и "присоединил" эту, до тех пор независимую, страну к Германии. Наступление на независимость Австрии Гитлер начал еще в бытность Идена министром иностранных дел, предприняв шаги, которые должны были облегчить захват этой страны нацизмом. И тогда Иден промолчал. По этому поводу Деннис Бардене писал: "Странно, что Иден не выступил с публичным заявлением в защиту Австрии в этот час; он не замедлил предоставить Австрию ее судьбе".

Более того, по соглашению, заключенному в Стреза в 1935 году, Англия вместе с Францией и Италией была обязана оказать поддержку Австрии, если возникнет угроза ее безопасности. Когда незадолго до отставки Идена спросили в парламенте, выполнит ли английское правительство свои обязательства по этому соглашению, он ответил, что Англия не обязана проявлять инициативу в данном вопросе и что она станет действовать лишь в том случае, если ее попросят Франция и Италия. Ответ не был правдивым, ведь Иден прекрасно знал, что Франция не проявит инициативу, а тем более не сделает этого Италия, ибо тогда Муссолини уже был союзником Гитлера. Но ответ имел и другую сторону: Гитлер тем самым был официально уведомлен, что в случае захвата Австрии он не встретит противодействия Англии,

хотя к этому ее обязывали Версальский и Сен-Жерменский мирные договоры и соглашение в Стреза.

Однако ответ Идена не вызывает удивления, если учитывать, что английское правительство давно уже отнесло Австрию к тем уступкам, которые надлежало сделать немецкому фашизму в плане его "умиротворения". Галифакс в разговоре с Гитлером дал согласие Англии на захват Австрии Германией. Когда 16 февраля вопрос об угрозе Австрии со стороны Германии обсуждался на заседании английского кабинета, Иден не предложил чтобы правительство выполнило свои договорные обязательства в отношении этой страны. Он заявил членам кабинета, что "должен будет весьма внимательно наблюдать за положением и поддерживать тесный контакт (по этому вопросу. - В. Т.) с премьер-министром". Так гласит запись в протоколе заседания кабинета.

У Идена и других руководителей министерства иностранных дел было полное единомыслие на сей счет с Чемберленом и Галифаксом. Это подтверждают циничные записки Кадогана. Поступили сведения, записывает он И марта, что "Германия двинулась против Чехословакии". И далее: "Взвесив ситуацию, в конце дня мы согласились с Галифаксом, что наша совесть чиста". Странное понятие о политической совести и чистоте! Позднее Кадоган писал Гендерсону в Берлин: "Слава богу, Австрия не путается под ногами".

Английскому правительству было ясно, что после захвата Австрии нацистская Германия обратит свой алчный взор в сторону Чехословакии. В связи с австрийскими делами комитет по внешней политике английского правительства обсуждал 16 марта и возможность германской агрессии против Чехословакии. В этот день в дневнике Кадогана появилась следующая запись: "Комитет по внешней политике единодушен в том, что Чехословакия не стоит костей хотя бы одного английского гренадера. И он совершенно прав". Так правящая верхушка Англии задолго до Мюнхена решила выдать Чехословакию Гитлеру.

Советское правительство прекрасно понимало, что каждый новый акт фашистской агрессии приближает мировую войну. Поэтому СССР заявил энергичный протест против поглощения Австрии Германией и предложил правительствам ряда стран, включая Англию, принять меры против возможных новых актов агрессии. Советское правительство выразило готовность "участвовать в коллективных действиях, которые имели бы целью приостановить дальнейшее развитие агрессии", и согласие "приступить немедленно к обсуждению с другими державами в

Лиге Наций или вне ее практических мер, диктуемых обстоятельствами. Завтра может быть уже поздно, но сегодня время для этого еще не прошло".

Английское правительство тут же отвергло советское предложение. Это и понятно. Невиль Чемберлен с беспредельной ненавистью относился к СССР и приписывал Советскому правительству самые коварные замыслы. На второй день после внесения советского предложения он записал в своем дневнике: русские "настойчиво и хитро дергают все веревочки за сценой с целью столкнуть нас с Германией (наша секретная служба не все свое время тратит на то, чтобы глазеть в окно)".

Как это присуще многим людям, а ограниченным в особенности, Чемберлен судил о других по себе, то есть приписывал свои замыслы Советскому правительству. Стремясь натравить Германию на СССР и считая это хитрой политикой, английский премьер при этом не мог не думать, что и Москва стремится к тому же; ведь будь он, Чемберлен, на ее месте, он поступил бы именно так. Дорого стоили народам заблуждения Чемберлена.

Что же касается английской Интеллидженс сервис, то ее сотрудники очень настойчиво пытались подглядывать в советские окна. Но удавалось это им плохо. Признание английскими политическими деятелями после второй мировой войны того факта, что их представления конца 30-х годов о возможностях СССР оказались абсолютно неверными, кажется, свидетельствует о том, что данные о Советском Союзе, которые тогда поставляла английская разведка своему правительству, совсем не соответствовали истине. Это безусловно верно и относительно информации, касавшейся внешнеполитических целей Советского государства.

В тот период не только Иден, но и Черчилль не выступили за единство действий с Советским Союзом в целях предотвращения войны. Драгоценное время уходило, опасность мировой войны нарастала, но лондонские "умиротворители" шли своим путем...

Кульминационного пункта политика "умиротворения" достигла осенью 1938 года, когда Гитлеру была выдана Чехословакия. Лондон добивался, чтобы в ответ на уступки (разумеется, за счет других стран) фашистские державы, во-первых, осуществляли свои агрессивные акции, по выражению американского историка А. Фурнина, "через переговоры... и по велению английского правительства". Во-вторых, "умиротворение" должно было привести к "общему урегулированию" европейских дел, то есть к генеральному соглашению между Англией, Германией и Италией. Выдача Чехословакии Гитлеру, как представлялось вначале английскому правительству, способствовала бы достижению обеих этих целей.

Операция с Чехословакией оказалась, пожалуй, самой трудной для английского правительства. Задача заключалась в том, чтобы не только заставить чехословацкое правительство предать свой народ и страну в пользу немецкого фашизма, не только заставить французское правительство предать Чехословакию, отказавшись выполнять договор о помощи ей, но и в том, чтобы путем дипломатических интриг создать такую политическую ситуацию, при которой Советский Союз не смог бы выполнить свои договорные обязательства о помощи Чехословакии. Поскольку СССР не колебался и выражал готовность выступить в защиту Чехословацкой Республики по первому зову ее правительства, необходимо было добиться, чтобы само чехословацкое правительство отказалось принять эту помощь. Положение "умиротворителей" и предававшей свой народ чехословацкой реакции осложнялось тем, что Советское правительство готово было оказать помощь Чехословакии даже в том случае, если французское правительство не выступит в ее поддержку. Поэтому нужно было не допустить возникновения военных действий между Германией и Чехословакией, ибо могла сработать система союзов и Германия наверняка была бы разгромлена, а это могло означать конец фашистского режима. Английское правительство никак не могло допустить этого.

16 марта 1938 г. состоялось заседание английского кабинета, где был выработан конкретный план предательства Англией Чехословакии. Было решено, во-первых, "убедить французов отказаться от гарантий, данных ими Чехословакии", во-вторых, "заставить чехословацкое правительство удовлетворить претензии судетских немцев" (то есть передать Германии Судетскую область) и, в-третьих, вместе с французским правительством "сконцентрировать свои усилия на том, чтобы убедить Гитлера согласиться с таким решением чехословацкой проблемы".

Удовлетворение "претензий" судетских немцев,

сформулированных нацистами, влекло за собой расчленение страны, а расчлененная Чехословакия неизбежно в самое ближайшее время должна была быть полностью поглощена Германией. Таков был смысл решения английского кабинета от 16 марта. Знавший этот план консерватор Алан Леннокс-Бойд публично заявил: "Германия может поглотить Чехословакию, и это не затронет безопасность Англии". Так полагало правительство Чемберлена.

Гитлер знал об этом и торопился с захватом Чехословакии. Его поспешность чуть не привела к весьма неприятным осложнениям в мае 1938 года, когда обнаружилось, что Германия может натолкнуться на вооруженный отпор со стороны Чехословакии, на помощь которой могли прийти ее союзники. Английское правительство, испугавшись последствий, настояло, чтобы акция по захвату Чехословакии была отложена, и принялось лихорадочно готовить "мирное" решение проблемы. Все приличия были отброшены. На чехов и французов оказывался систематический нажим с тем, чтобы они приняли рожденный в Лондоне план расчленения Чехословакии.

Как отмечали впоследствии историки, Чемберлен "буквально гонялся за Гитлером". 15 сентября он едет к нацистскому фюреру в Берхтесгаден и договаривается с ним о передаче Судетской области Германии. В Лондон срочно вызываются руководители французского правительства, где их уламывают согласиться на сформулированные в Берхтесгадене условия. Кажется, все будет вот- вот улажено. 22 сентября Чемберлен мчится к Гитлеру в Бад-Годесберг, но возвращается в полном смятении. Фюрер предъявил новые, далеко идущие требования. Опять уговаривают французских лидеров, чтобы они капитулировали перед нацистской Германией.

Одновременно лондонское правительство осуществило ряд мероприятий, которые должны были запугать английский народ угрозой неминуемой войны, с тем чтобы он принял "урегулирование" чехословацкой проблемы как спасение мира для себя и для других народов и был глубоко благодарен Чемберлену. В этих целях в парках Лондона демонстративно рыли окопы, выдавали населению противогазы, в газетах помещались снимки, изображающие новорожденных, помещенных в противогазовые ящики, и т. д. и т. п. Нагнеталась тревога, создавалась психологическая обстановка неотвратимой страшной опасности. Это возымело свое действие.

Члены палаты общин были вызваны с каникул и собрались 28 сентября на заседание. Чемберлен долго говорил о создавшейся ситуации. Затем ему была передана записка, он прочел ее и

заявил, что получил от Гитлера приглашение прибыть завтра в Мюнхен на конференцию, в которой примут также участие Франция и Италия. Настроение было такое, что вся палата, включая и лейбористскую оппозицию, поднялась и устроила Чемберлену овацию. Консерватор Гарольд Никольсон определил эту сцену как "одно из самых плачевных проявлений массовой истерии". Лидеры всех партий бросились поздравлять Чемберлена. Даже его последовательный оппонент, маститый Уинстон Черчилль сорвал аплодисменты, сердечно пожав руку Чемберлену и сказав при этом: "Я поздравляю вас с вашей большой удачей. Вам очень повезло". А некоторые депутаты стали кричать: "Спасибо господу богу за нашего премьер-министра".

В этой обстановке лишь один депутат сохранил трезвое представление о происходящем. Это был коммунист Уильям Галлахер. Он сказал: "Никто не хочет мира так сильно, как я и моя партия, но мира, основанного на свободе и демократии, а не на расчленении и уничтожении малого государства. Именно к такой ситуации привела нас политика национального правительства... Каков бы ни был исход, национальному правительству придется держать ответ за свою политику... Я протестую против того, чтобы Чехословакия была принесена в жертву".

29 сентября 1938 г. в Мюнхене встретились Чемберлен, Гитлер, Муссолини и премьер-министр Франции Даладье. Конференция приняла решение о передаче Судетской области Германии. Оно было сообщено чехословацким представителям, которые не участвовали в конференции и ожидали результатов в отдельной комнате. Чемберлен сказал им, что "это приговор без права апелляции и без возможности его пересмотра". И представители приняли приговор. После этого Чехословакия как независимое государство не просуществовала и полугода.

За оказанную услугу Чемберлен намерен был получить вознаграждение от Гитлера. Он просил его подписать декларацию о будущем англо-германских отношений. 30 сентября переводчик прочел Гитлеру текст декларации, подготовленный Стрэнгом и исправленный Чемберленом, и фюрер тут же, со слуха, без каких бы то ни было размышлений и обсуждений подписал бумагу. Разумеется, эту сделку Чемберлен оформил, не потрудившись даже уведомить своего союзника Даладье.

Англо-германская декларация от 30 сентября, по существу, являлась пактом о ненападении. Чемберлен думал, что декларация гарантировала Англию от войны с Германией, а Гитлер мог рассматривать ее как гарантию от противодействия Англии при осуществлении им новых актов агрессии.

В Англии Чемберлена встретили ликованием. Выходя из самолета, он размахивал, декларацией с подписью Гитлера и восклицал: "Я заполучил ее!". На Даунинг-стрит собралась восторженная толпа, чтобы приветствовать "миротворца". Премьер-министр появился на балконе и заявил: "Второй раз из Германии на Даунинг-стрит приходит почетный мир. Я верю, что это мир для нашего поколения". Чемберлен держался, как триумфатор.

Отрезвление наступило довольно скоро. Уже во время первых поездок Чемберлена к Гитлеру некоторые политические деятели поняли, что для Англии создается опасная ситуация: уступки Германии и Италии вели к увеличению их военно-стратегического потенциала и к относительному ослаблению такого потенциала Англии и Франции. Баланс сил все больше изменялся в пользу фашистских держав. А это означало, что создавалась страшная угроза позициям Англии и Франции в Европе и за ее пределами.

В марте бригадный генерал Спирс, посетивший Чехословакию в то время, когда Германия захватила Австрию, выступил с требованием, чтобы "западные демократии" поддержали Чехословакию, ибо если они этого не сделают, то "нацистская Германия будет господствовать... вплоть до Босфора, захватив огромные ресурсы - от венгерской пшеницы до румынской нефти". Как человек военный Спирс учитывал и последствия захвата Германией мощных предприятий Чехословакии по производству оружия (заводы "Шкода").

По мере того как баланс сил изменялся в ущерб Англии, ряд лондонских деятелей все больше и больше задумывались об отношениях с Советским Союзом.

Известный консервативный деятель Леопольд Эмери в момент Мюнхенской конференции записал в дневнике: если бы Мюнхен "стал прелюдией к реальному урегулированию в Европе, то исключение России не имело бы для меня значения, ибо я всегда считал, еще до того как этот вопрос приобрел остроту, что Германия, Франция и Италия, действующие в сотрудничестве с нами, должны явиться основой удовлетворительной европейской системы, исключающей Россию". Планы Эмери и его соратников не ограничивались "исключением России из Европы". Предательство в Мюнхене имело целью способствовать провоцированию военного конфликта между фашистскими державами и СССР. Американский историк Бювер пишет: "Для понимания политического значения Мюнхена и того, что ему предшествовало, необходимо вспомнить, что консервативная партия Англии... была одержима страхом перед Советским

Союзом и коммунизмом. Поэтому она проводила неомакиавеллистскую политику, основывающуюся на надежде, что нацизм и коммунизм столкнутся и уничтожат друг друга".

Такова была английская внешнеполитическая стратегия тех дней. Но ее реализация зависела от многих факторов, неподвластных правительству консерваторов. А вдруг Германия станет действовать не по графику, составленному в Лондоне, и, как предупреждали Идена в Москве, двинется под знаменем реванша вначале на Запад? Размышления о такой возможности сразу же вызывали мысли о Советском Союзе. Не следует ли перестраховаться, использовав готовность СССР объединиться с другими странами в сопротивлении агрессии?

Непоследовательность английских деятелей, обуреваемых тревогой и сомнениями, была просто поразительна. Даже Уинстон Черчилль, позиции которого казались наиболее четкими и определенными, 31 мая ратовал за удовлетворение требований Германии к Чехословакии, а в конце августа убеждал Галифакса, что Англии и Франции следует вместе с СССР выступить с твердым предупреждением в адрес Гитлера.

К сентябрю 1938 года у ряда консерваторов, встревоженных действиями Чемберлена, усилился интерес к возможному сотрудничеству с СССР в случае военного конфликта с Германией. 26 сентября Эмери обсуждал этот вопрос с группой консерваторов и убеждал их не делать публичных заявлений в пользу сотрудничества с СССР. "В данный момент, - говорил он, - это только оттолкнет многих наших людей, которые в случае объявления войны будут рады приветствовать помощь со стороны самого дьявола". Знаменательное выражение! Оно определяло чувства консерваторов к СССР, с ним мы еще встретимся, когда речь пойдет о выступлении английского премьер-министра по радио 22 июня 1941 г.

3 октября начались четырехдневные дебаты в палате общин по итогам Мюнхенской конференции. Уже они показали, что известное отрезвление начинается даже в рядах консервативных членов парламента. Член кабинета, министр военно-морского флота Дафф Купер подал в отставку в знак протеста против Мюнхенского соглашения. Но постарался при этом не очень раздражать Чемберлена. Когда другой министр - Эллиот заявил, что уйдет вместе с ним, Дафф Купер уговорил его не делать этого. "Мне будет легче уйти одному, - сказал он, - ибо я не хочу причинить вред правительству".

В выступлении Даффа Купера в парламенте отразились основные линии, по которым шло недовольство ряда консерваторов Мюнхеном. Речь идет не столько о Чехословакии,

говорил он, сколько о намерении Германии установить свое господство в Европе. Чемберлен глубоко заблуждался, полагая, будто Гитлеру можно верить на слово. Ему не следовало подписывать важнейшую декларацию, не посоветовавшись со своими коллегами в правительстве, с союзниками, с правительствами доминионов и с экспертами министерства иностранных дел.

Уинстон Черчилль заявил, что Германия без единого выстрела приобрела господствующее положение в Европе, то есть достигла того, чего не могла добиться за четыре года первой мировой войны. "Это огромная победа для Гитлера... Он изменил баланс сил в Европе". Подобных выступлений было довольно много.

"Антони Иден, - пишет Томпсон, - произнес слабую речь в этом же духе. Его замечания выглядели бледно по сравнению со страстными и убедительными обвинениями его молодых коллег*. Это слишком мягкая оценка. Ведь Иден начал свою речь с льстивых комплиментов в адрес Чемберлена. В данных условиях это касалось уже не этики, а политики. "Я не могу себе представить, - заявил Иден, - бремя, которое легло на его (Чемберлена. - В. Т.) плечи... Теперь какое-то время мы опять можем дышать свободно". Это была своеобразная поддержка премьер-министра. Затем Иден сказал, что оказанный Чемберлену прием в Германии явился "выражением глубокого стремления германского народа к миру". Это уже прямая поддержка нацистского партнера Чемберлена. Рядовой англичанин должен был понять так, что эти слова относятся к германскому правительству, к Гитлеру. Один из классических образцов нарочито двусмысленного заявления.

Однако общая атмосфера в палате общин не могла не настораживать. Чемберлен и его приверженцы всерьез забеспокоились. В ход была пущена угроза. Недовольным объяснили, что, если они будут голосовать против правительства, Чемберлен немедленно объявит всеобщие выборы, пока избиратели признательны ему за "сохранение мира", и все выступающие сейчас против правительства будут выброшены за борт. Партия исключит их из числа своих кандидатов, а если они попытаются баллотироваться самостоятельно, то будет сделано все, чтобы провалить их избрание.

В заключение дебатов голосовался вотум доверия правительству. Лейбористская оппозиция, естественно, голосовала против. 22 депутата-консерватора, несмотря на шантаж и запугивание, воздержались. Среди них были Эмери, Черчилль, Купер, Крэнборн, Макмиллан и Иден. Никто: ни

Черчилль, ни Купер, ни Иден - не проголосовал против мюнхенской сделки.

Иден вел осторожную игру. Он не проявлял активности в парламенте и за его пределами. Но те немногие речи, которые он произносил, свидетельствовали о том, что оратор следует определенной программе. Иден ратовал за создание действительно коалиционного правительства, представляющего все партии (Компартия, разумеется, не имелась в виду), которое обеспечивало бы социальную справедливость внутри страны и осуществляло эффективную внешнюю политику. "Я призываю, - говорил Иден, - не просто к созданию правительства из представителей всех партий; такое правительство - это лишь механизм. Что более важно, так это дух единства, решимость предпринять общенациональное усилие с целью обеспечить для нашего народа не только оборону, гарантирующую его безопасность, но и занятость на фабрике и на земле. Важно вдохнуть в него веру в то, что демократия может достигнуть этих целей". Эти туманные, расплывчатые рассуждения о какой-то надклассовой социальной справедливости были рассчитаны на привлечение внимания и обеспечение поддержки широких народных масс. Однако дальше банальностей и общих мест Иден в своей внутриполитической программе не шел.

Более определенной представляется его внешнеполитическая концепция. Цель английской внешней политики, говорил он, "состоит в том, чтобы устранить возможные причины для возникновения войны в духе взаимного сотрудничества и доброй воли". Это было сказано уже после Мюнхена, в ноябре 1938 года. И здесь Иден - все еще сторонник политики "умиротворения". Но теперь в его выступлениях присутствует призыв к тому, чтобы Англия быстрее вооружалась.

Как и ранее, Иден говорит о том, что Германия и Италия в ответ на уступки со стороны Англии должны делом доказать свою готовность к сотрудничеству с ней. Это концепция "гарантированного умиротворения". Иден, замечает Броад, "отвергая идею "умиротворения" с позиции слабости, требовал создания позиции силы через национальное единство".

Ряд других консерваторов также считали, что "умиротворение" должно быть гарантированным, что верить Гитлеру и Муссолини на слово нельзя. Это были рядовые консервативные депутаты парламента. Они начали встречаться более или менее регулярно еще с весны 1938 года для совместного обсуждения внешнеполитических проблем. Их встречи были известны как встречи "Группы". Было и другое название, данное "Группе" организаторами консервативной

партии, - "Очаровательные ребята". В этом ироническом названии чувствуется намек на внешность Идена.

Исследователи не смогли установить точную дату создания "Группы". Она не имела ни определенного членского состава, ни организационной структуры, ни аппарата. Ее состав был текучим и не превышал 20 человек. Кроме Идена в "Группу" входили Крэнборн, Томас, Патрик, Эмери, Макмиллан, Спирс, Никольсон и ряд других деятелей. Никаких обязательных для ее участников решений "Группа" не принимала. Это, по существу, был дискуссионный клуб по проблемам внешней политики. Из высказываний "Очаровательных ребят" можно заключить, что они придавали большее значение приемам традиционной дипломатии и балансу сил, чем правительство.

Самым опасным и последовательным критиком внешней политики Чемберлена был в это время Уинстон Черчилль. Казалось бы, Иден должен был соединить свои усилия с Черчиллем, но он не сделал этого. "Группа" сторонилась Черчилля.

Высказывания Идена в пользу создания правительства всех партий несомненно свидетельствовали о его желании вернуться к власти. Зная о своей репутации, Иден справедливо полагал, что при создании такого правительства его, по всей вероятности, призовут обратно. Пост министра иностранных дел в этом случае ему был гарантирован, а если очень повезет, то могут предложить и кресло премьер-министра. По мере того как у общественного мнения увеличивались сомнения в разумности политики Чемберлена, рос авторитет Идена в стране.

Чтобы обезопасить себя с этой стороны, премьер-министр применил традиционный в Англии способ. Он решил подкупить Идена и предложил ему вернуться в состав правительства, но не на пост министра иностранных дел. Иден подумал-подумал и отказался. И поступил правильно. Время работало против Чемберлена. Вскоре Иден вернулся в правительство на лучших условиях.

В декабре 1938 года Иден вместе с женой предпринял поездку в США. Это был также верный шаг. Дело явно шло к войне, в которой интересы Англии и США должны были на определенное время совпасть. Рузвельт все больше и больше активизировался во внешнеполитической сфере. Все это означало, что роль отношений с США быстро возрастала. Президент после столкновения в январе 1938 года недоброжелательно относился к Чемберлену, что было лишним аргументом в пользу того, чтобы показаться в США и продемонстрировать свои симпатии к американцам.

С американской стороны было проявлено подчеркнутое внимание к Идену. С таким шумом не принимали даже самых знаменитых кинозвезд. Как только пароход "Аквитания" вошел в нью-йоркскую гавань, к нему пришвартовался катер береговой охраны, чтобы принять на борт и доставить на берег чету Иденов. В фешенебельной гостинице "Уолдорф Астория" был организован прием в их честь. Посмотреть и послушать Идена пришли 4000 человек. Гостей из Лондона принял мэр Нью-Йорка Лагуардиа. Они посетили представление на Бродвее, где по ходу пьесы один из персонажей упоминает имя Идена. Газеты были заполнены его фотографиями, описаниями его костюма, шляпы и галстука. В Идене американцы видели воплощение идеального англичанина. Их удивило, что он не носил традиционного черного зонтика - непременную принадлежность Чемберлена и вообще всякого английского джентльмена в любую погоду. В этом усматривался либерализм гостя из Лондона.

Иден выступил перед Национальной ассоциацией предпринимателей, произносил приветственные речи на многочисленных обедах и приемах. Ни о чем серьезном он не говорил, но его высказывания должны были создать у слушателей впечатление, что он с симпатией относится к США, что он сторонник демократий, понимающий угрозу им со стороны диктатур. Все это подавалось в мягких и обтекаемых выражениях.

В Вашингтоне Иденов приняла супруга президента Элеонора Рузвельт (с президентом встречи не было) и заместитель министра иностранных дел Самнер Уэллес. В Белом доме машинистки, потеряв голову от счастья лицезреть воочию очаровательного английского политика, восторженной толпой ходили за ним из комнаты в комнату; пришлось спасаться от экспансивных американок в раздевалке.

К рождеству Идены, весьма довольные поездкой, вернулись домой, привезя с собой 100 собственных фотографий, вырезанных из американских газет. "Некоторые, однако, чувствовали, - замечает на этот счет Бардене, - что преклонение перед Иденом несколько перешло границы и что его репутация базируется на нереальной основе. Его восхваляли больше за то, что он отказался делать, чем за то, что он сделал".

Пока Иден путешествовал за океан, Чемберлен наводил жесткий порядок в среде консервативных членов парламента. В палате общин он выступил с речью, в которой дал понять, что не потерпит свободомыслия, проявленного кое-кем в дебатах по Мюнхену. Руководители консервативных организаций в избирательных округах потребовали объяснений от "несогласных" и без околичностей предупредили, что если они не образумятся,

то на следующих выборах (которые ожидались в ближайшие месяцы) могут не рассчитывать на избрание в парламент от данного округа.

Некоторые, например Уинстон Черчилль, оттягивали как можно дольше свои объяснения в избирательных округах. Кое-кто пробовал бунтовать. Когда герцогиня Атольская возмутилась нажимом (она вызвала недовольство партийных боссов критикой политики правительства в отношении Испании) и, отказавшись от старого парламентского мандата, попыталась пройти в палату общин как "независимая", ее тут же провалили. "Несогласные* задумались и притихли.

Иден удвоил осторожность. Журнал "Нью стейтсмен" писал, что он "ведет игру, целью которой является руководство консервативной партией;.., оставляя дверь открытой для возможных комбинаций в будущем". А "Спектейтор", отмечая, что Иден последовательно уклоняется от обвинений в адрес своих бывших коллег по правительству, утверждал: "В этом его сила". Члены "Группы" следовали примеру лидера, а некоторые из них пытались убедить партийных боссов в своей благонадежности.

15 марта 1939 г. Гитлер двинул свои войска в Чехословакию и занял всю ее территорию. Это было проделано без согласования с участниками Мюнхенского совещания. Тем самым нацистский фюрер разорвал Мюнхенское соглашение, а также пресловутую англо-германскую декларацию. Это был полный провал политики "умиротворения". Стало ясно, что Германию уступками задобрить нельзя, что она взяла курс на установление своей гегемонии в Европе. "Последняя акция Гитлера, - писал "Спектейтор", - продемонстрировала стране... истинную ценность Мюнхенского соглашения. Политика умиротворения не только скончалась, ...но ее необходимо срочно похоронить".

Английское правительство в этот момент еще раз предало Чехословакию. Ведь в Мюнхене Чемберлен обещал гарантировать ее неприкосновенность в послемюнхенских границах. Хотя английское правительство понимало, что Гитлер намерен захватить Чехословакию ("За недели и даже месяцы заранее нетрудно было догадаться, куда теперь двинется Гитлер", - писал Кадоган), знало твердо сроки захвата, но ничего не предприняло, чтобы помешать этому. Даже предложение французов послать Гитлеру предупредительную ноту было отрицательно встречено в Лондоне.

После встреч с Гитлером Чемберлен уверял своих министров: "У меня создалось впечатление, что Гитлер - это человек, на которого можно положиться". "Он не нарушит своего слова", "...он страстно желает обеспечить дружбу с Англией". Прошло два-три

месяца, и в одобренном Чемберленом документе читаем: "психическое состояние Гитлера, его безумная ненависть к Англии" свидетельствуют о том, что он "может предпринять без какого-либо предлога неожиданное нападение с воздуха на Англию". Этот документ датирован 24 января 1939 г.

Что же произошло за четыре месяца после Мюнхена? "Еще, в ноябре (1938 г.), - говорится в том же документе, - были сведения (которые становились все более определенными. - В. Т.), что Гитлер планирует следующую внешнеполитическую авантюру на весну 1939 года. Вначале казалось.., что он думает об экспансии на Восток. В декабре перспектива создания независимой Украины под германским вассалитетом широко обсуждалась в Германии".

Вот, оказывается, на что надеялись в Лондоне! Не раз в дневниках Кадогана (в опубликованном тексте!) встречаются записи о том, что в Форин оффис верили в "проекты немцев... приобрести господствующее положение на Украине". Это означает, что на Даунинг-стрит с нетерпением ожидали военного нападения Германии на СССР (ибо как иначе осуществить захват Украины?), ожидали платы за выдачу ей Чехословакии. Однако уже к концу января 1939 года в распоряжении английского правительства было так много данных о намерении Гитлера не считаться с ним, что оно всерьез начало размышлять о возможности германского удара на Запад. Несмотря на это, правительство Чемберлена ничего не сделало, чтобы помешать Германии 15 марта захватить всю Чехословакию.

Вскоре после того, как Лондон и Париж "проглотили" полный захват Чехословакии, Гитлер отторг Мемель от Литвы, а Муссолини захватил Албанию. Изменение баланса сил в пользу агрессивных стран происходило теперь с фантастической быстротой.

Реакция в Англии на эти события была разная. Чемберлен и теперь не желал отказаться от своей линии. Но возмущение общественного мнения нарастало и оказывало давление на членов парламента. Уже очень многим было ясно, что политика "умиротворения" поставила Англию и Францию на грань катастрофы: они должны или принять господство Германии в Европе, или начать войну против нее в условиях во много раз худших, чем, например, в 1936 году, когда германскую агрессию можно было остановить сравнительно легко.

В это время уже некоторые консервативные депутаты, например Бэвер, заявляли: нам не, нравится Советская Россия, но "мы не можем обойтись без нее". Идея опоры на мощь СССР с целью выравнивания баланса сил становилась все более популярной в неофициальных политических кругах. В известной

степени эта идея начинала оказывать влияние и на умонастроения Идена.

Во второй половине марта 1939 года стало ясно, что следующей жертвой нацистской Германии явится Польша. Несмотря на все свои симпатии к фашизму, британские правящие круги не могли безучастно отнестись к дальнейшему изменению баланса сил в ущерб Англии.

Чтобы припугнуть германское правительство и сделать его более сговорчивым, Чемберлен, позировавший теперь как "обманутый апостол умиротворениям, 31 марта заявил, что Англия (Франция последовала ее примеру) гарантирует независимость Польши. После захвата Италией Албании гарантии были даны Греции и Румынии, начались переговоры с Турцией.

Многие тысячи книг и статей написаны, чтобы доказать, что после 15 марта наступил конец политики "умиротворения" и английское правительство обратилось к новому курсу. Лживость этой версии многократно была доказана марксистскими, да и не только марксистскими историками. Политика "умиротворения" продолжалась до сентября 1939 года, затем до мая 1940 года, а чемберленовские гарантии были лишь тактическим ходом, имевшим две цели: успокоить общественное мнение и воздействовать на правительства Германии и Италии, подтолкнуть их к заключению, наконец, реального соглашения с Англией. Эти же цели преследовали и англо-франко-советские переговоры, проходившие весной и летом 1939 года.

Существовала ли в то время объективная возможность для заключения союза между Англией, Францией и СССР против германской агрессии? Безусловно, да. Во- первых, Советский Союз неоднократно демонстрировал свою искреннюю готовность принять участие в системе коллективной безопасности, которая могла бы остановить надвигавшуюся войну, и, во-вторых, для СССР, Англии и Франции нависла общая угроза со стороны Германии и, следовательно, была общая заинтересованность парировать эту угрозу. Казалось бы, в такой ситуации у Англии и Франции был только один разумный образ действий - вместе с СССР создать единый фронт против агрессии. В те дни еще можно было исправить положение. Но в Лондоне и Париже продолжали азартную игру, где ставкой были судьбы стран и народов.

Под давлением со стороны общественного мнения правительства западных держав стали маскировать свою политику несложными дипломатическими средствами: официальные лица в Лондоне и Париже вдруг стали частыми гостями в советских посольствах, и такие посещения получали широкое освещение в печати. Но в Москве это никого не ввело в

заблуждение. М. М. Литвинов в этой связи писал полпреду СССР в Англии: "Я полагаю, что у Вас нет никаких иллюзий насчет англо-советских отношений и что Вы не преувеличиваете значения положительного отношения к Вашим приглашениям на завтраки членов правительства. Часто бывает, что существенное скрытое ухудшение отношений пытаются компенсировать легкими открытыми манифестациями корректности, что имеет место в данном случаев. 19 февраля 1939 г. в записи беседы с английским послом нарком отмечал: "Я указал послу, что пока не вижу никаких признаков какого-либо изменения курса, обозначившегося в Мюнхене". "Мы имеем дело только с жестами и тактическими маневрами, - резюмировал Литвинов, - а не с действительным стремлением Чемберлена к сотрудничеству с нами". Таким образом, Советское правительство прекрасно видело двойную игру мюнхенцев.

Некоторые историки полагают, что переговоры между Советским Союзом, Англией и Францией о союзе, который должен был обуздать дальнейшую германскую агрессию в Европе, начались 18 марта 1939 г. и что инициатива этих переговоров принадлежала английскому правительству. Вероятно, было бы более правильным считать, что переговоры с упомянутой целью начались месяцем позже и что инициатива их принадлежит Советскому Союзу.

Если вдуматься в смысл дипломатической переписки и переговоров между представителями трех держав в период с 18 марта по 17 апреля, то нельзя не прийти к выводу, что на протяжении этого месяца правительства Англии и Франции вели не переговоры о союзе, а предпринимали попытки спровоцировать СССР на такие дипломатические меры против Германии, которые вызвали бы дальнейшее ухудшение советско-германских отношений, побудили бы Гитлера оставить планы нанесения первого удара на Западе и совершить вместо этого военное нападение на Советский Союз.

На языке документов факты выглядят следующим образом. В связи с усилившимся нажимом Германии на Румынию (Гитлер вымогал у нее важные экономические и политические уступки) английское правительство запросило 18 марта одновременно через советского полпреда в Лондоне и наркома иностранных дел в Москве, "может ли Румыния рассчитывать на помощь СССР в случае германской агрессии, в какой форме и в каких размерах". М. М. Литвинов ответил, что Советское правительство "тоже может чувствовать потребность, прежде чем ответить на запрос Сидса (посол Англии в СССР - В. Т.), знать позицию других государств, в частности Англии". Нарком "выразил удивление, что

нашей помощью интересуется Англия, а не Румыния, которая к нам не обращалась и, может быть, даже не желает ее". Однако Советское правительство, стремившееся не упустить ни одной возможности для переговоров с западными державами о совместном сопротивлении агрессии, решило использовать обращение англичан для внесения важного предложения о неотложных мерах по предотвращению агрессии.

Вечером того же дня М. М. Литвинов вызвал Сидса и передал ему советское предложение "немедленно созвать совещание из представителей СССР, Англии, Франции, Польши и Румынии". Нарком объяснил послу, что "из вопросов одного правительства другому о позиции каждого ничего не выйдет, а поэтому необходима общая консультация". Американский историк Флеминг впоследствии так расценил советскую акцию: "Это было то, в чем ощущалась неотложная необходимость". Но это было не то, чего хотели английские деятели. Уже на следующий день министр иностранных дел Англии сообщил советскому полпреду, что он "консультировался с премьером по вопросу о предлагаемой конференции", и они "пришли к выводу, что такой акт был бы преждевременным". Тем самым конкретное, деловое советское предложение о борьбе с агрессией было отклонено английской стороной.

21 марта Сиде вручил М. М. Литвинову проект декларации СССР, Англии, Франции и Польши о том, что эти страны обязуются совещаться о шагах, которые должны быть предприняты для общего сопротивления агрессии. Сиде заявил, что "декларация составлена в таких необязывающих выражениях и так лаконично, что вряд ли могут быть серьезные возражения". Такой характер документа меньше всего импонировал Советскому правительству. Однако, следуя принципу "лучше что-либо, чем ничего", правительство СССР на следующий же день уведомило правительство Великобритании, что принимает его предложение. Но английская сторона вначале затянула ответ, а затем сообщила, что вопрос о декларации следует считать отпавшим.

На первый взгляд английская позиция выглядит непоследовательной и непонятной, однако в ней была своя логика. Объяснение ее следует искать в английских источниках того периода. Обратимся к одному из последних. Издатель дневников Кадогана Дэвид Дилкс, говоря, что взгляд Кадогана на Россию "не изменился ни в 1941, ни в 1945 годах", цитирует относящийся к февралю 1939 года документ, подготовленный Кадоганом для Форин оффис: "Бесполезно обсуждать, что опаснее для нас - фашизм или коммунизм. Совершенно ясно, что в

данный момент (подчеркнуто Кадоганом. - В. Т.) фашизм более опасен..." И далее Кадоган заявляет: "Я ненавижу коммунизм, практикуемый в России". Это важный документ, ибо он излагает не столько мнение Кадогана, сколько позицию министерства иностранных дел и правительства - перманентную позицию: ее придерживались в 1939 году, в годы антигитлеровской коалиции и в послевоенный период. В ней сочетаются глубокая ненависть к Советскому Союзу и сознание необходимости сотрудничать с ним во имя собственного спасения.

Нельзя не учитывать также, что с каждым днем в Англии и во Франции (в несколько меньшей степени) нарастали требования народных масс объединиться с СССР для отпора агрессии. Чтобы успокоить народные массы, Чемберлен затевал переговоры с Советским правительством, а когда его демарши давали результат, тут же брал свои предложения обратно, ибо он не искал союза с СССР против агрессора, а думал о сговоре с ним против СССР. Английский премьер шел на прямой обман своего народа с целью скрыть истинную позицию правительства. 24 марта Кадоган записал в дневнике: "В 9 час. 45 мин. был на Даунинг-стрит, 10. Премьер-министр беседовал с лейбористами. Он разъяснил им.., что мы не относимся к России прохладно".

Что касается французского правительства, то оно пока активности не проявляло. М. М. Литвинов писал полпреду в Париже Я. З. Сурицу: "Франция, поскольку дело нас касается, как будто совершенно стушевалась, предоставив даже разговоры с нами одной Англии". А Англия вела переговоры лишь для видимости, и Советское правительство это прекрасно понимало. "В самом деле, - писал М. М. Литвинов Я- З. Сурицу 11 апреля, - в разговорах с нами англичан и французов после истории о совместной декларации не содержалось даже намека на какое-либо конкретное предложение или о каком-либо соглашении с нами. Если расшифровать эти разговоры, то выясняется лишь желание Англии и Франции, не входя с нами ни в какие соглашения и не беря на себя никаких обязательств по отношению к нам, получить от нас какие- то обязывающие нас обещания... Но почему мы должны принимать на себя такие односторонние обязательства?" Недобросовестность позиции западных держав заранее обрекала любые переговоры с СССР на провал.

15 апреля английское правительство обратилось к правительству СССР с вопросом, не согласится ли оно сделать заявление о том, что в случае агрессии против какого-либо его европейского соседа Советский Союз окажет ему помощь, если она будет желательна. Предложение, по сути дела, было

провокационным. Его авторы приглашали СССР заявить, что при определенных обстоятельствах он будет воевать против Германии, но сами не обещали ему никакой поддержки. Это было не чем иным, как попыткой втянуть Советский Союз в войну с Германией один на один. Даже Сиде понимал несуразность такого предложения. После его вручения, "поразмыслив день", он сообщил своему министерству иностранных дел: предложение создает впечатление, что "мы не имеем серьезных намерений, а Советский Союз, понятно, опасается, что ему придется таскать каштаны из огня*'.

Если английское правительство не имело серьезных намерений организовать фронт сопротивления агрессии, то у Советского правительства, напротив, такие намерения были. Поэтому оно использовало английское предложение для того, чтобы вручить 17 апреля 1939 г. правительствам Англии и Франции свои предложения, предусматривавшие обязательство трех держав оказывать друг другу немедленно всяческую помощь, включая и военную, в случае агрессии в Европе против любого из договаривающихся государств. Внесение Советским правительством этих предложений и положило начало трехсторонним переговорам о заключении военного оборонительного союза СССР, Англии и Франции против агрессии в Европе.

Это был искренний конструктивный шаг со стороны Советского правительства. Американский историк Флеминг характеризует предложение СССР от 17 апреля как "максимально реалистическое". "Никакими другими мирными средствами, - пишет он, - невозможно было остановить Германию или обеспечить выигрыш в войне, если бы Гитлер стал упорствовать".

Искренность Советского правительства и серьезность его намерений не вызывали сомнений у многих аккредитованных в Москве дипломатов. Временный поверенный в делах США в СССР телеграфировал государственному секретарю 22 апреля: "Советский Союз занял позицию исключительно широкого сотрудничества с Францией и Англией".

В Москве знали, что Лондон и Париж лишь в тактических целях предпринимают некоторые внешнеполитические шаги, якобы означающие перемену их политического курса, а в действительности там намерены добиваться нового сговора с Гитлером. На что же в таком случае рассчитывало Советское правительство, предлагая Англии и Франции союз против агрессии? Во-первых, оно полагало, что общественное мнение западных стран будет усиливать нажим на свои правительства в пользу сотрудничества с СССР, во-вторых, учитывало действие

межимпериалистических противоречий, препятствовавших соглашению между Англией и Францией, с одной стороны, и Германией и Италией - с другой, и наконец, в-третьих, считало, что необходимо использовать все, даже малейшие возможности, чтобы попытаться создать единый фронт государств и народов против угрозы фашизма и войны. Это была абсолютно правильная политика, и если усилия Советского правительства в тот момент не увенчались успехом, то только потому, что поддержка их силами, выступавшими на Западе против угрозы войны, оказалась недостаточно мощной.

Как же реагировали в Лондоне на советское предложение? Кадоган подготовил для Галифакса свои соображения, сводящиеся к тому, что "военная помощь России будет иметь сомнительную ценность за пределами ее собственных границ". "Мы должны взвесить, - предлагал Кадоган, - преимущества бумажного обязательства России присоединиться в войне к одной стороне и ущерб, проистекающий от того, что мы открыто объединимся с Россией. Преимущества по меньшей мере проблематичных-. Галифакс одобрил эти соображения.

19 апреля состоялось заседание комитета по внешней политике, на котором обсуждались "злонамеренные" (по определению Кадогана) советские предложения. Мнение Кадогана получило "общее одобрение", и он послал телеграмму французам, "настаивающую, чтобы они не отвечали Советам, не проконсультировавшись с нами".

21 апреля Галифакс заявил польскому послу Рачинскому, что советское предложение, хотя оно и серьезно, идет далее того, на что готово пойти британское правительство.

25 апреля комитет по внешней политике обсуждал ответ Москве. Обсуждение "продолжалось недолго, - пишет Кадоган, - все согласились отвергнуть советские предложения".

8 мая английское правительство вместо соглашения трех сторон о взаимной помощи предложило Советскому правительству сделать одностороннюю декларацию о том, что в случае вовлечения Англии и Франции в военные действия Советский Союз считал бы себя обязанным немедленно оказать им содействие. И ни слова о том, на что СССР может рассчитывать со стороны Англии и Франции. "Как видите, - телеграфировал полпреду СССР во Франции нарком иностранных дел В. М. Молотов, сменивший на этом посту М. М. Литвинова, - англичане и французы требуют от нас односторонней и даровой помощи, не берясь оказывать нам эквивалентную помощь".

Через неделю Советское правительство уведомило своих партнеров по переговорам, что, внимательно рассмотрев их

предложения, оно пришло к следующему заключению: эти предложения "не могут служить основой для организации фронта сопротивления миролюбивых государств против дальнейшего развертывания агрессии в Европе", ибо "не содержат принципа взаимности в отношении СССР и ставят его в неравное положение, так как они не предусматривают обязательства Англии и Франции по гарантированию СССР в случае прямого нападения на него со стороны агрессоров". Одновременно Советское правительство выдвинуло предложения, в случае реализации которых был бы создан действительный барьер против агрессии.

19 мая новые предложения СССР рассматривались комитетом по внешней политике. "Мы подходим, - записал Кадоган, - к моменту, когда надлежит сделать выбор между союзом с СССР (или пактом взаимопомощи) и провалом переговоров со всеми вытекающими из этого последствиями... Премьер-министр с ненавистью относится к союзу с СССР. Стэнли, Хор, Малькольм Макдональд, Чэтфилд, я думаю, также и Инскип, и Барджин - за союз! К ним, мне кажется, следует добавить Галифакса. Премьер-министр, Моррисон и Саймон - против. Договорились, что предлогом, под которым следует отклонить советские предложения, должна быть ссылка на то, что Польша и Румыния не хотят объединения с Россией". Через день Кадоган отметил в дневнике: "Премьер-министр говорит, что он скорее подаст в отставку, чем подпишет союз с СССР". Итак, новое советское предложение также было отклонено английским, а вслед за ним и французским правительствами.

Позиция западных держав не была секретом для их союзников. Интересно в этом отношении письмо польского посла в Англии министру иностранных дел Польши от 19 мая. Посол рассказывает, что, по мнению некоторых политических деятелей, "Галифакс и премьер Чемберлен, первый - по идеологическим соображениям, второй же - чтобы полностью не закрыть себе пути к политике "умиротворения", сознательно и с умыслом затягивают переговоры с Москвой".

Германское правительство еще лучше было информировано о переговорах, чем поляки. В Форин оффис действовал агент, работавший на нацистов, и поэтому, как замечает Дилкс, "Германия получала из Лондона секретную информацию об англо-французских переговорах с Москвой".

Советское правительство отдавало себе отчет в том, что его партнеры ведут нечестную игру. В. М. Молотов дал понять это в беседе с дипломатическими представителями Англии и Франции в Москве 27 мая. "Отвечая Сидсу и Пайяру, - гласит запись

беседы, - т. Молотов начал с заявления, что, ознакомившись с англо-французским проектом, он вынес отрицательное заключение об этом документе. Англо-французский проект не только не содержит плана организации эффективной взаимопомощи СССР, Англии и Франции против агрессии в Европе, но даже не свидетельствует о серьезной заинтересованности английского и французского правительств в заключении соответствующего пакта с СССР. Англо-французские предложения наводят на мысль, что правительства Англии и Франции не столько интересуются самим пактом, сколько разговорами о нем. Возможно, что эти разговоры и нужны Англии и Франции для каких-то целей. Советскому правительству эти цели неизвестны. Оно заинтересовано не в разговорах о пакте, а в организации действенной взаимопомощи СССР, Англии и Франции против агрессии в Европе. Участвовать только в разговорах о пакте, целей которых СССР не знает, Советское правительство не намерено. Такие разговоры английское и французское правительства могут вести с более подходящими, чем СССР, партнерами". Вероятно, кое-кому тон этого заявления покажется слишком резким. Однако сейчас в свете опубликованных секретных документов совершенно ясно, что такой тон в разговоре с дипломатами, ведшими двойную игру, был вполне оправдан.

Документы английского правительства рассказывают о том, как обсуждался в Лондоне вопрос о посылке в Москву специального представителя для ведения переговоров. Известно, что Чемберлен лично трижды ходил на поклон к Гитлеру, чтобы достичь Мюнхенского соглашения. Затем он явился в Рим к Муссолини. В СССР для ведения переговоров о создании союза, который был призван спасти мир в Европе, послали рядового чиновника министерства иностранных дел Стрэнга. Если бы английское правительство серьезно относилось к переговорам, оно как минимум должно было поручить их министру иностранных дел. Ведь с советской стороны их вел Председатель Совета Народных Комиссаров. В Москве готовы были принять Галифакса, но он отказался поехать. Когда в английском правительстве обсуждался этот вопрос в июле 1939 года и зашла речь о посылке в Москву министра, Чемберлен заявил, что это "весьма затруднительно", так как "вызвало бы серьезную задержку и было бы унизительным для нас".

В этот период Антони Иден становится сторонником необходимости "тройственного союза между Англией, Францией и Россией на основе полной взаимности", то есть "если Россия подвергнется нападению, Англия и Франция должны прийти ей

на помощь, а если Франция или Англия - то Россия оказывает им помощь". Иден считал, что три державы должны помочь и любой другой европейской стране, если она явится жертвой агрессии. В начале мая Иден выступил в палате общин в пользу скорейшего заключения договора с СССР.

Через несколько дней он встретился за обедом с Галифаксом. Разговор за столом касался предполагаемых переговоров. "Почему бы вам, Эдвард, не поехать в Москву и не возглавить делегацию?" - спросил Иден. "Это не принесло бы никакой пользы, - ответил Галифакс. - Не те люди. Абсолютно никакого контакта с ними". Его собеседник напомнил о троекратных визитах Чемберлена к Гитлеру и заметил, что если бы английскую делегацию в Москве возглавил человек высокого ранга, то русские восприняли бы это как свидетельство того, что в Лондоне нет предубеждения к ним. Затем Иден сказал: "Если это будет приемлемо для правительства, я готов сам поехать". Галифакс сделал вид, что идея ему нравится, и обещал доложить о ней премьер-министру. Вскоре Иден узнал, что Чемберлен не согласен на его поездку в СССР.

И все же в Москве благодаря твердости и настойчивости Советского правительства удалось договориться по ряду спорных вопросов. Но в июле представители западных держав поставили (уже в который раз!) переговоры на грань срыва, не желая принять советскую формулировку о "косвенной агрессии" и прибегая в этом вопросе, по словам Молотова, к всевозможным жульничествам и недостойным увертками. Смысл такого упорства был ясен: они хотели оставить лазейку для агрессора.

Предметом серьезных расхождений был вопрос о военном соглашении. По мнению Советского правительства, оно должно было стать неотъемлемой частью политического договора. Правительства же Англии и Франции, уклонявшиеся от принятия на себя конкретных обязательств, пытались отложить вопрос о военном соглашении на неопределенное будущее. В. М. Молотов в телеграмме полпредам СССР в Лондоне и Париже назвал англо-французское предложение о том, чтобы прежде договориться о "политической" части договора и только "после этого перейти к военному соглашению", мошенническим, поскольку оно "разрывает единый договор на два договора" и противоречит основному советскому предложению об одновременности заключения всего договора, включая и его военную часть, "которая является самой важной и самой политической частью договора".

"Вам понятно, - писал марком, - что без совершенно конкретного военного соглашения как составной части всего

договора договор превратился бы в пустую декларацию, на которую мы не пойдем. Только жулики и мошенники, какими проявляют себя все это время господа переговорщики с англо-французской стороны, могут, прикидываясь, делать вид, что будто бы наше требование одновременности заключения политического и военного соглашения является в переговорах чем-то новым, а в прессе пустили даже утку, что мы требуем будто бы военного соглашения предварительно, то есть до заключения политического соглашения. Непонятно только, на что они рассчитывают, когда пускаются в переговорах на такие неумные проделки. Видимо, толку от всех этих бесконечных переговоров не будет. Тогда пусть пеняют на себя".

Справедливость этой оценки подтверждается донесением Стрэнга английскому правительству от 20 июля. "Неверие и подозрения (советских представителей. - В. Т.) в отношении нас в ходе переговоров не уменьшились, - констатировал Стрэнг, - так же как и уважение к нам не возросло. Тот факт, что мы создавали трудность за трудностью в вопросах, не казавшихся им существенными, породил впечатление, что мы не стремимся сколько-нибудь серьезно к соглашению". И действительно, западные державы не стремились к соглашению с СССР. Правда, французское правительство обнаруживало больше готовности договориться с Советским Союзом, чем английское (хотя и в составе последнего были министры, понимавшие ценность для Англии опоры на СССР). Чемберлен стремился не к союзу с СССР, а к новому сговору с Гитлером.

Параллельно с переговорами в Москве в Лондоне в глубочайшей тайне велись переговоры с представителями Германии. Еще в марте 1939 года М. М. Литвинов, учитывая характер британской внешней политики, предвидел возможность таких переговоров. Он полагал, что английское правительство использует контакты с СССР как "усиление акции по натравливанию Гитлера на Восток: или, мол, на Восток, или же мы с ним сойдемся против тебя".

В первые же месяцы после Мюнхенской конференции кабинет Чемберлена пытался начать переговоры с нацистами, но те предпочитали выслушивать своих собеседников и помалкивать. Летом 1939 года Лондон более настойчиво ставил перед Берлином вопрос о переговорах. Гитлеру предлагали тщательно разработанную программу таких переговоров и соблазняли его обещаниями крупных уступок. В мае посол Польши в Англии писал своему министру иностранных дел: Чемберлен, несомненно, избегает всего, что "лишало бы его возможности вновь вернуться к переговорам с Берлином и, возможно, с Римом".

По мнению посла, недавнее выступление Чемберлена "является очередным, не знаю, которым уже по счету, предложением, обращенным к Германии, прийти к соглашению. В то же время в этом выступлении нашло также отражение его давнишнее отрицательное отношение к заключению формального союза с Советами".

Примерно в это же время Кадоган записывал: "Дело выглядит так, что Даунинг-стрит, 10 опять ведет речь об "умиротворении"".

В пользу нового Мюнхена упорно трудился английский посол в Берлине Гендерсон. Записывая беседу с ним от 13 июня, статс-секретарь министерства иностранных дел Германии Вайцзекер отмечал, что Гендерсон "говорил о готовности Лондона к переговорам с Берлином", "критически высказывался об английской политике в Москве" и заявил, что он "не придает никакого значения пакту с Россией". Через две недели собеседники встретились вновь. И опять Гендерсон занялся поисками "исходных моментов для новых англо-германских переговоров". Он готов был обещать прекращение Англией переговоров в Москве, если бы немцы посулили взамен начать официальные переговоры с его правительством. "Как и 14 дней назад, - записывает Вайцзекер, - посол снова спросил, не послужило ли бы окончание переговоров Англии с Москвой стимулом для начала англо-германских переговоров... По его словам, было бы абсолютно неверно полагать, что Чемберлен ушел с тропы мира". Под "тропой мира" следует понимать тропу "умиротворения" агрессоров.

Усилия лондонского правительства договориться с фашистской Германией достигли апогея в июле 1939 года. Переговоры с английской стороны вел в это время Гораций Вильсон - доверенное лицо Чемберлена. Он предложил германскому представителю Вольтату широкую программу переговоров, которых добивалось его правительство. В разделе "Политические вопросы" предусматривалось подтверждение существовавшего уже со времени Мюнхена соглашения о ненападении между Англией и Германией. В качестве платы за это английская сторона обещала отказаться от данных ею гарантий Польше и Румынии, то есть была готова выдать эти страны нацистам. Германии обещали принципиальный пересмотр Версальского договора в части, касающейся колоний. В разделе "Военные вопросы" предусматривалось достижение соглашений относительно вооружения и о "совместной политике" по отношению к "третьим странам". Наиболее подробно был разработан раздел "Экономические вопросы". Германии предлагалось осуществлять совместную политику в области

снабжения обеих стран сырьем и раздела главных рынков сбыта. По мнению английской стороны, "в результате сотрудничества между обоими правительствами" экономические силы могли бы "развернуться в Европе и во всем мире под руководством Германии и Англии". При этом "планомерное германо-английское сотрудничество распространялось бы прежде всего на три крупных рынка: Британская империя (в частности, Индия, Южная Африка, Канада, Австралия); Китай (в сотрудничестве с Японией); Россия...".

Таким образом, Лондон предлагал Берлину договориться об экономическом разделе Европы и всего мира. Фашистам обещали даже участие в экономической эксплуатации Британской империи.

Английский план предусматривал создание "колониального кондоминиума в Африке". Предлагалось совместное освоение широких территорий, "охватывающих самые крупные области тропической и субтропической Африки. Сюда могли бы войти Того, Нигерия, Камерун, Конго, Кения, Танганьика (Немецкая Восточная Африка), Португальская и Испанская Западная и Восточная Африка, Северная Родезия". На этих территориях предполагалось "организовать разработку сырья и производство продовольствия, осуществлять капиталовложения и вести внешнюю торговлю, упорядочить валюту и транспортную связь, административное управление, а также военный и полицейский контроль".

Обращает на себя внимание тот факт, что по вопросу об эксплуатации Китая на Даунинг-стрит намеревались заключить соглашение и со второй агрессивной державой - Японией.

Советский Союз английские политики тоже относили к числу рынков, подлежащих совместному "развитию" Англией и Германией. Можно лишь удивляться политической слепоте лондонских деятелей, абсолютно не представлявших, чем стал Советский Союз к 1939 году, и допускавших возможность навязать ему положение полуколонии и сырьевого придатка капиталистических держав.

Английское правительство предлагало фашистской Германии кредиты и партнерство в борьбе с их империалистическими соперниками. "Германия и Англия, - говорил Вильсон Вольтату, - выступая поодиночке в конкурентной борьбе против всех промышленных государств, не могут и отдаленно добиться такого большого экономического подъема, который станет возможным при планомерно организованном сотрудничестве между нами". Это было предложение заключить экономический союз против США, Франции и других стран.

Английский план всеобъемлющего соглашения с Гитлером представлял собой архиреакционный замысел, направленный против многих стран и народов. Нельзя не учитывать, что речь шла о соглашении не просто с Германией, а с фашистской Германией. Это означало, что, предлагая немцам совместную эксплуатацию ряда стран, английское правительство обещало свое содействие для внедрения в них фашистского влияния. Тем самым английский план должен был повлечь распространение и укрепление фашизма как в Европе, так и на других континентах; в этом смысле он был враждебен интересам английского народа. Если бы план был реализован, то делу прогресса и демократии был бы нанесен серьезный ущерб, а позиции реакции значительно укрепились бы; намного усилились бы эксплуатация трудящихся в раз- питых странах и гнет колониальных народов.

Интересна судьба одного из важнейших документов того времени - меморандума, врученного Горацием Нильсоном во время тайных переговоров с нацистским эмиссаром. Он был написан на бланке резиденции английского премьер-министра. После того как этот меморандум был опубликован в числе других германских документов, английский профессор А. Дж. П. Тэйлор посвятил ему специальную статью в журнале "Нью стейтсмен". Как рассказывает Тэйлор, Вильсон сообщал о своей беседе с представителем нацистов "в духе, выгодном для Форин оффис, и его запись соответственно появилась в английских документах.". Из нее следовало, что это была "безвредная беседа, в которой просто затрагивалась обычная тема готовности быть дружественными в отношении Германии, как только Гитлер вернется к мирным методам".

Опубликованные же германские документы свидетельствуют о том, что в беседе шла речь об одобренных Чемберленом и переданных Вильсоном фашистам важнейших предложениях: "Здесь полная программа сотрудничества, раздел иностранных рынков, промышленное и финансовое сотрудничество". Возникает вопрос, заявляет Пилер, "каким образом этот меморандум ускользнул от редакторов публикации английских документов? Не был ли он уничтожен Горацием Вильсоном или Невилем Чемберленом? Безусловно, многие люди были бы рады, чтобы он исчез".

Достижение предложенного Англией соглашения не состоялось из-за крайне обострившихся противоречий между двумя странами. Из Лондона германскому фашизму предлагали огромные уступки, но в Берлине мечтали о большем - о завоевании единоличного господства над миром и поэтому уклонились от принятия английских предложений.

Английский план соглашения с фашистской Германией вскрывает всю глубину коварства английской дипломатии. Естественно, что ее двойная игра мешала успеху московских переговоров, она же сделала безрезультатными начавшиеся в августе 1939 года переговоры военных миссий СССР, Англии и Франции.

В июле западные державы обсуждали вопрос о срыве переговоров с СССР. Такая акция представлялась им желательной, во-первых, потому, что Советское правительство использовало переговоры для разоблачения лицемерной позиции своих партнеров, что создавало для них внутриполитические сложности, и, во-вторых, это был дополнительный жест, демонстрирующий их готовность добиваться соглашения с Германией. Сиде 12 июля телеграфировал Галифаксу, что для срыва переговоров лучше воспользоваться вопросом о "косвенной агрессии", чем вопросом о военном соглашении.

Однако прямой срыв переговоров сочли все же опасным. Стрэнг предупреждал, что это "может вынудить Советский Союз стать на путь... компромисса с Германией". Вопрос о "косвенной агрессии" повис в воздухе, а советское предложение начать переговоры военных миссий трех стран было принято - принято для того, чтобы таким образом без конца тянуть переговоры. В тех условиях это было равносильно их срыву. Как показывают обнародованные в конце декабря 1969 года документы английского кабинета, Галифакс по этому поводу говорил своим коллегам по кабинету: "Военные переговоры будут тянуться бесконечно, тем самым мы выиграем время и наилучшим образом выйдем из трудного положения, в которое попали".

Военные миссии Англии и Франции прибыли в Москву с нарочитой задержкой. Английский историк Дэвид Дилкс сообщает, что перед отъездом из Лондона английской военной миссии "было сказано - продвигаться как можно более медленно". Миссии прибыли без полномочий что-либо решать и подписывать (у английских военных вообще не оказалось никаких полномочий). У них было лишь два четких указания: по возможности тянуть переговоры и постараться в ходе переговоров получить исчерпывающие данные о состоянии советских вооруженных сил. Германский посол в Лондоне телеграфировал 1 августа своему МИД: "Военный, военно-воздушный и военно-морской атташе единодушно отмечают поразительный скепсис английских военных в отношении предстоящих переговоров с представителями советских вооруженных сил. Нельзя отделаться от впечатления, что с английской стороны переговоры ведутся главным образом с той целью, чтобы получить, наконец,

представление о действительной боевой мощи советских вооруженных сил".

Полпред СССР во Франции 3 августа докладывал НКИД на основании бесед с ответственными деятелями в Париже, что французская миссия "выезжает в Москву без разработанного плана. Это тревожит и подрывает доверие к солидности переговоров... Причины всего этого кроются в том, что здесь и в Лондоне далеко еще не оставлены надежды договориться с Берлином и что на соглашение с СССР смотрят не как на средство "сломать Германию", а как на средство добиться лишь лучших позиций при будущих переговорах с Германией".

Вскоре полпред сообщил, что глава французской миссии генерал Думенк не слишком доволен характером напутствия, которое ему перед отъездом дали на Кэ д'Орсэ: "Никакой ясности и определенности"; "отделывались общими и шаблонными фразами и замечаниями"; "создается впечатление, что руководство военными переговорами, как и политическими, будет в руках англичан". Действительно, так оно и случилось.

Переговоры военных миссий начались со взаимной информации о состоянии вооруженных сил трех держав и их стратегических планах в части, касающейся Европы. Советская делегация развернула полную и впечатляющую картину состояния Красной Армии и ее возможного вклада в борьбу против агрессии в Европе. Как доносил Думенк в Париж 17 августа, "заявления советской делегации носили точный характер и содержали многочисленные цифровые данные... Одним словом, мы констатируем ярко выраженное намерение (Советского Союза. - В. Т.) не оставаться в стороне, а, как раз наоборот, действовать серьезно". Французский генерал был прав. СССР намеревался действовать серьезно в союзе с Англией и Францией по предотвращению войны в Европе.

В ходе переговоров имелось в виду, что Советский Союз будет обязан оказать своими вооруженными силами помощь Англии, Франции и их союзникам - Польше и Румынии в случае нападения Германии на эти страны. Но, как известно, у СССР не было общей границы с Германией, и Красная Армия могла действовать лишь через территории Польши и Румынии. Это - самоочевидное положение, и, не учитывая его, нельзя было вести никаких переговоров о взаимной помощи трех держав. Без согласия Польши на пропуск Красной Армии через ее территорию и военные, и политические соглашения о совместных действиях против агрессора повисли бы в воздухе. В равной степени как мог Советский Союз помочь Румынии в случае германского нападения на нее, если Красная Армия не имела возможности использовать

румынскую территорию для того, чтобы ввести свои части в соприкосновение с противником?

На вопрос главы советской военной делегации К. Е. Ворошилова, есть ли у Англии и Франции соответствующая договоренность с Польшей и Румынией, английская и французская делегации ответили отрицательно. Тогда советская сторона предложила, чтобы такое согласие было получено правительствами Англии и Франции, если они хотят заключить с СССР военное соглашение.

Запись переговоров от 21 августа следующим образом передает заявление К. Е. Ворошилова: "Советская военная миссия не представляет себе, как могли правительства и генеральные штабы Англии и Франции, посылая в СССР свои миссии для переговоров о заключении военной конвенции, не дать точных и положительных указаний по такому элементарному вопросу, как пропуск и действия советских вооруженных сил против войск агрессора на территории Польши и Румынии, с которыми Англия и Франция имеют соответствующие политические и военные отношения. Если, однако, этот аксиоматический вопрос французы и англичане превращают в большую проблему, требующую длительного изучения, то это значит, что есть все основания сомневаться в их стремлении к действительному и серьезному военному сотрудничеству с СССР".

Это была совершенно закономерная и единственно возможная постановка вопроса. Между прочим, так ее рассматривали и дипломатические представители Англии м Франции в Москве. Английский посол Сиде телеграфировал Галифаксу: "Русские подняли теперь основной вопрос, от решения которого зависит успех или неудача поенных переговоров". Поскольку англичане взяли на себя обязательства в отношении Польши и Румынии, подчеркивал он, советская делегация "имеет основания возложить на Великобританию и Францию обязанность обратиться к этим странам". Французский посол Пайяр также отмечал: "То, что предлагает русское правительство для осуществления обязательств политического до- гонора, по мнению генерала Думенка, соответствует интересам нашей безопасности и безопасности самой Польши". Едва ли, писал Пайяр, можно что-либо противопоставить советской позиции, которая "подводит нас к самой сущности вопроса".

Однако правительства западных держав, и прежде всего английское, не приняли необходимых мер, чтобы разумно решить вопросы, вставшие в ходе военных переговоров. Да в Лондоне и не хотели их решать, поскольку не желали, чтобы московские переговоры дали положительные результаты. Когда глава

английской военной миссии адмирал Драке сообщил своему правительству вопрос советской делегации, Галифакс на заседании кабинета министров заявил, что "не считает правильным посылать какой-либо ответ на эти вопросы".

Так правительства Англии и Франции сорвали переговоры 1939 года с СССР о создании союза против дальнейшей агрессии в Европе. Советскому правительству было ясно, что лондонские и парижские политики сделали это с единственной целью - чтобы продолжить мюнхенскую политику соглашения с фашизмом и подтолкнуть Германию к нападению на СССР.

В этих условиях Советское правительство, не желая играть на руку провокаторам войны и стремясь оградить интересы своих народов, пошло на единственно возможный в сложившейся тогда обстановке шаг и подписало с Германией пакт о ненападении. Тем самым военное нападение фашизма на Советский Союз было задержано почти на два года, которые партия и правительство использовали для энергичной подготовки страны, народа и их вооруженных сил к надвигающейся войне.

Внешняя политика империалистических стран и ее фальсификация самым непосредственным образом связаны между собой. Последняя имеет два этапа: первый этап - это фальсификация самой политики в то время, когда она проводится в жизнь, и второй этап - это фальсификация истории данной политики, осуществлявшаяся впоследствии на протяжении более или менее длительного периода времени. Причем настойчивость усилий фальсификаторов зависит от большей или меньшей значительности в истории народов и стран, в международных отношениях тех или иных внешнеполитических акций соответствующих правительств.

Правящие круги Англии и Франции представляли народам в заведомо искаженном свете свои действия в период мюнхенского сговора, в последовавшие за Мюнхеном месяцы и, наконец, в месяцы, предшествовавшие возникновению второй мировой войны. Всеми имевшимися в их распоряжении пропагандистскими и политическими средствами мюнхенцы осуществляли грандиозный по размаху и цинизму обман английского и французского народов и мирового общественного мнения относительно своей политики. Хотя "эластичность" совести буржуазных политиков хорошо известна, было бы, однако, неверно полагать, что эта злонамеренная ложь объяснялась личной бесчестностью и недобросовестностью тех или иных политических деятелей, скажем, Чемберлена или Галифакса.

Империалистическая внешняя политика, как бы ни тщились

буржуазная историография и пропаганда доказать обратное, является продуктом деятельности не тех или иных лиц, ее вырабатывающих и осуществляющих, а выражением объективных интересов стоящих у власти в соответствующих странах классов: в данном случае монополистической буржуазии Англии и Франции. Эта политика не может не находиться в радикальном противоречии с объективными интересами трудящихся этих стран, то есть подавляющего большинства английского и французского народов.

Поэтому, чтобы заставить народы принять те или иные внешнеполитические акции империализма или хотя бы побудить их не оказывать таким акциям активного сопротивления, империалисты пытаются представить свою внешнюю политику в ложном свете, проще говоря, обмануть народы. Опыт международных отношений кануна второй мировой войны свидетельствует, что тогда лот обман был особенно интенсивен, правящие клики рассчитано и цинично обманывали не только народы, но и сноп парламенты и даже своих коллег по правительству. Это диктовалось тем, что чем меньшее число людей пило посвящено в истинные замыслы узкой правящей верхушки, тем больше было надежды, что обман не раскроется преждевременно. Приходилось также опасаться и тех политиков, принадлежащих к правящим партиям, которые были не согласны с проводимой политикой и открыто выступали против нее.

Политические и военные переговоры в Москве летом 1939 года сами по себе несли фальсификаторскую нагрузку, поскольку партнеры СССР вели их для маскировки своей продолжавшейся политики сговора с агрессором. В период, предшествовавший переговорам, когда общественное мнение Англии стало все более и более активно требовать нормализации отношений с СССР и совместной с ним борьбы против угрозы войны, лондонское правительство, как отмечалось выше, создавало видимость улучшения англо-советских отношений.

Когда начались переговоры, английская и французская пресса обходила молчанием советские предложения. "С нашими предложениями, - телеграфировал полпред из Лондона, - идет своеобразная игра. Сначала Чемберлен пытался замолчать их". Затем стала применяться практика одностороннего, искаженного информирования общественного мнения о предложениях Москвы. Именно поэтому Советское правительство принимало меры для их широкого опубликования.

Отличительной чертой морально-психологической подготовки срыва московских переговоров и организации нового Мюнхена было стремление настроить общественное мнение

благожелательно в отношении агрессивных сил и в то же время саму сделку с агрессором осуществить втайне от народов. Германский посол в Англии подписал в свой МИД, что "для сторонников этих Ниппон наиболее головоломным является вопрос, как приступить к осуществлению этих переговоров. Общественное мнение настолько возбуждено.., что опубликование сообщения о подобных планах ведения переговоров с Германией было бы немедленно взято под смертоносный огонь".

Как сообщалось в другом письме, исходящем из германского посольства в Лондоне, английский представитель, выражавший мысли Чемберлена, говорил: "Возбуждение народов достигло такой степени, что всякая попытка разумного урегулирования вопроса немедленно саботируется общественностью. Поэтому необходимо возвратиться к своего рода тайной дипломатии. Руководящие круги Германии и Великобритании должны бы попытаться путем переговоров, с исключением всякого участия общественного мнения, найти путь к выходу". Это заявление убедительно свидетельствует о том, что правящие круги Англии всячески стремились осуществить антинародный сговор с фашизмом за спиной трудящихся масс.

За фальсификацией политики неизменно следует и фальсификация истории этой политики. Буржуазная историография продолжает дело буржуазных политиков, рисуя события прошлого в выгодном для правящих классов свете. Как правило, она берет на вооружение многие аргументы политики и пропаганды, что убедительно подтверждает наличие непосредственной связи между политикой, пропагандой и историографией.

Буржуазные историки утверждают (хотя и с разной степенью определенности), что фашисты смогли развязать вторую мировую войну, напав 1 сентября 1939 г. на Польшу, потому, что Советский Союз подписал с Германией пакт о ненападении. Не удержался от подобных заявлений и Антони Иден. В своих мемуарах, посвященных войне, он пишет: "Германо-советский пакт означал войну".

Выше было показано, с какой настойчивостью боролся Советский Союз за заключение с Англией и Францией соглашения о совместном противодействии угрозе новой мировой войны. Такое соглашение действительно могло бы остановить войну, но оно не было достигнуто потому, что правительства Англии и Франции этого не пожелали. Наиболее трезво мыслящие из буржуазных историков также приходят к выводу, что СССР искренне стремился к союзу с Англией и Францией и что если бы он был заключен, то в Европе была бы создана решительная

преграда войне. А.-Дж. П. Тэйлор утверждает: "Советская Россия стремилась не к захватам, а к безопасности в Европе. Объяснение этого очевидно. Советские государственные деятели ...не доверяли Гитлеру. Для них союз с западными державами представлялся более безопасным делом... Мы вполне можем предположить, что Советское правительство повернулось в сторону Германии только тогда, когда удостоверилось, что заключение этого союза невозможно".

Уинстон Черчилль, подытоживая английскую политику периода между двумя мировыми войнами, заметил: "Самодовольная глупость и беспомощность англичан... сыграли определенную роль в развязывании тех ужасных следствий, которые обрушились на мир".

Прошли десятилетия с момента возникновения второй мировой войны, и уже в наше время английская газета "Гардиан" пишет: "Из опубликованных документов 1939 года ясно, что вторая мировая война не началась бы и том году, если бы правительство Чемберлена приглушалось к совету русских. Союз между Англией, Францией и СССР предотвратил бы войну, ибо Гитлер не мог к/ г да решиться на конфликт с великими державами на двух фронтах". Почему же все-таки не состоялся тогда этот союз? Газета отвечает на этот вопрос так: "Англия могла бы иметь приемлемый союз с Россией, если бы Чемберлен и его министры хотели этого. Россия нуждами. в союзе и хотела его. Англия нуждалась в нем, но не хотела его". Таково мнение, исходящее из источников, далеко не дружественных в отношении Советского Союза.

Весной и летом 1939 года происходит дальнейшее изменение во взглядах Идена на внешнеполитическое положите своей страны. Ликвидация Германией Мюнхенских соглашений в марте 1939 года убедила его, что политика "умиротворения" поставила Англию и Францию в опаснейшее положение и продолжение ее даже в форме "гарантированного умиротворения" лишь усугубит опасность. Поэтому Иден стал отстаивать мысль о том, что попыткам фашизма расширять свои захваты в Европе, запугивая Англию войной, должен быть положен конец.

Германскому правительству следует твердо и определенно заявить, что, если оно и дальше будет рваться к установлению гегемонии в Европе, Англия и Франция окажут ему вооруженное противодействие.

И начале лета Иден выступил во Франции с речью, в которой говорил о том, что народы Англии и Франции ненавидят войну, но в случае, если она разразится, находящиеся в их распоряжении ресурсы дадут им возможность одержать победу. Несколько позже

Иден писал одному из своих корреспондентов: "Если мы сумеем заставить Германию поверить, что будем воевать, то затем в конце концов мы сможем что-то сделать для предотвращения возникновения войны".

Новая ориентация Идена еще острее ставила вопрос о союзниках. Не сразу и весьма неохотно ряд буржуазных английских политиков, и в их числе Черчилль и Иден, пришли к выводу, что единственным реальным союзником в Европе может быть Советский Союз. Теперь они понимали: никакой альтернативы здесь быть не может. Отсюда и выступления Идена, правда, менее энергичные, чем речи Черчилля, в пользу заключения пакта о взаимопомощи с Советским Союзом.

Трудно было достигнуть поставленной Иденом цели - убедить германское правительство, что Англия и Франция всерьез намерены воевать за свое положение в Европе. Да и как можно было поверить этому после того, как на протяжении ряда лет английское правительство и при Макдональде, и при Болдуине, и при Чемберлене упорно убеждало свой народ и весь мир, что его страна не имеет сил, чтобы при помощи оружия отстаивать собственные интересы, и поэтому вынуждена проводить политику "умиротворения". Что с тех пор изменилось? Несмотря на перевооружение Англии, Германия, осуществив ряд крупных захватов в Европе и переведя свою экономику на военные рельсы, изменила еще более в свою пользу соотношение сил. Время и "умиротворение" работали не на Англию, а на Германию.

Гитлер и Муссолини неоднократно имели встречи с английскими и французскими руководителями и вынесли из них твердое убеждение, что эти люди против фашизма войны не начнут. Гитлер говорил своим генералам: "Я узнал этих жалких червей, Даладье и Чемберлена, в Мюнхене. Они слишком трусливы, чтобы напасть. Они не пойдут дальше объявления блокады".

Допуская в принципе, что дело может кончиться вооруженной схваткой двух блоков, Иден не предполагал, что до войны с Германией осталось меньше месяца. Парламент был распущен на летние каникулы, и он решил провести некоторое время в своем старом полку. Иден был еще достаточно молод, чтобы в случае войны оказаться призванным в действующую армию. Да к тому же прохождение военной подготовки должно было произвести хорошее впечатление в избирательном округе и в общественном мнении. Иден был принят на пост заместителя командира батальона, входившего в состав единственной тогда в Англии бронетанковой дивизии. Это дало ему возможность ознакомиться с танками, а читатели его биографий получили порцию

необычных для Идена фотоснимков: он изображен в комбинезоне в различных позах в танке. Но и в этой "боевой" обстановке его волновали мирные заботы: в конце года могли состояться парламентские выборы, и он в письмах к членам своей "Группы" просил их продумать вопросы, касающиеся возможною поведения "Группы" на выборах.

В конце августа стало ясно, что до нападения Германии на Польшу остались считанные дни. Англия не только дала "гарантии" Польше, но и оформила их официальным договором. Должны ли эти гарантии быть осуществлены? Иден считал, что следует сдержать свое слово и, если Германия нападет на Польшу, объявить ей войну. Выступая 29 августа по радио в передаче для США, он говорил: "Наши обязательства перед Польшей, конечно, будут выполнены. И не только потому, что мы дали твердое слово, но и потому, что, как это сейчас все признают, речь идет о вещах намного больших по значению, чем определение какой-то одной границы".

Действительно, невыполнение обязательств по договору с Польшей означало бы полную капитуляцию Англии и Франции перед Гитлером без попытки сопротивления. После этого ни одна страна не верила бы слову Англии, и ее влияние было бы целиком устранено с европейского континента, что создавало прямую угрозу существованию Британской империи. Это понимали не только Иден, Черчилль и многие члены парламента, но и большинство англичан.

Утром 1 сентября 1939 г. Германия двинула свои войска в Польшу. Вторая мировая война началась. В этот момент Чемберлена обуревали две заботы: как остаться у власти, поскольку страшные, опасные последствия его политики были налицо, и как реагировать на германское нападение на союзную Англии страну.

К решению первой проблемы премьер-министр явно подготовился заранее. Были два противника, которые обладали нужным авторитетом и популярностью, чтобы возглавить в парламенте движение за свержение правительства: Черчилль и Иден. Чемберлен считал потенциально наиболее опасным Черчилля. События показали, что позиция, которую Черчилль отстаивал в последние годы, была правильной, а это подняло его авторитет и популярность в стране на огромную высоту; к тому же у Черчилля был огромный опыт политической борьбы и твердая воля. Популярность Идена была значительной, но ему не хватало мощи Черчилля. Премьер-министр убедился за 18 месяцев, что Иден не пойдет на прямую и решительную борьбу против него.

Чемберлен решил обезопасить себя прежде всего от возможной атаки со стороны Черчилля и применил традиционный метод. 1 сентября в полдень он пригласил Черчилля на Даунинг-стрит и предложил ему войти в состав военного кабинета, который будет создан в связи с началом войны. Разговор шел в таком тоне, будто вопрос о вступлении Англии в войну решен. Черчилль согласился и начал разговор о том, кого еще следовало бы ввести в правительство. Был назван Иден, и Чемберлен ответил: "Да, конечно. Он получит один из главных постов в государстве". Но какой? Об этом ничего не было сказано.

Большинство англичан считали, что Англия должна немедленно объявить войну Германии, но Чемберлен не мог заставить себя пойти на это. Немецкие самолеты разбивали и сжигали польские города, нацистские танки рвались в глубь Польши, а премьер-министр все надеялся, что ему удастся отвертеться от данного Польше слова, наладив в пожарном порядке какое-то соглашение с Гитлером. Муссолини предложил свое посредничество - это было лучом надежды. Именно поэтому английское правительство через своего посла в Берлине направило Гитлеру 1 сентября в 9 час. 30 мин. не ультиматум, как следовало сделать (и многие впоследствии думали, что это было сделано), а предупреждение, призывающее Германию отвести свои войска из Польши; при этом срок отвода не указывался.

2 сентября Кадоган записал: "Немцы не отвечают.

Мы просто ждем..." Но члены палаты общин, отражая в данном случае настроения народа, не намерены были согласиться с затяжкой объявления войны. Многие из них поняли, что запахло новым Мюнхеном, а это означало полную катастрофу и страшный позор для Англии. Поэтому, когда Чемберлен после обеда пытался оправдать затяжку ссылками на колебания французского правительства, палата общин, по словам Кадогана, "пришла в ярость". Гарольд Никольсон пишет, что после выступления Чемберлена "у палаты дух перехватило на какой-то момент от удивления. Не последует ли за этим в конце концов новый Мюнхен?" Черчилль бесновался, но скрыто - Чемберлен связал его приглашением в состав военного кабинета, и ему приходилось молчать в этот исторический момент. А ведь если война не будет объявлена, то и военный кабинет не будет создан, и Черчилль опять останется не у дел. Иден ждал приглашения войти в правительство и тоже безмолвствовал.

джентльмены, это означает войну".

Одновременно Гораций Вильсон встретился в своем кабинете

с немецким агентом Фрицем Гессе. Гессе вел пола с Вильсоном и раньше, во время тайных переговоров с Вольтатом. Теперь Гессе заявил, что в Берлине готовы пойти на двустороннюю, англо-германскую встречу и Гитлер очень хотел бы, чтобы высокопоставленный английский представитель прибыл в Берлин для переговоров с ним. Фашисты пытались удержать английское правительство от объявления войны Германии. Вильсон готов был и в этот момент сыграть им на руку. Он заверил гитлеровского агента, что можно будет договориться, если Гитлер распорядится об отзыве своих войск из Польши. "После этого, - заметил Вильсон, - мы будем готовы поступить по пословице: кто старое помянет, тому глаз вон". Затем, подумав немного и, вероятно, решив, что это слишком большая уступка со стороны Англии, он добавил: "Конечно, при условии, что господин Гитлер извинится также". Но Вильсон не учитывал изменения в обстановке. Старые формы "умиротворения* уже исчерпали себя, и мюнхенская политика вступала в свою последнюю стадию.

В полночь состоялось новое заседание кабинета. Было решено 3 сентября в 9 час. утра вручить германскому правительству ультиматум с требованием отвести свои войска из Польши. Если до 11 час. утра на ультиматум не будет получен положительный ответ, Англия будет считать себя в состоянии войны с Германией. Ультиматум был вручен. Ответа не последовало. Англия вступила в войну.

В 11 час. 15 мин. Чемберлен выступил по радио с этим сообщением. Выступление премьер-министра Иден расценил впоследствии "скорее как плач человека, сокрушающегося по поводу собственного провала, чем как призыв народа к оружию?;.

После обеда 3 сентября Идена, наконец, пригласили на Даунинг-стрит. Чемберлен предложил ему войти в правительство в качестве министра по делам доминионов, но без места в составе военного кабинета. Иден согласился.

Так 3 сентября 1939 г. Англия вступила во вторую мировую войну, а Иден вновь стал министром.

Глава IV. ГОДЫ ВОЙНЫ

Включение Идена и Черчилля в состав правительства не привело к изменению в нем соотношения сил. По-прежнему тон задавал Чемберлен, опиравшийся на последовательных мюнхенцев - Галифакса, Хора, Саймона. Новые члены правительства превратились теперь в его защитников. Черчилль, введенный в состав кабинета и возглавивший министерство военно-морского флота, энергично защищал "своего" премьера и "свое" правительство. Иден, всегда значительно уступавший Черчиллю по решительности и активности, сосредоточился на

выполнении обязанностей министра по делам доминионов. Его "Группа* теперь возглавлялась Леопольдом Эмери. Иден, естественно, не мог участвовать во встречах ее членов.

Деятельность министерства доминионов сродни работе Форин оффис, но она имеет свою специфику и намного уступает по объему и сложности деятельности дипломатического ведомства. Министерство ведало отношениями между Англией и ее четырьмя доминионами: Канадой, Австралией, Новой Зеландией и Южно-Африканским Союзом. Это была весьма важная область британской политики. Английские деятели справедливо полагали, что Англия может максимально эффективно действовать, лишь опираясь на поддержку доминионов и на свою колониальную империю и используя их огромные ресурсы.

Первой серьезной проблемой, с которой столкнулся Иден в новом для него министерстве, было вступление доминионов в войну на стороне метрополии. Хотя действие центробежных сил в Британской империи к этому времени зашло уже далеко, однако общность экономических, политических и военных интересов Англии и доминионов была настолько сильна, что Австралия и Новая Зеландия почти автоматически вступили в войну на стороне Англии. Премьер-министр Австралии Мензис заявил при этом: "Имперские ряды едины: один король, один флаг, одно дело". С некоторой заминкой, но довольно скоро за ними последовали Канада и Южная Африка, которая, однако, вступила в войну лишь после того, как там "-пришло к власти правительство Смэтса - старого сторонника тесных отношений с Англией. В течение недели вопрос о вступлении доминионов в войну был решен положительно. Иден участвовал в оформлении этого решения, поддерживая тесные контакты с высокими комиссарами доминионов в Лондоне, выполнявшими, по существу, дипломатические функции.

В октябре в Лондоне состоялась имперская конференция, на которой представители доминионов и Англии в ранге членов правительства совещались о координации военных усилий. Иден принимал активное участие в конференции, а по ее окончании сопровождал представителей доминионов во Францию, где они посетили места расположения французской армии и только что переброшенного сюда английского экспедиционного корпуса, занявшего свой участок фронта на франко-бельгийской границе.

В декабре в Англию прибыли первые войсковые части из Канады, а в феврале 1940 года в Египет - из Австралии и Новой Зеландии. И в том и в другом случае Иден организовывал торжественные встречи, которые имели целью

продемонстрировать перед всем миром единство империи. К этому были направлены и другие его публичные выступления. В них зазвучала теперь совершенно новая тема - тема империализма.

Естественно, в изображении Идена английский империализм был даром божьим, ниспосланным несчастным народам земли. "Британская империя, - говорил Иден, - дала образцы терпимости и мудрого управления, она оказывала цивилизующее гуманное влияние на весь мир. Она служит инструментом для поднятия жизненного уровня отсталых народов. Империя является великой духовной силой, утверждающей добрые чувства и взаимопонимание между народами". Вряд ли Иден сознательно лицемерил, рисуя розовыми красками систему крайнего угнетения и эксплуатации полумиллиарда колониальных рабов в интересах английских правящих классов. Он был убежденным империалистом по рождению, по воспитанию и образованию, по классовой принадлежности.

В конце сентября 1939 года представители доминионов поставили вопрос о том, что правительству необходимо сформулировать свои военные цели. Народу нужно сказать, за что он должен воевать. Иден с удовольствием занялся этой проблемой, ибо она входила во внешнеполитическую сферу. На данном этапе в Лондоне сформулировали определенно только одну цель: Англия воюет, чтобы добиться свержения Гитлера. "Что стоит на пути к миру?" - спрашивал Чемберлен. И отвечал: "Германское правительство и только германское правительство". В других выступлениях говорилось и о фашистском режиме.

Как сообщает Иден, в ходе переговоров между членами правительства и высокими комиссарами доминионов было выработано следующее решение: "Прежде всего крайне важно убедить мир, что мы воюем только для того, чтобы освободить Европу от Гитлера и нацистского режима, и что мы не затягиваем войну по соображениям своих материальных интересов". Зачем же нужно было внушать народам, что Англия воюет не за свои империалистические интересы, а за высокие идеалы? Чтобы английский народ и народы всей Британской империи поддержали войну против Германии.

В заключительные месяцы 1939 года и в начале 1940 года английский кабинет уклонялся от формулирования конкретных целей войны, ограничиваясь упомянутыми выше положениями. Иден объясняет причины. "В октябре, - пишет он, - ряд старших членов правительства в убеждении, что Гитлер все еще может пойти на переговоры, полагали, что вероятность урегулирования с Германией будет большей, если его условия не будут очень

точно определены. Это было рецидивом прошлой политики "умиротворения". Данное свидетельство подтверждает тот факт, что реформированное правительство Чемберлена и после 1 сентября 1939 г. цеплялось за уже совсем, казалось бы, провалившуюся и окончательно дискредитировавшую себя политику.

Интересно, что Иден, далекий от правильного классового понимания нацизма, верно оценивал его чисто германскую специфику, а именно что нацизм вырос на почве германского империализма. "Гитлер, - говорил он в декабре 1939 года, - сам по себе не является феноменом. Он - симптом и воплощение вновь возродившегося прусского духа военной гегемонии". Иден, конечно, не подходил к нацизму как к политическому течению, выражающему интересы наиболее реакционных и агрессивных сил империалистической буржуазии. Однако что очень хорошо помнил Иден и его коллеги, так это воинствующий антикоммунизм и антисоветизм нацизма, помнил и пытался использовать в интересах английских правящих кругов.

Иден понимал, что опыт Версаля для Англии следует считать неудавшимся. Размышляя о новых формах "организации" Европы, которые обеспечивали бы за Англией руководящую роль в делах континента, он уже в конце 1939 года пришел к мысли о необходимости того, что мы сейчас назвали бы экономической и политической интеграцией Европы. "Мы не можем, - писал он тогда Галифаксу, - удовлетвориться простыми попытками восстановить положение в мире в том виде, как оно существовало накануне войны. В следующий раз мы должны сделать что-то лучшее". "Лучшее" Идену представлялось "в плане какой-то европейской федерации. Это решение включало бы схему обороны Европы, европейский таможенный союз и единую денежную систему". Таковы были общие идеи, но они получили известное развитие в английской внешней политике в годы войны, а после окончания военных действий Англия приступила к их практической реализации.

Британские дипломаты всегда руководствуются принципом: "не складывай все яйца в одну корзину". Поэтому, хотя Советский Союз и занял позицию нейтралитета в начавшейся войне, английские политические круги считали необходимым поддерживать прочные контакты с его посольством в Лондоне, несмотря на официальную враждебную политику в отношении СССР. Эти контакты нужны были в целях информации, они могли пригодиться в будущем. Чем хуже становилось положение Англии в войне, тем большим становилось стремление ее правительства опереться на помощь Советского Союза. В октябре 1939 года Иден

завтракал с полпредом СССР Майским, доложил о своей беседе Галифаксу и по его указанию поддерживал в дальнейшем постоянный контакт с советским представителем.

Германия в течение двух недель разгромила буржуазно-помещичью Польшу. Английские правящие круги были крайне удивлены такой быстрой победой Гитлера; они всегда крайне преувеличивали военную мощь Польши. Еще более было удивлено мировое общественное мнение, видя, что Англия не оказала ведшим неравную борьбу полякам буквально никакой помощи, хотя по условиям гарантий Чемберлена и подписанного 25 августа 1939 г. договора была обязана мобилизовать все свои ресурсы, включая вооруженные силы. Польша была выдана фашистам правительством Чемберлена. Весь мир убедился, чего стоит его слово и подпись. Стало ясно, что этому правительству верить опасно, что оно в любой момент, под любым предлогом или даже без оного может отказаться от выполнения своих договорных обязательств, если сочтет их невыгодными для себя.

Этот исторический предметный урок следует иметь в виду, читая ламентации английских политиков и историков по поводу того, что в Москве с недоверием относились к своему британскому союзнику в 1941 - 1945 годах. Даже если бы не было нарушения обязательства открыть второй фронт, не было бы готовности Черчилля в 1945 году повернуть оружие и вместе с немцами пойти против своего союзника - СССР, то одного невыполнения обязательств в отношении Польши было бы достаточно, чтобы партнеры Англии судили о позиции ее правительства не по его словам, а по его делам.

Американский историк Флеминг пишет: "Трудно изыскать вывода, что Польшей пожертвовали так же умышленно, как и Чехословакией. Польша означала для мюнхенцев... еще одно отвлечение германской линии захватов на Восток, которое должно было привести... к совет- п о-германскому столкновению". Мюнхенская политика продолжалась в новых, военных условиях.

Странные это были условия. Англия и Франция находились в состоянии войны с Германией, но они не предприняли наступления против Германии на Западе в поддержку Польши (хотя имели все возможности для этого). Не двинулись они в поход и после ее поражения, ограничиваясь сбрасыванием листовок и экономической блокадой Германии. Американцы назвали это "странной войной" или "сидячей войной".

"Странности" на военном фронте имели свою параллель и во внутренней политике. Хотя правительство и попекло себя чрезвычайными полномочиями, позволявшими осуществить любые меры по переводу жизни страны на военные рельсы, эти

меры не принимались. Правительство руководствовалось лозунгом: "Бизнес как обычно". На практике это означало отставание военной промышленности, сохранение в стране безработицы.

Лейбористская и либеральная партии не пошли на создание коалиционного правительства с консерваторами (уж очень те были скомпрометированы), но заключили с ними "избирательное перемирие" и обязались поддерживать их военные усилия. А это означало, что оппозиционные партии не только не попытались опрокинуть правительство провалившихся мюнхенцев, но оказали ему морально-политическую поддержку.

За видимой абсурдностью стратегии "странной войны" крылись коварные замыслы. В Лондоне полагали, что, припугнув Германию объявлением войны и выдав ей Польшу, можно будет тем самым побудить фашистов пойти, наконец, на соглашение с Англией. А свою мощную военную машину они наверняка двинут тогда на Советский Союз. Казалось бы, невероятно было строить такие планы в конце 1939 года, но они существовали и составляли главную линию английской стратегии и внешней политики на протяжении первых семи месяцев. второй мировой войны. Либеральная английская газета "Ньюс кроникл" писала 25 октября 1939 г.: "Долгое время определенные влиятельные люди в Англии лелеяли надежды рано или поздно стравить Россию и Германию, чтобы они уничтожили друг друга, а мы остались в выигрыше... И после Мюнхена ...твердолобые открыто говорили о желательности дать Германии свободу рук на Востоке. Германия должна была быть мобильным бастионом против большевизма, а мы ей должны были помогать и поощрять ее... Наши твердолобые и сейчас еще носятся с идеей стравить Россию и Германию, чтобы они к нашей выгоде вцепились друг другу в горло. Отсюда и разговоры о заключении мира с каким-либо германским правительством консервативного толка и о присоединении затем к нему, чтобы совместно вести войну против "красной угрозы"... А такие разговоры преобладают".

В качестве средства, призванного направить развитие событий по этому пути, была использована финско-советская война, начавшаяся осенью 1939 года. Вначале лондонский кабинет сделал все, что мог, чтобы помешать мирному решению спора путем переговоров. Когда же открылись военные действия, Англия и Франция попытались продлить их по возможности дольше, поставляя Финляндии современное вооружение. Историк Дэвид Дилкс, подготовивший к изданию дневники А. Кадогана, на основании изучения английских дипломатических документов формулирует вывод: "Английская политика была направлена на

то, чтобы причинить ущерб интересам России, не ведя против нее военных действий, а оказывая поддержку финнам, чтобы продлить войну".

На завершающем этапе войны Англия и Франция готовы были двинуть свои войска в Финляндию с тем, чтобы вместе с финнами воевать против СССР. А как же война против Германии? Бывший президент Чехословакии Эдвард Бенеш, близкий к правящим английским и французским кругам, писал, что зимой 1939-1940 годов они стремились вовлечь свои страны в войну против СССР, вступив в соглашение с Германией: "Германия должна будет тогда атаковать только Советский Союз, заключив мир с западными державами". В это время "Таймс" рассуждала об "эвентуальной перегруппировке держав, включая Германию, входящих в антисоветский фронт".

Эти расчеты были сорваны заключением 12 марта 1940 г. мира между СССР и Финляндией. 16 марта Кадоган записал: на заседании кабинета "все очень мрачные, особенно, конечно, Уинстон Черчилль. Я полагаю, что мы потерпели неудачу в связи с Финляндией". Здесь нет ошибки: действительно, Черчилль был рьяным сторонником "переключения" войны с Германии на Советский Союз. Что касается Идена, то ни документы, ни его собственные мемуары, написанные задним числом, не содержат упоминаний о том, что он как член правительства был не согласен с этой коварной политикой.

Финляндский вариант отпал, и Лондон вкупе с Парижем и срочном порядке строят планы нанесения удара по Закавказью силами прежде всего авиации и военно-морского флота. Это означало бы войну с СССР. 28 марта эти планы обсуждает верховный военный совет - совместный англо-французский орган по руководству войной. Разумеется, не обходится без вездесущего Кадогана, записавшего затем в дневнике: "В 10 час. - верховный военный совет... Изучается Баку".

Пока строились эти авантюристические планы, Германия подготовила и в начале апреля 1939 года осуществила нападение на Данию и Норвегию. Дания капитулировала без сопротивления, а норвежский народ поднялся на борьбу против фашизма. Англия и Франция попытались помешать захвату Норвегии, пустили в дело флот, авиацию и в ряде пунктов Норвегии высадили свои войска. В этой операции союзники потерпели быстрое и сокрушительное поражение. События продемонстрировали опаснейший авантюризм политики Лондона.

Дело было не столько в провале определенной внешнеполитической концепции, сколько в том, что этот провал повлек за собой резкое ухудшение стратегического положения

Англии. Германия обошла ее с фланга и заняла важные позиции для нанесения удара по Британским островам и для того, чтобы прервать или крайне затруднить морские связи Англии с Америкой, проходящие через Атлантический океан. Поэтому, когда 7 мая состоялись двухдневные дебаты в палате общин относительно операций в Норвегии, консервативная часть палаты продемонстрировала возмущение действиями кабинета. Прозвучали энергичные требования его отставки. Леопольд Эмери, повторяя слова Кромвеля, обращенные к Долгому парламенту, бросил в лицо правительству Чемберлена: "Вы слишком долго сидели... Уйдите, я говорю, и дайте нам возможность покончить с вами. Во имя бога, уходите". Эмери был одним из лидеров консерваторов-"заднескамеечников", и его выступление говорило о многом. Лейбористы поставили вопрос о доверии правительству. Черчилль, демонстрируя лояльность к партии консерваторов, выступил с энергичной защитой Чемберлена. Иден отмолчался.

В результате голосования правительственное большинство, составлявшее 250 голосов, упало до 81. 33 консерватора проголосовали против правительства, а 165 не приняли участия в голосовании, отказав Чемберлену в поддержке. Сразу же после голосования лейбористы уведомили лидеров консерваторов, что они вступят в коалиционное правительство лишь в том случае, если в нем не будет Чемберлена, Саймона и Хора. Группа консервативных депутатов парламента (60 человек) собралась под руководством Леопольда Эмери и Роберта Бутби и потребовала создания правительства, представляющего все партии. "Премьер-министр, кто бы он ни был, - заявляли они, - должен подбирать своих коллег по их достоинствам, а не по рекомендации какого-либо партийного организатора". Наивное требование в устах опытных политиков! В связи со всеми этими событиями Кадоган записывает: "Профессия политиков действительно грязная профессия... Приходится удовлетворять всю их отвратительную мелкую зависть, ревность и обиду:".

Лидерам консерваторов пришлось начать переговоры об изменении состава правительства. Чемберлен упорно стремился передать свое кресло Галифаксу и не допустить в него Черчилля. В разгар этой возни Германия 10 мая начала наступление на западном фронте против Голландии, Бельгии и Франции. "Самые критические дни, - записывает Кадоган. - А мы здесь занимаемся составлением кабинета".

С началом немецкого наступления Чемберлен воспрянул духом - он решил, что в этих условиях его не посмеют сместить. Но то была ошибка. Чрезвычайная обстановка требовала создания

правительства с участием лейбористов и либералов, которые высказались в пользу Черчилля. Это решило дело.

11 мая 1940 г. Черчилль сформировал свой первый кабинет. Иден вместо министерства доминионов получил военное министерство, но опять-таки без места в кабинете. Три лейбориста - Эттли, Бевин и Моррисон вошли в кабинет, а либерал Синклер стал министром авиации. В составе кабинета остались Чемберлен и Галифакс, Саймон тоже получил министерский портфель.

Мюнхенцы по-прежнему составляли большинство в правительстве. Черчилль держался с ними осторожно и предупредительно. Это объяснялось, во-первых, тем, что в их руках оставалась партийная машина, а без ее поддержки новый премьер-министр не мог обойтись. Во-вторых, расхождения Черчилля с мюнхенцами касались лишь внешнеполитической линии, во всем остальном у них была полная солидарность.

Передвижение в правительственных сферах Англии означало, что на первые роли вышли люди, считавшие, что г политикой "умиротворения" должно быть покончено и что необходимо мобилизовать все силы страны на ведение войны против Германии в защиту английских интересов (они имели в виду, безусловно, империалистические цели). Было бы неверно рассматривать эти изменения как революцию в верхах. Ничего подобного не произошло. Произведенные перемены не затронули основы, то есть власти консерваторов, разделивших ее с лейбористами и либералами в значительной степени номинально. Новые коллеги прежних министров были людьми реакционных угождений, во многом солидаризировались с консерваторами. Если еще учесть то обстоятельство, что Черчилль и Иден сами были консерваторами, причем отнюдь не либерального толка, то нельзя не прийти к выводу об ограниченном характере происшедших в правительстве изменений.

А что же Леопольд Эмери, возглавивший выступление в парламенте против Чемберлена? Ему был предложен второстепенный пост министра по делам Индии. Он мечтал о военном министерстве, но вынужден был принять то, что дали. Вероятно, Эмери утешался при этом мыслью, что идущие впереди далеко не всегда пользуются плодами победы, достигнутой прежде всего их усилиями. Об этом мог думать и Дафф Купер, ушедший в октябре 1938 года в отставку из правительства Чемберлена в знак протеста против Мюнхенского соглашения, - он получил далеко не ключевой пост министра информации.

Из руководящих мюнхенцев за бортом оказался только

Сэмюэль Хор. Уступив требованиям лейбористов, Черчилль не включил его в правительство и назначил послом в Испании. "Сэмюэль Хор, - писал Кадоган, - теперь должен отправиться в Мадрид. Думаю, что они хотят тихонько убрать его из Англии". Когда же Кадоган узнал, что Хор и его супруга очень довольны тем, что покидают воюющую родину и отправляются в нейтральную Испанию, он записал в дневнике: "Крысы покидают корабль. Чем быстрее мы отправим их из Англии, тем лучше. Я скорее направил бы их как подсудимых в уголовный суд. Он (Хор. - В. Т.) будет английским Квислингом[5], когда Германия захватит нас".

События на фронте развивались быстро. В Лондоне не строили иллюзий относительно возможностей сопротивления Франции. А если Франция падет, следует ожидать прямого удара по Англии. Иден в новом качестве военного министра занимался созданием в срочном порядке добровольческих отрядов самообороны, впоследствии получивших наименование внутренней гвардии. Черчилль неоднократно ездил в Париж (вместо себя он оставлял во главе правительства Чемберлена) для встреч с французскими коллегами, стараясь придать им бодрости и продлить сопротивление Франции.

Было ясно, что Муссолини, выжидавший исхода битвы за Францию, вступит в войну на стороне победителя. Правительство Черчилля предприняло отчаянную попытку перекупить его. 24 мая кабинет уполномочил Галифакса, сохранившего пост министра иностранных дел, заявить итальянскому правительству, что если Италия останется нейтральной, то Англия добьется ее участия в будущей мирной конференции на равных с победителями основаниях.

Но в Риме, да и не только там, считали, что вслед за Францией наступит очередь Англии и она будет разгромлена. Поэтому демарш Галифакса не возымел действия, и Италия вступила в войну на стороне Германии. Это, как замечает Броад, "был последний комментарий к политике "умиротворения". Англия получила новый фронт в Средиземном море, на Ближнем Востоке и в Северной Африке. Ее стратегические позиции значительно ухудшились".

Правительство Черчилля старалось удержать Францию в войне и одновременно принимало меры для эвакуации оттуда своего экспедиционного корпуса. В результате живую силу удалось спасти, а все оружие, включая личное, бросили на пляжах Дюнкерка. За отсутствием побед эвакуация была восславлена как грандиозный успех, и отголоски этого до сих пор слышатся в английской исторической и мемуарной литературе.

22 июня 1940 г. Франция подписала условия капитуляции. На европейском материке у Англии не осталось ни одного союзника. Германские дивизии вышли на побережье Ла-Манша, откуда в ясную погоду видны меловые скалы Дувра на английском берегу. Вторжение вражеских полчищ на Британские острова стало реальной угрозой. Гитлер располагал достаточными силами, чтобы успешно осуществить эту операцию.

В этот трудный час английский народ проявил выдающуюся выдержку, твердость и готовность идти на жертвы, чтобы не допустить захвата своей страны фашистами. Это определило позицию Черчилля и дало ему возможность заявить, что Англия не капитулирует и будет продолжать сражаться. Правительство развернуло энергичную деятельность по подготовке к отпору угрожающему вторжению. Черчилль был хорошим оратором, и его выступления в этот период были громким призывом к народу продолжать борьбу.

Иден же никогда не отличался особым красноречием. Его речи были спокойны, обыденны и изобиловали штампами и недомолвками. Так было и в конце июня 1940 года. "Его выступления, - пишет Броад, - не содержали ничего героического. Он употреблял общие места и случайные фразы. Он говорил не как военный лидер, призывающий храбрый народ умереть, защищая свою землю и свободу, а скорее как председатель правления компании, призывающий держателей ее акций принять участие в операции, несколько не соответствующей обычной линии деловой активности".

В деле военный министр проявил себя лучше, чем на. словах. Он организовал срочное перевооружение эвакуированных из Франции дивизий (оружие собирали из старых запасов, а в основном закупали в США), комплектование и обучение новых воинских соединений, строительство оборонительных сооружений, а также расширение и обучение внутренней гвардии.

Верховное политическое руководство всеми военными вопросами было сосредоточено в руках Черчилля, потому что он являлся не только премьер-министром, но одновременно занимал пост министра обороны. Это означало, что министры военный (Иден), авиации (либерал Синклер) и военно-морского флота (лейборист Александер) являлись, по существу, помощниками премьера по соответствующим департаментам. Такая организация вполне отвечала стремлению Черчилля держать все нити в своих руках и собственноручно решать важные вопросы, особенно военной и внешнеполитической деятельности.

Курс правительства на ведение войны против Германии и Италии потребовал реального перевода экономики и

промышленности Англии на военные рельсы. Чрезвычайное законодательство было усилено. Правительственные меры намного облегчались тем, что английский народ готов был самоотверженно трудиться на оборону.

Тот факт, что война для Англии превращалась из империалистической в справедливую, антифашистскую, сыграл важную роль в мобилизации ресурсов страны на военные нужды. Правда, одновременно действовал и отрицательный фактор: стремление монополий прежде всего к получению военных прибылей, а также нежелание пронацистских элементов в предпринимательских кругах содействовать ведению войны против Германии.

Было бы глубоким заблуждением полагать, что превращение войны для Англии в справедливую означало отказ ее правительства от империалистических целей в этой войне. Даже в самые трудные моменты они играли важнейшую роль. Не было ни одного района земного шара, где английская политика и стратегия в годы войны не определялись бы империалистическими мотивами - будь то Европа, Средиземноморье, Африка, Азия, Тихий океан или Атлантика.

Летом 1940 года министерский комитет по проблемам войны на Ближнем Востоке, заседавший под председательством Идена, принял решение, рекомендующее направить на Ближний Восток подкрепление из Англии в количестве двух танковых батальонов. В условиях, когда стране угрожало вторжение, ослаблять ее весьма незначительные силы было крайне рискованно. В Лондоне пошли на этот риск, ибо на Ближнем Востоке колониальным позициям Англии угрожала Италия. Черчилль и Иден много сил вложили в отстаивание английских империалистических интересов в этом районе.

Осенью, когда Египту угрожало наступление итальянцев из Ливии, Иден прибыл на Ближний Восток со специальной миссией (руководство военным министерством в его отсутствие осуществлял Черчилль). Он обсуждал с генералами, командовавшими английскими войсками в этом районе, планы обороны, вопросы снабжения и подкреплений, а также изучал возможности создания балканского фронта против Германии и Италии. Такая акция поставила бы в ряды действующих союзников Англии расположенные на Балканах страны, и прежде всего Грецию, Турцию и Югославию. Этот фронт явился бы щитом, защищающим позиции Англии в восточной части Средиземного моря и на Ближнем Востоке. Однако было ясно, что подобная идея имеет известные шансы на успех лишь в том случае, если будет подкреплена прибытием английских войск, и

желательно значительных, в Грецию. А войск было очень мало, они должны были защищать Египет.

В начале ноября 1940 года Иден после длительного отсутствия вернулся в Лондон. Здесь его ожидали приятные новости.

Общественное мнение Англии отрицательно относилось к тому, что внешнеполитическое ведомство по-прежнему возглавляет последовательный мюнхенец Галифакс. Политика, которую он отстаивал, потерпела провал с катастрофическими для Англии последствиями. Вооруженная борьба против Германии и Италии требовала нового курса, и его не мог проводить дискредитированный "умиротворитель", хотя он и опирался на поддержку мощных реакционных сил. Было ясно, что главная задача внешней политики Англии в ближайшее время будет состоять в том, чтобы заручиться в том или ином виде поддержкой со стороны США и СССР. Для налаживания отношений с Москвой Галифакс явно не годился.

К тому же Галифакс - представитель высшей знати, человек спесивый, с большими заслугами в прошлом перед английскими правящими кругами - не мог сработаться с властным, требовательным, автократичным Черчиллем. Уже в мае Галифакс жаловался Кадогану: "Я не могу больше работать с Уинстоном". Кадоган, конечно, постарался успокоить своего шефа, а в дневнике вскоре после этого разговора записал: "Ну какие же скоты эти политики. И какие трусы. Галифакс меня очень раздражает. Глупый старый Галифакс".

В декабре скончался посол Англии в США, тоже махровый мюнхенец, лорд Лотиан, и Черчилль решил заменить его Галифаксом. Когда он сделал это предложение Галифаксу, тот попытался вежливо отказаться. Его супруга пришла в бешенство и самолично направилась к Черчиллю для разговора на эту тему. Премьер-министр был очень предупредителен с Дороти Галифакс, но остался тверд, заявив, что ей с мужем придется поехать в Вашингтон.

Галифаксу пришлось подчиниться. Однако, уезжая послом, он оставался членом военного кабинета и, наведываясь в Лондон, участвовал в его заседаниях. Беспрецедентный случай! И дело было не только в том, что Черчилль хотел позолотить пилюлю и сделать примирительный жест в сторону кругов, стоявших за Галифаксом, - этим подчеркивалось также, что Англия отныне придает своим отношениям с США особое значение.

Вопрос о преемнике Галифакса был ясен. Назначение министром иностранных дел Идена должно было быть воспринято народными массами как движение правительства в

верном направлении, поскольку уход из правительства Чемберлена перекрыл его участие в проведении политики "умиротворения", и в глазах общественного мнения он выглядел противником этой политики. Лейбористы и либералы относились к Идену доброжелательно. Не могло быть возражений и со стороны мюнхенцев. В конце концов это был их человек, который всегда вел себя лояльно в отношении своей партии.

Далеко не последнюю роль в назначении Идена сыграли его отношения с Черчиллем. По убеждениям и политическим концепциям у них не было расхождений. Пребывание Идена в отставке сблизило двух политиков. Старшему нравились работоспособность, исполнительность и умение спокойно вести дипломатические переговоры, которыми обладал младший. Еще больше импонировали премьер-министру всегдашняя предупредительность с его стороны, отсутствие претензий на первые роли. Иден знал свои возможности и не скрывал восхищения энергией, волей и динамизмом шефа.

В годы войны, да и впоследствии Черчилль относился к Идену с отеческой покровительственностью, как в свое время Болдуин.

Однажды Черчилль, расчувствовавшись (иногда это было ему свойственно), сказал Идену: "Мы будем работать вместе на всем протяжении этой войны". А поскольку он уже стар (старше Идена на 23 года), продолжал премьер, он не повторит ошибку Ллойд Джорджа и не останется на своем посту, после того как война закончится. Преемником же его будет Иден. Как известно, не повторить ошибку Ллойд Джорджа Черчилль смог только потому, что избиратели провалили его партию на выборах, а от дел он ушел лишь через 15 лет. Но в октябре 1940 года никто этого еще не знал, и посулы Черчилля лили бальзам на душу его собеседника.

После того как Иден заменил Галифакса и стал членом военного кабинета, его роль в правительстве возросла, но самостоятельности и независимости не прибавилось. Министр иностранных дел был, по существу, советником премьера по внешнеполитическим проблемам.

"В военное время, - писал Иден, - дипломатия и стратегия - близнецы". Роль внешней политики в таких условиях очень значительна. Она содействует увеличению сил страны, приобретая союзников и обеспечивая необходимые отношения с ними. Однако успех внешней политики зависит отнюдь не от искусства дипломатов (хотя лот фактор тоже нельзя игнорировать), а от той экономической, военной и политической силы, на которую дипломатия соответствующей страны

опирается. Министр иностранных дел Англии периода первой мировой войны Артур Бальфур в свое время писал: "Если провалы дипломатии могут затруднить действия армии, то неуспех поенных действий делает Форин оффис беспомощным".

Именно в таком положении оказалась английская внешняя политика в период от капитуляции Франции до вступления в войну Советского Союза.

Еще в марте 1940 года Кадоган зафиксировал затруднения в отношениях Англии со Скандинавскими странами. Позднее он говорил Идену: "У дипломатии подрезаны жилы тем, что она не может опереться на необходимый фактор - военную мощь. Одними словами ничего не сделаешь".

В Лондоне прекрасно понимали, что в одиночку Англия, даже опираясь на ресурсы всей Британской империи, не сможет избежать разгрома в войне с Германией и Италией и в надвигающемся военном конфликте с Японией. Следовательно, выход был один: найти то, что по- глупому было утрачено накануне войны, - союзников. Реальной мощью из стран, не входящих во враждебный лагерь, обладали только две державы - США и СССР. В их сторону и было тогда направлено внимание английской дипломатии.

Потребность в мощных союзниках увеличилась после того, как не удалась попытка Англии создать фронт на Балканах. К этому времени нападение Италии на Грецию из Албании было остановлено греческими войсками, но стало известно, что Гитлер вскоре придет на выручку Муссолини. Оба фашистских лидера стремились закрепиться на Балканах. Гитлеру это нужно было не только для использования богатых ресурсов Балканских стран (продовольствие, нефть), но и для того, чтобы проложить себе путь на Ближний Восток. К тому же агрессия на Балканах должна была обеспечить правый фланг германского фронта в предстоявшем нападении на СССР.

В начале января 1941 года комитет обороны (орган английского правительства) принял решение о создании Балканского фронта. Необходимо было обеспечить, во-первых, политическую сторону этого решения, то есть организацию блока или союза Балканских стран под эгидой Англии, а во-вторых, военное решение проблемы - посылку в Грецию английских войск. Для этой цели в феврале на Ближний Восток были срочно направлены Антони Иден и начальник генерального штаба генерал Джон Дилл.

С большим трудом добрались они до цели воздушным путем. Из-за плохой погоды приходилось задерживаться то в Гибралтаре, то на Мальте. Иден коротал медленно текущие часы ожидания, читая "Войну и мир". Когда, наконец, приземлились в Каире, на аэродроме узнали, что генерал Уэйвелл уже начал отбирать войска для Греции.

Черчилль, склонный к экстравагантности, перед отлетом вручил Идену запечатанный конверт, который надлежало вскрыть лишь за пределами Англии. Нового там ничего не было. Министр иностранных дел получил разрешение принимать на месте любые решения с последующим их одобрением кабинетом.

Иден развернул лихорадочную дипломатическую активность, но с ограниченным успехом. Греки, воевавшие уже с итальянцами и ожидавшие немецкого вторжения, сразу же согласились принять английские войска, и генералы быстро согласовали детали оперативного характера. Однако турецкое правительство не откликнулось на призывы Лондона и заявило, что будет воевать лишь в том случае, если на Турцию нападут. Югославские руководители маневрировали в надежде договориться с Германией. Немногие тогда верили в то, что Англия устоит, - отсюда и трудность миссии Идена - Дилла.

7 марта первые английские войска прибыли в Грешно, а через месяц Германия нанесла удар по Югославии и Греции. Англичанам пришлось эвакуироваться - это был второй, масштабом поменьше, Дюнкерк.

Положение Англии вновь осложнилось. К провалу планов, связанных с Балканами, прибавился мятеж прогерманских элементов в Ираке, временно захвативших там власть, и успешное наступление немцев и итальянцев против Египта. Теперь для английского правительства стало еще более важно заручиться помощью со стороны США и Советского Союза.

К началу июня 1940 года, пишет Дэвид Дилкс, создалась ситуация, "в которой английская дипломатия могла сделать сравнительно немногое, покуда она не подкрепит свои позиции приобретением союзников". Кадоган был более категоричен в своих суждениях: "Наша военная слабость и сенсационная неспособность наших командиров, - писал он, - совершенно подрезали дипломатию".

Английское правительство начало добиваться, чтобы Соединенные Штаты оказали Англии союзническую поддержку. В это время, как заметил английский историк Уплер-Беннет, перед Англией встала задача "заменить Соединенными Штатами Америки Францию в качестве главного английского союзника". Это была более или менее реальная цель, но для ее достижения

требовалось время, а его оставалось все меньше и меньше.

Правящие круги США были заинтересованы в том, чтобы Англия не потерпела поражения в войне, ибо в противном случае Германия стала бы значительно более опасным соперником для США, чем дряхлеющая Великобритания. Однако по многим, и прежде всего внутриполитическим, причинам вашингтонское правительство не могло в 1940 - начале 1941 года официально вступить в войну на стороне Англии. Зато оно оказывало ей существенную помощь.

США поставили англичанам крупные партии оружия, благодаря чему удалось быстро перевооружить дивизии, вывезенные из Дюнкерка. В обмен на базы в Карибском море американцы передали Англии старые эсминцы, крайне необходимые ей для охраны торговых судов в Атлантическом океане. В марте 1941 года в Вашингтоне был принят закон о ленд-лизе, по которому англичане стали получать из США вооружение и стратегическое сырье без оплаты наличными. Это были далеко идущие акции со стороны американского правительства, готового поддержать Англию любыми средствами, кроме вступления в войну на ее стороне.

Правительство Черчилля с признательностью принимало эту помощь и усиленно обхаживало американцев. Когда в начале 1941 года в Англию прибыл новый американский посол Вайнант, король Георг встречал его на вокзале. Такого случая британский дипломатический протокол еще не знал.

На Даунинг-стрит понимали, что правительство Рузвельта не хочет вступать в войну против Германии и Италии и что если даже оно это сделает, то будет думать прежде всего о Дальнем Востоке: там действовал союзник фашистских держав - Япония, столкновение которой с Америкой было неизбежно. Следовательно, можно было рассчитывать лишь на материальную поддержку США в Европе и на Ближнем Востоке; перспектива появления здесь американских дивизий казалась весьма далекой.

Но Англии необходим был союзник, способный противостоять многочисленным отборным германским дивизиям. Таким союзником мог стать только Советский Союз - никого другого в Европе не было. Совсем недавно английское правительство отвергло предложение СССР о союзе и даже пыталось напасть на него вместе с Финляндией. Едва ли можно было после этого рассчитывать на то, что удастся быстро нормализовать отношения с Советским Союзом, доведенные до такого состояния по вине английской стороны.

Трудности на пути улучшения англо-советских отношений усугублялись тем, что в британских правящих кругах в связи с

этим шла острая борьба. Здравомыслящие люди, вроде Черчилля и Идена, хотя и отрицательно относились к СССР, но понимали, что спасение Англии - лишь в союзе с ним. Махровые антисоветчики- мюнхенцы возражали, не будучи способными понять ситуацию и подняться над крайним антисоветизмом. Однако развитие событий быстро укрепляло позиции сторонников совместных с СССР действий.

В мае 1940 года (после захвата немцами Дании и Норвегии и их успехов во Франции) английское правительство сделало некоторые шаги для нормализации отношений с Москвой. Туда был направлен в качестве посла лейборист Стаффорд Криппс, которому предстояло попытаться заключить с Советским правительством далеко идущие экономические и политические соглашения. Конечной целью этих усилий должно было быть вовлечение СССР в войну с Германией.

В начале 1941 года у английского правительства появились данные, свидетельствовавшие о возможности нападения Гитлера на Советский Союз. Это породило новые надежды на ослабление германской угрозы Британским островам. На этот раз уже не было (как в начале 1940 г.) желания объединиться с Германией в антисоветском походе. Теперь английских политиков обуревали опасения, как бы СССР не пошел на крупные уступки Германии и тем самым не помешал возникновению войны между ними.

31 мая в дневнике Кадогана появляется многозначительная запись: "В 4 часа дня совещание с Иденом и начальниками штабов (армии, флота и авиации. - В. Т.). Начальники штабов пришли к выводу, что Германия готова напасть на Россию. Я согласен, но я верю, что Россия уступит и подпишет то, что ей скажут. Я хотел бы, чтобы она не сделала этого, и больше всего я хотел бы, чтобы Германия израсходовала там свою мощь. Но немцы не такие дураки..." В этих строках чувствуется глубокая тревога, терзавшая руководителей английского правительства.

Они не сидели сложа руки. Черчилль, Иден, Кадоган - все они упорно предупреждали Советское правительство, что Германия вскоре нападет на СССР. Иден и Кадоган говорили об этом полпреду СССР в Лондоне, а Черчилль писал И. В. Сталину. Разумеется, эти предупреждения были направлены на то, чтобы Москва имела возможность подготовиться и не капитулировала в последнюю минуту перед Гитлером. Характер предупреждений был таков, что советские руководители должны были понять: в случае войны Англия не займет в отношении СССР враждебную позицию. Это было и выражение расположения тогдашнего английского правительства к Советскому правительству, и прозрачный намек на готовность сотрудничать, и

психологический шаг к будущему союзу.

Но в то же время не может быть сомнения, что эти, на первый взгляд, доброжелательные авансы в сторону СССР имели целью содействовать возникновению войны между ним и Германией. Английское правительство не только подталкивало советских руководителей к тому, чтобы они разорвали пакт о ненападении с Германией и выступили против нее, но одновременно оно подталкивало и Гитлера к нападению на СССР. Английская разведка весной 1941 года подбросила посольству Германии в Вашингтоне материал, в котором сообщалось: "Из в высшей степени надежного источника стало известно, что СССР намерен совершить военную агрессию в тот момент, когда Германия предпримет какие-либо крупные военные операции".

Предупреждения из Лондона не были новостью для Советского правительства. Аналогичные данные оно получало и по другим каналам. Но настойчивые предупреждения англичан не могли не вызвать подозрений относительно их мотивов. А это ставило под сомнение и сообщаемые факты. В телеграмме в Лондон от 5 апреля Криппс выражал уверенность, что "Советское правительство знает те факты, которые Черчилль хочет довести до его сведения", и что английские акции могут быть сочтены в Москве "за попытку с нашей стороны вызвать беспокойство в отношениях между Россией и Германией".

Советские руководители прекрасно знали, что война между Германией и СССР всегда была желанной для Орнтанских кругов, а теперь она - чуть ли не единственное средство спасения для Англии. Трудно было в этих условиях поверить в "доброжелательство" Лондона. Да и сам Черчилль понимал это. По поводу телеграммы Криппса он писал: "Советское правительство прекрасно знает о грозящей ему опасности, а также о том, что мы нуждаемся в его помощи".

Поэтому, когда 22 июня 1941 г. Германия вероломно напала на Советский Союз, Черчиллю не потребовалось ни собирать кабинет, ни спрашивать мнение палаты общин о том, какую занять позицию. Решение об этом было принято давно. Еще 10 июня Иден заявил советскому полпреду Майскому: "В случае русско-германской войны мы сделаем все, что в наших силах, чтобы атаковать с воздуха оккупированные немцами территории на Западе". Через три дня, после консультации с премьер-министром, Иден вновь встретился с советским послом и сообщил ему: "Если немцы нападут на СССР, мы готовы послать миссию в Россию, представляющую три рода вооруженных сил... Мы также срочно рассмотрим экономические нужды России".

22 июня, как обычно по воскресеньям, Черчилль был м

Чекерсе. С пятницы он пребывал в состоянии крайнего возбуждения, которое передавалось находившимся здесь же Идену, Криппсу, Вайнанту и лорду Бивербруку - министру снабжения и близкому к Черчиллю человеку. Когда поступило сообщение о нападении Германии на ('ССР, напряжение спало. Премьер сказал, что вечером выступит по радио, и принялся готовить речь.

В выступлении по радио Черчилль заявил, что в этой войне Англия будет на стороне СССР, и объяснил, чем то вызвано: если Германии удастся победить Советский Союз, Гитлер "отзовет с Востока главные силы своей армии и авиации и бросит их на наш остров... Его вторжение в Россию - это лишь прелюдия к попытке вторжения ни Британские острова. Он, несомненно, надеется, что все это можно будет осуществить до наступления зимы и что он сможет сокрушить Англию прежде, чем вмешаются флот и авиация Соединенных Штатов... Поэтому опасность, угрожающая России, - это опасность, грозящая ним и Соединенным Штатам". Никакого иного выбора у английского правительства не было. Оно стояло тогда перед дилеммой: или союз с СССР, или страшное поражение в войне с Германией и Италией.

Необходимость сотрудничества с СССР вынудила Черчилля на время преодолеть ненависть к Советскому государству, но не покончить с ней. Премьер-министр счел уместным заявить в той же речи, что, если бы нужда заставила его искать союза с самим дьяволом, он пошел бы на это. Подобный морально-психологический настрой правящих кругов не мог не наложить глубокий отпечаток на союзные отношения между Англией и СССР во второй мировой войне.

При подготовке своей речи Черчилль не пользовался помощью Идена. Более того, он отправил его в Лондон, поручив встретиться с полпредом СССР и уведомить его о позиции английского правительства. Не была заранее показана эта речь и Кадогану. Черчилль опасался, как бы они не предложили смягчить его выступление. Смягчение могло касаться, конечно, не тех пассажей, где упоминались коммунизм и дьявол, а заявления о том, что Англия окажет поддержку Советскому Союзу. Иден никогда не любил категоричных формулировок.

Ему пришлось представить нового союзника Англии палате общин. Речь Идена в парламенте точно следовала линиям речи Черчилля по радио, но была намного спокойнее и менее категорична. Касаясь англо-советских отношений, Иден напомнил о коммюнике, опубликованном после его поездки в Москву в 1935 году. В нем отмечалось, что у правительств двух стран нет столкновения интересов по важнейшим аспектам международных

отношений. Это положение коммюнике, сказал Иден, отражает лишь объективные факты. И тут же в унисон с Черчиллем заявил: "Политические системы наших стран антипатичны друг другу, наш образ жизни очень различен, но это ни на момент не должно заслонить реальность политической проблемы, перед которой мы стоим сегодня. В Англии, вероятно, меньше коммунистов, чем в любой другой стране. Мы всегда ненавидели доктрину коммунизма. Но не в этом вопрос. Россия подверглась предательскому вторжению без каких бы то ни было для этого оснований. Русские сегодня сражаются за свою землю. Они борются против человека, стремящегося установить свое господство над миром. Это и наша единственная задача".

В речи Идена (как и у Черчилля) присутствовал тезис о том, что вторжение Гитлера в СССР - лишь прелюдия к его нападению на Англию и Британскую империю. Это означало, что оба оратора были вполне уверены в победе Германии над Советским Союзом. Как показала история, они оказались неспособны верно оценить силы своего союзника и предвидеть ход событий во второй мировой войне. Черчилль и Иден были здесь далеко не одиноки. Их скепсис основывался на донесениях английской разведки и оценках английских военных штабов.

Убеждение в неизбежном поражении СССР диктовало и определенную линию поведения в отношении советского союзника. Отныне английское правительство считало своей важнейшей задачей продлить военное сопротивление СССР германской военной машине. Чем больше будет ослаблена эта машина на советской земле, тем меньше впоследствии будет угроза для Англии.

В Соединенных Штатах Америки вопрос об установлении союзных отношений с СССР решался труднее. Правящие круги США с той же классовой ненавистью относились к социалистической стране, что и их английские коллеги. Но США не пережили своего Дюнкерка, и многие там чувствовали себя в большей безопасности, чем англичане, не понимая потенциальной угрозы возможных успехов фашистской Германии. Лишь люди прогрессивных взглядов, и прежде всего коммунисты, а также некоторые реалистические политики сразу же высказались в поддержку Советского Союза. "В этих условиях, - пишет советский историк Л. В. Поздеева, - огромное значение приобретало личное вмешательство Рузвельта. Принципиальность и реализм Рузвельта, правильное понимание им государственных и национальных интересов США, которые он сумел поставить выше своих классовых предрассудков и антипатий к коммунизму, еще раз выявились в начале советско-

германской войны". Выступив 23 июня на пресс-конференции, Рузвельт заявил, что правительство США предоставит всю возможную помощь России в ее борьбе против Германии.

Английский народ восторженно встретил весть о том, что его страна стала союзником СССР в борьбе против общего врага. Он возлагал большие надежды на этот союз.

Министр снабжения лорд Бивербрук использовал симпатии трудящихся к Советскому Союзу в практических целях. Он выдвинул идею обращения к английским рабочим с призывом резко увеличить выпуск танков, пообещал им немедленно переправить часть их продукции в СССР. Эта акция должна была также произвести положительное впечатление и на Советское правительство.

6 сентября 1941 г. Бивербрук представил Черчиллю проект обращения к английским рабочим. "Вы увидите из текста, - писал он премьер-министру, - что промышленных рабочих настоятельно призывают сделать дополнительные усилия не просто во имя России, а потому, что русский фронт - это то место, где сейчас идет битва за свободу".

Предложенный Бивербруком текст проекта гласил:

"Ко всем рабочим танковых заводов.

Черчилль решил, что произведенные вами в течение семи дней начиная с 15 сентября танки будут полностью переданы для обороны России. По его приказу изготовленные вами танки будут посланы в Москву, Ленинград и Одессу.

Храбрость русских, их сила духа, мужество и выносливость вызывают у всех нас чувства восхищения и благодарности.

Теперь мы должны показать русским солдатам, что мы воодушевлены их примером, а их жертвы вызывают у нас подъем.

Поэтому придем в литейные и кузнечные цеха Британии, на моторные заводы и к сборочным конвейерам, поставив перед собой задачу и считая своим долгом помочь России отбросить жестоких захватчиков".

К. Янг, автор книги о Черчилле и Бивербруке, замечает, что, "как и ожидал Бивербрук, это было больше, чем мог проглотить старый антибольшевик (Черчилль. - В. Т.). Он выразил возражение против чрезмерно высокой оценки России". По требованию Черчилля часть текста, начиная со слов "Храбрость русских...", была опущена, и обращение было опубликовано в урезанном виде.

Английские рабочие с воодушевлением восприняли этот призыв и дали в сентябре рекордное число танков.

Однако так называемые "информированные круги" в Англии были убеждены, что Советский Союз скоро капитулирует перед

Германией. Еще накануне войны, 16 июня 1941 г., Криппс, как пишет Иден, сообщил военному кабинету, что "среди дипломатов, аккредитованных в Москве, преобладает мнение, что Россия не сможет противостоять Германии более трех или четырех недель". Генерал Дилл в беседе с Иденом был готов добавить еще несколько недель, но полагал, "что было бы неразумным рассчитывать больше, чем на шесть или семь недоль". И далее Иден резюмирует свои размышления по этому поводу: "У меня было убеждение, что если даже на протяжении короткого времени немцы будут нести в России потери в объеме, превышающем их теперешние потери, то это в какой-то степени облегчит напряжение, испытываемое нами".

Шли недели, месяцы, а пессимистические прогнозы английских генералов не оправдывались. Советский народ и его армия несли тяжелые потери, но сражались с нарастающим упорством. В СССР происходило что-то совсем не похожее на ход войны в Западной Европе. Ценность советского союзника быстро возрастала в глазах лондонского правительства, еще быстрее росли симпатии английского народа к СССР.

Казалось бы, на Даунинг-стрит неизбежно должны были прийти к выводу о необходимости оказать СССР максимальную помощь, чтобы он мог как можно успешнее сражаться против Германии и ее союзников. И естественно, что Советское правительство неоднократно обращалось к английскому правительству с запросами по этому поводу.

В речи Черчилля от 22 июня 1941 г. содержались щедрые обещания, но в них заключался весьма неопределенный смысл. Премьер-министр заверял, что Англия окажет СССР "всю помощь, какую только сможет". "Мы предложили правительству Советской России, - говорил он, - любую техническую и экономическую помощь, которая в наших силах".

Эта же неопределенность осталась и после подписания 12 июля 1941 г. соглашения о совместных действиях правительств СССР и Англии в войне против Германии, по которому обе стороны обязались оказывать друг другу помощь и поддержку всякого рода в этой войне, а также не вести переговоров и не заключать сепаратного перемирия или мирного договора с Германией.

Советский Союз вправе был рассчитывать не только ил помощь со стороны Англии в войне против общего враги, но и на то, что его интересы будут должным образом учтены при послевоенном мирном урегулировании. Проблемы послевоенного мирного урегулирования английское правительство активно обсуждало со своим тогда еще не воевавшим союзником -

Соединенными Штатами Америки.

В начале августа 1941 года состоялось совещание Черчилля с Рузвельтом в гавани Арджентия на острове Ньюфаундленд. Руководители правительств двух стран обсудили ряд вопросов, связанных с ходом войны, и приняли Атлантическую хартию, формулировавшую цели войны, которые преследовали их страны. Это те цели, о которых можно было сказать публично и которые должны были стимулировать военные усилия народов. Черчилль говорил, что хартия - это "временное и частичное заявление о целях войны, предназначенное для того, чтобы убедить все страны в наших справедливых целях, а не завершенная схема, которую мы должны осуществить после войны". На совещании говорилось и о конечных целях. Эти цели предусматривали установление после войны англо-американского господства над всем миром. Поэтому предполагалось разоружить все страны, "в то время как Англия и США остаются вооруженными". Эти две страны должны были произвести послевоенное урегулирование для "всех народов во всех землях". США и Англия собирались по-своему определять и место СССР в послевоенном мире. Печать этих стран ставила под вопрос даже советские государственные границы.

В Москве могли не знать деталей переговоров Черчилля с Рузвельтом, но прекрасно понимали империалистические устремления правящих кругов США и Англии. Поэтому проблема согласования позиций по послевоенному мирному урегулированию представлялась столь же важной, как и проблема английской помощи СССР.

Советское правительство настаивало, чтобы Англия осуществила военные акции в Западной Европе с целью оттянуть ряд немецких дивизий с советского фронта, а также ставило вопрос о помощи вооружением и сырьем. В Лондоне отделывались ссылками на невозможность выполнить советские пожелания и... направляли войска на Ближний Восток. Переписка между Сталиным и Черчиллем свидетельствует, что Советское правительство не скрывало своего недовольства подобным положением вещей.

Даже Стаффорд Криппс, наблюдавший в СССР за героическими усилиями советского народа, был возмущен тем, как недобросовестно относится английское правительство к выполнению своих союзнических обязанностей. Он считал, пишет Иден, "что мы, в Лондоне, уделяем мало внимания замечаниям Сталина, и телеграфировал, что не считает полезным свое дальнейшее пребывание в России".

В Лондоне решили успокоить Советское правительст- по

дипломатическими средствами, не выполняя, однако, его справедливых требований. Эта щекотливая миссия была возложена на Идена. Вспоминая те времена, он "последствии писал: "В политическом плане отношения Англии с ее великими союзниками были теперь моей главной заботой до конца войны".

В ноябре Черчилль опять, уже более определенно, заговорил о том, что он считает Идена своим преемником. В присутствии министра информации Брендана Бракена, а затем еще двух деятелей консервативной партии Черчилль сказал, что, если с ним что-либо произойдет, бразды правления примет Иден. Постепенно люди привыкли к мысли, что Иден является официальным наследником кресла английского премьера.

Ноябрь и начало декабря министр иностранных дел посвятил подготовке поездки в Москву. Велись долгие разговоры с Черчиллем и начальниками штабов о том, что можно посулить Советскому правительству. Хотели пообещать ряд эскадрилий на южный участок фронта, но затем передумали; уславливались о дополнительных поставках танков и самолетов, но вскоре и это отпало. "Обсуждал военный аспект своей миссии в Москву, - пишет Иден. - Выглядит мрачно".

В конце концов кабинет одобрил меморандум, который Иден должен был вручить Сталину, чтобы "рассеять имеющиеся у него определенные подозрения". К их числу Иден относил предположение Советского правительства, что "мы хотим исключить Россию из англо-американской схемы послевоенного урегулирования, что, устанавливая мир, мы будем игнорировать интересы России" и т. д. В общем то был, по существу, перечень нелояльных замыслов Англии в отношении СССР. Рассеять эти "подозрения" Иден намеревался предложением подписать в Москве "совместную англо-советскую декларацию, провозглашающую наше взаимное согласие сотрудничать не только при установлении мирного урегулирования, но и при поддержании его". Кроме этого, намечалось обсудить с Советским правительством вопросы послевоенной реконструкции и ряд других.

В декларации, которую составил Иден, не содержалось никаких конкретных обязательств. Отсутствие английской помощи Советскому Союзу маскировалось в ней обтекаемыми и неопределенными дипломатическими фразами. Даже Кадоган отнесся критически к этому замыслу. В своем дневнике он назвал проект англо-русской декларации "таким же жидким, как кофе в ресторане".

Отъезд приближался, и 4 декабря Кадоган записал: "Обсуждал поездку в Россию. Дело выглядит так, что мы не

сможем предложить русским даже военную технику вместо дивизий. Антони Идену все это крайне не нравится (и справедливо), но он согласился ехать".

Группа Идена выехала из Лондона 7 декабря. Министра сопровождали непременный Кадоган, личный секретарь Идена Оливер Гарви и Фрэнк Робертс, сотрудник центрального департамента Форин оффис, в ведение которого входят отношения с СССР.

В те военные годы трудным было путешествие из Лондона в Москву. Иден отправлялся Северным морским путем. Поездом следовали в Шотландию, а оттуда на крейсере - в Мурманск. Утром 8 декабря группа прибыла на военно-морскую базу Инвергордон, и здесь Иден узнал от Черчилля (позвонившего из Лондона), что японцы напали на американскую военно-морскую базу Перл-Харбор в Тихом океане. Это означало вступление США в войну. "Я не мог скрыть облегчения", - вспоминает Иден об этом телефонном разговоре. Черчилль сообщил, что едет в США, чтобы обсудить с Рузвельтом меры, соответствующие событиям.

12 декабря крейсер "Кент" доставил группу Идена в Мурманск. Это был прифронтовой город, ведший трудную боевую жизнь. Местные советские органы предложили Идену выбор: лететь самолетом, что было не очень надежно из-за плохой погоды, или ехать поездом. В военных условиях поездка по железной дороге до Москвы должна была занять 60 часов. Иден выбрал поезд. Вероятно, на него подействовал рассказ сопровождавшего группу генерала Ная о том, что в английском министерстве авиации существует секретное правило: если сотрудник этого министерства должен прибыть в определенное место к определенному времени, он должен ехать поездом.

В Москве группа Идена была размещена в отеле "Националь". Гостиница понравилась, ибо, как нашли Иден и Кадоган, она очень похожа на "Бо риваж" в Женеве, где всегда останавливалась английская делегация, приезжая на заседания Лиги Наций. Англичане осматривали Москву (Москву фронтовую декабря 1941 г.), побывали в Мосторге, с интересом отметили продажу елочных игрушек и были удивлены, что москвичи в таких условиях бойко покупали книги. Затем Иден и Кадоган попросили отвезти их на Поклонную гору, где Наполеон в 1812 году ожидал так и не появившуюся делегацию от Москвы. Оба англичанина были огорчены тем, что из-за тумана не смогли увидеть, как выглядит столица с Поклонной горы.

Переговоры между советскими руководителями и Иденом были трудными. Предложенный англичанами проект декларации (иногда ее называют соглашением) не мог ввести в заблуждение

их партнеров. Взамен подсовываемого "жидкого кофе" Советское правительство предложило заключить конкретный договор о союзе и взаимной поенной помощи между Советским Союзом и Англией в койне против Германии. Кроме этого, предлагалось заключить второй договор, призванный создать "взаимопонимание между Советским Союзом и Англией в отношении решения послевоенных проблем". Иден никак не был готов вести конкретный разговор на эти темы и тем более подписывать конкретные обязательства.

Наиболее острые споры вызвал вопрос о границах Советского Союза. Идена спросили, обязуется ли Англия при послевоенном мирном урегулировании поддержать Советское правительство в том, чтобы границы СССР были признаны по состоянию на 22 июня 1941 г. Переговоры показали, что вопрос был поставлен правильно и своевременно. Иден ответил, что не может дать такого обязательства.

Галифаксу в Вашингтон он телеграфировал: "Я использовал Атлантическую хартию в качестве аргумента против требования Сталина". Это многозначительная фраза. Она означает ни много ни мало, что Черчилль и Рузвельт сформулировали хартию так, чтобы она была исправлена не только против врагов антигитлеровской коалиции, но и в известной степени против СССР. Во всяком случае, так ее толковал Иден. Сталин на это ему возразил: "Я думал, что Атлантическая хартия направлена против тех, кто пытается установить свою мировую гегемонию. А сейчас дело выглядит так, что Атлантическая хартия направлена против СССР". Иден пытался изворачиваться, но ему был задан вопрос: "Почему же восстановление наших границ вступает в конфликт с Атлантической хартией?" Иден был вынужден ответить: "Я никогда не говорил этого". Явная неправда, что, между прочим, подтверждается и упомянутой выше телеграммой Галифаксу.

Сталин заявил Идену в этой связи: "Все, о чем мы просим, - это восстановить нашу страну в ее прошлых границах. Мы должны иметь их по соображениям нашей безопасности... Я должен отметить, что если вы уклоняетесь от этого, то это выглядит так, как если бы вы создавали возможность для расчленения Советского Союза. Я удивлен и поражен тем, что правительство Черчилля занимает такую позицию. Это практически та же позиция, которую занимало правительство Чемберлена". Иден отговаривался тем, что без согласования с правительством США и правительствами доминионов он не может пойти навстречу пожеланиям СССР. Это тоже была отговорка. Такие вопросы английское правительство могло при желании решать и решало самостоятельно.

Оказавшись в трудном положении в ходе бесед с советскими руководителями, Иден решил пойти на хитрость. По дороге в гостиницу он договорился с Кадоганом и другими членами делегации, что, зайдя в номер Идена, они будут в сильных выражениях высказывать свое возмущение позицией советских представителей и пригрозят отказом от переговоров. Расчет строился на том, что в гостинице есть устройства для подслушивания и возмущение англичан тут же дойдет по назначению. Как сообщает Кадоган, все охотно согласились участвовать в этом спектакле и очень старались. Но, поскольку ни Кадоган, ни Иден ни словом не упоминают о результатах сего представления, нужно думать, что желаемого действия оно не возымело.

Переговоры Идена в Москве не принесли результатов, на которые рассчитывала английская сторона. Скорее даже наоборот. В то же время советские руководители теперь знали, какова позиция правительства Черчилля по ряду важных проблем. Что же касается объективных результатов переговоров, то в общем они были полезным шагом на трудном пути складывания антигитлеровской коалиции. "Признав провал, - записал Кадоган 20 декабря, - мы принесли (своим советским партнерам. - В. Т.) краткий проект обычного бесцветного коммюнике. Когда прибыли (на заседание), то обнаружили, что у русских есть намного лучший проект, который мы немедля и приняли".

Позиция Советского Союза, которая определилась в ходе переговоров с Иденом в декабре 1941 года, последовательно проводилась на протяжении всей войны. Дэвид Дилкс отмечает в этой связи: "Замечательно, что уже на данном этапе, после отчаянного шестимесячного кризиса, когда немецкие армии находились у ворот Москвы, русские так точно сформулировали свою политику и так уверенно ее проводили".

В тот день, когда Иден уезжал из Москвы, Черчилль прибыл в Вашингтон для совещания с Рузвельтом. Переговоры были вполне успешны, и премьер-министр остался ими очень доволен. Для Англии было важно, что США согласились считать Германию врагом номер один, а Японию - врагом номер два. Это означало, что европейский театр военных действий будет пользоваться приоритетом. А в остальном, как заметил Иден, встреча двух лидеров "обещала массу джема для завтрашнего дня и очень немного - для сегодняшнего".

8 января 1942 г. Черчилль телеграфировал Идену из Вашингтона по поводу его переговоров в Москве: "Никто не может предвидеть, какое будет соотношение сил и где окажутся армии-победительницы к концу войны. Однако представляется

вероятным, что Соединенные Штаты и Британская империя не будут истощены и представят собой наиболее мощный по своей экономике и вооружению блок, какой когда-либо видел мир, и что Советский Союз будет нуждаться в нашей помощи для восстановления страны в гораздо большей степени, чем мы будем тогда нуждаться в его помощи". Очень емкая формулировка! Она все еще содержит надежду на то, что Англия и США вдвоем установят послевоенный мир, и расчет на максимальное ослабление СССР к выгоде английского и американского империализма. А раз это выгодно, то такого ослабления и следует добиваться любыми средствами. Этот стратегический расчет присутствует в английской политике на протяжении всех военных лет.

Конец 1941 и начало 1942 года ознаменовались одним из крупнейших событий второй мировой войны. Битва под Москвой закончилась разгромом наступавших германских армий и переходом Красной Армии в контрнаступление. Немцы были отброшены от Москвы. А для США и Англии, как заметил американский историк Роберт Шервуд, это была "зима катастроф". На Тихом океане и в Азии они несли тяжелые поражения в боях против Японии.

Потерю крупнейшей военно-морской крепости Сингапур Черчилль считал не только большим несчастьем, но и позором для английских вооруженных сил. Первые девять месяцев 1942 года, по оценке Дилкса, "были самым тяжелым временем" для внешней политики Англии "по причине сознания собственного бессилия, порожденного систематическими военными неудачами и вызванной ими дипломатической слабостью".

Провал расчетов на поражение СССР в войне и совершенно неожиданные неудачи Англии и США на тихоокеанском театре вызывали в Лондоне очень неприятные мысли относительно будущего. Обстоятельства вынуждали английское правительство пересматривать свои важнейшие концепции. Советско-германский фронт был главным театром второй мировой войны, и это радикально меняло взгляды английского кабинета на роль СССР в войне и, следовательно, на его будущую роль в послевоенном мире. А что если не оправдаются расчеты на максимальное ослабление СССР в борьбе с фашизмом и он закончит войну триумфальными победами? В Москве Иден обнаружил не только полную уверенность в разгроме Германии, но и готовность в будущем сыграть свою роль в войне на Дальнем Востоке. На случай такого оборота событий надлежало принять меры, и немедленно.

Иден вернулся из Москвы с убеждением, что Советский Союз

полон решимости продолжать борьбу. Поэтому уже в январе 1942 года он подготовил меморандум для членов кабинета, в котором сформулировал изменения, касающиеся политики Англии в отношении СССР. "Если предположить, что Германия потерпит поражение, - писал Иден, - и германская военная мощь будет уничтожена, а Франция, по крайней мере на протяжении длительного времени, останется слабой страной, то не окажется противовеса России в Европе... Положение России на европейском континенте станет неуязвимым. Престиж России так возрастет, что установление коммунистических правительств в большинстве европейских стран будет очень облегчено..."

Эта еще далекая тогда перспектива была кошмаром для Идена и его коллег, кошмаром, от которого они не могли отделаться на протяжении всех военных лет. Рассматривая позицию Советского правительства относительно границ СССР, Иден писал: "Представляется неизбежным, что, если Гитлер будет свергнут, русские вооруженные силы закончат войну, значительно глубже проникнув в Европу, чем в момент ее начала в 1941 году. Поэтому благоразумно было бы связать Советское правительство соглашениями, заключив их как можно скорее". В меморандуме отмечалось, что американское правительство на данном этапе не разделяет это убеждение и "становится все более терпимым в отношении советских требований по мере развития советских побед" на фронте. Иден знал, что у Советского правительства есть подозрения, и подозрения обоснованные, насчет того, что Англия и США собираются после войны утвердить свою гегемонию над миром. Поэтому он предлагал "воздержаться от любых действий, которые могли бы усилить уже существующие у Советского правительства подозрения, что мы собираемся установить англо-американский мир, при котором интересы России будут нарушены или игнорированы". Поскольку в случае победы СССР в войне Советское правительство не согласится на границы иные, чем границы 1941 года, Иден считал целесообразным принять его требование о признании границ 1941 года и оформить это договором.

Меморандум Идена является очень важным документом. Он формулировал английскую политику в отношении СССР на многие годы вперед. В основе этой политики лежало стремление всеми возможными средствами устранить Советский Союз от участия в решении европейских дел, то есть лишить его плодов победы в войне. В то же время меморандум свидетельствует о полном единстве взглядов Идена и Черчилля на отношения с СССР.

В мае 1942 года в Лондон прибыл народный комиссар

иностранных дел СССР В. М. Молотов и 26 мая вместе с Иденом подписал Договор между Советским Союзом и Англией о союзе в войне против гитлеровской Германии и ее сообщников в Европе и о сотрудничестве и взаимной помощи после войны. В тексте договора вопрос о границах не фигурировал. Намерение Идена "связать СССР" в этом вопросе реализовано не было. В Форин оффис тогда некоторые полагали, что "о границах легко договориться позднее". Советское правительство, заинтересованное в укреплении единого фронта правительств и народов для обеспечения победы над фашизмом, решило до времени не настаивать на своих справедливых требованиях, чтобы не тормозить подписание договора с Англией, явившегося важным вкладом в создание антигитлеровской коалиции. Для советских руководителей было ясно, что вопрос о границах будет решаться в соответствии с соотношением сил, которое сложится к концу войны. Когда же победа вновь поставила этот вопрос на повестку дня, то Иден, как утверждает Дэвид Дилкс, "выступал против требований России даже более упорно, чем Черчилль".

В. М. Молотов из Лондона направился в США для переговоров с американским правительством. Было ясно, что речь пойдет об открытии второго фронта, то есть о вторжении союзников на европейский материк с целью облегчить положение СССР на советско-германском фронте и сократить сроки войны. Английское правительство упорно уклонялось от этого, направляя свои ресурсы на Ближний Восток, где Италия и Германия угрожали колониальным интересам Англии.

Теперь Рузвельт пригласил советских представителей в Вашингтон. "Я был обеспокоен этими американскими проектами", - вспоминал позднее Иден. Он признает, что был тогда против открытия второго фронта. В его дневнике от 10 апреля 1942 г. есть запись: "Встретился с Уинстоном Черчиллем после ленча. Мы говорили об американском плане. Черчилль опасается, что Генеральный штаб ответит "да" и сделает это предлогом, чтобы меньше уделять внимания другим местам".

Здесь мы сталкиваемся с двумя важными моментами. Во-первых, Идена тревожит поездка Молотова в Вашингтон. Это не случайно. Английское правительство в годы войны настойчиво добивалось положения некоего посредника в советско-американских отношениях. Черчилль и Иден всегда бунтовали, если намечались прямые советско-американские контакты, и в то же время старались держать Советское правительство в стороне при своих переговорах с США даже в тех случаях, когда такие переговоры непосредственно задевали интересы СССР.

Во-вторых, из записи в дневнике явствует, что английские

военные руководители могли пойти на открытие второго фронта в 1942 году. Кстати говоря, в начале апреля на штабных переговорах в Лондоне это было признано возможным. Тем самым взрывается известная аргументация Черчилля, Идена и других о том, что Англия не имела физической возможности открыть вместе с США второй фронт в 1942 году.

Иден не зря тревожился по поводу поездки советских представителей в США. В. Г. Молотов вернулся из Вашингтона в Лондон с советско-американским коммюнике, говорившим об открытии второго фронта в Европе в 1942 году. Английское правительство присоединилось к этому соглашению, заранее решив не выполнять его.

Англия и США имели необходимые условия для открытия второго фронта в 1942 году. Во-первых, германская армия несла тяжкие потери в сражениях с Красной Армией, и все ее основные силы были скованы на советском фронте. Во-вторых, союзники располагали материальными ресурсами для вторжения, о чем свидетельствует мнение как американских, так и английских военных руководителей. В-третьих, второго фронта настойчиво требовал английский народ, и эта операция, как никакая иная, могла рассчитывать на общенародную поддержку.

И тем не менее Лондон сговорился с Вашингтоном о том, что второй фронт в 1942 году не будет открыт, а вместо этого организуется англо-американская высадка в Северной Африке.

Но как будет реагировать на подобный обман Советское правительство, которому в июне был обещан второй фронт? Черчилль сам отправился в Москву для объяснений. В первой беседе со Сталиным Черчилль известил его, что в 1942 году союзники высадятся в Северной Африке, а "вторжение в Европу английских и американских войск в большом масштабе будет произведено в 1943 году". В ответ на это И. В. Сталин, как сообщил Черчилль членам своей группы, "в высшей степени критически отозвался о нашей армии. Он сказал, что мы нарушили свое слово относительно второго фронта".

Черчилль был в ярости. "Я совершил путь вокруг Европы, будучи обременен многими заботами, - говорил он своим спутникам, - надеясь, что мне протянут руку дружбы. И я глубоко разочарован. Я не увидел этой руки". Какой пассаж! Премьер-министр собственной персоной явился в Москву, чтобы все объяснить "этим русским", а они вместо того, чтобы прийти в восторг от недобросовестного поведения английской стороны, позволяют себе говорить ему о том, что правительства, взяв на себя определенные обязательства, должны их выполнять.

Черчилль капризничал перед своими спутниками, угрожая,

что уедет из Москвы, не попрощавшись с советскими руководителями. Его уговаривали не делать этого - ведь если он поссорится с Советским правительством, Англия "понесет в войне больше жертв". Кроме того, члены группы считали, что нет оснований для недовольства, ибо, как замечал Кадоган, "мы по крайней мере не получили от Сталина намека, что, если западные союзники не смогут больше ничего сделать, он не может сказать, как долго еще Россия выдержит напряжение. Наоборот". Черчилль сердился, понимая, что его видят насквозь.

Нарушив свое слово в отношении второго фронта, правящие круги Англии и США нанесли сильный удар по антигитлеровской коалиции. Любое другое правительство, оказавшись в положении, в каком было Советское правительство летом 1942 года, решило бы искать выход на путях сепаратного мира с противником (и Черчилль серьезно опасался этого). Но советский народ и его руководители были полны решимости довести войну до полной победы. Необходимо было не только снять опасность, угрожающую Советскому Союзу извие, но и освободить народы Европы от фашизма, разгромив нацистскую Германию и ее союзников. Как подчеркивает Дилкс, после бесед в Москве "Черчилль был совершенно уверен, что русские будут сражаться до победы. Более того, Сталин говорил о предстоящем контрударе" (речь шла о том, что впоследствии вылилось в разгром немцев под Сталинградом). Твердость и реализм Советского правительства в отношениях со своими союзниками, воля советского народа к победе помогли сохранить антигитлеровскую коалицию и тем самым серьезно облегчить борьбу за победу над фашизмом.

Военные союзы не всегда выдерживают обман одного союзника другим. А в отношении второго фронта имел место сознательный, рассчитанный обман. Сейчас, когда стали известны соответствующие документы, уже ни один добросовестный историк не сомневается в этом. Например, американец Хиггинс просто пишет, что Черчилль "обдуманно обманул своего русского союзника" и обманул его не единожды. В августе 1942 года английский премьер заверил Советское правительство, что уж в будущем году второй фронт будет открыт наверняка. История показала, что и это был обман.

Возникает вопрос: почему столько вероломства в отношении союзника, который обильными жертвами спасал не только себя, но и Англию? Ответ содержится в меморандуме Антони Идена от января 1942 года, о котором упоминалось выше, и в меморандуме Черчилля от октября 1942 года.

Переговоры в Москве вызвали у английского правительства

разнородные чувства. С облегчением и радостью был воспринят вывод, что Советский Союз будет продолжать сражаться. С тревогой и боязнью отнеслись в Лондоне к тому, что СССР может не только устоять в борьбе, но и одержать победу над Германией. "К 1943 году, - писал Палм Датт, - паника охватила западных правителей при мысли о возможности падения фашизма и победы коммунизма". Эта оценка связана с меморандумом Черчилля от октября 1942 года, в котором он писал: "Все мои помыслы обращены прежде всего к Европе как прародительнице современных наций и цивилизации. Произошла бы страшная катастрофа, если бы русское варварство уничтожило культуру и независимость древних европейских государств. Хотя и трудно говорить об этом сейчас, я верю, что европейская семья наций сможет действовать единым фронтом как единое целое под руководством Европейского совета. Я обращаю взоры к созданию объединенной Европы". Далее в меморандуме говорилось, что совет должен состоять из десяти стран Европы, включая Германию и Италию, и действовать против Советского Союза.

Это документ большого исторического значения. И нем мы видим повторение (более резкое и злобное) мыслей, содержавшихся в меморандуме Идена. Оба документа формулировали программу английской внешней политики на период войны и многие послевоенные годы, это была программа крайнего антикоммунизма и антисоветизма. В ее основе лежало важнейшее классовое противоречие - противоречие между империализмом и социализмом. Борьба за реализацию этой программы составила главное содержание всей последующей политической деятельности как Черчилля, так и Идена. Австралийский публицист Честер Уилмот - автор книги "Борьба за Европу" пришел к выводу, что "в течение 1943 года Черчилль все еще был озабочен прежде всего проблемой уничтожения мощи Гитлера, но его все больше и больше занимала необходимость сдержать... Советский Союз".

Обращают на себя внимание еще два, хотя и менее значительных, обстоятельства, связанных с меморандумом Черчилля. Он приступил к подготовке документа сразу после возвращения из Москвы, и это показывает, нисколько "искренними" были слова о том, что он прислал в советскую столицу с чувством дружбы в сердце.

Меморандум был составлен в разгар Сталинградского сражения, что лучше всего отражает подлинные чувства, которые питал премьер-министр Англии к советскому народу. К счастью для нас и к несчастью для английского правительства, советские руководители прекрасно понимали истинное отношение к СССР

со стороны Даунинг-стрит, и этого английская буржуазная историография никак не может простить Советскому правительству.

В годы войны Советский Союз и Англию объединяло стремление обеспечить разгром общего врага, со стороны которого обеим странам грозила смертельная опасность. Как известно, существование мощной антигитлеровской коалиции явилось одним из основных факторов, способствовавших победе над фашизмом. Сознавая это, Советское правительство делало все от него зависевшее, чтобы упрочить и расширить сотрудничество со своими союзниками. Однако его западные партнеры, и прежде всего Англия, далеко не всегда вели честную игру.

Еще в конце 1942 года в документе, подготовленном в ведомстве Идена, указывалось, что "если русские откажутся от сотрудничества, то мы в конце концов должны будем принять сотрудничество Германии". Под отказом СССР от сотрудничества понимался его возможный отказ подчиниться британскому диктату - таков уж дипломатический английский язык! Таким образом, уже в конце 1942 года Форин оффис предлагал использовать Германию против СССР в послевоенные годы. Политика правящих кругов Великобритании как нельзя лучше подтверждает справедливость старой английской поговорки: "чем больше все меняется, тем больше все остается по- прежнему".

1943 год был годом, когда Красная Армия обеспечила в грандиозном сражении коренной перелом в ходе Великой Отечественной, а следовательно, и второй мировой войны, начало которому было положено в битве у стен Сталинграда. Это был трудный для СССР год, но правительство Англии и тогда не открыло второй фронт, вновь нарушив тем самым данное слово. Поставки вооружения из Англии были невелики по объему и нерегулярны, причем прерывались они именно в самые трудные для СССР моменты на советско-германском фронте.

Военный министр США Стимсон писал Рузвельту в августе 1943 года: "Английская концепция... состоит в том, что Германия может быть разбита рядом отвлекающих ударов на периферии... и что единственные тяжелые сражения, которые потребуется провести, будут проведены Россией... Ни один из этих актов войны булавочных уколов не дает оснований полагать, что мы сможем одурачить Сталина и убедить его в том, что мы выполнили свое торжественное обязательство".

Когда в 1944 году наконец состоялось вторжение союзников на европейский материк, то его организаторы заботились не столько о помощи Советскому Союзу, сколько о том, чтобы по возможности ограничить проникновение его вооруженных сил в

Центральную и Западную Европу. Это им не вполне удалось, что толкнуло английское правительство на предательский, вероломный шаг: весной 1945 года оно всерьез готовилось переменить фронт, сблокироваться с недобитыми немецкими дивизиями и вместе с ними выступить против своего союзника, ценой неимоверных усилий завоевавшего победу для себя и для Англии, равно как и для других народов. Чудовищно, невероятно, но факт, и факт, признанный самими руководителями английского правительства. Мы знаем об этом со слов самого Черчилля.

Далеко не безоблачными были в годы войны и англо-американские отношения, хотя внешне они выглядели вполне благополучными - Черчилль и Рузвельт часто встречались, регулярно переписывались. Союз Англии с США, несмотря на отсутствие союзного договора, был значительно более прочным, обширным и глубоким, чем союз с СССР. И, тем не менее, в их отношениях все сильнее ощущалось наличие межимпериалистических противоречий.

Английское правительство стремилось переложить тяготы войны на своего американского союзника и навязать ему стратегию и тактику, отвечающие британским интересам. Однако это становилось все более трудным. По мере развития войны быстро обнаруживалось, что вклад Англии в войну значительно меньше не только вклада ('ССР, но и вклада США. Свое преимущество в силе американское правительство использовало, чтобы в рамках союза сильно потеснить Англию и захватить многие принадлежавшие ей колониальные, внешнеторговые, стратегические и внешнеполитические позиции.

После Сталинграда и в Лондоне, и в Вашингтоне вплотную занялись проблемами будущего мира - в конечной победе уже не сомневались. То ли благодаря различиям в характерах, то ли потому, что опасность для США в войне была практически меньшей, чем для Англии, но Рузвельт в то время больше размышлял на эту тему, чем Черчилль. Английский премьер основное внимание пока уделял ведению военных операций. Свои не очень значительные силы и средства Англии приходилось использовать на военных театрах, разбросанных по всему земному шару. Все важные внешнеполитические вопросы, касавшиеся ведения войны, Черчилль, к большому, но хорошо скрываемому недовольству Идена, решал сам, оставляя на долю министра иностранных дел вопросы будущего мирного урегулирования, однако по мере приближения победы он все больше и больше вторгался в эту сферу.

Как сообщает историк Вудвард, глубоко изучивший

документы Форин оффис за годы войны, английское правительство и министерство иностранных дел начали "размышлять и планировать послевоенный мир, как только отпала необходимость заниматься тем, что может быть названо "дипломатией выживания"". Уже в конце 1942 года Иден подготовил и представил кабинету ряд предложений по послевоенному мирному урегулированию. Ему же предстояло наметить пути для согласования позиций с США и Советским Союзом. А это было архитрудным делом.

Как правильно констатировал Вудвард, у трех ведущих участников антигитлеровской коалиции "существовала общая политическая цель - нанести поражение врагу в войне, но "победа" ни в коем случае не была простым понятием. Она имела один смысл для Соединенных Штатов, другой для Англии и... третий для России". Советский Союз преследовал демократические, прогрессивные цели и намерен был добиваться их максимальной реализации в послевоенном мире. Соединенные Штаты и Англия имели в виду империалистические цели, вытекавшие из их социального строя, но достигнуть этих целей США, например, намеревались в значительной степени за счет Англии.

Английская дипломатия оказалась в затруднительном положении. Руководители министерства иностранных дел хорошо понимали, что плоды будущей победы будут распределяться в соответствии с мощью каждого из победителей, а соотношение сил с каждым днем складывалось для Англии все хуже и хуже. Компенсировать нехватку мощи государства дипломатическим искусством в XX веке можно лишь в весьма ограниченных пределах. Иден и другие вершители английской внешней политики использовали эти возможности в полной мере, но время и ход событий работали против них.

Нужно было спешить, заранее обеспечить выгодные для Англии соглашения относительно будущего. В феврале 1943 года английский премьер-министр предложил президенту США, чтобы Иден приехал в Вашингтон для обсуждения с американскими коллегами послевоенных проблем. Рузвельт ответил согласием, и в марте Иден прибыл в Соединенные Штаты.

Президент много беседовал с лондонским гостем на протяжении его 18-дпевного визита, предпочитая вести разговор о будущем мира в непринужденной обстановке - за чаем или обедом. Присутствовали при этом Гарри Гопкинс, доверенное лицо президента, а также государственный секретарь Хэлл, настроенный весьма недоверчиво ко всем акциям английского правительства.

Биографы Идена любят цитировать телеграмму Рузвельта

Черчиллю, в которой- президент сообщал, что провел с Иденом три вечера, что "Антони великолепный парень" и что они приходят к согласию по 95% обсуждаемых вопросов. Не приходится удивляться, что Рузвельту нравились мягкие, приятные манеры Идена, его широкие познания в области международных отношений. Однако что касается их полного взаимопонимания, то это была лишь обычная вежливость.

Документы свидетельствуют о серьезных расхождениях между позициями президента США и министра иностранных дел Англии. Рузвельт развивал идею о том, что послевоенным миром должны управлять четыре держаны - США, Англия, СССР и Китай. Иден возражал. Лучше обойтись без Китая, поскольку он не является великой державой (а главное, думалось Идену, потому, что он станет в силу своей зависимости от США плясать под американскую, а не под английскую дудку). Из слов гостя у хозяев создалось впечатление, что Лондон "будет упорно цепляться за свои владения на Дальнем Востоке". Когда Рузвельт заметил, что Англия могла бы сделать хороший жест, отказавшись от своей колонии Гонконг, Идену изменила его обычная сдержанность. Пока не слышно, ответил он, что Соединенные Штаты собираются делать подобные жесты за счет своих интересов.

Что касается Советского Союза, то Иден, не скупясь, поделился с Рузвельтом своими антисоветскими соображениями и эмоциями. С СССР будет трудно иметь дело в будущем, сказал он. Следовательно, было бы неосмотрительно рассчитывать на его конструктивное участие в большой четверке, управляющей миром, то есть после победы судьбы всего человечества должны вершить Англия и США.

Советский исследователь В. Л. Исраэлян пишет о переговорах Идена с Рузвельтом: "Нельзя сказать, чтобы эти переговоры внесли заметный вклад в решение поставленных проблем... Главной причиной, помешавшей... прийти к конкретным решениям, являлось то обстоятельство, что в этих переговорах не принимал участия Советский Союз. Становилось очевидным, что не только решать, но и обсуждать вопросы, касающиеся послевоенного устройства Европы и всего мира, без СССР - значит заниматься бесполезным делом. Военные победы Советского Союза на фронтах второй мировой войны предопределили и ту важнейшую роль, которую он будет играть в послевоенном мире".

Обе стороны решили, что визит Идена должен быть использован для демонстрации англо-американского союза и сотрудничества. Гость встречался с видными американцами: бывшим президентом Гувером, кандидатом в президенты

Уэнделлом Уилки, мэром Нью-Йорка Лагуардиа. В столице штата Мэриленд, губернатором которого еще в колониальные времена был Роберт Иден, состоялось торжественное заседание, на котором Антони Иден выступил с речью о своих американских предках, подразумевая английских колониальных чиновников, управлявших в свое время британскими колониями в Северной Америке. От древних сюжетов оратор перешел к современному Лондону, где "английские и американские солдаты ходят обнявшись", и провозгласил, что от их дружбы зависит будущее человечества. Это была все та же идея англо-американского дуумвирата, управляющего миром.. Присутствовавшие бурно выражали свои симпатии к Идену, а палата представителей Мэриленда приняла резолюцию, приветствовавшую "храброго британского союзникам Соединенных Штатов.

Принимали Идена подчеркнуто радушно, но возвращался он из США с убеждением, что американское правительство намерено добиваться лишения Англии многих ее колониальных позиций и устранения преференциальных тарифов, ограждающих Британскую империю от наплыва товаров третьих стран.

Чем ближе к концу войны, тем острее становились противоречия между западными союзниками. В феврале 1944 года Черчилль в письме к Идену перечислил "серьезные вопросы", по которым "могут возникнуть затруднения с США": нефть, долларовые балансы, судоходство, политика в отношении Франции, Италии, Испании, Балкан и т. д. Внушительный перечень столкновения интересов двух империалистических держав, составленный компетентным человеком!

Противоречия между участниками антигитлеровской коалиции отодвигались на второй план под давлением главной задачи - обеспечить победу над Германией, Италией, Японией и их союзниками. Этому были посвящены многие конференции "большой тройки", на которых наряду с главами правительств присутствовали министры иностранных дел, а также аналогичные самостоятельные встречи министров.

Английская сторона настойчиво и не без успеха добивалась, чтобы тройственным встречам предшествовали двусторонние встречи, на которых представители Англии и США готовили совместные решения по рассматриваемым вопросам. Это означало, что на конечном этапе они действовали по предварительному сговору и старались объединенными усилиями навязать СССР угодное им решение. Это было дополнительное средство давления на Советское правительство. "В том случае, когда американцы и англичане могли договориться, - пишет канадский историк Г. Колко, - а сдерживание большевизма

наверняка было одним из немногих вопросов, по которым они были единодушны, в действительности были две коалиции, боровшиеся против держав оси. Первая коалиция - между Англией и Соединенными Штатами - была истинным союзом в том смысле, что обе страны придерживались единого взгляда на фундаментальные проблемы, что, однако, не исключало между ними конфликтов серьезного характера. Вторая коалиция была между англо-американским блоком, в котором обе страны действовали в согласии, и Советским Союзом".

Использование в интересах Англии союзных отношений с США и СССР было, пожалуй, главной, но далеко не единственной задачей возглавляемого Иденом ведомства. Война приобрела глобальный размах, а английские интересы присутствовали во всех уголках земного шара. Много сил и выдержки требовали от Идена отношения с генералом де Голлем, возглавлявшим Комитет сражающейся Франции и не желавшим идти на такое сотрудничество с Лондоном, которое ущемляло бы французские интересы. Война на Тихом океане и в Азии, хотя и являлась прежде всего американской заботой, ставила многочисленные проблемы и перед Форин оффис. В Лондоне были собраны многие эмигрантские правительства стран, временно захваченных Германией. Форин оффис их опекал, надеясь, что после победы они станут ядром подлежавших восстановлению реакционных режимов в соответствующих странах. Быстро менялась обстановка в Латинской Америке, и нужно было следить, чтобы английские интересы не терпели там большого ущерба.

Задач было много, они постоянно усложнялись, а решать их становилось труднее и труднее. В связи с возрастанием военных усилий СССР и США влияние Англии в антигитлеровской коалиции все более и более уменьшалось, хотя этот процесс и маскировался шумной, показной активностью Лондона.

Идену приходилось очень много ездить. В годы войны самолет стал основным средством передвижения. Несовершенство машин тех лет, зачастую трудные погодные условия, кружные далекие пути (война перекрыла прямые маршруты) - все это представляло тяжелую физическую нагрузку для не слишком крепкого здоровья Идена. Были и опасные моменты во время этих многочисленных поездок.

Однажды Черчилль и Иден возвращались в Англию через Северную Африку и Гибралтар. Германская разведка знала об этом и в аэропорту Лиссабона устроила наблюдение. Обычно немцы не трогали самолеты, совершавшие рейсы между Лиссабоном и Лондоном. Но на этот раз их агенты заметили, что в самолет сел плотный сутулый человек с огромной сигарой в

зубах. Как только самолет поднялся, его немедленно сбили. Погибли все 13 пассажиров, и в их числе англичанин Чинколс, очень похожий внешне на Черчилля. Тем самым внимание германской агентуры было отвлечено от самолета, на котором Черчилль и Иден благополучно добрались до Лондона.

В Лондоне Иден жил в военные годы в самом здании Форин оффис. Поскольку Черчилль еще в начале воины пристрастился работать по ночам, он потребовал, чтобы в министерстве было оборудовано жилье для Галифакса, так как хотел всегда иметь под рукой министра иностранных дел. Теперь на верхнем этаже министерства в квартире из четырех комнат обитал Антони Иден. Его кабинет был оборудован многими телефонами, действующими по принципу прямого провода к премьер-министру и начальникам штабов (с приспособлением, исключавшим подслушивание). Беатрис старалась украсить казенную квартиру при помощи картин и живых цветов.

Правда, Идены не часто проводили время в семейном кругу. Министр много ездил, а его жена, полная энергии и не знающая усталости, с головой погрузилась в общественную работу по обслуживанию вооруженных сил. Она организовала передвижной чайный кантин (чайную) и переезжала с ним из одного военного лагеря в другой, в основном на юге Англии. Беатрис была храброй женщиной и переносила военные тяготы весело и жизнерадостно, с неизменным чувством юмора. Но в ее отношении к Антони все отчетливее проступало заметное охлаждение.

Время от времени выдавался свободный уикенд, и они проводили его в небольшом загородном доме Биндертон-хауз, вблизи Чичестера. Этот дом Беатрис разыскала по объявлению. Кабинет хозяина был обставлен старинной мебелью. Стены закрывали полки с красиво переплетенными книгами, среди которых выделялась коллекция томов о Персии. Были здесь и роскошные издания: подарок индийского князя Ага Хана - очень богатого человека. Среди картин (а Иден их очень любил и всегда по возможности собирал) висела дюжина акварелей, написанных его отцом, и пейзаж, принадлежащий кисти самого Антони, - окрестности Арля во Франции.

Трудно было в хозяине Биндертона узнать всегда подтянутого, одетого со строгим изяществом министра. Здесь Иден преображался. Приезжая в свой загородный дом, он сразу же переодевался в старые широкие фланелевые брюки и изрядно поношенную спортивную куртку. В таком виде работал в саду, гулял, принимал гостей. Садоводство всю жизнь оставалось любимым занятием Идена. И этой области он считался знатоком.

Идены любили принимать гостей. Их бывало обычно немного. Время от времени наезжали Крэнборн с супругой - с ним Идена связывала долголетняя дружба, совместная работа (вместе уходили в отставку в 1938 г.) и единство взглядов. Наведывался бывший личный парламентский секретарь Идена Томас. Одним из самых желанных гостей был Эрнест Бевин, лейборист, член кабинета, к которому хозяин дома питал чувства глубокого восхищения. Трудно понять, что общего могло быть у этих людей, таких разных по происхождению, воспитанию, образованию, Положению, карьере, манере поведения. Правда, оба они страстно любили и гордились империалистическим величием Англии и так же страстно ненавидели все то, что подрывало это величие. "Эрнест удивительный, - говорил Иден. - Он подходит к вопросу совершенно по-иному, чем это сделал бы я, и он всегда прав".

Довольно часто бывал в Биндертоне посол США Джон Вайнант, с которым Иден поддерживал дружеские отношения, как и со всеми своими партнерами, что является одним из непременных правил английской дипломатии. При этом культивируется видимость, что в основе таких отношений лежат личные симпатии и уважение друг к другу, удовольствие от взаимного общения и т. п. Было бы неверно исключать полностью эти элементы, но то, что они не составляют главной цели таких контактов, не подлежит сомнению. Главное - это интересы государственного дела, соображения политики.

Биндертон не избавлял Идена от дел. Имелся служебный телефон, по которому можно было обсуждать и секретные проблемы; регулярно появлялись курьеры и вручали министру обтянутые красной кожей ящички с вытисненной золотом королевской монограммой, в которых в Англии пересылаются государственные документы.

Время от времени Идены появлялись на крупных общественных мероприятиях. "Они выглядели такой счастливой парой, - пишет Бардене, имея в виду конец 1944 года, - но в действительности уже давно отдалились друг от друга. Их вкусы во многом не совпадали, а сейчас их военная работа отнимала львиную долю времени, оставляя все меньше и меньше досуга, когда они могли быть вместе". Вряд ли это исчерпывающее объяснение того, что происходило в семье Иденов. Да и невозможно постороннему человеку с уверенностью судить о подобных вещах. Однако остается фактом, что, как только была освобождена Франция, Беатрис практически переселилась в Париж. Она руководила столовой для английских военнослужащих, помещавшейся в Гранд-отеле.

В конце войны Идена постигло двойное личное горе. Старший

сын Симон, служивший сержантом в авиации, погиб в Бирме; его самолет врезался в гору. Лорд Моран 20 июля 1945 г. записал в своем дневнике: "Премьер-министр пригласил меня пообедать с ним и с супругами Иден. Он предупредил, что Антони только что получил телеграмму, сообщавшую, что его сын, которого считали пропавшим без вести, найден мертвым у обломков своего самолета. Во время ужина об этом не было сказано ни слова. Они беседовали почти до полуночи так, как будто бы ничего не произошло. Я сомневаюсь, смог бы я вести себя с таким спокойным достоинством сразу же после того, как узнал бы, что мой Джон убит".

В июне 1945 года скончалась мать Идена Сибил, жившая последние годы в небольшом домике в парке ранее утраченного фамильного имения Виндлистоун Холл. Это была для него большая потеря - леди Иден всегда гордилась своим сыном и очень верила в его звезду.

А звезда Антони Идена между тем продолжала подниматься. Черчилль к нему благоволил, считал своим ближайшим соратником и помощником. Когда весной 1944 года Иден заболел, Черчилль сказал ему: "Вы моя правая рука; мы должны позаботиться о вас". Историки утверждают, что у них "были особые отношения доверия и восхищения друг другом", несмотря на разницу в возрасте. Как свидетельствует Черчилль, они одинаково думали по многим вопросам, "даже без предварительной консультации". Биографы Идена уверяют, что он позволял себе иногда спорить с Черчиллем, отстаивать свои взгляды, и шеф порой соглашался с ним. Но, безусловно, п этом содружестве Иден играл подчиненную роль. Да иначе и быть не могло, учитывая огромную разницу в интеллекте и темпераменте этих двух государственных деятелей. "Иден был Пятницей при Черчилле", - пишет Бардене.

В июне 1942 года Черчилль, отправляясь в свою очередную поездку в США, послал королю Георгу VI письмо, в котором говорилось: "На случай моей смерти в поездке, которую я собираюсь предпринять, я пользуюсь милостивым позволением вашего величества посоветовать, чтобы вы поручили формирование нового правительства министру иностранных дел Антони Идену. По моему миопию, он является выдающимся министром из самой крупной партии в палате общин и в национальном правительстве, которое я имею честь возглавлять, и, я уверен, окажется способным вести дела вашего величества с решимостью, опытностью и способностями, необходимыми в это ужасное время".

Это беспрецедентный случай в английской истории. Так

официально было установлено, что Иден должен сделаться преемником Черчилля как премьер-министра и лидера консервативной партии. Таким образом, он официально стал вторым человеком в правительстве и в консервативной партии. Нет сомнений, что "завещание" Черчилля свидетельствовало о его глубоком доверии и расположении к Идену.

Благосклонность Черчилля, конечно, была очень приятна Идену. Но ему нелегко приходилось в отношениях со стариком, обладавшим деспотическим нравом и резкими, бесцеремонными манерами. Очень болезненно переносил Иден постоянные вмешательства Черчилля в дипломатическую деятельность. Премьер-министр то и дело обращался к Рузвельту и Сталину с важнейшими телеграммами, не спросив даже мнения министра и Форин оффис. Это особенно часто бывало при переписке с президентом США. В тех случаях, когда Иден уезжал, премьер-министр официально принимал на себя руководство его министерством. Это облегчало ему вторжение в сферу практической дипломатии. Лорд Моран, личный врач Черчилля, много знавший о внутренних делах английского правительства в годы войны и в последующий период, пишет: министр иностранных дел "ненавидел привычку Черчилля брать на себя его обязанности". В декабре 3944 года Иден говорил Морану: "Я очень хочу, чтобы он дал мне возможность заниматься моим делом".

Основное внимание министр иностранных дел по-прежнему уделял проблемам послевоенного урегулирования. Война охватила весь земной шар, и, следовательно, мирное урегулирование тоже должно было иметь глобальные масштабы. Будущий мир, по выражению Броада, рисовался английским политикам как "длинная деревенская улица, идущая от Эдинбурга (в Англии) до Чунцина (в Китае)". Теперь Англия выступала за систему блоков, которые преподносились союзникам и мировому общественному мнению как средство обеспечения мира, а на самом деле служили бы опорой для Англии в борьбе против СССР и США. Англия должна была быть готова "взять на себя бремя руководства".

Английское правительство стремилось к тому, чтобы после разгрома фашизма - главным образом кровью и усилиями советского народа - лишить СССР плодов победы, и прежде всего не допустить его участия в решении европейских дел. За поражением фашистских стран должно было последовать установление английской гегемонии и Европе.

Форин оффис рассматривал возможность создания Л пух конфедераций: одной - в Центральной и другой - в Юго-

Восточной Европе, охватывающих страны, лежащие между Германией и Италией, с одной стороны, и Россией п Турцией - с другой, пишет Вудвард. Это была в общем- го старая идея, имеющая два аспекта: а) создание "санитарного кордона" против СССР, блокирующего его цепью враждебных ему стран от Балтийского до Черного моря, кордона, руководимого Англией; б) обеспечение за Англией руководящей роли в Европе. "Система региональных советов, которую предложила Англия, - констатирует Колко, - сводилась к одному совету для Европы, другому - для Западного полушария и третьему - для Азии. Это всегда было полезным первым шагом к созданию санитарного кордона в одном случае, к ограничению американского влияния - в другом и т. п."

Государственный департамент США весной 1945 года следующим образом охарактеризовал позицию Лондона: "Англичане... глубоко переживают то, что Англия переходит с положения ведущей державы на роль младшего партнера в "большой тройке", и пытаются укрепить связи между странами Британского содружества". Последующие годы показали справедливость этой оценки. Какие бы Черчилль и Иден ни выдвигали соображения, замечает Колко, главной заботой для них была "их империя и Европа, что составляло основу их политики".

Планы Черчилля и Идена предусматривали устранение от участия в европейских делах не только СССР, но и США. Англия намеревалась любыми средствами оградить свою империю и внешнеэкономические позиции от посягательств Соединенных Штатов Америки. "Мы намереваемся в этой войне удержать то, что принадлежит нам", - заявлял Черчилль. Американцы, писал Иден, знают Европу очень плохо, и было бы несчастьем для судеб мира, если бы непросвещенные взгляды Соединенных Штатов определяли будущее европейского континента". В Вашингтоне знали об этих настроениях; Государственный секретарь Стеттиниус констатировал: на Даунинг-стрит ведут дело к тому, чтобы Соединенные Штаты "расписались под всей послевоенной европейской политикой Англии".

Подобные концепции будущего Европы определяли позицию Лондона и в вопросе о послевоенной Германии. Вначале правительства Англии и США выступали за расчленение Германии. В записи беседы Идена с Рузвельтом от 15 марта 1943 г. говорится: "Как президент, так и Иден согласились, что при любых условиях Германия должна быть разделена на несколько государств". Вскоре, однако, эта позиция была изменена.

По мере приближения победы английские руководители

возлагали на будущую Германию все большие надежды. Начальник генерального штаба фельдмаршал Аланбрук 27 июля 1944 г. записал в своем дневнике: "Провел час, обсуждая с министром иностранных дел Иденом послевоенную политику в Европе. Следует ли расчленить Германию или постепенно превратить в союзника, чтобы встретить русскую угрозу..? Я предложил последнее и убежден, что отныне мы должны по-иному относиться к Германии. Германия больше не господствующая держава в Европе, таковой является Россия... Поэтому следует поощрять Германию, постепенно укреплять ее и ввести в федерацию Западной Европы. К несчастью, все это придется делать под прикрытием священного союза - Англии, России и Америки".

То была политика Идена, Черчилля и всего кабинета. В этом правящие круги Англии были едины. Но трудящиеся массы стремились к другому. "Большинство английского народа, - пишет американский историк Фейс, - чувствуя глубокую признательность русским за их героическую борьбу против Гитлера.., не понимало, почему союз военного времени должен быть разорван после победы, и надеялось, что этого не случится". Именно поэтому английское правительство тщательно скрывало от народа свои истинные планы.

12 апреля 1945 г. скончался Франклин Рузвельт, и президентом США стал Гарри Трумэн, человек не согласный с Рузвельтом и враждебный Советскому Союзу. Иден был в восторге от нового президента, с которым он подробно беседовал о "русской опасности", завернув в Вашингтон по пути на конференцию в Сан-Франциско весной 1945 года.

На этой конференции была учреждена Организация Объединенных Наций. Британская концепция региональных блоков и союзов, создаваемых под эгидой Англии, находилась в противоречии с идеей создания международной организации по поддержанию мира, в которой ведущие члены антигитлеровской коалиции должны были действовать на основе равенства. После того как на Крымской конференции 1945 года Черчиллю и Идену пришлось вынужденно согласиться на принцип единогласия постоянных членов Совета Безопасности будущей ООН (что затрудняло ее использование против СССР), их интерес к созданию этой организации резко снизился.

Иден, возглавивший английскую делегацию на конференции в Сан-Франциско, действуя через австралийского министра иностранных дел Герберта Эватта, пытался ослабить принцип единогласия постоянных членов Совета Безопасности, но успеха не имел. В конце концов Устав ООН был согласован и подписан.

Английское правительство было вынуждено согласиться на учреждение Организации Объединенных Наций, но по-прежнему стремилось к господству в послевоенном мире англо-американского блока.

Советский Союз предлагал включить в Устав ООН- принцип независимости в качестве конечной цели для народов колоний. Однако из-за сопротивления делегаций империалистических стран была принята компромиссная формулировка. Особенно упорно боролись за то, чтобы Устав будущей ООН не содержал положений, которые стимулировали бы освободительную борьбу колониальных народов, члены английской делегации (прежде всего Иден и Крэнборн).

Иден глубоко отрицательно относился к любым революционным освободительным процессам. Однако, принадлежа к более молодому, чем Черчилль, поколению, он отдал дань социальным, правда, робким, кратковременным и непоследовательным, исканиям "молодых консерваторов", которые проявляли интерес к плановому хозяйству как средству преодоления экономического хаоса капиталистической системы и рассуждали о реформах, способных несколько успокоить бурлящую трудящуюся Англию. От середины 30-х годов, периода наибольшей активности "молодых консерваторов", к середине 40-х годов интерес к экономико-социальным проблемам у Идена, Макмиллана и других "молодых" в значительной степени испарился. Их очень тревожила возможность развития социалистической, революции по окончании второй мировой войны. Они прекрасно помнили революционные последствия первой мировой войны, и поэтому время от времени Иден заигрывал с английскими трудящимися. Кроме собственных опасений сказывалось и то, что президент Рузвельт много говорил о социальных "свободах", которые должны быть обеспечены после войны.

Выступая перед горняками Мертер-Тидвила, Иден говорил: "Здесь в Мертере, вам известна нищета, вы знакомы с безработицей, вы знаете горькое чувство отчаяния, возникающее из сознания собственной ненужности. Мы не можем вернуться ко всему этому". Заверяя, что к довоенному положению возврата не будет, он преподносил это так, будто бы не его партия и не правительства, членом которых он состоял, несли ответственность за тяжелое положение трудящихся. Вторя Рузвельту, Иден утверждал: "Социальная безопасность должна быть главной целью нашей послевоенной политики. И социальная безопасность будет нашей внешней политикой в не меньшей степени, чем внутренняя... Свободные страны - США, доминионы

и Англия - располагают волей и имеют намерение создать послевоенный порядок". Чисто иденовская формулировка, допускающая самые различные толкования! Английские трудящиеся под "социальной безопасностью" должны были понимать создание для них социально-справедливых условий существования. Иден хотел, чтобы они так его и понимали, но сам явно не собирался следовать этой цели. Ссылка на "социальную безопасность" как принцип внешней политики преследовала ту же цель в отношении трудящихся других стран и имела ту же степень искренности.

На всем протяжении войны английское правительство строило свою политику и стратегию таким образом, чтобы сохранить в Европе довоенные реакционные режимы и ни в коем случае не допустить замены их более прогрессивными. Однако это было трудно, а во многих случаях просто невозможно. Революционные силы в освобожденных от фашистского ига странах росли и крепли, и только прямая военная контрреволюция могла помешать им взять власть в свои руки.

Ни Черчилль, ни Иден не поколебались применить английские дивизии для разоружения своих недавних союзников - участников движения Сопротивления немецким оккупантам, под знаменами которого собрались наиболее прогрессивные и патриотические элементы европейских стран. Так было в Бельгии. Так было и в Греции. А когда греческий народ оказал сопротивление попыткам навязать ему реакционное, вконец скомпрометированное проанглийское правительство, то против него "шла предпринята вооруженная интервенция. Английские воинские части пытались огнем и мечом поставить греков на колени. В декабре 1944 года, на рождество, Черчилль и Иден прибыли в Афины, чтобы на месте руководить организацией подавления свободолюбивых устремлений греческого народа.

Контрреволюционный разбой и вероломство по отношению к участникам греческого Сопротивления - союзника Великобритании вызвали взрыв возмущения в мировом общественном мнении и в самой Англии. Это повлекло за собой соответствующую реакцию в парламенте. Иден бросился на защиту политики правительства со веем пылом, на который был способен. Он заявил возмущенному английскому народу и смущенной палате общин по поводу событий в Греции: "Я в течение жизни приобрел определенный опыт в области международных отношений. И мне не известен вопрос, по которому я был Г ы более уверен, что мы правы... В этом я абсолютно убежден". Как показала история, "правота" английского правительства обернулась для греческого народа

долголетней интервенцией и кровопролитной гражданской войной.

К концу 1944 года, пишет канадский историк Колко, Англия и США "вмешались во внутренние дела всех основных стран Западной Европы с тем, чтобы сдержать левые силы". Они смогли сделать это во Франции, Бельгии, Италии, Греции - везде, куда проникли их войска.

11о они оказались бессильны оказать свое контрреволюционное воздействие на развитие тех стран Европы, которые были освобождены советскими войсками.

В мемуарах Идена и Черчилля, в книгах английских п иных буржуазных историков уделено большое место рассказу об английской политике в Польше, Венгрии, Румынии, Болгарии. И в данном случае мы имеем дело с попыткой ввести в заблуждение читателя, завуалировать изложением бесконечных деталей дипломатических переговоров суть событий. А суть ныне установлена абсолютно точно. Она состоит в том, что вопреки межсоюзническим соглашениям, включая соглашения, подписанные в Крыму и в Потсдаме, Англия и США стремились создать под своей эгидой пояс враждебных Советскому Союзу государств. Средство для достижения этой цели они видели в том, чтобы навязать народам восточноевропейских стран правительства крайне реакционного толка, состоящие из представителей партий, находившихся у власти до войны и приведших свои страны к национальной катастрофе. Разумеется, эти реакционные замыслы прикрывались обычными утверждениями относительно заботы о свободе и демократии. Пример Греции продемонстрировал на деле, что Иден, Черчилль и другие вкладывают в эти понятия содержание, далекое от истинной свободы и демократии.

Антикоммунисты фактам вопреки твердят об экспорте Советским Союзом социалистической революции в страны Европы. Эти утверждения имеют целью ввести в заблуждение доверчивых людей. Хорошо известно, что революция не может быть привнесена извне, что она является закономерным результатом внутреннего развития страны. Добросовестные буржуазные историки, исследуя историю послевоенной Европы, приходят к такому же выводу. "Война, - пишет Колко, - решительно и окончательно уничтожила традиционную для Восточной Европы политическую и экономическую структуру... Не Советский Союз, а сами лидеры старого порядка в Восточной Европе сделали неизбежным падение этого порядка*.

Конечно, СССР оказал социалистической революции в Европе и Азии огромную помощь. Она состояла в том, что прежде всего

его усилиями был разгромлен фашизм. Советский Союз исполнил свой интернациональный долг и не допустил английской и американской вооруженной интервенции в страны, народы которых приступили к революционным преобразованиям. Английский прогрессивный журнал "Лейбор мансли", оценивая исследование Габриэля Колко, так сформулировал основной вывод его работы: "Там, где Советский Союз смог устоять, то есть не допустить интервенции западных стран, социальная революция победила и в дальнейшем привела к социализму. Такое развитие было предотвращено Англией и Соединенными Штатами в других местах только при помощи вооруженной интервенции или угрозы ее применения".

Первая половина 1945 года отмечена усилением враждебности английского правительства к СССР. Это был период военного триумфа Советского государства и нарастания социальной революции в Европе. Черчилль в что время, по его собственным словам, готов был дойти до "грани войны с Россией".

Иден в июле 1945 года в записке Черчиллю сформулировал свою позицию в отношении СССР следующим образом: "Во время предыдущих встреч, таких как в Тегеране и Ялте, мы встречались, сознавая, что Россия несет в этой войне тяжкое бремя и что ее человеческие потери и разрушения были самыми тяжкими и совсем не похожими на наши или американские лишения. Но сейчас все это уже в прошлом. Россия в настоящее время не теряет ни одного человека".

Эта записка говорит о многом. Она свидетельствует, что в период военных действий английское правительство вынуждено было считаться с интересами СССР, поскольку победа завоевывалась обильной кровью советских людей. Теперь же, когда победа обеспечена, нет больше нужды церемониться с Советским Союзом.

Некоторые английские историки отмечают, что в это время Иден занимал в отношении Советского Союза, пожалуй, более отрицательную позицию, чем Черчилль. Дэвид Дилкс цитирует относящуюся к марту 1945 года записку Идена, в которой министр иностранных дел предрекает: "Разрыв (с СССР. - В. Т.) представляется неизбежным".

Идена и Черчилля бесило то, что в их распоряжении не было физических сил, чтобы обуздать Советский Союз. Кадоган 11 июня 1945 г. записал: "В 5 час. 30 мин. заседание кабинета. Черчилль выглядит бледным. Он произнес длинный монолог мрачным тоном. Все об угрозе со стороны России. ".Однако с этим ничего нельзя поделать".

Но вот во время Берлинской конференции у английских

руководителей, казалось, появилась надежда. 17 июля Трумэн сообщил Черчиллю, что первый образец атомной бомбы успешно взорван в Аламогордо, штат Нью-Мексико. Черчилль пришел в неописуемый восторг: наконец-то есть возможность обуздать этих русских! 23 июля личный врач Черчилля лорд Моран записал его высказывания по этому поводу: "Мы посадили американцев на эту бомбу. Мы подстегивали их соображениями, что она может быть использована еще в этой войне. У нас есть соглашение с ними. Бомба даст американцам силу сформулировать мир... Если бы русские заполучили ее, это означало бы конец цивилизации... Бомба появилась как раз вовремя, чтобы спасти человечество".

Вскоре стало ясно, насколько ошибался экспансивный премьер-министр. Во-первых, американская атомная бомба не смогла сдержать революционные процессы после второй мировой войны. Во-вторых, США не смогли при помощи бомбы определять судьбы мира. В-третьих, несмотря на "соглашение", американцы не поделились с Англией секретом создания атомной бомбы. Но все это обнаружилось через несколько лет.

А пока в Потсдаме требовалось запугать советскую делегацию, чтобы тут же извлечь пользу из создания бомбы. Ожидали, что на советских деятелей сообщение о новом оружии произведет сильнейшее впечатление, что они тут же попросят сообщить им секрет бомбы и будут готовы пойти на многое, чтобы ее заполучить. "По вопросу о том, когда сказать Сталину, - вспоминал впоследствии Идеи, - договорились, что президент Трумэн сделает это после одного из заседаний. Он выполнил это 24 июля, и так кратко, что Черчилль и я, украдкой наблюдавшие за Сталиным, усомнились, понял ли он, о чем шла речь. Реакция Сталина ограничилась кивком головы и кратким "спасибо". Никаких комментариев".

Во время Берлинской конференции Черчилль и Иден получили сильнейший и неожиданный удар - консервативная партия провалилась на выборах. Весной 1945 года в связи с окончанием войны против Германии лидеры консерваторов решали вопрос о парламенте. Избранный в 1935 году, он просуществовал из-за войны двойной срок, и выборы были неизбежны. Их можно было провести немедленно или отложить до победы над Японией, которая ожидалась к концу года. Консультируясь с Иденом, Черчилль телеграфировал ему в Сан-Франциско, что консерваторы склоняются к выборам в июне, "хотя русская угроза, которую я считаю огромной, может быть лучше встречена", если будет сохранена коалиция с лейбористами. Иден высказался против сохранения коалиции и за проведение выборов в июне, ибо в октябре может наступить

"более опасный период в международных отношениях, чем сейчас, и шансы лейбористов на победу увеличатся".

Вскоре лейбористы вышли из коалиции. Черчилль сформировал переходное (до результатов выборов) чисто консервативное правительство. Прощаясь с лейбористскими членами кабинета, Черчилль со слезами на глазах говорил: "Если когда-либо вновь возникнет такая смертельная опасность (как замечает Дилкс, он, вероятно, думал о России. - В. Т.), я уверен, что мы опять сделаем то же самое".

На выборы консерваторы пошли без какой-либо конкретной программы. Они рассчитывали, что избиратели отдадут им свои голоса в знак признательности Черчиллю - прославленному военному лидеру. Сам Черчилль не допускал и мысли, что победа останется не за его партией. Иден, видимо, тоже верил в победу, хотя в мемуарах, написанных через 30 лет, сообщил, что у него были сомнения на этот счет.

В мае, когда Иден вернулся из Сан-Франциско в Англию, врачи обнаружили у него язву двенадцатиперстной кишки и уложили в постель на полтора месяца. Это означало, что вести избирательную кампанию он не мог. Беатрис выступала на митингах вместо мужа.

Иден, лежа в постели в Биндертоне, 27 июня произнес по радио свою предвыборную речь. То было его единственное выступление во время этих выборов. Оно отличалось более спокойным тоном по сравнению с речами Черчилля, который пугал избирателей, что лейбористы, придя к власти, введут в Англии гестапо. Иден противопоставлял ссылкам лейбористов на то, что они более, чем консерваторы, способны сохранить хорошие отношения с Советским Союзом, аргументацию в пользу укрепления контактов с Соединенными Штатами, что консерваторы сделают лучше лейбористов. Иден говорил об успехах США в области экономики и подчеркивал, что это результат действия свободного предпринимательства. Таким способом он опровергал доводы лейбористов в пользу национализации ряда отраслей промышленности.

Популярность Идена была велика, и он был избран в палату общин внушительным большинством голосов.

Но его партия потерпела сокрушительное поражение.

26 июля были объявлены результаты выборов. Лейбористы получили 389 мест в палате общин, а консерваторы - 209. 1 августа Иден обедал с Черчиллем; они обсуждали итоги выборов и пришли к выводу, что в Англии "произошел сдвиг влево". Это действительно было так.

Черчилль подал в отставку. 28 июля Иден получил как

уходящий министр аудиенцию у короля. Новое правительство было сформировано лейбористами.

Даже по прошествии многих лет Иден не скрывает своего огорчения вынужденным уходом. "Это обычное явление, - пишет он, - что те, кто находится у власти, с течением времени становятся все менее и менее способными от нее отказаться. Они забывают, что когда-то обещали освободить места для более молодых, как только годы ослабят их силы и притупят остроту суждений. Власть делается привычкой, и они не в силах расстаться с ней".

Таково было его настроение летом 1945 года. Даже необходимость основательно отдохнуть и поправить здоровье не смягчала удара.

Глава V. ПРОТИВОБОРСТВО: ПЕРВОЕ ПОСЛЕВОЕННОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ

Поражение консерваторов на выборах 1945 года, повлекшее за собой отставку правительства Черчилля, имело известное положительное значение как для Идена, так и для его партии. Диалектический смысл пословицы "нет худа без добра" сказался в данном случае в полной мере.

Война закончилась для капиталистической Англии "триумфом и трагедией". Триумфом явилась победа над самым опасным за всю историю страны врагом, трагедией - обнаружившийся после окончания войны "драматический упадок британской мощи". Это выражение принадлежит одному из премьер-министров Англии - Гарольду Макмиллану.

Английские политики и историки любят подчеркивать, что их страна закончила войну, принеся тяжелые материальные жертвы; при этом они, как правило, забывают упомянуть о вкладе в победу Советского Союза. Тот же Макмиллан так рисует цену победы. В 1940 - 1941 годах Великобритания одна вела войну с Германией, "Англия и Империя выставили на поле боя непропорционально" большое число солдат. В результате "наше ослабление, хотя оно и было замаскированным, являлось реальным". "Кроме того, что весь наш народ, вовлеченный в длительную борьбу, испытывал напряжение, - пишет далее Макмиллан, - нам пришлось осуществить полную перестройку нашей экономики на нужды войны.., мы потеряли 1 млрд. ф. ст. наших капиталовложений за границей, мы сделали внешних займов на сумму по крайней мере в 3 млрд. ф. ст. Мы утратили большую часть своей внешней торговли и потеряли многих своих лучших покупателей либо потому, что они сами разорились, либо из-за нашей неспособности удовлетворить их потребности. На Востоке победа над Японией не привела к восстановлению нашего

прежнего престижа". Последствия всего этого "в известной степени обнаруживались в виде экономических кризисов, которые поражали Англию один за другим в последующие годы".

В действительности, однако, кризисное состояние английской промышленности и торговли в послевоенный период объяснялось не только и не столько последствиями войны, сколько крайне ускоренными войной процессами трансформации экономики Великобритании, на протяжении многих десятилетий уродливо развивавшейся за счет грабежа и угнетения колониальных народов. Когда в 1945 году США самым бесцеремонным образом прекратили поставки по ленд-лизу, Англии не хватало 1,2 млрд. ф. ст. в год для оплаты своего импорта. Эту катастрофическую ситуацию нельзя объяснять только войной, к ней английский империализм логически и закономерно пришел в силу своего колониального характера.

О самых тяжелых последствиях войны для Англии ее политики и идеологи предпочитают умалчивать. Это последствия политического характера, и на первом месте среди них - упрочение и триумф социализма. Он выразился, во-первых, в том, что Советский Союз вопреки ожиданиям стратегов буржуазного мира не только не исчез с лица земли, но вышел из войны, в огромной степени укрепив свои военные и политические позиции. Его роль в мире (и это приводило в бешенство лондонских политиков) к концу войны намного превышала международную роль Англии. Уже на конференциях "большой тройки" в Крыму и в Берлине, несмотря на весь апломб и амбицию Черчилля, Идена, Эттли и Бевина, голос Англии звучал намного слабее голосов Советского Союза и Соединенных Штатов Америки.

Во-вторых, в Европе и Азии развернулась давно вызревавшая социалистическая революция, возникла социалистическая система, что знаменовало собой радикальное изменение сил в пользу социализма в политическом положении не только на этих континентах, но и во всем мире. Возможности английского империализма оказались крайне сузившимися.

В-третьих, в странах Западной Европы создалась революционная ситуация, чреватая победой социалистической революции. Эту ситуацию в Англии принято именовать "потрясающим сдвигом влево". Британский империализм оказался перед прямой угрозой установления социалистического строя в Западной Европе, и твердой уверенности в том, что эти изменения не распространятся на Англию, у правящих кругов страны не было и быть не могло. Знаменательно звучит в устах одного из биографов Идена - Кэмпбелл-Джонсона следующее признание: "В тех условиях, при которых происходила

демобилизация, а также при неустойчивости, имевшей место на Западе, было весьма возможно, что вся Европа (подчеркнуто мною. - В. Т.) могла стать коммунистической конституционным путем". Следует отметить, что, говоря о возможности установления социалистического строя в результате избрания народом законодательных органов соответствующего состава, автор не делает исключения для Англии. Более того, он считает, что в этом направлении при определенных условиях мог бы действовать и английский парламент, избранный в 1945 году. Лейбористы получили в нем подавляющее большинство над другими партиями и, следовательно, могли осуществить любые далеко идущие преобразования конституционным путем.

В-четвертых, начинался новый этап национально-освободительной революции, вскоре разбившей вдребезги британскую колониальную империю, самую большую из всех колониальных владений империализма. Поскольку в формировании английского капитализма колониальный фактор играл огромную роль, удар, нанесенный капиталистической Англии национально-освободительным движением, был особенно тяжел.

Правящие круги страны, несмотря на свою политическую многоопытность и изощренность, в 1945 году еще не в полной мере осознали грозящие им опасности. Они с большой долей наивности полагали, что смогут справиться со многими возникшими для Англии опасными ситуациями. В этом ничего необычного не было. Сознание человеческое отстает от развития реальной действительности. Пожалуй, оно особенно отстает у классов и государственных деятелей стран, идущих к своему историческому закату. Пример Англии - убедительное тому свидетельство: чем более слабеют ее политические и экономические позиции, чем меньшей становится ее роль, тем дальше отходит от реализма политика ее руководящих кругов. Это особенно верно для последних десятилетий.

Итоги парламентских выборов 1945 года заставили Черчилля немедленно после оглашения их результатов вручить королю свою отставку. Черчилль воспользовался своей прерогативой уходящего в отставку премьера и дал Георгу VI совет "послать за Эттли". Глава лейбористов явился в Букингемский дворец, где совершилась церемония "целования рук" короля, означавшая, что Эттли поручено сформировать правительство.

Консерватор Дизраэли, крупный деятель XIX века, как-то сказал: "Немного есть ситуаций, менее воодушевляющих, чем положение партии, потерпевшей поражение". Это верно и в отношении руководителей такой партии. Слишком велик был

психологический шок, вызванный избирательной катастрофой консерваторов. Растерянность среди лидеров тори была бесспорной. Они не могли себе представить, надолго ли власть перешла к лейбористам, смогут ли консерваторы заполучить ее в ближайшем обозримом будущем. Иден в это время всерьез помышлял о том, чтобы принять пост генерального секретаря только что учрежденной Организации Объединенных Наций. Это означало бы, что он ставит крест на министерской карьере.

Черчилль в первый год пребывания в оппозиции тоже терзался предположениями относительно своего будущего. Его положение было хуже иденовского. Он был намного старше - ему шел восьмой десяток. Гораздо острее, чем Иден, Черчилль переживал поражение своей партии на выборах. Его до глубины души оскорбляла "черная неблагодарность" соотечественников - ведь победу в войне он считал прежде всего собственным триумфом. Своему личному врачу Морану Черчилль горько жаловался, что "победа обернулась пеплом и власяницей".

К этому прибавлялось недовольство Черчиллем в руководящих кругах консервативной партии. Размышляя над причинами поражения на выборах, тори совершенно справедливо обвиняли престарелого лидера в том, что он способствовал поражению своей легкомысленной линией: консерваторы ограничивались лишь критикой в адрес лейбористов и не позаботились предложить избирателям позитивную программу. Порицали и автократическую манеру Черчилля, которую он усвоил в обращении со своими коллегами по кабинету военного времени. Люди не любят чужого превосходства и тем более возмущаются им, если оно утверждается безапелляционно, как само собой разумеющийся факт.

Экс-премьеру грозила участь стать козлом отпущения. Но консерваторы не могли на это пойти. Черчилль был их главным политическим козырем, он как бы искупал ответственность консервативной партии за катастрофическую и провалившуюся политику Невиля Чемберлена. Поэтому ворчание в адрес лидера тори оказалось для него неопасным. Сам же он, ища забвения от "проявленной в отношении него несправедливости", едет на озеро Комо в Италию, затем на фешенебельный американский курорт во Флориду и размышляет, как быть дальше.

Сомнения закончились к лету 1946 года. Черчилль принял решение продолжать руководить консерваторами и вести борьбу за власть. 27 июня он сказал Морану: "Совсем недавно я был готов уйти в отставку и элегантно умереть. Теперь решил остаться и вышибить лейбористов". Это означало, что Черчилль по-прежнему лидер консерваторов и будущий премьер в случае их

победы на выборах, а Иден - его заместитель и официальный наследник на обоих постах.

Пребывание консерваторов в оппозиции дало Идену много свободного времени. 'Он использовал его для лечения, отдыха, путешествий, устройства личных дел и для улучшения своего финансового положения. Ранее он бизнесом не занимался, теперь решил наверстать упущенное. В октябре 1945 года Иден получил директорский пост в Вестминстерском банке - одном из крупнейших в Англии. В результате слияния этого банка с семейным банком Бекеттов председателем его правления стал Руперт Бекетт, дядя Беатрис. Вскоре экс-министр занял директорские посты и в Вестминстерском иностранном банке, и в страховой компании "Феникс", и в концерне по добыче цветных металлов "Рио-Тинто цинк", и т.д. Это все были крупнейшие компании, располагавшие огромными средствами, и жалованье их директоров в несколько раз превосходило содержание премьер-министра Англии.

Иден оказался весьма полезен для правлений своих компаний, ибо как бывший член кабинета обладал огромной информацией, которая позволяла ему давать обоснованные рекомендации относительно намечавшихся операций, особенно связанных с заграницей. Естественно, что вознаграждение за такие услуги было весьма щедрым.

Этот случай весьма типичен для Англии. Связь между монополиями и правительством здесь очень тесная. Многие директора компаний, особенно при консерваторах, становятся министрами; большинство министров, ранее прямо не связанных с бизнесом, по уходе в отставку приглашаются монополиями на руководящие посты. Эта личная уния действует очень широко и эффективно.

Есть, однако, некая тонкость, призванная маскировать связи бизнеса и правительства. Существует правило, по которому руководитель монополии, становясь министром, должен покинуть свой пост в компании. Это правило соблюдается, но вакантный пост, как правило, ожидает того, кто его ранее занимал, и при смене правительства восстанавливается. Вернувшийся в лоно компании директор или член правления теперь оказывается еще более ценным для нее, ибо он получил за время правительственной деятельности такие сведения, которые позволяют ему намного лучше исполнять свои обязанности в сфере бизнеса.

Начавшиеся в 1945 году прямые связи Идена с финансовыми и промышленными компаниями, как и следовало ожидать, оказались прочными и долговечными.

Постепенно все стало на место. В парламентской фракции консерваторов в соответствии с традицией, которой придерживаются обе партии, выделилась руководящая группа, состоявшая, как обычно, из бывших министров: лидера партии и его советников. Еще в 1929 году пресса дала такой группе наименование "теневой кабинет", и с тех пор оно прочно закрепилось за руководящим ядром находящейся в оппозиции партии. Члены "теневого кабинета": Иден, Батлер, Макмиллан, Стэнли, Литтлтон, Моррисон, Крукшэнк, Уинтертон, Максвел Файф, Солсбери, Вултон, Свинтон и некоторые другие - распределялись в соответствии с их опытом и интересами по различным сферам государственной деятельности.

Черчилль, особенно в первое время, мало занимался организацией деятельности оппозиции в парламенте. Но все же как лидер партии он приглашал членов "теневого кабинета" примерно раз в две недели (а иногда значительно реже) на ленч в фешенебельную гостиницу "Савой" - Черчилль обожал помпу. За столом далеко не всегда речь шла о текущих парламентских делах. Хозяин не умел слушать других, очень любил говорить сам и часто обращался мыслью к своему "лучшему часу" - к годам второй мировой войны.

Бывший премьер-министр теперь мало бывал в палате общин и редко выступал. Хорошо это или плохо? Одни порицают его за это, другие одобряют, полагая, что немногословие - это достоинство политического деятеля, ибо его выступления тем самым становятся более весомыми и авторитетными. Но в случае с Черчиллем дело было в другом. Его просто не привлекала палата общин, где на правительственной скамье сидели лейбористы, располагая всей полнотой власти.

Таким образом, повседневное руководство консервативной фракцией в парламенте перешло к Антони Идену. Положение Идена осложнялось тем, что в залах Вестминстера еще не смолкло эхо от громовых речей Черчилля, произносимых в годы войны. Слушатели и читатели, естественно, ожидали от его заместителя и преемника чего-то похожего. Приходилось жить и работать в тени Черчилля, а это было совсем не просто.

В отличие от своего патрона он не был хорошим оратором. Обладая чутьем и тактом, он не пытался копировать Черчилля или подражать ему. Выступления Идена этих лет были, что называется, на среднем уровне. Даже с симпатией к нему относящийся Броад замечает: "Его речи не являлись образцами оригинальной мысли и не облекались в форму, которая живет долго". Бардене же откровенно заявляет: речи Идена по вопросам внутренней политики почти невозможно читать. До конца своей

политической карьеры он сохранил склонность к штампам, общим местам и обтекаемым, неопределенным выражениям. Иден редко прибегал к юмору, и его попытки оживить свои выступления не были плодотворны. "Даже цитаты, ссылки и метафоры казались вымученными и не оживляли текста речей, к чему Иден явно стремился", - пишет Бардене. Тот же автор сообщает, что Черчилль дал своему любимцу много уроков ораторского искусства. Он советовал Идену держать свои записки открыто в руке, размахивать ими и, не смущаясь, заглядывать в них, а не подсматривать украдкой, как бы стыдясь того, что ими приходится пользоваться. Черчилль рекомендовал последовать его примеру и приобрести специальные увеличивающие очки, которые позволяют читать текст с расстояния в пять футов. Экс-премьер наставлял Идена, что очень полезно рычать на аудиторию. Но все эти советы не шли впрок.

Вообще рекомендации подобного рода пользы не приносят. Ведь человек, их дающий, руководствуется тем, как бы он поступал сам, исходя из своего характера, темперамента, эрудиции и психического склада, в то время как тот, кому они адресуются, совершенно не похож на своего доброжелателя. Во всяком случае, Черчилль и Идеи были разительно несхожи.

Иден вынужден был теперь заниматься не только проблемами внешней политики, но и сложными и трудными экономическими и социальными вопросами, а также имперскими проблемами. Иден был "наследным принцем", и, следовательно, как возможный в будущем премьер- министр обязан был разбираться во всех аспектах государственной деятельности. Страна должна была привыкнуть видеть в нем деятеля широких масштабов. Поэтому речи Идена в палате общин были посвящены самым разнообразным вопросам: национализации угольной промышленности и электростанций; нехватке продовольствия, топлива, жилищ и бензина; законодательству о профсоюзах; правам палаты лордов в связи с ее очередной реформой; порядку голосования университетов на выборах в парламент; бюджету; контролю государства над экономикой; сельскому хозяйству; просвещению и даже ресторанному делу.

Нелегко это ему давалось. Многие вопросы его не интересовали, а выступать по ним требовалось на уровне премьер-министра. Большой труд вложил Иден в изучение этих чуждых ему проблем и в подготовку выступлений по ним. Опять обнаружилось, что борьба за власть - дело весьма трудоемкое.

Некоторые полагают, что у Идена была легкая жизнь. Пожалуй, можно утверждать, что его жизнь была интересной, очень интересной, но легкой ее не назовешь. Участь современного

политического деятеля, несмотря на многочисленный аппарат, находящийся в его распоряжении, отнюдь не легка. На его плечах лежит большая ответственность за государственные дела, ему приходится очень много работать: следить за быстротекущими событиями, изучать все увеличивающийся поток документов и принимать необходимые решения. Следовательно, кроме способностей и эрудиции от государственного деятеля требуются воля и огромная работоспособность. Последним качеством Идеи бесспорно обладал: он работал но многу часов в день, иногда до изнеможения.

Перенапряжение отрицательно сказывалось на состоянии его здоровья. Несмотря на цветущую внешность и атлетическое сложение, Иден не мог похвастаться хорошим здоровьем. В детстве Антони был изнеженным хрупким ребенком. В середине 30-х годов тяжело болел. В самом конце войны Иден опять серьезно болен. Здоровье настолько ухудшилось, что опасались за его жизнь. Лорд Моран 14 июня 1945 г. записал в дневнике: "Рассказал премьер-министру о болезни Идена. Я думаю, что он теряет его". Однако обошлось. Но в 1948 году Иден опять в больнице.

Естественно, возникал вопрос, позволит ли ему здоровье в случае необходимости возглавить партию и правительство. Он делал все, что мог, чтобы рассеять опасения на этот счет. В день, когда ему исполнился 51 год, Иден после выступления перед 7000 "молодых консерваторов", собравшихся на митинг в Альберт Холле, сыграл пять напряженных сетов в теннис у себя в загородном доме с офицерами расположенной поблизости авиабазы. Это, разумеется, нашло отражение в прессе и должно было убедить читателей в том, что физические силы Идена отнюдь не в упадке. В действительности же дело обстояло далеко не благополучно.

Серьезно отразились на здоровье Идена удары, которые наносила судьба его семье. Не успел он оправиться от горя после гибели старшего сына Симона, как на него обрушился новый тяжелый удар - в январе 1947 года от Идена ушла жена. Судя по всему, разрыв назревал давно. На рождество, в декабре 1946 года, Антони Иден имеете с Беатрис и младшим, теперь единственным сыном Николасом, только что закончившим курс обучения в Итоне, отплыли на комфортабельном огромном лайнере "Королева Елизавета" в США, намереваясь отдохнуть на острове Барбадос. Это была их последняя совместная погадка. Когда пароход прибыл в Нью-Йорк, Беатрис окончательно рассталась с мужем. Николас пытался примирить родителей, но все было напрасно. Брак распался, после того как Антони и Беатрис

прожили вместе почти четверть века.

Причины семейной катастрофы не вполне ясны. Обе стороны тщательно скрывали истинную подоплеку происшедшего (Беатрис очень не хотела, чтобы разрыв причинил ущерб карьере Идена). Иден вообще отказывался дана п. какие бы то ни было объяснения прессе. Беатрис трудное было отделываться от репортеров, и она объясняла, что совместная жизнь с Антони не удалась, так как она не создана быть женой политического деятеля. Корреспонденты должны были попять так, что ее не устранено г частые зарубежные поездки мужа и его занятость л Формы оффис. В оборот было пущено выражение: "соломенная вдова политического деятеля".

В эту версию трудно поверить. Ведь Беатрис, выходя замуж, уже знала, какое поле деятельности избрал Иден. Если допустить, что тогда она не отдавала себе отчет в том, насколько ей подойдет образ жизни жены политического деятеля (а это теоретически вполне возможно), то все же неясно, почему потребовалось более двадцати лет, чтобы понять: положение супруги министра иностранных дел - не для нее. К тому же окончательный разрыв произошел в тот период, когда консерваторы оказались не у власти и, следовательно, Иден был свободен и располагал вполне достаточным временем для семейных дел.

Николас жил с отцом, у них были очень хорошие теплые отношения. Это все, что осталось у Идена от семьи.

В апреле 1950 года отец и сын в сопровождении личного парламентского секретаря Идена и его супруги отправились в Канны на отдых. Их пригласил к себе на виллу друг Антони - разведчик, подполковник Алан Пальмер. Настроение у Идена было подавленное, душа не лежала даже к любимому теннису и плаванию.

К этому времени Иден возбудил в суде дело о разводе, 8 июня 1950 г. суд принял решение развести супругов. Слушание дела заняло пять минут. Беатрис не прислала своего представителя, и Иден был единственным свидетелем со своей стороны.

Как только приговор был оглашен, Иден поспешно покинул помещение суда, спасаясь от назойливых корреспондентов.

В Нью-Йорке журналисты атаковали квартиру Беатрис, но и от нее узнали немногое. Корреспонденту "Дейли миррор" миссис Иден вновь повторила: "Я никогда не обладала данными, чтобы быть супругой политического деятеля". Биографы Идена толкуют это замечание "как намек, что она не считает его полностью ответственным за разрыв их брака". "Мы с Иденом остались добрыми друзьями, - сказала Беатрис, - и я в высшей степени восхищаюсь им как политическим деятелем". Во время бесед с корреспондентами она желала своему бывшему мужу всяческих успехов, и никто не брал под сомнение искренность ее пожеланий.

"Миссис Иден, - пишет Деннис Бардене, - жила с подругой в маленькой квартире, заполненной ее собственными картинами. Как и ее бывший муж, Беатрис - увлеченный и талантливый художник; в конце 1950 года состоялась выставка ее ландшафтов и натюрмортов, написанных маслом".

Во второй половине 1950 года Беатрис прилетела в Англию, чтобы встретиться с сыном, призванным для отбывания воинской повинности. Здесь она подверглась новым атакам со стороны корреспондентов. Она отрицала, что собирается вновь выйти замуж. Разговоры на эту тему возникли потому, что распространился слух, будто Беатрис подумывает о браке с врачом-гинекологом Робертом Ходжесом, которого она встретила в 1948 году на Бермудских островах. Он служил до этого в американских войсках в Италии и имел чин майора. Ходжесу уже перевалило за пятьдесят, он был хорошим пианистом, очень любил живопись и, состоя в штате крупного нью-йоркского госпиталя, имел большую частную медицинскую практику. Разговоры о возможности его брака с Беатрис пошли после того, как друзья увидели в квартире Ходжеса ее портрет в полный рост.

Имела хождение и другая версия. Утверждают, что на пути Беатрис встретился некий С. Д. Джексон, американец, выполнявший поручения и государственного департамента, и стратегических служб США. Возникла любовь. Это и явилось причиной ухода Беатрис от Идена.

Посторонним судить об этом очень трудно. Мотивы подобных событий могут быть ясны, да и то далеко не всегда и не полностью, лишь их непосредственным участникам. Как бы там ни было в действительности, сыграла ли тут роль нестандартная причина, выдвигавшаяся Беатрис, или самая обычная, сугубо человеческая, о которой шептались в лондонских гостиных, - Идену от этого было не легче.

Нужно отметить, однако, что благодаря выдержке, проявленной обеими сторонами в трудной ситуации, распад семьи не оказал отрицательного влияния на общественное положение Идена. Сказалось, вероятно, и то, что он был не виновной, а страдающей стороной. Биографы толкуют этот эпизод в жизни Идена нейтрально.

Иден всегда любил путешествовать, и теперь, когда официальные дипломатические вояжи прекратились, он продолжал много бывать за границей. Его обычно сопровождал сын; они очень сблизились после ухода матери, "оба питали страсть к путешествиям, обоим нравились необычные пейзажи и звуки, оба любили играть в теннис и пить джин с ромом".

В 1948 году Иден совершил поездку в Иран, где, несмотря на то что являлся теперь юридически частным лицом, был принят полуофициально и подчеркнуто внимательно. Чувствуя, что положение Англо-иранской нефтяной компании (АИИК), полностью принадлежавшей Англии и монопольно распоряжавшейся иранской нефтью, непрочно, Иден обстоятельно знакомился на месте с ее деятельностью, осматривал нефтедобывающие районы в Хузистане и огромный нефтеперерабатывающий завод в Абадане. И везде беседовал с иранцами на их языке. Утверждают, что он бегло говорил по-персидски, сохранив и усовершенствовав знание этого языка, приобретенное в университете.

Нефтяные районы были предметом интереса Идена во всей дальнейшей поездке. Из Ирана он проследовал на Бахрейнские острова, где был встречен в высшей степени радушно. Шейх подарил гостю старинный арабский меч, богато отделанный золотом и жемчугом, и набор дорогих арабских одежд.

С Бахрейна путешественники направились в Саудовскую Аравию и приятно отдыхали в качестве гостей короля Ибн-Сауда в его столице Риаде. В честь Идена устраивались пышные банкеты в восточном стиле. На одном из них было подано 12 баранов и два верблюжонка. Эта экзотика нравилась отцу и, конечно, производила сильное впечатление на сына.

И здесь Иден получил богатые дары. Король презентовал ему золотые часы и кинжал, украшенный драгоценными камнями. По обычаям Востока английский гость спросил, что король хотел бы получить в качестве ответного подарка. Ибн-Сауд высказал желание иметь спортивное ружье. В Лондоне Идену пришлось уплатить за это ружье 220 ф. ст.

По возвращении путешественников в Англию сотрудники таможни оказались в затруднительном положении: взимать пошлину с полученных Иденом подарков или нет? Речь могла

идти о крупной сумме. Иден не впервые привозил такие подарки с Ближнего Востока. В годы войны король Саудовской Аравии во время встречи с Черчиллем и Иденом преподнес им шкатулку, наполненную драгоценностями. Но английское казначейство тут же наложило на этот дар руку, заявив, что это "официальный презент", являющийся собственностью английского правительства. В ответ королю за счет государства была послана автомашина "роллс-ройс". Прецедент был для Идена не очень ободряющий. Но теперь, в 1948 году, все обошлось. Таможенные власти пропустили подарки Идена беспошлинно на том основании, что это "церемониальные преподношения главы иностранного государства". Он сохранил эти дары как свою собственность.

На следующий год Иден совершил длительную поездку по странам Британского содружества. Маршрут совпадал с маршрутом его путешествия, совершенного за четверть века до этого в качестве специального корреспондента газеты "Йоркшир пост". Двадцать пять лет - большой срок. За это время Иден сделал карьеру политического деятеля, завоевав известность не только в Англии и Британском содружестве наций, но и за их пределами. Иден был убежденным империалистом и свою верность имперско-колониалистским идеалам подчеркивал тем, что по-прежнему употреблял термин "империя" там, где он давно уже официально был заменен другими, не столь определенными и менее задевающими достоинство находящихся под эгидой Англии народов, - такими как Британское содружество наций или просто Содружество.

Послевоенные годы принесли с собой не только перемену названий в британской колониальной империи. Это был период ее распада под ударами национально-освободительной революции. В 1947 - 1948 годах завоевали независимость находившиеся под английским господством народы Азии. На путь самостоятельного развития встали Индия, Пакистан, Цейлон, Бирма. Было ясно, что вскоре аналогичная судьба ожидает английские владения на Ближнем Востоке.

Такова была ситуация, когда Иден отправлялся в свое турне. То был далеко не туризм. Он хотел на месте убедиться, сохранится ли Содружество в трансформированном виде. Это было крайне важно установить, ибо в те годы английские правящие круги считали, что Англия сможет остаться великой державой, лишь опираясь на Содружество; без этой опоры она превратится во второразрядное государство.

Иден посетил Канаду, затем Новую Зеландию и Австралию, а на обратном пути побывал в Малайе, Индии и Пакистане. За 70

дней он покрыл расстояние в 40 тыс. миль. Как крупный государственный деятель (хотя и временно оставшийся не у дел) Иден был принят руководителями этих государств, много выступал на крупных митингах, собраниях, приемах-. Конечно, посещал колоритные базары, любовался экзотическими пейзажами.

Выступления Идена, в которых он по возвращении в Англию суммировал впечатления от своей поездки, являют собой образец политического лицемерия. *Я с радостью открыл, - говорил он, - что узы, связывающие Британское содружество, ныне более прочны, чем четверть века тому назад. Самое сильное впечатление от всей моей поездки - наше не бросающееся в глаза единство". И это говорилось после того, как британской колониальной администрации пришлось убраться из Индии, Пакистана, Цейлона и Бирмы; в условиях, когда народ Малайи вел ожесточенную вооруженную борьбу против колонизаторов; когда Австралия и Новая Зеландия ориентировались уже не на Англию, а на Соединенные Штаты; когда американский капитал неудержимо вторгался в страны Содружества и ослаблял их экономические связи с Лондоном; когда в связи с беспомощностью, проявленной Англией в годы второй мировой войны на Тихом океане и в Азии, ее престиж в этих районах упал до самого низкого уровня.

Темп политической жизни после второй мировой войны значительно ускорился, одно событие быстро сменялось другим, более быстрой стала реакция общественного мнения на происходящие изменения. В 1945 году казалось, что наступил период устойчивого господства лейбористской партии в политической жизни страны, что консерваторы надолго переведены на запасные позиции, но прошло два-три года, и ситуация изменилась.

Теперь становилось ясно, что поражение на парламентских выборах обернулось для Идена и для его партии благом. Консерваторы смогли избежать исторической ответственности за сумму крайне реакционных и контрреволюционных мероприятий, осуществленных Англией в первые послевоенные годы. В период, когда английское лейбористское правительство Эттли - Бевина поднимало знамя антисоветизма и вместе с империалистами США лихорадочно сколачивало антикоммунистический фронт, консерваторы и их лидеры - Черчилль и Иден сидели на скамьях оппозиции и видимого участия в политике правительства не принимали.

Тогда-то и обнаружилась мудрость и предусмотрительность английской буржуазии, десятилетиями работавшей над

подкупом, приручением и разложением верхушки рабочего класса. Она создала условия, породившие правых лидеров лейбористской партии, материально и морально заинтересованных в сохранении капиталистического строя и все еще прочно державших в своих руках политическую организацию английских рабочих - лейбористскую партию и мощные профсоюзы. То, что в 1945 году правые лейбористы были на коне и смогли сформировать правительство, явилось огромным выигрышем для английского империализма. В бурные послевоенные годы сами консерваторы не смогли бы сделать и десятой доли того, что сделали для сохранения английского империализма правые лейбористы.

Правительство Эттли состояло из безусловно способных, энергичных деятелей, прошедших школу управления государственными делами у Черчилля, в коалиционное правительство которого они входили с мая 1940 по май 1945 года. "Многие из членов нового правительства, - пишет Макмиллан, - играли видную роль в правительстве Черчилля и разделяли опасения, которые начали обуревать его в последние годы войны". Конечная часть фразы весьма многозначительна - она свидетельствует, что правые лидеры лейбористов так же, как консерваторы страшились роста международного влияния СССР. Черчилль и его сподвижники воспитали своих лейбористских коллег не только в духе полной приверженности английскому империализму, но и безграничной ненависти к социалистической и национально-освободительной революции, к Советскому Союзу. Именно об этом свидетельствует вся последующая государственная деятельность членов правительства Эттли.

Черчилль одобрил все сделанные Эттли назначения, за исключением одного. Вернее, он сделал так, что Эттли, собиравшийся поручить министерство иностранных дел Хью Дальтону, отказался от этого намерения и назначил министром иностранных дел Эрнеста Бевина, как хотели Черчилль и Иден. Все это происходило в глубокой тайне, рядовой англичанин так и не узнал, что консерваторы "помогли" Эттли в формировании лейбористского правительства. Лишь позднее из солидных мемуаров и исторических монографий тайное стало явным, но широкая английская публика эти издания читает мало.

На первый взгляд, выбор Черчилля выглядит странным. И Дальтон, и Бевин были членами его правительства военного времени. Дальтон происходил из аристократической среды, получил образование в привилегированных учебных заведениях, хорошо знал международные отношения, был эрудированным политиком. Бевин же имел общеобразовательную подготовку в

объеме четырех классов начальной школы и сделал карьеру как профсоюзный чиновник и босс, начинавший (как это часто бывает в Англии) с левых позиций и вскоре переместившийся на крайне правое крыло в руководстве лейбористской партией и профсоюзов. Исходя из интересов консерваторов, Черчилль оказался безусловно прав, предпочтя Бевина Дальтону. Гораздо выгоднее было, чтобы внешнеполитическую борьбу за интересы английского империализма возглавлял выходец из рабочих-докеров, а не рафинированный буржуазный интеллигент, хотя и состоящий в лейбористской партии. К тому же Бевин обладал большим упорством и волей; было ясно, что его внешнеполитическая линия будет полностью совпадать с позицией консерваторов, да и по части враждебности к СССР он, пожалуй, был более устойчив, чем Дальтон.

У Идена установились отношения тесного, хотя зачастую и скрытого от глаз общественности сотрудничества с Бевином. Уже в тот день, когда бывший министр посетил Букингемский дворец, чтобы вернуть королю печать министерства, состоялась его встреча со своим преемником, который прибыл туда же, чтобы получить эту печать из рук короля. Они наспех обсудили ход конференции в Берлине, и Иден снабдил лейбористского коллегу рекомендациями по поводу того, как противостоять советским предложениям - по польскому вопросу[6]. "Бевин выслушал, - пишет он в своих мемуарах, - и сказал, что сделает все, что сможет".

"Эрнест Бевин и я, - вспоминает Иден, - оставались добрыми друзьями на протяжении тех лет, когда мы были членами военного кабинета, и часто вместе обсуждали международные проблемы. В то время у меня были с ним более тесные отношения, чем с кем-либо из его партии, и наша дружба продолжалась до самой его смерти". Иден сообщает, что он был полностью согласен с целями политики, которую проводил Бевин, и с тем, что он предпринимал. Единомышленники часто встречались. Бевин обычно приглашал Идена в свою комнату в здании палаты общин, и они в неофициальном порядке обсуждали проблемы внешней политики. В парламентских дебатах Иден обычно выступал вслед за Бевином и поддерживал его. Он бы "поддерживал его еще больше, - признается Иден, - если бы не опасался причинить ему этим неприятности". Речь идет о том, что лейбористская общественность могла бы использовать похвалы, исходящие от консервативного экс-министра, для критики Бевина.

С самого начала деятельности лейбористского правительства было очевидно, что Бевин действует так, как действовал бы на его месте Иден. Оливер Стэнли, крупный консервативный деятель,

министр финансов в "теневом кабинете", однажды, выступая в парламенте, так выразился об этой преемственности во внешней политике. Во время избирательной кампании, сказал он, лейбористы "провозглашали с трибун, что их избрание в парламент поведет к созданию нового мира... И вот мы уже две недели живем в новом мире, и в этом новом мире все еще звучат иногда знакомые речи... Министр иностранных дел своей великолепной речью, произнесенной в понедельник и одобренной всеми депутатами палаты общин, заставил меня задуматься, не погружается ли он в свое свободное время в чтение блестящей старой пьесы "Как важно быть Антони""[7].

Бевин и Иден публично рассыпались в комплиментах друг другу и демонстрировали взаимные симпатии. В августе 1945 года после одного из выступлений Бевина поднялся Иден и с большой похвалой отозвался о речи, "достойной его достопочтенного друга". Обращение "мой достопочтенный друг" употребляется в парламенте только в отношении своего коллеги по партии. Поэтому Иден предварительно испросил разрешения обратиться таким образом к лейбористу. Так стирались грани между партиями, делавшими в сфере внешней политики одно и то же дело.

Бевин, разумеется, в долгу не оставался. Выступая на приеме в "Дорчестер-отель", где он был почетным гостем и где Иден председательствовал, новый министр выразил желание заменить официальное обращение к своему предшественнику - "г-н председатель" дружеским "собрат тред-юнионист". Далее он подчеркнул, что считает большой честью и удовольствием то, что ему пришлось работать вместе с "моим старым другом Антони Иденом".

Что это - обычная вежливость? Скорее выражение единства целей и помыслов. Откуда у лейбориста Бевина взгляды, так совпадающие с воззрениями консерватора Идена? В общем плане их роднило одинаковое отрицательное отношение к революционным процессам, происходившим в мире. Что же касается конкретных вопросов внешней политики, то убеждения и позиция Бевина формировались аппаратом Форин оффис, и прежде всего тихим, но упорным и настойчивым постоянным заместителем министра Александром Кадоганом, а в последние годы - его преемником Ормом Сарджентом. Эти люди писали все речи для Бевина.

Макмиллан, позднее возглавлявший Форин оффис, рассказывает в своих воспоминаниях: "В Форин оффис существует практика.., предусматривающая, что для министра на случай общих дебатов должен быть подготовлен большой, тщательно

разработанный, но несколько сухой документ, составленный в высшей степени точным канцелярским стилем и более похожий на меморандум, чем на парламентскую речь. Бевин зачитывал это от самого начала до самого конца, спотыкаясь на трудных словах, но мужественно продираясь вперед, зачастую не обращая внимания на смысл и пунктуацию".

Бевин возглавлял внешнеполитическое ведомство до 9 марта 1951 г., когда ему пришлось подать в отставку. Через пять недель он скончался. Его преемником стал лейборист Моррисон. 25 июля 1951 г. Макмиллан записал в дневнике: "Долгие и довольно-таки нудные дебаты по внешней политике. Герберт Моррисон зачитал такую же... речь, какие ребята из Форин оффис обычно писали для Эрнеста Бевина".

Неудивительно, что в годы оппозиции Иден не обнаружил большого рвения в полемике с лейбористами. Газета "Стар" писала: "От Идена ожидали примера в наступательной борьбе, но, кажется, он обнаруживает очень немного энтузиазма в роли саботажника номер один".

В те годы главные события в жизни консервативной партии проходили вне стен парламента. Иден принимал в них, так сказать, руководящее участие, но главной движущей силой была небольшая группа сравнительно молодых консервативных деятелей, сверстников и коллег Идена. Ведущая роль в ней принадлежала лорду Вултону и Батлеру. Из поражения консерваторов на последних выборах члены группы сделали практический вывод - партию нужно радикально перестроить в организационном и идеологическом отношениях с тем, чтобы в будущем она была в состоянии бороться с лейбористами за голоса избирателей. Мир быстро изменялся, трансформировались положение страны и возникавшие перед ней проблемы. Избиратель тоже изменился - он стал глубже разбираться в политических делах. Ко всем этим изменениям и надлежало приспособить партию.

Организационная перестройка осуществлялась под руководством Вултона. Удивительным путем пришел он к решению этой задачи. Вултон в правительстве Черчилля занимал пост министра продовольствия, но консерватором не был. Он считал себя независимым и придерживался ограниченно либеральных взглядов. В консервативную партию Вултон вступил в день, когда стало известно о ее разгроме на выборах. И тут же взялся за ее организационную перестройку. В 1946 году он стал официальным председателем партии.

"Вултон, - пишет Макмиллан, - был не только крупнейшим организатором, но и лучшим продавцом, какого я когда-либо

знал". К реорганизации партии Вултон и подошел как истый бизнесмен - ее надлежало так перестроить, чтобы она могла "всучить" избирателю консервативный товар, чтобы избиратель отдал свой голос за консерваторов. Разумеется, и товар следовало по возможности приспособить ко вкусам потребителя, во всяком случае консервативное содержание надлежало подать в привлекательной упаковке.

Вултон занялся подыскиванием нового названия партии, чтобы парировать преимущество лейбористов, именующих свою партию социалистической. Он хотел нажать ее партией единства. Консервативная партия, пишет Вултон, должна была "выражать единство Империи, единство короны, правительства и народа и исходить из идеи того.., что мы питаем к классовым конфликтам почти такое же отвращение, как к неопределенному интернационализму... или к чуждым нам доктринам марксистского социализма или русского коммунизма". Здесь мы находим и стремление сохранить старый имперский колониализм и монархию, и отрицание классовой борьбы, и безоговорочную враждебность пролетарскому интернационализму, социализму и коммунизму.

Особые усилия прилагались, чтобы изобразить консерваторов партией, представляющей интересы не какого-то одного класса, а всей нации, включая и трудящихся. Изменен был порядок подбора кандидатов для проведения в парламент. Если ранее местные консервативные организации выдвигали тех деятелей, которые готовы были внести максимально крупные суммы на дела организации (иногда до 1000 ф. ст. в год), то теперь кандидат должен был внести в избирательный фонд не более 25 ф. ст. в год, а член парламента - не более 50 ф. ст. в год. Все избирательные расходы должны были покрываться отныне из фондов партии.

Были приняты энергичные меры по укреплению местных партийных организаций. С одной стороны, на постоянную работу зачислялись специальные агенты, которых хорошо вознаграждали, включая пенсии. С другой - было резко расширено привлечение активистов на общественных началах, выступающих в роли постоянно действующих пропагандистов партии. Центр тяжести в повседневной агитации был перенесен с массовых мероприятий: митингов, собраний, ярмарок и т. п. - на индивидуальную работу с каждым избирателем. Эта работа проходила в квартире избирателя. "Техника, которую впоследствии назвали "Операция стук в дверь", - пишет Макмиллан, - стала основой нового подхода консерваторов к избирателям". Стук партийного представителя в дверь избирателя

систематически раздавался по всей Англии, и основная масса избирателей стала регулярно получать порцию консервативной пропаганды от ставшего им знакомым человека, ведущего с ними задушевную беседу. С учетом психологии среднего англичанина Вултон организовал продажу консервативного товара по той же схеме, как продаются агентами-распространителями холодильники и стиральные машины. Политика и внешне стала бизнесом, но это было сделано так, чтобы такая мысль не могла прийти в голову английскому избирателю.

Перестройка потребовала огромных средств, и Вултон их нашел. Он объявил, что нужен 1 млн. ф. ст., и монополии внесли эту сумму в фонд консервативной партии.

Новое название партии консерваторы не приняли, но программу в духе, намеченном Вултоном, разработали весьма тщательно. Здесь руководство принял на себя Батлер. Макмиллан, активно участвовавший в этой работе, так определяет ее цель: "Сформировать и популяризировать новую политику, основанную в действительности на старых принципах, но приспособленную к новым, изменяющимся условиям". В 1945 году широкий избиратель на основании самоочевидных фактов из деятельности консервативных правительств 30 - 40-х годов составил себе определенное мнение о консерваторах как партии, враждебной его интересам, и забаллотировал ее. Теперь партийные боссы трудились над тем, чтобы сбить с толку этого избирателя, навязать ему новое представление о консервативной партии, а в действительности выдать старый товар за новый. Творцы "нового образа" партии неизменно подчеркивают их верность старым, уходящим еще в XIX век принципам консерватизма. "Существовало общее согласие, - пишет Макмиллан, - что эти принципы должны быть провозглашены вновь и еще более твердо. В то же время некоторые считали, что нас должно удовлетворять блестящее изложение их в речи Дизраэли в Хрустальном дворце в 1872 году, когда он заявил, что у партии тори есть три великие цели: "Обеспечить сохранение наших институтов, поддерживать Империю и улучшать условия существования народа". В широком плане это были прекрасные цели; последняя казалась особенно впечатляющей в современных условиях. Но в действительности они были недостаточны 70 лет спустя". Итак, прежние империалистические цели партии тори хороши, но теперь они уже недостаточны (заметьте - не устарели, а недостаточны), и их нужно чем-то пополнить. Чем же?

Один из влиятельнейших людей в партии маркиз Солсбери в личном письме Макмиллану сформулировал линии, по которым должна разрабатываться новая программа консерваторов.

"Слишком многие консерваторы склоняются в негативную сторону, против социалистов (то есть лейбористов. - В. Т.). Сегодня этого недостаточно. Величайшая опасность ныне заключается в апатии рядовых членов консервативной партии. Их взор изо дня в день приковывается к социализму. Единственное, что можно этому противопоставить, - альтернативная прогрессивная политика".

Какова же эта "прогрессивная" политика? Солсбери замечает, что он видит "будущее в распространении капитализма. Порок капиталистической системы представляется мне не в том, что имеется слишком много капиталистов, а в том, что их слишком мало. Мы хотим, чтобы большее количество людей владело собственными домами, обрабатывало свои собственные фермы, участвовало в контроле над предприятиями, где они работают". Это были далеко не новые идеи. Их смысл сводился к тому, чтобы материально заинтересовать в существовании капитализма возможно более широкие слои, и прежде всего верхушку рабочего класса, господствующую в лейбористской партии и профсоюзах. Именно поэтому "-.комитет Батлера", вырабатывавший политику консервативной партии по рабочему вопросу, много консультировался не только с представителями бизнеса, но и с лидерами тред-юнионов.

В результате на свет появился важный программный документ консерваторов, так называемая Промышленная хартия. В ней старые принципы консерватизма были ловко замаскированы новыми положениями, продиктованными как соображениями борьбы против революционного движения и конфронтации с социализмом, так и требованиями развивающегося и углубляющегося государственно-монополистического капитализма. По-прежнему высказываясь в поддержку свободы частного предпринимательства и учитывая, что в стране проводилась национализация ряда отраслей экономики и осуществлялся известный контроль государства в этой сфере, консерваторы заявляли себя сторонниками смешанной экономики, в которой бы действовали и капитализм, и коллективизм. Промышленная хартия провозглашала (явно лицемерно) решимость тори устранить безработицу, улучшить систему социального обслуживания, сохранить контроль над рядом участков экономической жизни в руках государства, поддерживая в то же время, где только можно, частную инициативу.

Авторы Промышленной хартии старались сделать ее максимально общей и избегали конкретных предложений. Важны, утверждали они, не детали, а "общий тон и настроение"

документа. Дело, однако, было в другом. Многое из включенного в хартию, особенно в части, касающейся положения рабочих, лидеры консерваторов не собирались выполнять и старались дать по возможности меньше оснований для обвинений их в будущем в политическом лицемерии.

Естественно, буржуазная пресса постаралась разрекламировать "новый образ" тори. Журнал "Спектейтор" утверждал, что теперь-то уж устранен "последний предлог, чтобы квалифицировать консервативную партию в ее нынешнем виде как реакционную".

Следует признать, что вся сумма мер и усилий по "обработке" английского избирателя вскоре принесла консерваторам положительные результаты. Правда, этому способствовало наличие в политике правящей лейбористской партии сильных реакционных тенденций.

Позиция Идена в вопросах внутренней политики была совершенно определенной и далеко не оригинальной. В консервативных верхах царило полное согласие в одобрении проведенной реорганизации партии. Иден, Макмиллан, Батлер и Солсбери, по существу, думали одинаково относительно целей и задач, сформулированных в ее программных документах. Об этом свидетельствуют как их речи того времени, так и опубликованные впоследствии документы и воспоминания.

В сентябре 1947 года Иден издал сборник своих речей под заглавием "Свобода и порядок". Заглавие он придумал сам. (Кстати говоря, сборник произвел более чем скромное впечатление; как заметил один критик, до появления этой книги он никак не предполагал, что можно "так много наговорить и так мало сказать".) В речах Макмиллана тоже подчеркивалось, что консерваторы "хотят такого решения современных проблем, которое обеспечило бы как свободу, так и порядок". Это не было общим местом в речах консервативных лидеров. В условиях бурных революционных перемен, происходивших в мире, главной целью консервативной партии действительно было сохранение свободы - буржуазной свободы, свободы экономического, политического и идеологического произвола и разбоя монополий, и порядка - буржуазного порядка, то есть капиталистической социальной системы.

Широкую рекламу получила в прессе и позднее в литературе сформулированная Иденом концепция социальной структуры Англии в середине XX века. Выступая на ежегодной конференции консервативной партии в октябре 1946 года, он заявил: "Существует один-единственный принцип, призванный объединить все решения, которых мы ищем... Целью социализма

является государственная собственность на орудия и средства производства, распределения и обмена. Наша цель - это общенациональная, владеющая собственностью демократия".

Смысл этой весьма туманной фразы Иден раскрыл так: "В то время как целью социализма является концентрация владения в руках государства, наша цель состоит в по возможности практически максимальном распространении владения среди максимально широкого числа отдельных лиц". Именно этот тезис рекламировался и рекламируется как "важное открытие" в теории английского консерватизма.

Пропаганда подала формулу Идена как оригинальное, свежее блюдо. Но ведь то же самое писал Солсбери, за нее ратовал Макмиллан. Более того, это не новинка и для самого Идена, во второй половине 20-х годов уже выступавшего с такой идеей. Однако вряд ли многие из английских избирателей помнили, что когда-то они это уже слышали от него. Два десятилетия - срок большой, многое забывается. На подобном несовершенстве человеческой памяти в значительной мере строится морально-психологическая и политическая обработка английского народа консервативной и лейбористской партиями, добивающимися его поддержки на выборах.

Голосуя за лейбористов в 1945 году, английский народ жаждал радикальных перемен в жизни своей страны. В те дни был очень популярен девиз "Никогда больше!": никогда больше не должны повториться мрачные 30-е годы с их экономическим кризисом, массовыми армиями голодных и безработных, крайне низким жизненным уровнем трудящихся, с неумной авантюристической внешней политикой.

Решение внутриполитических проблем виделось народными массами на путях социалистических преобразований. Об этом много говорили лейбористы, ссылаясь на свою программу. К тому же война на примере Советского Союза показала силу и жизненность социализма. Интересы трудящихся и крупного английского капитала столкнулись; вначале было далеко не ясно, каковы будут результаты этой внутриполитической конфронтации. Очень многое зависело от лейбористского правительства и лейбористской фракции в парламенте.

Как уже говорилось, английскому капитализму очень "повезло", что власть в это время оказалась в руках таких людей, как Эттли, Бевин, Моррисон и их единомышленники. 2 августа 1945 г. Черчилль говорил Морану (все эти разговоры были очень доверительными, старик привык к своему врачу и любил откровенничать с ним): "Эттли, Бевин и те, кто работал со мной во время войны, не допустят хаоса, если это будет в их силах".

Лейбористы осуществили ряд далеко идущих реформ, на которые, по словам Черчилля, "не посмело бы решиться ни одно консервативное правительство". Эти меры должны были умиротворить народные массы. И такой цели они достигли. Но одновременно реформы 40-х годов призваны были укрепить экономические позиции английского государственно-монополистического капитализма и стать значительным шагом вперед в его развитии. Важной мерой явилась национализация Английского банка, угольной промышленности, электростанций, газовой промышленности, внутреннего транспорта, металлургии, гражданской авиации, телеграфной и радиосвязи. Государственный сектор в промышленности составил 20%. Владельцы национализированных предприятий не пострадали, они получили щедрый выкуп. В то же время серьезно повысилась конкурентоспособность оставшихся в частном владении предприятий, ибо национализированные отрасли обеспечивали их своей продукцией и услугами по более низким ценам, чем это могло быть при отсутствии национализации. Национализация была не социалистическим, а государственно-капиталистическим мероприятием.

В социальной области английские трудящиеся получили крупные уступки. Было отменено реакционное законодательство, ограничивавшее права профсоюзов, несколько ограничены права палаты лордов, осуществлена реформа системы здравоохранения. Медицинская помощь для всех стала бесплатной. На более демократических основах перестраивалось просвещение (по закону, принятому еще в 1944 г.). Важное значение имела реорганизация социального обеспечения. Новая система предусматривала выплату пособий на рождение ребенка, воспитание детей, пособий по болезни, безработице, беременности. Были введены пенсии по старости, пособия при утере трудоспособности в связи с несчастными случаями на производстве, в связи с профессиональными заболеваниями, а также пособия на похороны. В результате всех этих мер система социального страхования была значительно улучшена.

Правящие классы шли на вынужденные уступки, чтобы не допустить развертывания революционной борьбы в стране. Масштабы этих уступок свидетельствовали о нарастании классового противоборства. Однако английская буржуазия - мастер социального маневрирования; при первой же возможности она постаралась переложить на плечи трудящихся львиную долю расходов по проведению этой системы реформ в жизнь.

В сфере международных отношений для английского капитализма конфронтация с силами прогресса и социализма

была еще более острой, чем внутри страны. В развитии социалистической революции в Европе и Азии, в росте мощи СССР и его роли в мировых делах английский империализм видел для себя прямую угрозу. Вторая мировая война, по замыслам лондонских политиков, должна была снять эту угрозу, но получилось наоборот: одним из социально-политических итогов войны было укрепление и развитие социализма. Возросшая международная роль СССР служила препятствием на пути реализации планов установления английского господства в Европе. В ней же правящие круги усматривали одну из причин обострения классовых противоречий внутри страны и нарастания национально-освободительной борьбы в колониальной империи. После окончания войны конфронтация с СССР и социализмом стала основной линией английской внешней политики.

Иден именно так понимал главную задачу своей деятельности в послевоенные годы. Том его воспоминаний "Полный круг", охватывающий период с весны 1945 по январь 1957 года, открывается главой, в общих чертах рисующей внешнюю политику Англии в 1945 - 1951 годах. Практически весь текст главы посвящен одной теме: "советская угроза" и необходимость борьбы с нею.

Автора не смущает, что у Англии с СССР был договор о союзе и сотрудничестве в послевоенный период, подписанный в 1942 году сроком на 20 лет. "Союзное единство военного времени, - пишет Иден, - развалилось при первом же прикосновении мира".

Каковы же конкретные претензии Идена к Советскому Союзу? Полный военный разгром Германии, пишет он, создал такую обстановку в Европе, что "Россия не видела необходимости искать союзника на Западе и уж никак не готова была уплатить цену за такового". Формулировка вполне определенная. Идена не устраивает то обстоятельство, что СССР, добыв победу, обеспечил свою безопасность и поэтому не собирался "платить цену" западным державам за союз с ними. Под этой "платой" автор подразумевает, что СССР должен был принять диктат Англии и США в отношении послевоенного мирного урегулирования. Правящие круги этих стран были весьма озабочены тем, чтобы лишить Советский Союз плодов победы во второй мировой войне, а поскольку он явно не обнаруживал склонности пойти на это, то превратился для них из союзника во врага. Именно об этом идет речь и в документах английского правительства, и в мемуарах Идена, и в книгах Черчилля, и в воспоминаниях Макмиллана.

Беда этих политиков была не только в том, что соотношение сил все больше и больше менялось в пользу социализма, но и в том, что английский народ и впредь намерен был видеть в лице

СССР своего союзника. Даже Иден признает, что исторические и географические факторы давали достаточно оснований, чтобы СССР и Англия в дни мира, как и в военные годы, сохраняли союзнические отношения.

В мае 1945 года английская буржуазно-либеральная газета "Ньюс кроникл" писала: "Одно определенно: миллионы людей в нашей стране хорошо расположены к России и твердо решили сотрудничать с нею. Для огромного большинства англичан сотрудничество с Россией является послевоенной необходимостью". Эти добрые чувства, чувства английского народа к СССР, в то время были настолько сильны, что стали мощным фактором в английской политике. Политические деятели не только не осмеливались публично выступать против таких чувств, но не могли даже позволить себе промолчать по этому вопросу, чтобы избиратели не заподозрили их в противоположных взглядах. Поэтому официоз консервативной партии - "Дейли телеграф" одновременно с "Ньюс кроникл" утверждала: "Россия и западные державы никогда не утратят своих воспоминаний о бессмертном товариществе по оружию. Их безопасность неделима. Разрыв и вражда между ними означали бы непоправимую катастрофу для человечества. Никакая сила в мире, кроме их продолжающейся солидарности в период мира, как и в период войны, не может обеспечить ни спасения мира, ни их собственного спасения". Хорошо сказано! Жаль только, что это была заведомая неискренность - хозяева и редакторы газеты думали совсем по-иному.

Для послевоенной конфронтации с Советским Союзом английским правящим кругам было крайне необходимо обезопасить себя со стороны своего собственного народа. В официальном издании английского Центрального управления информации "Россия и Запад в 1945 - 1963 годах" указывается, что разрыв Англии и США с Советским Союзом не произошел ранее "частично потому, что народы западных стран... сохраняли значительную часть восхищения и симпатии к русскому народу, помня о его военных усилиях, и не желали решительного разрыва между прежними союзниками". Нужно было вытравить эти чувства доброжелательности к СССР, широко развившиеся в годы совместной борьбы против общего врага, и вместо них внедрить недоверие и ненависть к социалистическому государству. Это должно было явиться: морально-психологическим обоснованием враждебной Советскому Союзу внешней политики.

И вот империалистические силы Англии развернули широкую кампанию по обработке английского народа в духе вражды и ненависти к Советскому Союзу и социализму.

Возглавили эту кампанию консерваторы. "Задача воодушевления английского и американского общественного мнения, а также общественного мнения стран Содружества пала на Черчилля", - пишет Макмиллан. Он "направлял настроения общественности, а не следовал за ними". Пресловутая речь Черчилля в Фултоне, содержавшая призыв к превентивной войне против СССР, убедительно показывает, в каком направлении пытались повернуть английское и мировое общественное мнение правящие круги Англии. Все средства идеологического' воздействия были мобилизованы и пущены в дело.

Активнейшую роль в этом неблаговидном деле сыграло правительство Эттли - Бевина. Первые полтора года лейбористы не рисковали официально выступать с инсинуациями и клеветой в адрес СССР, а затем сбросили маски. "В момент окончания войны, - пишет Иден, - в Англии царило настроение, не соответствовавшее призывам к бдительности в отношении этой новой (советской. - В. Т.) опасности. Потребовалась фигура большого калибра и искренних убеждений, чтобы вначале уяснить размеры опасности для самого себя, а затем повести народ за собой... Бевин это сделал и тем самым воздвиг себе вечный памятник". Да, Бевин вполне заслужил эту похвалу Идена. Он многое сделал, чтобы "повести" английский народ против СССР.

Проводившийся лейбористами в 1945 - 1951 годах внешнеполитический курс полностью соответствовал замыслам консерваторов. "В течение этого периода именно Уинстон Черчилль давал направление британской внешней политике", - пишет Броад, и он прав. В Фултоне Черчилль провозгласил политику "с позиции силы" против Советского Союза и мирового коммунистического движения, предложил организовать англо-американский блок для осуществления этой политики и высоко поднял знамя "холодной войны". Вскоре в речи в Цюрихе он призвал создать объединенную Европу для борьбы против СССР, включив в нее в качестве ударной контрреволюционной силы восстановленную и ремилитаризованную Германию.

Лейбористское правительство принялось лихорадочно реализовывать эту программу. Вместе с правительством США оно осуществило "план Маршалла", при помощи которого имелось в виду укрепить экономические и политические позиции европейского капитализма перед лицом нараставшего революционного движения. В результате Европа была расколота на две противостоящие друг другу группировки государств и была заложена основа, на которой был создан военно-политический агрессивный блок западноевропейских стран.

Усилиями прежде всего английского правительства в 1948 году был организован Западный союз, объединявший Англию, Францию, Бельгию, Нидерланды и Люксембург, то есть обособленная группировка государств во главе с Англией, направленная против СССР и других социалистических стран.

Через год был подписан Североатлантический пакт, учредивший НАТО, являющуюся военно-политическим союзом государств Западной Европы с участием США и Канады. Участники НАТО объединились на основе стремления любыми средствами сохранить в современном мире капиталистические порядки и вести борьбу против СССР, других социалистических стран, международного коммунистического и национально-освободительного движения.

Летом 1950 года Англия приняла участие в развязанной американскими империалистами войне против Корейской Народно-Демократической Республики. Корейскую войну лейбористское правительство использовало для "оправдания" приступа к радикальному перевооружению Англии, вскоре вылившемуся в гонку вооружений, которая затянулась на ряд десятилетий. Это была фултонская программа в действии, добросовестно проводимая в жизнь лейбористским правительством.

То, что эта агрессивная линия осуществлялась лейбористами, способствовало ее маскировке и несколько сдерживало борьбу масс против империалистической внешней политики. Консерваторы очень высоко ценят усилия лейбористского правительства Эттли - Бевина по реализации фултонских предначертаний Черчилля. Макмиллан 16 апреля 1951 г. записал в своем дневнике: "Бевин оказал огромную услугу Британии и всему миру. Он навязал сопротивляющейся и колеблющейся партии политику сопротивления Советской России и коммунизму. Министр иностранных дел - консерватор в первые послевоенные годы не смог бы сделать этого". Иден в 1959 году с известной исторической дистанции следующим образом проанализировал действия Бевина: "Главная трудность для него лежала в собственной партии, где на протяжении всего его пребывания на посту министра иностранных дел существовало активное меньшинство, холодно или враждебно относившееся к его политике. К счастью, Бевин обладал таким весом в лейбористской партии и, сверх того, в профсоюзном движении, который дал ему возможность одержать верх над критиками".

Таким образом, Иден свидетельствует, что проводимая совместно правыми лейбористами и консерваторами политика резкой конфронтации с Советским Союзом, политика крайнего

антикоммунизма, несмотря на пропагандистские ухищрения всех реакционных сил в стране, далеко не пользовалась поддержкой в английском народе. Это отрицательное отношение рядовых англичан к империалистической внешней политике правительства воздействовало настолько сильно на членов парламента - лейбористов, что многие из них официально выступали в палате общин, на собраниях в избирательных округах и в печати против этой политики.

В Советском Союзе отдавали себе отчет в том, чего добиваются пророки антикоммунизма. 24 февраля 1951 г. Москва направила Лондону ноту, в которой указывалось, что, пока правительство Англии "нуждалось в Советском Союзе, без которого оно не могло одержать победу над гитлеровской Германией, оно еще как-то сдерживало... свое враждебное отношение к Советскому государству. Но, видя, как растут в британском народе стремления к дружбе с советским народом, лейбористские лидеры... начали проявлять беспокойство и стали торопиться с проведением мероприятий, направленных на ослабление дружественных отношений британского народа с народами СССР".

Нет ничего удивительного в том, что, стремясь взорвать великий союз, английские правящие круги вкупе со своими единомышленниками в США постарались переложить ответственность за это на СССР. "На пути сохранения союза, - пишет, например, Иден, - встали идеология и советские амбиции". В книге "Россия и Запад" в 1945 - 1963 годах" утверждается, что сохранение союзных отношений между СССР и Англией "оказалось невозможным из-за неуступчивости советской политики в послевоенный период". Итак, "неуступчивость" Советского Союза - главная причина изменения политики Англии.

Что подразумевается под этим? Книга "Россия и Запад в 1945 - 1963 годах" отвечает так: "Непосредственная причина опасений Запада в 1945 году - советская политика в отношении освобожденных стран Восточной и Центральной Европы". В качестве конкретного примера этой "непримиримой" политики приводится прежде всего позиция СССР в польском вопросе. "Москва сопротивлялась установлению демократического и представительного польского правительства", - пишет Иден. Советский Союз обвиняют в том, что он якобы вопреки подписанным в Ялте соглашениям о содействии учреждению демократических правительств в освобожденных странах поддерживал включение в эти правительства коммунистов.

На деле действия Советского Союза находились в полном соответствии с ялтинскими документами. Когда в эти документы

включалась соответствующая формулировка, имелись в виду все демократические силы, и прежде всего коммунисты, ибо коммунистическое государство - СССР несло на себе всю тяжесть войны против фашизма, а в оккупированных странах коммунисты в движении Сопротивления являлись самым боевым элементом.

Но для английского и американского правительств коммунисты были демократами и союзниками, лишь пока они проливали кровь в борьбе против общего Врага. В тот же день, когда победа была завоевана, в Лондоне и Вашингтоне перестали считать коммунистов демократами и приложили максимум усилий для того, чтобы не допустить их к решению судеб своих стран. Освободившимся от фашистского ига народам навязывали реакционные правительства из деятелей, оскандалившихся в довоенный период и в годы войны.

"Неуступчивость" же Советского Союза состояла в том, что он, строго придерживаясь буквы и духа межсоюзнических соглашений военного времени, поддерживал истинные демократические силы в освобожденных странах, не шел на сотрудничество с правительствами Англии и США, стремившимися удушить эти силы, то есть использовал все свои возможности, чтобы не допустить экспорта контрреволюции английским и американским империализмом. Советский Союз исполнил свой революционный и интернациональный долг в отношении народов Восточной и Центральной Европы, этого-то и не могут простить ему английские и американские антикоммунисты.

Консерваторы и их союзники из числа правых лейбористов пытались обосновать вражду к СССР тем, будто для Запада существует страшная советская военная угроза. Недруги Советского Союза упорно замалчивали при этом, что Советское государство на протяжении всей своей истории, в том числе в послевоенный период, систематически предлагало Западу, а следовательно, и Англии строить взаимные отношения на принципах мирного сосуществования государств с различным социальным строем. Многие западные буржуазные историки, занимающиеся историей послевоенных международных отношений, сопоставляя многократные заявления Советского правительства о его стремлении к мирному сосуществованию с внешнеполитическими акциями СССР, приходят к выводу, что эти заявления отражали истинные стремления Советского Союза. К примеру, Джойс и Габриэль Колко в книге "Пределы мощи", опубликованной в 1972 году, констатируют: "Концепция мирного сосуществования была интегральной частью советской внешней политики".

Что касается "советской военной угрозы Западу", то, несмотря на все неустанные, до сих пор продолжающиеся в Англии усилия поддержать эту явно фальшивую версию, к концу 60-х годов она себя уже изжила. Здравомыслящие люди на Западе, и в частности в Англии, уже не верят этой лжи, ее рассеяло время и миролюбивая советская внешняя политика.

В действительности главной причиной антисоветского курса Лондона была общая для консерваторов и стоявших у власти правых лейбористов слепая ненависть к коммунизму. "Я ненавижу коммунизм, - заявлял Иден. - Но недостаточно провозглашать это. Мы должны признать, что те, кто разделяет коммунистические убеждения, придерживаются их почти с религиозной страстностью. Если мы хотим победить их, мы должны так же страстно верить в нашу идею и в самих себя".

Иден много раз говорил, что капитализм должен противопоставить коммунизму не менее сильную идеологию, но сие пожелание, как известно, и поныне остается для него и его единомышленников несбыточной мечтой. Мозговой трест консерваторов, вырабатывая "новый образ" партии, ограничился рекомендациями прагматического характера. Тори номер один - Уинстон Черчилль тоже не увенчал себя лаврами творца новой идеологии английского империализма. "Если вы думаете, - говорил он Морану, - что у меня имеется альтернативная коммунизму схема жизни, то это не так, у меня ее нет". Было бы несправедливо ставить это в вину только Идену или Черчиллю. Во всем буржуазном мире раздаются стенания о необходимости разработать какую-то идеологию, отвечающую современным условиям и более сильную, чем коммунистическая. Но этими бесплодными стенаниями дело и ограничивается.

Позиция консерваторов в сфере внешней политики в период пребывания в оппозиции, да и в дальнейшем, определялась не только противоречием между социализмом и капитализмом, но также и противоречиями с союзниками Англии по антикоммунистическому фронту. В частности, Иден, как и всякий британский империалист, оставался убежденным сторонником великодержавия своей страны даже в мало подходящих для этого условиях периода после второй мировой войны. Ему не чужды были расчеты на восстановление былой мировой роли Англии, хотя в наше время это мало кому может казаться реальным.

В октябре 1948 года Иден выступил на ежегодной конференции консервативной партии в связи с проектом резолюции по внешней политике и, как утверждает его биограф Кэмпбелл-Джонсон, сформулировал при этом "четкую и определенную доктрину, которая захватила воображение

делегатов, а затем и всей страны. Сам Иден придавал этой доктрине большое значение; он вернулся к ней во время избирательной кампании 1950 года. Иден назвал свою доктрину "доктриной трех единств". По Идену, английская внешняя политика должна была базироваться, во-первых, на "единстве между Содружеством и Империей, без которого Англия не может проводить успешную внешнюю политику, во-вторых, на единстве с Западной Европой и, в-третьих, на единстве с Соединенными Штатами". Иден подчеркивал, что эти три единства не являются несовместимыми, противоречащими друг другу, они дополняют одно другое.

Кэмпбелл-Джонсон и другие подчеркивают оригинальность и большое значение этой концепции, как бы не ведая о том, что на той же конференции выступал и Черчилль и изложил нечто весьма похожее на схему Идена, хотя и более определенное. Черчилль развивал концепцию о "трех великих сферах". Первая сфера - это "Британское содружество наций и Империя" со всем тем, что они включают; вторая - "страны, говорящие на английском языке, среди которых важную роль играют Англия, а также Канада и другие английские доминионы"; третья - "Объединенная Европа". "Если вы подумаете об этих связанных между собой сферах, - заявил Черчилль, - вы убедитесь, что мы являемся единственной страной, которая играет великую роль в каждой из них. Фактически мы являемся главным центром связи, и здесь, на наших островах, являющихся узлом морских, а возможно, и воздушных путей, мы способны объединить все эти факторы. Если мы окажемся на высоте положения, мы вполне сможем снова держать ключ..." Схема Черчилля откровеннее плана Идена: она прямо предусматривает, что ключ от мировых дел должен находиться в руках Англии. Следовательно, концепция Черчилля (так же как схожие с ней построения Идена) находилась в прямом противоречии с планами мирового господства, которые строили американские империалистические политики.

Черчилль с присущим ему темпераментом принялся за реализацию его фултонских планов и приведенной выше схемы. Именно с этим связано его энергичное участие в движении "за единую Европу". Он явился инициатором этого движения в Англии и играл активную роль в соответствующих общественных и официальных мероприятиях на континенте. Многие его видные коллеги: лорд Вултон, Максвел Файф и другие - также приняли участие в движении "за единую Европу".

Интересно, что Иден, которому, казалось бы, сам бог велел активно окунуться в эту кампанию, постарался остаться в тени. "Я

никогда не понимал, - пишет Макмиллан, - почему Антони Иден стоял в стороне. Вполне возможно, что Черчилль воздержался от того, чтобы определенно связать своего друга и коллегу, который должен был в случае возвращения к власти консервативного правительства стать министром иностранных дел или в случае смерти или болезни Черчилля - премьер-министром. Возможно также, что Иден, обладая большим опытом пребывания в министерстве иностранных дел, не разделял энтузиазма своего шефа".

Империалистический характер внешней политики Англии, несмотря на пропагандистскую маскировку, был достаточно явственным. В народных массах росла тревога насчет того, куда приведет эта политика. Ухудшение отношений с Советским Союзом, провоцируемое Англией и ее союзниками по НАТО, а также гонка вооружений породили в народных массах опасение, что вскоре может начаться новая мировая война. Черчилль в личных беседах говорил, что лейбористское правительство "ведет дело к войне с Россией". Так думали многие англичане.

В области экономической и внутренней политики курс лейбористов также стал вызывать нарастающее недовольство. Правительство Эттли - Бевина, сделав ряд крупных уступок трудящимся, с 1948 года приступило к обесценению этих уступок различными обходными мерами. В 1948 году правительство "заморозило" заработную плату, то есть запретило административными мерами ее увеличение, в то время как цены на предметы потребления и прибыли буржуазии продолжали расти. Начавшееся перевооружение своей основной тяжестью легло на плечи трудящихся. Недовольство трудящихся этими действиями привело к обострению положения в лейбористской партии, где расхождения между низами и верхами становились все более зримыми и острыми.

Руководство лейбористской партии чувствовало перемену политической погоды и начало заботиться об исходе очередных выборов в парламент. Поскольку в середине 1950 года предстояло большое увеличение военных расходов, а это безусловно должно было вызвать отрицательную реакцию в английском народе, лейбористские лидеры решили провести 23 февраля 1950 г. досрочные выборы в палату общин. Характерной чертой английской политической жизни является то, что в Англии выборы в парламент проводятся не в твердо зафиксированный срок, как, например, в США, а в любое по усмотрению правительства время на протяжении срока действия полномочий существующего парламента. Поэтому правительства всегда назначают выборы в наиболее психологически выгодное для них

время, то есть после проведения каких-либо популярных в стране мероприятий или накануне осуществления непопулярных мер. Так было и в данном случае.

Консерваторы шли на выборы, перестроив радикально свою организацию и разработав ряд привлекательных программных документов, а также используя недовольство в народе лейбористским правительством. Программа лейбористов была неопределенной, но свидетельствовала, что они не намерены осуществлять в будущем радикальные реформы вроде тех, которые были проведены в первые послевоенные годы.

На выборах лейбористы получили 315 мест, а консерваторы - 297. Подавляющее лейбористское большинство упало до минимума. Положение в парламенте создалось неустойчивое, и поэтому вскоре ожидались новые выборы. При открытии нового парламента Эттли провозгласил: "Правительство короля должно продолжать свою деятельность". Но многие задавали вопрос - как долго оно будет действовать?

Иден по традиции спокойно и уверенно провел свою избирательную кампанию и "был возвращен", как говорят в Англии, в палату общин, получив внушительный перевес над своим лейбористским соперником в 9 тыс. голосов.

Проведя выборы, лейбористское правительство приняло трехлетнюю программу перевооружения, продиктованную членством Англии в НАТО, которая в результате последующего увеличения составила 4700 млн. ф. ст. Это означало увеличение налогов, снижение жизненного уровня народа, сокращение ассигнований на социальные нужды, жилищное строительство, просвещение и здравоохранение. Как и следовало ожидать, недовольство лейбористским правительством сильно возросло. В руководстве партии произошел раскол, ряд министров подали в отставку в знак протеста против осуществляемых мероприятий.

Правительству пришлось назначить новые выборы в палату общин на 25 октября 1951 г. Теперь программы двух партий еще менее отличались друг от друга, чем прежде. Консерваторов очень тревожило, что народные массы рассматривали их партию как партию поджигателей войны. Это была естественная реакция на фултонскую и другие речи Черчилля. По признанию Макмиллана, многие избиратели голосовали против консерваторов "в результате ожесточенных нападок" на Черчилля, обвинений в "поджигательстве войны". Таким образом, вопрос о мире был главным в избирательной кампании. Ни одна из основных партий не могла обоснованно утверждать, что она является поборником политики мира. Все же выборы принесли поражение лейбористам: они получили 295 мест в палате общин,

тогда как консерваторы провели 321 депутата. Иден традиционно был избран в своем избирательном округе.

Газета "Йоркшир пост" оптимистически расценивала его перспективы. К 50 годам, писала она, Иден уже имел четвертьвековой опыт парламентской деятельности, "он достиг вершины своих политических успехов". Время пребывания в оппозиции "может оказаться решающим формирующим периодом, ведущим из министерства иностранных дел на Даунинг-стрит, 10". Конечно, "Йоркшир пост" - газета, с которой Иден совсем недавно еще был связан родственными связями, но ее мнение разделяли многие в кругах консервативной партии. Им казалось, что Иден очень скоро заменит Черчилля.

Вопрос о том, куда направится Иден - в Форин оффис или в резиденцию премьер-министра, перешел теперь в практическую плоскость. Это был совсем не простой вопрос. Правительство должен формировать лидер партии, победившей на выборах. Это непреложный закон. Однако Черчиллю в это время было уже 77 лет. Он обладал крепким здоровьем, но под влиянием времени в организме неизбежно происходят изменения, влекущие за собой неотвратимый упадок физических и интеллектуальных сил. А на посту руководителя такого государства, как Англия, требуется огромный запас энергии. В те дни лорд Моран записывает: "Я сомневаюсь, располагает ли он необходимыми силами для занятия этого поста". Ко всему прочему прибавилась прогрессирующая глухота. Разумеется, недуги Черчилля тщательно скрывались от общественности, но целиком скрыть их, тем более от людей, с которыми ои общался, было невозможно. Поэтому в руководящих кругах консерваторов, особенно среди деятелей помоложе, все настойчивее раздавались голоса, что старику пора уже на покой.

Макмиллан вспоминал впоследствии: "Иногда "комитет 1922 года", наиболее влиятельный орган рядовых членов палаты общин, проявлял беспокойство. Иногда обнаруживались настроения, что лидер оппозиции уделяет слишком много времени написанию истории и поездкам по различным странам мира для произнесения речей международного значения и слишком мало внимания - проблемам внутренней политики". Моран 29 сентября 1951 г. записал: "Консерваторы полны сомнений. Со всех сторон из их рядов слышится, что Уинстон слишком стар и никогда не будет прислушиваться к советам других".

Черчилль знал об. этом. Но когда Моран говорил ему, что очень многие хотят его отставки, он с уверенностью отвечал: "Консерваторам нужно мое имя". И это действительно было так.

Поскольку, таким образом, свержение Черчиллю не грозило, вопрос о том, быть ему премьер-министром или нет, решал он сам. Сомнения у него были, и сильные, но в конце концов одержали верх его безграничное честолюбие и ненасытная жажда власти, которые не увяли и к 80 годам. Моран так характеризовал настроения своего пациента: "Когда борьба за власть подойдет к концу и его политическая жизнь закончится, Уинстон будет чувствовать, что уже не осталось цели для существования".

Окончательное решение было принято в начале октября. 4 октября очень близкий к Черчиллю деятель Брендан Бракен сказал Макмиллану: "Черчилль намерен пробыть премьер-министром в течение года или 18 месяцев (не более) в случае победы на выборах, Иден пойдет в министерство иностранных дел, Батлер - в министерство финансов". Следовательно, Черчилль ставил Батлера на третье место в партийной и правительственной иерархии.

28 октября 1951 г. Черчилль пригласил в свой загородный дом в Чартвелле Макмиллана (которому через шесть лет суждено было стать премьер-министром, Батлер им никогда не стал) и предложил ему министерство жилищного строительства. Макмиллан сообщает, что был ошеломлен. "Ну и назначение! Я ничего не знал о жилищной проблеме, за исключением того, что мы дали обязательство построить невероятно большое количество домов, обязательство, которое специалисты считали невыполнимым". Макмиллан, приехавший с женой, обратился к ней за советом; ее советы, "насколько, - говорил он сам, - я могу судить по долгому опыту, в целом всегда были разумны". Жена посоветовала ему принять предложение Черчилля, и Макмиллан занялся постройкой жилищ.

Иден в своих мемуарах обходит полным молчанием проблему формирования консервативного правительства осенью 1951 года, ограничиваясь лишь фразой: "По предложению Черчилля я опять стал министром иностранных дел и должен был незамедлительно претворять свои убеждения в действия".

Внешнеполитических проблем перед английским правительством было много, но Иден спокойно, на ходу принял Форин оффис у лейбористского министра. Нужно было продолжать работу в уже созданных военно-политических блоках, прилагать усилия для поисков путей ремилитаризации Западной Германии (в принципе этот вопрос был решен ранее), предстояло вести "холодную войну" против Советского Союза, пущенную на полный ход предшественниками Идена.

Никаких принципиальных изменений во внешнеполитический курс новый министр не внес. Он лишь

продолжал и развивал начатое, а это гораздо проще и легче, чем совершать крутые повороты. Претензии на руководящую роль Англии, по крайней мере в европейских делах, тоже были заявлены ранее; Идену нужно было лишь поддерживать их. "Следующие три года, с 1951 по 1954 год, - замечает Макмиллан, - оказались периодом трудной и сложной дипломатии, в которой, как, естественно, ожидали, английское правительство будет играть ведущую роль". Никак не могли английские деятели отделаться от привычного стремления везде и во всем играть "ведущую роль", хотя и сил для этого уже было недостаточно, и условия явно не благоприятствовали. После второй мировой войны необоснованные амбиции лишали английскую внешнюю политику реализма.

По давно установившейся традиции руководство внешней политикой находится в руках премьер-министра и министра иностранных дел. И Черчилль, и Иден были опытными деятелями в этой сфере, они хорошо знали внешнеполитическую работу и пользовались полной поддержкой со стороны кабинета.

В кабинете, несмотря на номинальное равенство всех его членов и их коллективную ответственность за принимаемые решения, власть распределяется крайне неравномерно. Есть "большие ребята", то есть премьер-министр, министр иностранных дел и министр финансов, которые вместе с одним-двумя другими министрами, пользующимися особым весом и престижем, представляют правящую группу, обладающую всей полнотой реальной власти. Их коллеги по кабинету по традиции занимаются делами своего ведомства, а на заседаниях кабинета при обсуждении других вопросов молчат с достойным видом и лишь изредка бросают малозначительные реплики.

В составе последнего кабинета Черчилля лишь Макмиллан проявлял повышенный интерес к вопросам внешней политики, точнее к европейским делам, но и он, хотя и не во всем, соглашался с правящей группой, не становился в положение оппозиционера к Черчиллю и Идену. В общем в этом отношении Иден мог чувствовать себя абсолютно уверенным и работать спокойно.

Вернувшись в Форин оффис, Иден сразу же предпринял серию поездок по столицам западноевропейских стран и в США. Нужно было восстановить контакты с государственными руководителями, "замороженные" с !945 года, выяснить на месте положение в отдельных странах, чтобы со знанием конкретных условий строить с ними отношения. Конечно, было приятно вновь почувствовать себя на коне, увидеть собственные фотографии в прессе и свою фамилию, набранную крупными буквами на первых

страницах газет.

К этому времени уже повсеместно распространилось телевидение, и Иден охотно выступал перед телекамерами. Он был фотогеничен - от этого его речи по телевидению казались более интересными, чем в палате общин. Ничто человеческое Идену не было чуждо, хотя он, конечно, был менее тщеславен и честолюбив, чем Черчилль.

В самом начале 1952 года Черчилль и Иден направились на океанском лайнере "Куин Мэри" в США. Их сопровождала большая группа гражданских и военных советников, включая начальников штабов трех родов войск. Делегация была составлена по образцу делегаций военного времени на совещаниях "большой тройки". Но времена были другие, соотношение сил уже полностью определилось, и с Англией в Вашингтоне считались мало. В общем поездка погоды не сделала. По окончании бесед с Трумэном было опубликовано бесцветное коммюнике - набор общих фраз.

После окончания переговоров Иден направился в Нью-Йорк, где ему был вручен диплом почетного доктора права Колумбийского университета. По традиции, принятой для таких случаев, гость произнес речь о международных отношениях. Это был как бы манифест, формулирующий взгляды Идена и его правительства. Иден вспомнил печальной памяти Лигу Наций, сказал о своей верности ее идеалам и призвал к моральному и идеологическому единству западного мира, ибо, как он заявил, "враг стоит у ворот, готовый воспользоваться нашими несогласиями". Кто же этот враг рода человеческого и буржуазной цивилизации? "Злобная доктрина коммунистического империализма".

Далее Иден изложил свое понимание коммунизма. Это был иденовский вариант речи, произнесенной в свое время Черчиллем в Фултоне. Английский министр иностранных дел вновь показал себя убежденным врагом коммунизма и СССР. Он призвал американцев и своих соотечественников создать силу, способную заставить Советский Союз подчиниться англо-американскому диктату. Для этого нужно объединить материальные и духовные ресурсы западной цивилизации. Речь в Колумбийском университете разъяснила тем, кто в этом нуждался, что политика Идена и его правительства явится продолжением конфронтации с социализмом и Советским Союзом, политикой "с позиции силы". Здесь перед нами настоящий Иден, без маскировочных одежд. Таким он будет на протяжении всех оставшихся пяти лет своей политической и государственной деятельности.

В 1952 году произошли важные перемены в личной жизни

Идена. В марте его сын Николас покинул Оксфорд, так и не закончив университетского образования. Учеба плохо давалась Идену-младшему, мало его интересовала, и он решил бросить ее. Отец устроил сына на видный и обещающий быстрое продвижение в будущем пост адъютанта генерал-губернатора Канады. Положение отца и фамильные связи выручили Николаса, как они спасали многие сотни отпрысков аристократических и крупнобуржуазных фамилий.

12 августа появилось сообщение, привлекшее пристальное внимание некоторых слоев общества в Англии и в США. Стало известно, что Иден вторично вступает в брак. Его невеста - Кларисса Черчилль, племянница премьер-министра Уинстона Черчилля, дочь его покойного брата Джона. По линии отца ее родословная восходит к герцогам Мальборо, а по линии матери - к графам Абингдон. Невесте исполнилось тогда 32 года, она была на 23 года моложе жениха.

Кларисса Черчилль успешно закончила в 1938 году Оксфордский университет, где изучала философию. Затем была представлена ко двору, занималась в школе живописи, ее много фотографировали для журналов мод. В годы войны Кларисса работала в министерстве пропаганды. В ее обязанности входила подготовка еженедельной газеты "Британский союзник", которая распространялась английским посольством в Советском Союзе на русском языке в соответствии с соглашением между правительствами СССР и Англии. Затем она работала в Форин оффис - шифровальщицей и на канцелярской должности.

По словам Барденса, "Кларисса была совершенно неизвестна за пределами узкого круга аристократов" и университетских преподавателей. Она пробовала свои силы на литературном поприще, публикуя в журнале "Вог" статьи о балете, театре, искусстве. Отмечали, что статьи свидетельствовали о наличии у автора художественного вкуса, но стиль оставлял желать лучшего, и журналы публиковали эти материалы, явно учитывая положение Клариссы в обществе. Одно время она была занята рекламой кинокартин, которые выпускал продюсер Александр Корда, действуя как связующее звено между ним и американскими журналами. Вскоре Кларисса уже в журнале "Контакт". Аристократические связи и родство с премьер-министром открывали его племяннице доступ ко всем видным людям Англии. Вероятно, в этом и состояла прежде всего ее ценность как журналиста и сотрудника рекламы.

У Клариссы были квартира в Лондоне, где она принимала своих гостей, и приятный коттедж за городом, где она обычно проводила конец недели. Говорили, что у нее много знакомых, но

мало друзей. Среди близких ей людей называли Грету Гарбо, подвизавшегося в аристократических кругах фотографа Сесиля Бирона, личного секретаря Идена Николаса Лауфорда, бывшего министра Даффа Купера.

С Иденом Кларисса встречалась в загородных домах Уинстона Черчилля и герцогини Кентской. У них было много общего: аристократическое происхождение, близость к Черчиллю, любовь к гольфу, теннису, плаванью, работе в саду, увлечение живописью и путешествиями.

В отношении театра их вкусы расходились. Иден любил представления легкого жанра, на которых можно рассеяться, отдохнуть. Кларисса предпочитала драмы Ибсена и Шекспира.

Как только известие о предстоящем браке распространилось, посыпались поздравления. Одним из первых прислал поздравительную телеграмму сын Николас.

За день до свадьбы Кларисса переехала на Даунинг-стрит, к дяде. Церемония регистрации брака, занявшая 18 минут, была подчеркнуто простой и контрастировала с роскошной первой свадьбой Идена в фешенебельной церкви святой Маргариты. В качестве главного свидетеля выступал Уинстон Черчилль; присутствовали его жена Клементина, сын Рандольф, две замужние дочери с супругами, а также несколько родственников и друзей Идена и родственники Клариссы. На улице, конечно же, появления молодых ожидала толпа любопытных (утверждают, 2000 человек), а следовательно, присутствовала и конная полиция.

После церемонии на Даунинг-стрит, 10, устроили торжественный прием. Снимки молодоженов, сделанные в этот день в саду резиденции премьер-министра, являются непременной принадлежностью всех иллюстрированных биографий Идена.

Традиция предусматривает после свадьбы хотя бы краткий "медовый месяц". И она была соблюдена. Первый день новобрачные были гостями в доме миллионера Стрейта, вблизи лондонского аэропорта. На следующий день они вылетели в Лиссабон. Здесь произошел инцидент, сделанный биографами Идена достоянием истории. Иден пришел в бешенство, когда обнаружилось, что в гостинице, где он забронировал номер, нет плавательного бассейна. Супруги демонстративно покинули гостиницу и провели свой недельный "медовый месяц" в глубине Португалии, в одном из красивых курортных мест.

Женитьба была сопряжена для Идена с известными неприятностями. Реакционные деятели англиканской церкви выразили свое недовольство тем, что Иден вступил во второй

брак при живой первой жене. Газета "Черч тайме" писала: "Женитьба на этой неделе министра иностранных дел при том, что его бывшая жена, с которой он развелся в 1950 году, еще жива, не может пройти без комментариев. Личная жизнь Идена - это его личное дело, как и любого другого человека. Но его высокое общественное положение должно придавать особое значение его частным действиям. Поколение тому назад министр иностранных дел, который имеет шансы стать премьер-министром, был бы вынужден выбирать между карьерой и таким браком... Беспрецедентный поступок Идена на этой неделе... показывает, насколько изменился общественный климат после 1936 года[8]. Мир открыто отвергает закон Христа в этих, как и во многих других, делах". Конечно, в прессе появились выступления в защиту Идена. Привлекли к себе внимание письма религиозных деятелей из избирательного округа Идена; они встали на защиту своего депутата. А в общем большого шума не было, и брюзжание церковников ущерба Идену не принесло.

В следующем году Иден очень тяжело болел. У него были внутренние боли, усиливавшиеся во время перелетов на самолетах. Врачи, как это обычно бывает, ставили различные диагнозы. В конце марта 1953 года Иден почувствовал себя настолько плохо, что, хотя он должен был направиться с официальным визитом в Турцию, врачи и близкие настояли на проведении немедленного обследования. Рентген показал камни в желчном пузыре, и медики высказались за немедленную операцию. Поездки в Турцию и ряд других стран были отменены; для Идена начался период тяжких физических страданий и упорной борьбы за жизнь.

9 апреля в одном из лондонских госпиталей его оперировали, удалили желчный пузырь, но это не привело к выздоровлению. Температура держалась высокая, он слабел, повторилась желтуха, перенесенная им прошлым летом. Врачи решили произвести вторую операцию, она состоялась 29 апреля, но пациенту и после этого не стало лучше.

Вскоре в Лондон для чтения лекций приехал известный американский хирург Каттел, крупнейший специалист по болезням желчного пузыря. Кларисса добилась, чтобы он осмотрел ее мужа. После этого пять медиков, включая хирурга, оперировавшего Идена, опубликовали бюллетень, сообщавший, что главный желчный проток после операции не закрылся и что потребуется еще одно хирургическое вмешательство. Каттел заявил, что Иден никогда не выздоровеет, если не будет сделана третья операция. Он брался сделать эту операцию, был уверен и успехе, но поставил условие, чтобы Идена доставили II Бостон

(США), где имелось специальное оборудование, отсутствовавшее в Англии. Иден решил оперироваться в Америке.

Были приняты необходимые подготовительные меры. Идена перевезли пока в Чекере, где он пытался встать на ноги, но безуспешно. В начале июня генерал-губернатор Канады прислал за Иденом свой самолет, оборудованный удобной кроватью. Черчилль с женой были единственными провожающими. В сопровождении Клариссы Иден отправился в Бостон. Перелет через Атлантику - дело нелегкое и для здорового человека. Идену пришлось пару дней собираться с силами в Бостоне (там его встретил сын Николас, прибывший из Канады), прежде чем Каттел приступил к делу. Операция прошла успешно, и Иден начал медленно выздоравливать.

После операции он провел некоторое время в спокойной обстановке на берегу Атлантического океана, в доме одного из своих американских друзей. Здесь Иден получил известие, что у Черчилля был инсульт, но что он намерен протянуть некоторое время и не подавать в отставку, пока его преемник сможет приступить к работе. До возвращения Идена Черчилль поручил Солсбери временное руководство министерством иностранных дел, а на Батлера возложил обязанности по наблюдению за всеми внутриполитическими делами.

Отдыхая и медленно поправляясь, Иден много читал, гулял на свежем воздухе и смотрел телевизор. Окончательно выздоровел он на французской Ривьере, где гостил вместе с сыном на вилле лорда Уорвика. В заключение Иден совершил прогулку на яхте по Средиземному морю, посетил Грецию, остров Крит. 5 октября он приступил к работе, загорелый и окончательно выздоровевший.

В это время главное внимание Идена было сосредоточено на конфронтации с Советским Союзом и другими социалистическими странами в Европе. Вести борьбу против СССР в одиночку английское правительство не собиралось. Во-первых, для этого оно не располагало необходимыми силами и, во-вторых, как уже говорилось, английская политическая традиция состояла в том, чтобы максимально перекладывать тяжесть борьбы с противником на своих союзников. Вот их-то лихорадочно собирали, подбадривали и строили в антисоветскую шеренгу оба английских правительства, действовавших в первые послевоенные годы. Командовать шеренгой, разумеется, должны были из Лондона.

Черчилль и Иден еще в годы войны строили планы создания единого контрреволюционного фронта в Европе. В 1946 году Черчилль в развитие этих планов предложил в речи в Цюрихе

"создать что-то вроде Соединенных Штатов Европы". Дюнкеркский договор 1947 года между Англией и Францией и договор о создании Западного союза, включавшего Англию, Францию и страны Бенилюкса, явились реализацией этого замысла. В 1949 году при активнейшем участии английских консерваторов конференция европейских государственных деятелей, состоявшаяся в Гааге, создала европейский совет. Одновременно учреждалась консультативная ассамблея в Страсбурге для обсуждения проблем европейского единства и совет министров.

Уже тогда была введена в обращение фальшивая терминология. Создатели так называемых европейских сообществ назойливо кричали об объединении Европы. В действительности же все обстояло иначе - речь шла о расколе Европы и о противопоставлении империалистической Западной Европы социалистической Восточной Европе. Это терминологическое лицемерие прочно укоренилось и применяется поныне на Западе вообще, и прежде всего в речах английских политиков и в английской буржуазной печати.

Из мемуаров Идена явствует, что "объединяли Европу" английские правящие круги как против СССР, так и против прогрессивного движения в европейских странах. Он говорит, что после войны Советский Союз "стоял в Европе почти в полной силе" и "в этих условиях отсутствие германской армии... представляло собой критическую слабость". Значит, нужно было устранить эту слабость, то есть создать германскую армию, ремилитаризовать Германию (лучше всю, а в крайности хотя бы те ее части, которые оккупированы западными державами) и использовать ее в качестве ударной силы против СССР.

Так думали английские правящие круги. Но подавляющее большинство французского народа, на опыте трех войн познавшего, что означает для безопасности Франции германский милитаризм, были против того, чтобы через шесть лет после окончания второй мировой войны вручать немцам оружие. "Французское общественное мнение, - пишет Иден, - с ненавистью относилось к идее перевооружения Германии". Ремилитаризации опасались не только французы, но и другие народы. Отсюда и поиски средств, при помощи которых можно было бы снять их возражения, - поиски, приведшие к плану создания Европейского оборонительного сообщества (ЕОС).

На свет появился так называемый "план Плевена", который предусматривал создание вооруженных сил ФРГ в рамках единой европейской армии. Германские части подлежали вкраплению в соединения единой армии западноевропейских стран мелкими подразделениями. Считалось, что подобная мера является

надежной гарантией, чтобы Западная Германия не напала на своих соседей - союзников по "европейской армии". Естественно, что в Бонне с восторгом встретили этот план. ФРГ после второй мировой войны получала оружие значительно раньше, чем Веймарская республика после первой. К осени 1951 года "план Плевена" уже превратился в план создания Европейского оборонительного сообщества, и его основные условия были согласованы между странами- участницами.

Здесь и обнаружилась двойная игра английского правительства. 11 августа 1950 г. Черчилль, выступая в консультативной ассамблее в Страсбурге, говорил: "Мы должны сделать жест практического и конструктивного руководства, провозгласив, что мы за немедленное создание европейской армии под унифицированным командованием, в которой мы будем играть достойную и почетную роль" (подчеркнуто мною. - В. Т.). Если бы не было бесчисленных аналогичных заявлений английских деятелей и того же Черчилля на сей счет, то уже одного этого выступления было бы достаточно, чтобы считать позицию Англии абсолютно ясной: она - главный инициатор, главный участник создаваемой "европейской армии".

Так и считали заинтересованные европейские политики, многие из которых видели в английском участии дополнительную гарантию лояльного поведения ремилитаризованной Западной Германии в отношении своих союзников, как вдруг оказалось, что Англия и не собирается практически участвовать в ЕОС и давать свои воинские части в состав "европейской армии". Бесцеремонно подстегивая западноевропейские страны к созданию этой армии и к ремилитаризации ФРГ, сама она была намерена сохранить свободу рук.

В ноябре 1951 года видный английский министр Максвел Файф сделал в Страсбурге заявление, текст которого был утвержден английским кабинетом. "Я не могу обещать полное и безоговорочное участие Англии в ЕОС", - заявил министр. В тот же день несколькими часами позже Иден, выступая в Риме на пресс-конференции, провозгласил желание Англии установить "самую тесную связь с Европейским оборонительным сообществом на всех стадиях его развития".

Корреспонденты мгновенно уловили разницу между "участием" и "связью" и поставили дополнительные вопросы. Отвечая, Иден разъяснил: слово "связь" не предусматривает, что английские соединения и воинские части будут включены в "европейскую армию" и могут быть изобретены какие-то иные формы связи. Естественно, что обнаружившаяся неискренность и

двойная игра английской дипломатии вызвали глубокое возмущение у правительств западноевропейских стран. По словам Макмиллана, эта позиция многими квалифицировалась как "высокомерная" и "не помогающая делу".

1 декабря Иден написал Черчиллю записку, формулирующую английскую позицию по этому вопросу: "Я никогда не считал возможным, что мы присоединимся к европейской армии... Мы должны поддержать план Плеве- на, хотя не можем быть его участниками. Это то, что делают американцы..."

Ссылка на американцев объясняет мотивы английской позиции. Официально Иден и другие министры объясняли, что Англия не сможет связать себя с ЕОС более прочно, ибо у нее существуют традиционно-исторические связи со странами Содружества, которые не допускают ее полного членства в Европейском оборонительном сообществе. В своей речи в Колумбийском университете Иден говорил: "История Англии и ее интересы лежат далеко за пределами европейского континента. Наши мысли обращаются через моря во все уголки земного шара, ко многим сообществам, в которых наш народ играет свою роль. Это наши семейные связи. Это наша жизнь".

Спору нет, английская экономика и политика во многом зависели да и сейчас зависят от связей со странами Содружества. Но, во-первых, эти связи быстро трансформировались, так что Англия могла, невзирая на них, участвовать в ЕОС, скажем, на таких же условиях, как Франция. Ведь у Франции тоже было свое "сообщество". родившееся на развалинах колониальной империи, и она была связана с ним теми же узами, что и Англия с Британским содружеством. Во-вторых, известно, что когда Англия пожелала тесно связать себя с Европой через шесть-семь лет (то есть обратилась с просьбой о приеме в "Общий рынок"), то имперские связи не удержали ее от этого шага. Наконец, в-третьих, когда Черчилль и другие министры в начале 50-х годов говорили о ЕОС с участием Англии, они никак не могли при этом забывать об имперской роли Англии и, следовательно, считали одно совместимым с другим.

Пожалуй, главный мотив изменения английской позиции в отношении ЕОС состоял в том, что англичане хотели делать "то, что делают американцы", то есть обеспечить контроль над проектировавшейся военной группировкой и, играя на противоречиях между ее членами, прежде всего между Францией и Германией, направлять ее политику и стратегию в своих интересах. Эта тактика является производной от твердого намерения английских правящих кругов использовать разгром Германии и Италии и временное ослабление Франции для

установления после второй мировой войны гегемонии Англии в Западной Европе.

Почему же вначале английское правительство было готово участвовать в ЕОС наравне с другими, а затем изменило свою позицию? Что это было? Исправление ошибки? Никоим образом. Лондонские политики вначале полагали, и весьма обоснованно, что если они будут организовывать других и при этом заявят, что сами не намерены "организовываться" в силу своих особых интересов и особой роли в мире и в Европе, то другие страны не пойдут на создание этой военно-политической группировки. Когда же подготовительная работа далеко продвинулась, в Лондоне решили, что теперь можно спрыгнуть с поезда, дальше он пойдет, по инерции. Коварство, неискренность? Да. Но к этому партнеры Англии должны были уже привыкнуть.

Внутри английского правительства существовали различные мнения относительно линии Англии в вопросе ЕОС: Макмиллан, Максвел Файф и некоторые другие министры считали, что Англия должна вступить в сообщество. В противном случае, писал Макмиллан, "будет Европейское сообщество, из которого мы будем исключены и которое будет эффективно контролировать Европу...

Германия сейчас слаба. В дальнейшем в конечном счете она будет сильнее Франции и, следовательно, мы сами приведем дело к тому, что через двадцать лет Германия будет господствовать в Европе, во имя предотвращения чего мы принесли такие огромные жертвы в течение жизни одного поколения". В своих мемуарах Макмиллан неоднократно отмечает: "Я боялся, что, если оборонительное сообщество возникнет без нас, Европа в конце концов окажется под гегемонией Германии". Таким образом, для Макмиллана и его единомышленников вопрос сводился к следующему: как предотвратить гегемонию Германии в Европе и как захватить руководящую роль в европейских делах в свои руки.

Для придерживавшихся другой точки зрения: Идена, Черчилля и большинства членов кабинета - суть дела тоже сводилась к этому. Но они полагали, что своих целей английское правительство сможет лучше добиться, находясь вне сообщества. Борьба против СССР накладывала сильный отпечаток на их позицию. Для этой группы членов кабинета, замечает Макмиллан, "единственной жизненно важной проблемой была скорейшая организация сил НАТО, включая вклад Германии", против Советского Союза.

Верх легко одержала позиция Идена, и он занялся уговорами французского правительства отбросить обуревавшие его

сомнения и согласиться на создание ЕОС. Форин оффис разработал ряд предложений, которые должны были соблазнить французов. Предлагалась деклараций Англии и США о поддержке Франции в случае, если Германия станет угрожать ей после ремилитаризации, предлагался договор между Англией и сообществом, содержащий аналогичное обязательство, а также другие гарантии. И все же французы колебались. Слыша все эти обещания, они явно вспоминали похожие гарантии, которые давала Англия Франции в 20 - 30-х годах, и то, к чему они привели.

В конце концов соглашение было достигнуто, и 26 мая 1952 г. представители Англии, США, Франции и ФРГ подписали в Бонне договор об отношениях между тремя державами и ФРГ, предусматривавший участие Западной Германии в Европейском оборонительном сообществе, в "европейской армии", отмену оккупационного статуса и предоставление ФРГ самостоятельности во внутренней и внешней политике. На следующий день правительства ФРГ, Франции, Италии, Бельгии, Нидерландов и Люксембурга в Париже подписали договор, оформивший создание Европейского оборонительного сообщества.

Перед мировым общественным мнением явственно вырисовывались два диаметрально противоположных подхода к решению германской проблемы. Если Советский Союз добивался воссоединения Германии на мирной демократической основе и заключения с ней мирного договора, то западные державы стремились дать немецким реваншистам в руки оружие и использовать их в конфронтации со странами социализма.

СССР решительно выступал против ремилитаризации ФРГ, настаивал на заключении мирного договора с Германией и выводе впоследствии из страны оккупационных войск. 11 марта 1952 г. Советское правительство внесло на рассмотрение правительств Англии, США и Франции проект основ мирного договора с Германией. Этот проект предусматривал восстановление Германии в качестве единого, независимого, миролюбивого, демократического государства. Советские предложения позволяли исключить возрождение германского милитаризма и возникновение в будущем агрессии со стороны Германии. В этом был заинтересован отнюдь не один Советский Союз, но и Франция, и другие соседи Германии, да и сама Англия, если исходить из ее коренных жизненных интересов.

После подписания Боннского договора Советское правительство, учитывая новую сложившуюся обстановку, то есть заключение официального военного союза между Англией, США,

Францией и ФРГ, предложило западным державам обсудить на совещании четырех держав вопросы о мирном договоре с Германией и образовании временного общегерманского правительства. "Россия, - читаем у Макмиллана, - на протяжении весны 1952 года начала выдвигать предложения о встрече для обсуждения вопроса о воссоединении Германии. Иден отвел это вмешательство со значительной ловкостью, сразу же подняв вопрос о том, что условия выборов в Германии должна определить Комиссия Объединенных Наций". "Ловкость" Идена была ясной для Советского правительства: он предложил так организовать выборы, чтобы их результатом явились восстановление капитализма в ГДР и включение единой Германии в империалистические военные блоки. Разумеется, ни Советский Союз, ни ГДР эта "ловкость" не привлекала.

Одновременно Иден подчеркивал свою готовность вести переговоры с Советским Союзом. Для чего? Отнюдь не для того, чтобы искать взаимоприемлемые решения германского вопроса. Во время встречи с французским министром иностранных дел "Шуман и я обсудили возможную реакцию Советского Союза на... договор о ЕОС. Договорились, что, настойчиво добиваясь реализации наших собственных планов, мы в то же время должны приложить все усилия, чтобы побудить русских огласить свои намерения в отношении Европы. Мы должны продемонстрировать, что всегда готовы вести переговоры", - пишет Иден.

В данном случае мы имеем дело с методом, часто применяемым английской дипломатией. Без лишнего шума она упорно работает над реализацией своих империалистических замыслов, а для маскировки в то же время ведет переговоры, преследующие совершенно другие цели. Это дает ей возможность выяснить позицию и намерения тех правительств, которые выступают против истинных стремлений. Лондона, и в известной степени сдерживать или хотя бы несколько смягчать их выступления против английской политики. Ведь переговоры обязывают их участников проявлять сдержанность не только за столом! Переговоры для английской дипломатии - это средство в какой-то мере связать своего противника. В то же время они используются и как средство связать английское и мировое общественное мнение.

В Англии и во многих других странах были очень сильны протесты против планов ремилитаризации Германии. То было широкое движение, определявшее поведение многих депутатов парламента. Чтобы заглушить это движение, английское правительство демонстративно подчеркивало свою готовность

вести переговоры с Советским Союзом по германскому вопросу. Рядовому англичанину внушалось представление, что Иден и Черчилль полны решимости обсуждать советские предложения и искать по ним соглашения. Это отвечало настроениям английского народа, которому, конечно, не сообщали, что договариваться с Советским Союзом лондонское правительство в действительности никоим образом не намерено.

Разумеется, такие переговоры успеха иметь не могли. И когда их очередной этап заканчивался, английское правительство приписывало отсутствие результатов "несговорчивости" русских. Это - дипломатия с двойным дном, дипломатия обмана и дезинформации английского народа и мирового общественного мнения.

Осуществление такой дипломатии ставит важный для публициста и историка вопрос: в какой степени заявления английских политиков и дипломатов и документы Форин оффис, относящиеся к подобным переговорам "по-английски", заслуживают доверия? Нет необходимости подсказывать читателю ответ.

После подписания Боннского и Парижского договоров началась борьба по вопросу об их ратификации, затянувшаяся на два года. Именно в этот период лорд Солсбери (в отсутствие больного Идена) направился в Вашингтон для обсуждения с американским правительством ряда проблем, включая и вопрос о ЕОС. Черчилль дал ему письменную директиву, в которой говорилось: "Я надеюсь, что ЕОС сделает французов менее беспокойными, а Советскую Россию - более расположенной сотрудничать со мной... Если мы заполучим ЕОС, то сможем разговаривать с Россией с позиции силы, ибо перевооружение Германии - это единственная вещь, которой русские боятся. Я намерен использовать Германию и ЕОС, чтобы заставить Россию быть благоразумной, заставить ее пойти на соглашение. И я использовал бы Россию, чтобы не допустить непослушания Германии". "Это звучит цинично", - заключает сам Черчилль, и нам остается лишь присоединиться к нему. Вот она, английская внешняя политика и дипломатия без прикрас и маскировки. Такие документы заслуживают того, чтобы им верили.

В марте 1953 года у правительств Англии и США неожиданно возникли надежды на то, что тотальный нажим на Советский Союз, наконец, даст результаты, которых желали в Лондоне и Вашингтоне. Умер И. В. Сталин. В начале марта Иден и Батлер пароходом отправились в США и, находясь на подходах к Нью-Йорку, узнали эту новость. На пирсе Идена поджидала толпа корреспондентов. Всех их интересовало мнение о том, как

отразится смерть Сталина на международных отношениях. Каковы бы ни были мысли Идена на этот счет, он удержал их при себе, ограничившись дипломатической уловкой: "В вашей позиции правильно поставить такой вопрос, - сказал он журналистам, - а в моей - не отвечать на него". Но если английский министр не прореагировал па этот вопрос вслух, то самому себе он задавал его десятки и сотни раз.

До начала переговоров в Вашингтоне Иден, как он сам рассказывает, предавался воспоминаниям и размышлениям. Он вспомнил свою первую встречу со Сталиным в 1935 году. В ходе беседы тогда Сталин вдруг встал, подошел к висевшей на стене карте мира и, показав на Англию, заметил: "Странно, что так много зависит от одного небольшого острова". Иден перебирал в памяти свои беседы со Сталиным в декабре 1941 года, когда немцы были так близко, что, казалось, собеседники должны были слышать грохот их орудий...

Смутные расчеты, которые начали бродить в уме Идена в связи со смертью Сталина, свидетельствовали, что Иден слишком персонифицирует внешнюю политику государств и преувеличивает роль отдельных личностей в истории. Это недуг многих западных политиков.

Теперь, когда Сталина не было в живых, руководителям западного мира казалось, что создалась благоприятная возможность предпринять новую политическую атаку на Советский Союз. По согласованной ранее программе пребывания английских министров в США Иден должен был встретиться с президентом Эйзенхауэром через несколько дней. Но 4 марта, высадившись в Нью-Йорке, он немедленно вылетел в Вашингтон и, как рассказывает биограф Идена Броад, "принял участие в поспешно созванном в тот же вечер совещании в Белом доме". На совещании Иден, генерал Эйзенхауэр и новый государственный секретарь Джон Фостер Даллес "обменялись мнениями о будущем России".

"Будет ли склонен Советский Союз после смерти Сталина проявлять меньшую враждебность в отношении Запада? Это был вопрос, занимавший все умы", - пишет Броад. Под "уменьшением враждебности", понятно, разумелась большая уступчивость со стороны СССР. На следующий день, выступая на завтраке в пресс-клубе, Иден "говорил об этом с надеждой". "Западные державы, - сказал он, - должны быть готовы вести переговоры с Россией с целью прекратить разделение мира на два вооруженных лагеря... Я полагаю, что можно занять только одну позицию - наращивать нашу мощь и приспособиться к событиям, которые могут произойти".

По окончании вашингтонских переговоров было опубликовано совместное коммюнике, гласившее, что министры обменялись мнениями о "событиях, происходящих в Советском Союзе".

Министры договорились продолжать наращивать военную мощь НАТО и под угрозой ее применения попытаться вынудить Советский Союз на крупные уступки. Черчилль загорелся идеей новой встречи в верхах с участием СССР, полагая, что лучше его никто не сможет навязать Советскому правительству выгодное для Запада решение важнейших международных проблем. Престарелый английский премьер 25 июня 1953 г. говорил Морану: "Я чувствую, Чарльз, что в моих силах сделать то, чего не может никто другой. Я был на вершине своих возможностей, обмениваясь дружескими посланиями с Маленковым и Аденауэром... Я протянул руку, чтобы пожать лапу русскому медведю. Мои возможности огромны... Я чувствую, что могу изменить к лучшему состояние мира. Америка очень сильна, но действует топорно".

В духе единого англо-американского подхода к отношениям с СССР президент Эйзенхауэр 16 апреля обратился к Советскому правительству с требованием дать наглядное подтверждение его стремления к миру. "Нас интересует, - писал президент, - только искренность мирных целей, подтвержденная делами. Возможностей для таких дел много". Под "делами" разумелись уступки в коренных международных проблемах. От Советского Союза требовали именно односторонних уступок, а не предлагали ему достижения компромиссной (при уступках с обеих сторон), равноправной, взаимно выгодной договоренности.

Понятно, что таким языком нельзя было вести конструктивный разговор с СССР ни до 1953 года, ни в последующий период.

Вскоре руководящие деятели Англии и США убедились в этом. В 1959 году Иден, вспоминая весну 1953 года, писал, что, "хотя смерть Сталина привнесла некоторые изменения в технику проведения внешней политики Москвой, реальный характер этой политики не изменился". Он мог бы прийти к подобному выводу и в 1953 году, если бы понимал, что внешняя политика правительства определяется социальной структурой государства, интересами стоящих у власти классов и поэтому остается в принципе неизменной, если не происходит изменений в этих сферах. Разумеется, возглавляющие государство деятели накладывают определенный отпечаток на те или иные дипломатические акции, но они не могут изменить цели и принципиальную основу внешней политики. Внешнеполитическая

деятельность КПСС на всем протяжении существования Советского государства неизменно определялась ленинскими принципами внешней политики социализма - принципом пролетарского интернационализма и принципом мирного сосуществования государств с различным социальным строем.

На протяжении 1953 и 1954 годов английское правительство упорно добивалось ратификации соглашений о создании Европейского оборонительного сообщества. Опасным местом была французская палата депутатов. Иден вел нескончаемые переговоры на этот счет с министрами де Голля. В то же время Черчилль произносил публичные речи, содержавшие угрозы в адрес Франции, если она не ратифицирует соглашения о ЕОС. Одна из этих угроз состояла в том, что английское правительство может пойти на нормализацию отношений с СССР. 11 мая 1953 г. Черчилль выступил с речью о возможности некой договоренности с Советским Союзом. Между прочим, эта речь свидетельствовала о большой "гибкости" английских политиков: они сколачивали ЕОС, запугивая западноевропейские страны "советской угрозой", а при необходимости могли поднажать на них, припугнув возможностью соглашения с СССР.

Но это заявление оказало на французское правительство как раз обратное влияние по сравнению с тем, на что рассчитывали в Лондоне. 30 августа 1954 г. палата депутатов Франции 319 голосами против 264 отклонила соглашение о создании Европейского оборонительного сообщества. Это был крупный провал европейской политики английского кабинета. Однако лично для Идена этот удар был смягчен успехом проходившей с его участием летом 1954 года международной конференции в Женеве, занимавшейся проблемами Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии.

В январе 1950 года Англия установила (в весьма ограниченном объеме) дипломатические отношения с только что образовавшейся Китайской Народной Республикой. Но это отнюдь не означало, что английский империализм смирился с огромными переменами, происходившими в Азии и на Дальнем Востоке. Против социалистической и национально-освободительной революций, развернувшихся в этих районах, США и Англия вели ожесточенную борьбу. Когда в 1950 году США совершили агрессию против КНДР, Англия стала их самым активным союзником, направив в Корею дивизию Британского содружества наций. Это была жестокая война, и ответственность за псе несет и Англия. К моменту возвращения Идена в Форин оффис империалистические силы уже проиграли эту войну, но поиски за столом переговоров формулы, которая позволила бы

Соединенным Штатам выйти из положения, "сохранив свое лицо", затянулись. Препятствием на пути соглашения о перемирии явился вопрос об обмене военнопленными. Иден выступил с предложением разменять для начала больных и раненых военнопленных. Предложение было реализовано. Считают, что здесь проявилась характерная черта дипломатической тактики Идена: если по серьезным вопросам переговоры заходили в тупик, он пытался наладить хотя бы мелкое, частичное соглашение по какому-либо из аспектов спорной проблемы. Такое частичное соглашение вело к улучшению взаимопонимания между спорящими сторонами и открывало дополнительные возможности для поисков компромисса по основной проблеме. Разумеется, подписанное 27 июля 1953 г. соглашение о перемирии в Корее явилось не заслугой Идена, а крупной победой миролюбивых сил, свидетельством успешности борьбы СССР и других социалистических стран за ослабление международной напряженности.

После Кореи наиболее опасным районом международной напряженности был Индокитай, где пылал все разраставшийся очаг войны. В 1945 году, в момент окончания второй мировой войны, Англия высадила свои войска в Индокитае с целью поддержания "порядка", пока не вернется французская колониальная администрация. В Лондоне всячески стремились помешать победе национально-освободительной революции в Индокитае, ибо рядом, совсем близко, находились крупнейшие и ценнейшие английские колонии, для которых пример Индокитая мог оказаться заразительным. Поэтому, когда была провозглашена Демократическая Республика Вьетнам во главе с президентом Хо Ши Мином и началась вооруженная борьба вьетнамского народа против французских колонизаторов, не только симпатии, но и морально-политическая поддержка английского правительства были на стороне колонизаторов.

В 1950 году после поражения американской интервенции в Корее соотношение сил в Индокитае стало быстро меняться в пользу движения за национальное освобождение. Через два года французское правительство начало обращаться к США и Англии с настойчивыми просьбами о помощи. Французы жаловались, что не могут вести борьбу "за интересы свободного мира" в Индокитае в одиночку, когда в это же время от них "требуют сделать вклад в оборону Европы".

Английское правительство опасалось, что военная помощь Франции в Индокитае со стороны Англии и США автоматически вызовет вступление в вооруженную борьбу КНР на стороне ДРВ. Поэтому в 1952 году Иден заявил государственному секретарю

США Ачесону, что его правительство "категорически возражает против любого курса действий в Юго-Восточной Азии, который может повлечь за собой войну с Китаем". Это был реалистический взгляд на вещи. Он возник из правильной оценки поражения США в борьбе с китайской революцией, поражения США, Англии и ряда других стран в корейской войне, изгнания английского колониализма из Индии, Пакистана, Бирмы и Цейлона и явного провала Франции в Индокитае.

Что касается попыток французов связать положение в Юго-Восточной Азии с положением в Европе, то Идеи отводил эти попытки. "Я всю свою жизнь был франкофилом, - говорил он министру обороны Франции Плевену, - и всячески сочувствую позиции Франции, но аргумент, что Индокитай делает невозможным для Парижа создание армии в Европе, никого не убедит в Англии. На английское общественное мнение произвело бы большее впечатление, если бы французы увеличили срок обязательной военной службы до двух лет, как это сделали мы, и призвали на переподготовку резервистов".

Аргументы аргументами, но в Лондоне были серьезно обеспокоены тем, что положение в Индокитае может сорвать создание Европейского оборонительного сообщества. "Судьба ЕОС, - вспоминает Иден, - в известной степени зависела от решения индокитайской проблемы. Как сообщал Оливер Харви (английский посол в Париже. - В. Т.), в то время Индокитай превратился в ключ к европейским проблемам".

К 1954 году позиция английского правительства в отношении войны в Индокитае сводилась к следующему: Англия жаждала помочь в отстаивании колониалистских позиций в этом районе сейчас и в будущем; она считала возможным и необходимым вести вооруженную борьбу против развертывавшейся здесь национально-освободительной революции, но вести ее так, чтобы не спровоцировать большую войну; она считала необходимым добиться быстрейшего завершения войны, чтобы эта война не помешала реализации планов создания ЕОС.

Поэтому Иден поддержал советское предложение на Берлинском совещании министров иностранных дел СССР, Англии, США и Франции о созыве аналогичного совещания с участием представителей КНР и некоторых других государств по вопросу о восстановлении мира в Индокитае. Было решено, что совещание начнется в Женеве 26 апреля 1954 г.

Решение было принято, по существу, вопреки возражениям Даллеса. Это был редкий случай, когда английский министр иностранных дел публично разошелся с государственным секретарем США. Даллес был упорным и настойчивым человеком,

особенно когда речь шла о борьбе против социалистической революции, и его не обескуражило принятое в Берлине решение. Американские, правящие круги, взбешенные поражением США в Китае и Корее, жаждали взять реванш в Индокитае. Кроме этого мотива были и другие: победа демократических сил в Индокитае нанесла бы сильный удар по позициям американского империализма в этом районе.

Американское правительство предприняло попытку организовать в самом срочном порядке коллективную интервенцию в Индокитае, которая, во-первых, помогла бы французам удержать свои позиции в борьбе против национально-освободительного движения и, во-вторых, сорвала бы предстоящую Женевскую конференцию.

Чтобы соблазнить колеблющихся Идена и Черчилля, Даллес говорил, что участники "коллективной акции" составят ядро организации по борьбе с революционным и национально-освободительным движением в Юго-Восточной Азии. Это было предложение, вскоре реализованное в создании СЕАТО.

Английским министрам очень нравилась идея учреждения дальневосточного варианта НАТО - организации, которая стояла бы на страже английских империалистических интересов в этом районе. Кроме того, ее создание сняло бы горечь унижения, которому английское правительство было подвергнуто, когда в 1951 году США, Австралия и Новая Зеландия образовали империалистический блок и бесцеремонно не допустили Англию в его состав.

29 марта 1954 г., выступая в пресс-клубе, Даллес сказал, что распространение коммунизма на Юго-Восточную Азию "не должно восприниматься пассивно - его следует парировать объединенными действиями". Иден сразу же понял, что американское правительство готовит акцию по типу корейской. 1 апреля он телеграфировал английскому послу в Вашингтоне: "Мы полностью разделяем желание Соединенных Штатов видеть Индокитай, огражденный от коммунизма, но не считаем, что сейчас существуют условия для удовлетворительного решения этой проблемы".

Тем временем борьба за важнейший стратегический пункт в Индокитае - Дьен Бьен Фу складывалась не в пользу французов, им угрожало тяжелое поражение, которое могло повлечь за собой далеко идущие политические последствия. Поэтому Даллес обратился к правительствам Англии и Франции с новыми предложениями: группа стран должна выступить с торжественной декларацией о своей готовности предпринять "согласованную акцию... против продолжающегося вмешательства Китая в

индокитайскую войну". Эта декларация должна была угрожать нападением на китайское побережье с моря и с воздуха и осуществлением эффективной интервенции в Индокитае. Предполагалось, что в декларации примут участие США, Франция, Англия, Австралия, Новая Зеландия, Таиланд, Филиппины, а также три ассоциированных государства Индокитая (Вьетнам, Лаос и Камбоджа). Они же одновременно должны были учредить систему коллективной обороны в районе Юго-Восточной Азии.

Зная колебания Англии да и Франции на этот счет, Эйзенхауэр обратился к Черчиллю с личным посланием, в котором просил поддержать американский план. Для обсуждения плана в Лондон был направлен Даллес. Отказаться разговаривать с Даллесом было невозможно, но Иден немедленно дал своему послу в США телеграмму быть крайне осторожным и не говорить ничего такого, что свидетельствовало бы о согласии Англии с американским планом. "Теперь мы оказались перед необходимостью принять решение огромной важности", - пишет Иден в своих воспоминаниях.

В директиве к предстоявшим переговорам с Даллесом он указывал: "Предложение Соединенных Штатов исходит из предположения, что угроза возмездия против Китая побудит его лишить Вьетнам своей помощи. В этом, как мне представляется, основная слабость предложения... Совместное предупреждение Китаю не будет иметь эффекта, и коалиция после этого или должна будет с позором отступить, или предпринять военные действия против Китая. Наши начальники штабов не считают эффективными в военном отношении ни блокаду, ни бомбежки китайских внутренних и внешних коммуникаций... Однако эти меры дадут Китаю необходимые основания обратиться к советско-китайскому договору, что может повести к мировой войне". Сами американцы "не взвесили последствий такой политики". В силу всех этих обстоятельств Англия не может "связать себя обязательством направить наши вооруженные силы для операций в Индокитае", - резюмировал Иден и далее уточнял: здесь нужно предпринимать такие действия, которые были бы "приемлемы для английского (и французского) общественного мнения". В то же время он горячо поддерживал предложение об организации коллективной обороны в Юго-Восточной Азии. Английский кабинет одобрил эту позицию министра иностранных дел.

Таким образом, в преддверии встречи с Даллесом Иден был уполномочен категорически возражать против распространения "корейского опыта" на Индокитай, всячески поддерживать планы создания военно-политического блока в Юго-Восточной Азии и

добиваться, чтобы Женевское совещание состоялось.

11 апреля Иден и Даллес обедали в американском посольстве и затем подробно обсудили индокитайскую проблему. Иден придерживался утвержденной кабинетом позиции, Даллеса это никак не устраивало. После встречи было опубликовано весьма обтекаемое коммюнике.

Через три дня Иден с возмущением обнаружил, что Даллес пошел напролом и, не ожидая исхода Женевского совещания, предпринял шаги по подготовке создания военно-политического блока в Юго-Восточной Азии. Иден дал указания английскому послу в Вашингтоне заявить возражения, заключив телеграмму ему следующим образом: "Американцы, вероятно, думают, что прошло время, когда они должны были принимать во внимание чувства и затруднения своих союзников... С каждой неделей эта тенденция дает о себе знать все больше и больше, и это создает нарастающие затруднения для всех тех в Англии, кто желает поддерживать тесные англо-американские отношения". Необычно твердый для Идена тон телеграммы свидетельствует о его возмущении тем, что США не сочли нужным считаться с мнением английского правительства.

Попытки Даллеса срочно организовать "коллективную акцию" в Индокитае крайне нервировали Идена и его коллег. Созывались чрезвычайные заседания кабинета, подтверждавшие прежнюю позицию. Иден в переговорах с американскими представителями упорно твердил, что это крайне опасная затея, которая может развязать третью мировую войну.

Он боялся большой войны в Азии, но почему? Причин было несколько. Английский народ не только не поддержал бы такую войну, но энергично выступил бы против. Азиатские члены Содружества: Индия, Пакистан, Бирма, Цейлон - категорически возражали бы против таких мер в Индокитае, и участие Англии в их осуществлении угрожало большими осложнениями в отношениях с этими странами. Большая война в Азии потребовала бы направления вооруженных сил Англии и Франции в этот район, а эти силы могли быть взяты только в Европе. Следовательно, европейский, то есть, по мнению английских деятелей, главный, район конфронтации с СССР и другими странами социализма был бы оголен. Создать ЕОС не удалось бы и таким образом пришлось бы отказаться от идеи обеспечения в Европе позиции силы против Советского Союза. Это никак не устраивало английское правительство.

Кроме того, были резонные опасения, что расширение колониалистской империалистической интервенции в Индокитае до большой войны превратит ее с самого начала в войну против

союза империалистических стран. В этом случае образовался бы мощный единый фронт народов Азии, объединяющий свыше миллиарда человек, который окончательно смел бы все колониальные режимы в этом районе земного шара. В результате Англия потеряла бы окончательно свои позиции в Азии.

Наконец, Черчилль и Иден не могли не понимать, что участие в предлагаемой американцами акции неотвратимо повлечет увеличение зависимости Англии от США.

Отсюда и твердость позиции Идена в переговорах с Даллесом, и провал попыток американцев сорвать совещание в Женеве.

Иден направился в Женеву не поездом, как это бывало в 30-х годах, а специальным военным самолетом. Авиация стала основным транспортным средством дипломатов начиная со второй мировой войны. На аэродрома "Орли" Иден сделал краткую остановку, чтобы сообщить своему французскому коллеге, что позиция английского правительства остается прежней. В Женеве делегация направилась по старой традиции в гостиницу "Бо риваж". У Идена с этой гостиницей были связаны многочисленные воспоминания. Все здесь казалось знакомым, привычным. Как обычно, он занял апартаменты, которые всегда занимали английские министры. Но на -тог раз Идена и его сотрудников волновала мысль: можно ли здесь свободно беседовать по деловым вопросам, не вмонтировано ли где-либо незаметное передающее устройство? Это - дипломатические тревоги, характерные для эпохи научно-технической революции, в 30-х годах таких тревог не было. Утверждают, что есть простое средство для нейтрализации подслушивания: нужно во время беседы производить дополнительный шум, который не позволит различить произносимые слоил. Иден и его коллеги пробовали стучать по столу во время совещаний, но это показалось им ненадежным. Было решено съехать из "Бо риваж" и разместиться на вилле, любезно предоставленной в распоряжение английском делегации одним из женевских друзей Идена. Кстати, советская и китайская делегации тоже размещались не в гостиницах, а на отдельных виллах. В этих резиденциях происходили и неофициальные встречи руководителей делегаций. Время от времени Иден встречался с министром иностранных дел СССР В. М. Молотовым и его заместителем А. А. Громыко, а также с членами американской делегации.

Хотя Иден и его биографы, как и прочие английские историки, стремятся приписать успех Женевы в решении индокитайского вопроса исключительно ему одному, в действительности этот успех был во многом результатом усилий советской делегации, которая прибыла в Женеву с твердой

директивой Советского правительства добиться соглашения о прекращении войны в Индокитае. Пять лет спустя Иден отмечал конструктивный вклад советской делегации. "Молотов искренне стремился достигнуть соглашения, - писал он. - В ходе наших частых неофициальных бесед он нередко выдвигал полезные предложения или шел на уступки, которые позволяли конференции двигаться вперед".

Иден также стремился наладить соглашение, ибо провал конференции развязал бы руки американскому правительству в осуществлении его авантюристических замыслов, которые в Лондоне считали очень опасными. Женевская конференция крайне обострила англо-американские противоречия. Даллес с возмущением отказался от участия в ней, поручив возглавлять американскую делегацию своему заместителю Беделу Смиту, хотя все другие делегации возглавлялись министрами.

На Женевской конференции было достигнуто решение о прекращении военных действий в Индокитае. Был погашен (как потом оказалось, к сожалению, ненадолго) опаснейший очаг войны в Юго-Восточной Азии. Эта крупная победа дела мира явилась результатом последовательной и энергичной борьбы Советского Союза и всех миролюбивых сил за то, чтобы война в Индокитае была прекращена. Положительную роль сыграли и противоречия по этому вопросу между Англией и Францией, с одной стороны, и США - с другой. Их действием и объясняется позиция Идена на Женевской конференции. Пожалуй, с его стороны это был наиболее прогрессивный шаг среди многочисленных английских дипломатических акций послевоенных лет. Такая позиция отвечала интересам мира, и в этом ее большое значение. В то же время она явилась исключением в политической линии, которую проводили Иден и его правительство.

Об этом свидетельствовала уже позиция английской делегации на Женевской конференции по корейскому вопросу. Вместе с США и другими своими союзниками она отклонила все разумные предложения по этому поводу. В результате проблема Кореи так и осталась нерешенной.

Время показало, что английское правительство не воспринимало реалистически и важнейшие процессы, происходившие в Юго-Восточной Азии. В начале сентября 1954 года в Маниле на Филиппинах Соединенные Штаты при активнейшей поддержке Англии созвали конференцию, которая закончилась подписанием договора о создании СЕАТО. Эта мера, как отмечалось выше, готовилась заранее, в глубокой тайне. Участниками нового военно-агрессивного блока, созданного для

борьбы против революционного и национально-освободительного движения в Юго-Восточной Азии, стали США, Англия, Франция, Австралия, Новая Зеландия, Таиланд, Филиппины и Пакистан. Отсутствие на конференции в Маниле Индии, Индонезии, Бирмы и Цейлона подчеркивало империалистический и колониалистский характер нового блока.

Иден был занят налаживанием нового варианта ЕОС, и вместо него Англию в Маниле представлял лорд Ридинг. Позиции английского правительства на недавно закончившейся конференции в Женеве и на совещании в Маниле резко контрастировали. Поэтому весьма обоснованно прозвучало заявление МИД СССР, опубликованное в связи с конференцией в Маниле, в котором напоминалось о декларациях официальных представителей Англии (а также Франции) во время Женевского совещания о том, что их правительства якобы стремятся нормализовать отношения с народами Азии. "Обращает на себя внимание то, - отмечалось в заявлении, - что некоторые из участников конференции в Маниле еще недавно заявляли о своем понимании национальных нужд народов Азии и подчеркивали свое желание нормализовать свои отношения с народным Китаем... Но позволительно спросить, как совместить такие заявления с участием Англии и Франции в агрессивном военном блоке, направленном против стран Азии вообще и против Китая, в особенности". Подписав вместе с рядом других правительств в Маниле Договор об обороне Юго-Восточной Дани, английское правительство сделало свою страну соучастницей действий, направленных против свободы и безопасности народов этого района, и грязной войны против вьетнамского народа, развязанной США через несколько лет.

Конец 1954 года у Идена был целиком посвящен усилиям оживить ЕОС. Английское правительство попыталось единолично, оставив в стороне американцев, организовать некое новое объединение государств, в рамках которого ФРГ получила бы возможность перевооружаться. Сепаратные действия Лондона отражали англо-американские противоречия в Европе, борьбу Англии и США за руководящую роль в этой части света. В общем английская дипломатия намеревалась перехватить у США руководство военной группировкой европейских держав.

Иден рассказывает, что 5 сентября он отправился на уикенд в свой коттедж в Уильтшире, где размышлял над создавшейся ситуацией. Сидя в ванной (где только не возникают у дипломатов новые идеи!), он вдруг подумал, что для включения ФРГ в "европейскую семью" нужно использовать Брюссельский договор 1948 года о Западном союзе. Включение ФРГ, а заодно и Италии в

этот союз ввело бы политически ФРГ в объединенную Европу. Что касается военной стороны дела, то ФРГ следует включить в НАТО и в рамках этого блока обеспечить ее ремилитаризацию.

Вернувшись в понедельник в Лондон, Иден написал Черчиллю записку, испрашивая его согласия на срочную поездку в ряд европейских столиц для выяснения возможности реализации этого плана и в положительном случае для подготовки соответствующей международной конференции. Получив санкцию премьер-министра, Иден в сопровождении лишь одного советника - Фрэнка Робертса, специалиста по Советскому Союзу, отправился на континент. Все это делалось без какого бы то ни было уведомления Вашингтона.

Маршрут поездки был составлен таким образом, чтобы самые трудные переговоры - в Париже остались на конец; в этом случае Иден мог бы надавить на французское правительство, сославшись на то, что все согласны и лишь оно одно упрямится, а такое упрямство чревато изоляцией. Составить нужный маршрут большого труда не составляло, ибо заранее было известно отношение соответствующих правительств к идее ремилитаризации ФРГ.

Первая остановка была в Брюсселе, где Иден одновременно встретился со своими коллегами из Бельгии, Нидерландов и Люксембурга. Его записи об этой встрече преисполнены восторгов. Прекрасный прием, великолепная кухня, роскошное помещение английского посольства. Все вокруг представлялось Идену в радужном свете, потому что министры стран Бенилюкса, как он пишет, одобрили предложенную процедуру. "Они полагали, что конференция девяти держав необходима как подготовительный этап для совещания всех членов НАТО, и выразили надежду, что такая конференция состоится в Лондоне".

О беседе в Брюсселе Иден записал в дневнике: "Я обнаружил, что все три министра стран Бенилюкса прекрасно понимают реальное состояние международных отношений, и в частности опасность того, что Германия может ускользнуть на сторону русских, а Америка оттянет свои силы (из Европы) и разместит их для обороны по периферии "американской крепости", - об этом я им говорил" (подчеркнуто мною. - В. Т.). Итак, во время молниеносного турне Идена по столицам Западной Европы главным его аргументом было запугивание своих партнеров сближением между Германией и СССР и уходом американцев из Европы.

Из Брюсселя Иден направился в Бонн. Беседы с канцлером Аденауэром были более важны и основательны. Здесь уже Аденауэр запугивал Идена. Он говорил, что молодежь ФРГ

связывает свои надежды на будущее с участием Германии в объединенной Европе, и если европейская идея не реализуется, она может обратиться к "плохим мыслям". В переводе на обычный язык это означало: или вы вооружаете ФРГ в рамках "европейской идеи", или немцы начнут думать о реванше не только против Востока, но и против Запада. Иден тут же согласился и заявил, что это соображение было одним из мотивов, побудивших его выступить со своими предложениями. Далее Аденауэр припугнул Идена тем же, чем тот угрожал в Брюсселе. "Последствия для Европы, равно как и для Германии, были бы гибельными, - говорил Аденауэр, - если бы Германия была вовлечена в советскую орбиту или непосредственно, или постепенно через нейтрализацию".

Аденауэру нужно было во что бы то ни стало и как можно скорее заполучить оружие для западногерманских реваншистов, и он торопил и без того спешащего Идена. Канцлер согласился, что допуск Германии в НАТО - "правильное решение", и, поскольку это означает "создание германской национальной армии", он "готов принять добровольные ограничения, а также включить эту армию в состав интегрированной (европейской) армии, если это станет возможным позднее". Одобрил Аденауэр и идею включения ФРГ и Италии в Западный союз. Он надеялся, что французы тоже согласятся со схемой Идена, но отметил как "важный момент для большинства французов" то, что Англия должна участвовать в этом союзе "на равных основаниях с Францией". На прощание канцлер пожелал гостю как можно скорее осуществить свои планы.

В Риме Иден встретился с итальянским министром иностранных дел Пиччиони. Итальянец в принципе не возражал против плана английского правительства, но вслед за канцлером ФРГ заметил, что, "чем больше Англия сама будет вовлечена... тем легче будет найти решение" проблемы. Это означало: хотите наладить новую военную организацию - участвуйте в ней сами на общих основаниях. Как в Бонне, так и в Риме не желали признавать претензии Лондона на особое положение в Европе и рекомендовали отказаться от них.

И здесь не обошлось без вежливых угроз. Итальянский министр заметил: "Консолидация Европы с участием Англии ослабила бы нейтралистские тенденции, существующие в Италии и, к несчастью, имеющие прорусский оттенок" (подчеркнуто мною. - В. Т.).

В общем Иден был удовлетворен беседами с итальянскими деятелями и в хорошем настроении готовился покинуть Рим. Здесь он остановился в огромном помпезном, но мрачном здании английского посольства, ранее принадлежавшем посольству Германии. При доме был роскошный сад и плавательный бассейн. 15 сентября Иден наслаждался купанием в бассейне, когда ему доложили о неожиданном визите секретаря американского посольства. Вручив Идену телеграмму от Даллеса, американец потребовал немедленного ответа.

В Вашингтоне с нарастающим возмущением следили за поездкой Идена. До этого он разошелся с Даллесом на Берлинском совещании министров иностранных дел в феврале, затем не согласился с ним относительно "совместной акции" в Индокитае, на Женевской конференции расхождения между двумя министрами обострились еще больше, а теперь Иден, явно не считаясь с США, что-то налаживает в Европе. Из Вашингтона вылетел в столицы Западной Европы сотрудник госдепартамента Мэрфи, известный, по определению лондонской "Таймс", как "дипломат, которого бросают на ликвидацию прорывов". Вероятно, донесения Мэрфи в Вашингтон были настолько тревожны, что Даллес решил сам вылететь в Европу.

В своей телеграмме он сообщал Идену, что вылетает в Бонн, а затем будет в Лондоне. Сможет ли Иден принять его без промедления? Далее шли резкие возражения против намерения ввести ФРГ и Италию в Западный союз.

Для Идена это был сильный удар. Не взорвет ли Даллес весь его замысел? Поначалу сгоряча Иден намеревался, судя по всему, ответить Даллесу довольно резко. Но посол Англии в Риме Эшли и Фрэнк Робертс, более спокойные в данный момент (английским чиновникам ни при каких обстоятельствах не положено выходить

из себя, это привилегия министров, да и им опасно ею пользоваться), посоветовали ему не делать этого. В результате Иден ограничился кратким ответом Даллесу, сообщая, что "будет рад видеть его в Лондоне и тогда ответит на его критику".

В своих воспоминаниях Иден признается, что его беспокоили возможные результаты встречи Даллеса с Аденауэром: как бы эта встреча не свела к нулю достигнутую им в Бонне договоренность. Идену не нравился "этот неожиданный визит, о котором было принято решение без предварительной консультации с Лондоном" или с ним. Удивительная претензия, если иметь в виду, что собственные действия он не согласовывал ни с Вашингтоном, ни с Даллесом.

В Париже Идена ожидали долгие и трудные переговоры. Он сообщил Мендес Франсу о содержании своих предложений и о реакции на них других европейских министров. Французский премьер пытался никак не ангажироваться и интересовался главным образом деталями переговоров в Брюсселе, Бонне и Риме. Иден, пренебрегая правилами дипломатической вежливости, заметил французу, что об этом он расскажет на предстоящей конференции.

Разумеется, английский министр, говоря его же словами, "сделал все, что мог, чтобы представить Мендес Франсу всю опасность создавшегося положения". Французская негативная политика, уверял он, толкнет Германию в объятия России и вынудит США обратиться к плану "крепость Америка", то есть к изоляционизму. Мендес Франс выслушивал эту затрепанную, употреблявшуюся английскими политиками еще в 20 - 30-х годах провокационную (в части, касающейся России) аргументацию и твердил свое: он "обеспокоен тем, какие гарантии и меры контроля могут быть изобретены для устранения французских опасений, связанных с перевооружением Германии".

Иден вернулся в Лондон, получив согласие своих партнеров по переговорам на созыв в конце сентября в Лондоне конференции девяти держав. Встретившись с Даллесом, он изложил свою схему обеспечения ремилитаризации Германии и в конце концов получил и его согласие на созыв конференции. Оба министра считали срочно необходимым вооружение ФРГ против СССР и понимали, что их страны в этом вопросе должны действовать сообща. Этот совместный интерес помог преодолеть имевшиеся расхождения.

27 сентября, за день до открытия конференции, Иден представил Черчиллю документ, который должен был определять позицию английской делегации. "Если мы представим реальный план, - писал он, - маловероятно, чтобы американцы допустили

его провал, отказав ему в достаточной поддержке". Французы согласятся принять "суверенитет Германии и ее членство в НАТО", лишь получив соответствующие гарантии. "Наибольшее впечатление на французское общественное мнение может произвести такая гарантия, как пребывание английских войск во Франции". Иден считал, что ключом к успеху конференции будет новое обязательство Англии сохранить свои нынешние вооруженные силы на континенте и не отзывать их без согласия большинства членов увеличенного Западного союза. "Я отдаю себе отчет в том, что это будет беспрецедентное для Англии обязательство, но неприятный факт состоит в том, что невозможно организовать эффективную систему обороны Западной Европы (которая, в свою очередь, важна для безопасности Англии) без большого вклада Англии. Такое положение просуществует еще многие годы. Признав этот факт и взяв на себя новые обязательства, мы сможем достигнуть успеха в деле сближения немцев и французов и удержания американцев в Европе. Если мы этого не сделаем, конференция может провалиться и Атлантический союз развалится на части", - пишет он в мемуарах.

До открытия конференции Иден провел зондирующие беседы с делегатами и пришел к выводу, что без такого нового обязательства Англии конференция закончится ничем. Пришлось обещать то, от чего английское правительство упорно уклонялось при обсуждении планов ЕОС, то есть от равного со всеми членами участия в этой организации. В Лондоне была достигнута договоренность о созыве нового совещания в Париже. 23 октября 1954 г. Англия, США, Франция, Италия, Канада, ФРГ, Бельгия, Нидерланды и Люксембург подписали в Париже соглашения, предусматривающие ремилитаризацию ФРГ. Этим был создан официальный военный союз между Англией и другими участниками соглашений и ФРГ. По Парижским соглашениям Англия обязалась держать в распоряжении верховного главнокомандующего вооруженными силами НАТО в Европе четыре дивизии и тактическую авиацию или же такие силы, которые верховный главнокомандующий сочтет эквивалентными по своей боеспособности.

Ратификация Парижских соглашений в английском парламенте отразила недовольство английского народа курсом на ремилитаризацию Западной Германии. За ратификацию голосовало 42% членов парламента; она стала законной лишь потому, что очень многие депутаты воздержались (тоже форма выражения неодобрения).

Английское правительство далеко не было уверено, что в

Париже новые соглашения будут ратифицированы. Форин оффис не удержался от угроз в адрес Франции. Иден сам составил соответствующее заявление. Но реакционные силы во французском парламенте смогли добиться своего, и международные соглашения о ремилитаризации Западной Германии были ратифицированы.

Это произошло 29 декабря 1954 г. "По мере того как приближался новый год с этими добрыми новостями, - пишет Иден, - я чувствовал, что у нас есть все основания испытывать удовлетворение своей деятельностью в течение прошедших месяцев... Теперь у нас была уверенность, что предстоящие переговоры с Советским Союзом можно будет вести на основе политической и военной силы". В этом восторженном восклицании выражены цель и смысл тех огромных усилий, которые он приложил вначале для организации Европейского оборонительного сообщества, а затем для налаживания Парижских соглашений о ремилитаризации Западной Германии.

В течение третьего срока пребывания Идена на посту министра иностранных дел ряд сильных ударов по английскому империализму нанесла бурно развивавшаяся национально-освободительная революция. Глава Форин оффис пытался, как мог, политическими и иными средствами защитить интересы Британской империи, но безуспешно. И ему приходилось политически и юридически оформлять ее отступление на Ближнем Востоке под напором освободительной борьбы народов. Положение осложнялось тем, что американские правящие круги помогали выталкивать Англию из стран Ближнего Востока, стремясь прибрать к рукам ее наследство. В основе англо-американских столкновений лежала борьба за обладание нефтью, добываемой в Иране и арабских странах.

Вторжение американских монополий в этот район началось еще в годы второй мировой войны.

К моменту возвращения Идена в Форин оффис крайне обострились англо-иранские отношения. В Иране полвека хозяйничала Англо-иранская нефтяная компания - английская государственная фирма, пользовавшаяся монопольным правом добычи и переработки нефти в Иране. АИНК получала огромные прибыли от эксплуатации иранского народа и природных ресурсов Ирана; она пыталась, и небезуспешно, воздействовать на экономику и политику страны. После второй мировой войны из года в год нарастала борьба иранского народа против АИНК. Одновременно усиливались происки американских нефтяных компаний в Иране.

1 мая 1951 г. правительство Мосаддыка провело закон о

национализации АИНК. Иранский народ, говорил по этому поводу Мосаддык, открыл "спрятанные сокровища, на которых лежал дракон". Однако "дракон" отнюдь не собирался добровольно возвращать иранскому народу его сокровища.

Английское правительство попыталось нажать на Иран через Организацию Объединенных Наций и Международный Суд ООН. Одновременно агенты АИНК развернули активную подрывную деятельность в стране. Из Лондона неслись угрозы пустить в ход военную силу. "Английское правительство, - пишет Иден, - двинуло сухопутные войска и крейсер к Абадану, где решалась судьба крупнейшего в мире нефтеперегонного завода. Соблазн предпринять интервенцию, чтобы вернуть украденное имущество, был очень силен, но Соединенные Штаты энергично выступили против любой акции такого рода. Английскому штабу были даны директивы отвести военные силы". В действительности, однако, дело было не столько в возражениях США, сколько в том, что против интервенционистских планов Англии выступили Советский Союз, другие социалистические страны и общественное мнение арабских стран. Английскому правительству пришлось отступить.

Иранская нефть из исключительного распоряжения английской компании перешла в пользование специального международного консорциума по эксплуатации нефтяных богатств Ирана. В его состав входили АИНК, пять американских нефтяных компаний, англо-голландская "Ройал датч Шелл" и одна французская фирма.

АИНК получила в свое распоряжение 40% акций консорциума, контролируемая англичанами "Ройал датч Шелл" - 14%, американские фирмы - 40% и французская компания - 6%. Монопольное распоряжение иранской нефтью кончилось для Англии. Ее влияние в Иране резко упало.

В 1954 году в Тегеране было заключено соглашение между иранским правительством и международным консорциумом. Оно было более выгодно для Ирана, чем условия, на которых ранее действовала АИНК, но иранский народ все еще не стал хозяином своего достояния. Нефтяные богатства страны остались в распоряжении иностранных монополий - правда, теперь уже не только английских. Впереди были еще годы борьбы иранского народа за полную экономическую независимость.

"Вследствие событий, происходивших в Иране, - вспоминает Иден, - закипел Египет. Волнения на Шат-эль-Арабе[9] оказались заразой для Нила". Борьба египетского народа против английских колонизаторов получила огромный стимул в результате разгрома фашизма во второй мировой войне и поддержки Советским

Союзом освободительных движений. Конкретным требованием египтян была отмена англо-египетского неравноправного договора 1936 года, который узаконивал английскую военную оккупацию Египта, продолжавшуюся уже более шести десятилетий. По договору Англия могла держать в зоне Суэцкого канала 10 тыс. солдат, но она превысила эту цифру в несколько раз и разместила свои войска в различных ключевых пунктах страны. Договор предусматривал сохранение англо-египетского кондоминиума над Суданом, который ранее принадлежал Египту и был захвачен Англией в 1898 году.

Египетский народ требовал отмены договора 1936 года и прекращения английской оккупации. Лондонское правительство дало понять, что проявит "твердостью и применит силу для защиты своих "прав". Начались вооруженные столкновения между египтянами и английскими солдатами. В марте 1947 года, чтобы успокоить народные массы, англичане вывели свои части из Каира, сосредоточив их в зоне Суэцкого канала. Однако это не внесло успокоения, обстановка обострялась.

В октябре 1951 года, накануне возвращения к власти правительства Черчилля - Идена, египетское правительство объявило об аннулировании договора 1936 года. За этим последовали три года упорной борьбы; английское правительство добивалось заключения с Египтом нового неравноправного соглашения, а египтяне требовали убрать английские войска с их территории, поскольку с отменой договора 1936 года исчезла юридическая основа для их дальнейшего пребывания там. Массовые выступления часто переходили в вооруженные столкновения, поджигались здания английских банков, компаний и других учреждений.

"Американцы, как обычно, все время нажимали на нас, добиваясь, чтобы мы пришли к соглашению с Египтом, особенно в отношении египетского требования суверенитета над Суданом", - пишет Макмиллан. Американское вмешательство вызывало в Лондоне сильное раздражение. 6 мая 1953 г. Макмиллан записал в дневнике: "Несомненно, египтяне... надеются кое-что получить от Даллеса".

На Даунинг-стрит понимали, что нужно изобрести какой-то компромисс. Но какой? Черчилль склонялся к тому, чтобы попробовать договориться с правительством Египта: английские войска выводятся из зоны Суэцкого канала, но десятилетиями отстраивавшаяся там военная база в случае необходимости может быть совместно использована англичанами и американцами (это была явная попытка умилостивить США), то есть англичане сохраняют за собой право "вернуться". На договоре 1936 года

придется поставить крест, что, конечно, повлечет за собой "значительную потерю престижа". В этом отношении было некоторое утешение - срок договора истекал очень скоро, в 1956 году.

Какова была альтернатива этому? Неопределенное время держать на канале 80-тысячную армию в окружении враждебно настроенного народа? Но это стоило огромных денег. И все же в палате общин (да и в правительстве) были сторонники применения этих крайних империалистических мер, являвшихся действенными в XIX веке, но совершенно не соответствовавших расстановке мировых сил в середине XX столетия. Группу, категорически возражавшую против отвода английских войск из зоны Суэцкого канала, возглавляли Чарльз Уотерхауз и Ральф Ашетон, их поддерживали Фитцрой Маклин, Юлиан Эмери и некоторые другие, всего 20 - .'ДО депутатов. Эта группа сыграла свою роль через пять лет, когда линия на применение силы против Египта взяла верх, что имело трагические последствия и для Англии, и для Идена.

В конце концов министр иностранных дел с помощью своих советников из Форин оффис сформулировал план решения египетской проблемы в духе идей Черчилля. Английские войска выводятся из Суэцкого канала, но база поддерживается гражданским персоналом в состоянии, позволяющем использовать ее в случае войны. Как подчеркивает Макмиллан, на протяжении этого длительного спора принимали в расчет прежде всего соображения противоборства с Советским Союзом.

19 октября 1954 г. в Каире было подписано англо-египетское соглашение о выводе английских войск из зоны Суэцкого канала. Это была большая победа египетского народа и поражение английского империализма.

Период с 1951 года был трудным для Идена не только потому, что его усилия, направляемые главным образом на борьбу против СССР, социализма и национально-освободительной революции, не приносили успеха и не сулили его в обозримом будущем. Идена волновал вопрос о собственной судьбе.

С 1942 года он был провозглашен преемником Черчилля на посту лидера консервативной партии и премьер-министра Англии, если эта партия будет располагать большинством в парламенте. Консерваторы и монархия приняли это завещание как должное и не собирались его оспаривать. Но наступит ли тот день, когда патриарх уступит место своему преемнику?

Черчилль был стар. В 1951 году ему исполнилось уже 77 лет. Лишь немногие знали, что два года назад у него был инсульт, от

которого он оправился, провел дважды парламентские выборы и сформировал правительство. В 1953 году случился второй инсульт, левые рука и нога были парализованы, нарушена речь, деформировано лицо. Моран был убежден, что, даже если Черчилль и выздоровеет, он вряд ли сможет оставаться на посту премьер-министра. В этом духе он и собирался сформулировать бюллетень о состоянии своего пациента. Но Батлер и Солсбери настояли на таком бюллетене, из которого нельзя было понять, насколько серьезно болен Черчилль.

Естественно, встал вопрос об отставке. Но Черчилль изо всех слабеющих сил цеплялся за власть. Так как Иден в это время тоже был болен, немедленный уход премьера в отставку означал бы, что правительство возглавит Батлер. Черчилль сказал, что будет тянуть до осени, пока не выздоровеет Иден, и тогда передаст ему бразды правления. Таким образом, отставка не состоялась.

Вопреки ожиданиям врачей и близких Черчилль выздоровел и после второго инсульта. Работоспособность к нему возвратилась лишь частично, но он мог проводить заседания кабинета и даже произнес неплохую 50-минутную речь на ежегодной конференции консервативной партии.

Черчилль знал, что его отставки ждет Иден, ждут многие члены кабинета, нуждающиеся в руководстве со стороны сильного и энергичного премьер-министра, на ней настаивают врачи и жена. Но, чтобы оттянуть неприятный момент, он принялся изобретать различные причины, мешающие ему уйти (среди них на первом месте фигурировали переговоры с Советским Союзом, которые он собирался вести и успешно закончить), и назначать "окончательные" сроки, которые каждый раз отодвигались.

После очередной беседы с премьер-министром Макмиллан 24 августа 1954 г. записал в дневнике: Черчилль "много раз за последние несколько месяцев говорил Антони, что он вот-вот передаст ему дела. Вначале он сказал, что это произойдет по возвращении королевы (из поездки по странам Содружества. - В. Т.), то есть в мае, затем он говорил об июле, наконец в письме, написанном И июня (я его видел), он категорически заявил Идену, что уйдет в отставку с поста премьер-министра в сентябре. В конце концов, что он сейчас скажет Идену?". В это время лидер консерваторов приближался к 80 годам. Чтобы успокоить своего преемника, Черчилль придумал сделать его заместителем премьер-министра, а в Форин оффис направить Макмиллана. Идена это никак не устраивало, и план отпал.

Создавшаяся ситуация была очень трудной для Идена по двум причинам. Сфера внешней политики находится в ведении как министра иностранных дел, так и премьер- министра. Главе

Форин оффис нужны и совет главы правительства, и его поддержка. Они особенно важны при принятии ответственных решений. Престарелый и больной Черчилль был всегда лоялен в отношении Идена, любил его, как старшего сына, и не раз говорил об этом, по опорой был слабой. Кроме того, тяжелой нагрузкой для нервной системы Идена было постоянное ожидание перемены в его политической судьбе. Многие люди уж так устроены, что неизменно торопят касающиеся их лично события, как бы быстро они ни происходили. Вероятно, это подсознательная реакция на скоротечность человеческой жизни. Лет природой отпущено сравнительно мало, а успеть хочется так много. Поэтому можно понять нетерпение, с которым Иден ожидал развязки. Нужно, однако, отдать ему должное - он не пытался ускорить события и никогда не интриговал против Черчилля.

Всему приходит конец, наступил конец и томлениям Идена. В феврале 1955 года стало известно, что премьер уйдет на покой в начале апреля. И действительно, 5 апреля 1955 г. Черчилль вручил королеве свою отставку, а на следующий день она "послала за Иденом" и поручила ему сформировать правительство. Так свершилась сокровенная мечта Идена, он получил высшую власть в стране.

Состоялось прощальное заседание кабинета Черчилля, старик благодарил своих коллег за сотрудничество. В палате общин лидер лейбористов Эттли, поздравляя Идена с новым назначением, сослался на хорошо известные слова лорда Мельбурна: "Черт возьми, такое положение не занимал ни один человек даже в древней Греции и древнем Риме. И если его занимать хотя бы только три месяца, все равно стоит быть премьер-министром Англии".

Слова лорда Мельбурна применительно к Идену оказались в известной степени пророческими. Иден смог занимать пост премьер-министра Англии лишь 21 месяц, после чего ему пришлось бесславно уйти и с этого поста, и из политической жизни вообще.

Глава VI. КРАХ ПОЛИТИКИ И КАРЬЕРЫ

"Никогда один деятель не сменял другого более гладко", - вспоминает Иден о том, как он заменил Черчилля на посту премьер-министра 6 апреля 1955 г. Это пустые, не соответствующие истине слова, вызывающие иронию далее у его коллег. Смене караула на Даунинг-стрит, 10, предшествовала более чем трехлетняя закулисная возня, когда почти все считали, что Черчилль должен сдать власть, а старик все не хотел уходить. Кроме Идена были и другие претенденты. Барбара Касл, видная

деятельница лейбористского движения, вопрошала в те дни: "Известно ли вам, как пристально следят друг за другом Батлер и Иден, надеясь унаследовать башмаки покойника?" И лишь поскольку в ходе этой длительной закулисной деятельности все уже было взвешено, согласовано и отработано, смена премьера прошла без видимого ажиотажа. Этому способствовало и такое непредвиденное обстоятельство, как забастовка печатников, прервавшая на некоторое время выпуск лондонских газет. В результате изменения на самом верху не получили полагавшейся такому событию огласки.

В 30-е годы Иден, как уже отмечалось, был одним из самых молодых министров. Весной же 1955 года ему было уже 58 лет - возраст немалый даже по английским политическим нормам. Правда, в Англии ценят пожилых государственных деятелей, ибо полагают, что годы политической борьбы вооружили их мудростью и жизненным опытом. Андре Моруа в биографии Дизраэли заметил; "Старость - вообще достоинство для политического деятеля, в Англии же особенно... Англичане любят старых государственных деятелей, истрепанных и отшлифованных борьбой, как любят старую кожу и старое дерево".

Английская пресса единодушно одобряла назначение Идена на высший пост. "Это счастье для Англии, - писала "Йоркшир пост?, - что есть лидер, который наследует сэру Уинстону и который сам является государственным деятелем международного масштаба. Достоинство и судьбы Англии будут и впредь находиться в надежных руках". В следующем номере той же газеты говорилось: "В связи с тем что пребывание Идена на посту министра иностранных дел было выдающимся успехом, кое-кто задается вопросом, обладает ли он необходимыми данными, чтобы стать хорошим премьер-министром. Это неумные вопросы... Он будет пользоваться уважением в зале заседаний кабинета, в палате общин и в стране". Консервативный официоз "Дейли телеграф" относил к достоинствам нового премьер-министра "его подготовку, знания, мужество".

Журнал "Спектейтор" отмечал, что бывает два сорта премьер-министров: первый, примером которого является Черчилль, в силу своих личных выдающихся достоинств концентрирует всю власть в своих руках и правит единолично, и второй - когда премьер-министр управляет вместе с партийной верхушкой. "Иден будет принадлежать к этой второй категории, и его прошлый политический опыт говорит, что он будет занимать прочные позиции среди крупнейших деятелей консервативной партии. Первое важнейшее качество преуспевающего премьер-

министра состоит в том, что он в состоянии поддерживать единство в своей партии. Иден сумеет это сделать".

Газета "Манчестер гардиан" полагала, что "власть в новом правительстве, вероятно, будет сосредоточена в руках четверки, состоящей из Антони Идена, Р. А. Батлера, Гарольда Макмиллана и лорда Солсбери. Новый премьер-министр по крайней мере вначале может быть всего лишь первым среди равных".

Естественно, что печать сравнивала Идена, вероятно к большому его неудовольствию, с Черчиллем, пытаясь выискать у нового премьера преимущества перед прежним. "Сэр Антони, - писала "Санди диспэч", - несомненно фигура значительно более мелкого калибра, чем сэр Уинстон. Но, несмотря на это или даже благодаря этому, Иден, весьма вероятно, может оказаться даже лучшим премьер-министром для современной эпохи и сегодняшнего дня... Кроме того, сэр Антони обладает качеством, которого не хватало сэру Уинстону: он сумеет сделать так, что дипломатия и действия Англии перестанут вызывать ненависть и подозрения со стороны азиатов, арабов и африканцев".

Все эти положительные черты Идена печать выводила из созданной ею же самой совершенно неверной концепции его личности. Как часто бывает в политике, люди становятся жертвой собственной пропаганды. Вскоре личность нового премьер-министра раскрылась во всей полноте и перед народами стран Азии и Африки, и перед его соотечественниками. Но для этого потребовался год.

Став главой правительства, Иден первым делом должен был реорганизовать кабинет по своему усмотрению. Одновременно требовалось решить вопрос о сроке проведения выборов в парламент. Правда, в том составе палаты общин консерваторы имели хотя и незначительное, но все же большинство, да и срок ее полномочий истекал лишь через полтора года. Однако не было никакой уверенности, что обстановка для консерваторов окажется тогда более благоприятной.

Весной 1955 года экономическое положение было сносным, а это очень важно для выборов. Кроме того, Иден, новый лидер консерваторов, добился за несколько месяцев до того крупного личного успеха: в Женеве он принял активное участие в конференции, положившей конец войне в Индокитае, и почти одновременно обеспечил заключение соглашений, предусматривавших ремилитаризацию Западной Германии. За последнюю "заслугу" Идена превозносили все реакционные круги. Королева наградила его высшим английским орденом - орденом Подвязки. Награда автоматически дала ему титул сэра, а его супруге - право именоваться леди. Роль, сыгранная Иденом в

Женеве, принесла ему популярность и у всех тех, кто хотел разрядки международной напряженности, то есть в широких кругах избирателей. Поэтому для консерваторов очень велик был соблазн использовать все эти благоприятные обстоятельства, провести досрочные выборы в парламент и получить мандат на пятилетнее управление страной.

Впрочем, твердой уверенности в победе не было ни у Идена, ни у его коллег. Но они решили рискнуть. По рекомендации премьера королева подписала указ о роспуске палаты общин и назначении выборов на 26 мая. Такое решение означало, что в составе кабинета требовалось произвести лишь минимальные изменения, отложив радикальные перестановки до победы на выборах.

Нужно было прежде всего заполнить пост министра иностранных дел, который до этого занимал Иден. Самой желанной для него кандидатурой на этот пост был маркиз Солсбери. Они одинаково мыслили в политическом плане и были большими друзьями. В 1938 году Солсбери (тогда еще лорд Крэнборн) был заместителем у Идена п вместе с ним ушел в отставку из правительства Невиля Чемберлена. В последующие годы их политическое сотрудничество продолжалось. Летом 1953 года, когда Иден болел, Солсбери руководил Форин оффис. Идену очень хотелось сделать друга своим преемником, но Солсбери был маркизом, а в XX веке выдвижение титулованных особ на ключевые правительственные посты, как правило, не импонирует широким массам, и правящие круги, стремящиеся "демократизировать" фасад империалистического государства, вынуждены считаться с этим обстоятельством. На подобное препятствие и натолкнулся Иден. Пришлось маркизу Солсбери удовольствоваться второстепенным портфелем - лорда-президента совета.

Министром иностранных дел стал Гарольд Макмиллан. Человек того же поколения, что и Иден, он состоял в обоих правительствах Черчилля и подвизался в сфере крупного издательского бизнеса. Новый глава Форин оффис был вполне проверен и благонадежен в политическом отношении и принципиальных расхождений с Иденом не имел.

"Каждый кабинет, - писал Иден, - нуждается в советниках, на которых можно положиться". Вероятно, с учетом этих соображений он сделал членом кабинета и министром по делам Содружества графа Дуглас-Хьюма, известного сторонника политики "умиротворения" фашизма, сопровождавшего в 1938 году Невиля Чемберлена на Мюнхенское совещание. Граф Хьюм отличался завидной последовательностью. Он никогда не

отмежевывался от мюнхенской политики, всегда считал ее правильной и лишь сожалел о ее неудаче. Возникает законный вопрос: почему Иден сделал Хьюма членом своего кабинета? Не потому ли, что политика вооружения Западной Германии и противопоставления ее Советскому Союзу в принципе не отличалась от того, к чему стремился Невиль Чемберлен?

Другой старый мюнхенец - сэр Айвон Киркпатрик был сохранен Иденом на ключевом посту постоянного заместителя министра иностранных дел и должен был по долгу службы опекать и направлять Макмиллана. ?Я чувствовал, - писал Иден, - что активный и плодотворный ум Макмиллана будет хорошо соответствовать высокому уровню руководства министерством иностранных дел, осуществляемого сэром Айвоном Киркпатриком".

Случилось так, что двое из этого состава кабинета - Макмиллан и Хьюм, а также назначенный главным парламентским организатором Эдвард Хит в недалеком будущем стали премьер-министрами Англии.

Пока же все усилия правительства Идена и консервативной партии были сосредоточены на том, чтобы обеспечить свою победу на парламентских выборах. Для этого были предприняты срочные меры как в области внутренней, так и внешней политики.

Лидеры консерваторов страшились возможного поражения. "Никто не мог предсказать, - гласит запись в дневнике Макмиллана, - как обернутся эти выборы". Однако ничего оригинального, чтобы привлечь на свою сторону избирателей, тори не придумали.

Как и его многочисленные предшественники, правительство Идена бросило экономические подачки трудящимся и мелкой буржуазии. Они получили отмену налога на покупки текстильных товаров. Эта мера была рассчитана на привлечение симпатий домашних хозяек. Манипуляции подобными мероприятиями часто достигают цели.

Кроме того, в новом бюджете был снижен налог с каждого фунта стерлингов дохода на шесть пенсов, от чего выигрывали прежде всего те, у кого доходы исчислялись крупными суммами. Поэтому бюджет правительства Идена тут же получил наименование "бюджета богатых людей".

Однако главное средство завоевания избирателей лежало в сфере внешней политики. Вопросы войны и мира в 1955 году стояли очень остро. Стремление к разрядке международной напряженности овладело широкими народными массами. Лейбористы эффективно использовали в борьбе против

консерваторов тот факт, что Черчилль и его соратники выступали в роли поджигателей новой мировой войны. С целью убедить рядового англичанина в обратном Черчилль неоднократно заявлял о готовности провести с Советским Союзом переговоры на высшем уровне. Эти заявления делались в такой форме, что избиратели должны были понять: если кто-либо и может договориться с Советским правительством, то только консерваторы. Разумеется, в действительности они не помышляли о прекращении "холодной войны". Ныне свидетельств лицемерия консерваторов применительно к парламентским выборам 1955 года и к отношениям с Советским Союзом в 50-х годах более чем достаточно. Среди них важное место принадлежит показаниям Макмиллана, тогдашнего министра иностранных дел.

Еще весной 1954 года в Лондоне было принято решение проявить инициативу в деле созыва конференции с участием глав правительств Англии, США, Франции и СССР "с целью заново рассмотреть проблему сокращения вооружений и установления над ними контроля и выработать позитивную политику и средства, которые избавили бы все народы мира от угнетающего их ныне страха". Но, как замечает Макмиллан, к весне 1955 года "все еще ничего не было сделано". А английский народ напряженно ожидал мер, которые избавили бы его от угрозы новой мировой войны.

В этих условиях правительство Идена и решило использовать в своих интересах тревогу народных масс за состояние мира. Форин оффис всячески демонстрировал инициативу в достижении соглашения о созыве совещания в верхах.

Трудной проблемой была позиция американцев, которые не желали такой встречи. Но, как заметил Киркпатрик Макмиллану, президент США не будет слишком раздражен заявлением английского премьер-министра в пользу совещания, ибо "американцы уже привыкли к мысли, что даже лучшие друзья должны ставить друг друга в затруднительное положение по выборным соображениям".

Иден и Макмиллан делали заявления, вселявшие надежду на скорый созыв совещания в верхах. Об этом говорилось в таких выражениях, что не оставалось сомнений, будто речь идет о совещаниях, подобных встречам 1945 года в Ялте и Потсдаме. Это порождало ожидания, что на конференции на высшем уровне с СССР будут приняты великие решения. Черчилль мог спокойно возбуждать такие надежды: он знал, что дни его политической ответственности сочтены. Но Идену и Макмиллану нужно было действовать осторожнее. Они-то были уверены, что "окончательного решения" встреча с советскими представителями

не даст, ибо правящие круги Англии и США отнюдь не хотели равноправной и взаимовыгодной договоренности с СССР. А следовательно, через некоторое время после встречи в верхах английский народ поймет, что в нем пробуждали лишь фальшивые надежды, и будет считать ответственными за это Идена и его партию.

Чтобы застраховать себя на этот случай, английское правительство изменило ранее существовавшую концепцию конференций на высшем уровне. Такие конференции вошли в историю как непродолжительные встречи руководителей, облаченных самыми высокими полномочиями и принимающих окончательные решения по важнейшим проблемам международных отношений. Характерными чертами этих встреч были их оперативность и результативность. Весной 1955 года Иден и Макмиллан придумали превратить предстоявшую конференцию в нечто совершенно противоположное - в совещание, не обязанное принимать никаких окончательных решений, являющееся лишь началом бесконечного ряда других совещаний, исход которых заранее никак нельзя предвидеть и которые можно будет в любой момент прервать. "Мне предстояло, - пишет Макмиллан, - выдвинуть концепцию длительного периода переговоров, ведущихся, возможно, на протяжении ряда лет или даже поколений, вместо одной встречи, которая почти наверняка должна была закончиться провалом". Эта схема была призвана надежно служить делу обмана народов и имела шансы на одобрение американским правительством. Иден направил президенту США Эйзенхауэру телеграмму, в которой излагалась английская концепция совещания в верхах.

7 мая 1955 г. Макмиллан беседовал в Париже с государственным секретарем США Даллесом и убеждал его согласиться на встречу в верхах в английском понимании. "Иден и я, - пишет он в своих воспоминаниях, - были крайне заинтересованы, чтобы этот план был рассмотрен", поскольку он "представлял собой практический подход к стоящим перед нами проблемам". Главное же, подчеркивает Макмиллан, "он, конечно, помог бы нам на наших выборах". По мнению американского историка Флеминга, "единственное, что могло принести поражение Идену, - это разочарование народа, вызванное длительной задержкой встречи с русскими на высшем уровне".

Эйзенхауэру и Даллесу не хотелось поддерживать идею совещания в верхах. Но, стремясь помочь консерваторам, они присоединились к предложению о созыве такого совещания. Американские газеты 29 мая 1955 г. прямо писали: совещание было "навязано Даллесу только потому, что Иден смертельно

боялся, что он может проиграть парламентские выборы".

В последний момент переговоров Макмиллана с Даллесом в Париже американцы пытались предложить свое "ограниченное участие" в совещании. "Даллес спросил меня, - записал Макмиллан в дневнике, - не думаю ли я, что будет достаточно, если вместо президента приедет вице-президент? Полагая, что это шутка, я ответил ему известным анекдотом из мюзик-холла: "Бедная г-жа Джонс, с нею произошла ужасная вещь". "А что случилось?" "У нее было два чудесных сына. Один из них утонул на "Титанике", а другой стал вице-президентом Соединенных Штатов. И с тех пор ни об одном из них ни слуху, ни духу". Даллес не принял шутку и молча выводил на лежащем перед ним листе бумаги слова: "Нам не смешно". Через некоторое время он заметил: "Думаю, что бедному Никсону это не понравится"[10]. Но английская сторона, для которой важен был прежде всего официальный фасад будущей конференции, не могла согласиться на участие в ней Никсона вместо Эйзенхауэра.

Что касается Советского правительства, то оно охотно шло на переговоры с Англией и США на высшем уровне, имея в виду использовать их для достижения хотя бы некоторой разрядки напряженности. Именно Москве в действительности принадлежала инициатива проведения переговоров в целях улучшения международной атмосферы и обсуждения осложнявших ее спорных проблем.

11 мая было опубликовано сообщение о предстоящей встрече на высшем уровне представителей СССР, Англии, США и Франции. Английская печать, поддерживавшая консерваторов, принялась неимоверно раздувать значение этого сообщения, поскольку избирательная кампания была в разгаре. Макмиллан вспоминает, что он смог оказать своей партии "значительно более ценную помощь организацией встречи на высшем уровне, чем произнесением речей, какими бы они ни были яркими".

Выборы 26 мая 1955 г. принесли победу консерваторам. Этому способствовали не только внутриполитические и внешнеполитические акции правительства Идена - Макмиллана - Батлера. Лейбористские лидеры не выступили с радикальной предвыборной платформой, которая привлекла бы симпатии избирателей. Их программа по существу не отличалась от той, которую предлагали соперники. Один консерватор - член палаты лордов заметил о внешнеполитической части избирательной программы лейбористов: "Если бы этот документ писал сам Антони Иден, он не мог бы с большей силой изложить в нем свою точку зрения и свою политику".

На руку консерваторам был и раскол в верхушке

лейбористской партии. Правые лидеры в это время вели активное преследование тех деятелей левого крыла партии, которые выступали против гонки вооружений и ремилитаризации ФРГ. В результате ряд активистов не приняли участия в избирательной кампании, а многие рядовые лейбористы воздержались от голосования.

Консерваторы получили в новой палате общин абсолютное большинство: 344 места против 277 мандатов лейбористов. Их позиции в парламенте упрочились, и правительство Идена получило определенную свободу рук.

Как же оно намеревалось использовать открывшиеся перед ним возможности? Вспоминая начало своей деятельности на посту премьер-министра, Иден сообщает: "Было совершенно ясно, что именно я хотел делать. Во внешних делах я предвидел рост коммунистических устремлений и желал укрепления единства свободного мира на всех континентах с тем, чтобы бороться против этих устремлений. Во внутренних делах я верил в демократию, владеющую собственностью, и полагал, что нужно поощрять ее рост; она соответствовала английскому национальному характеру, а социализм - нет". Итак, программа совершенно четкая: борьба против коммунизма в глобальном масштабе и борьба против рабочего движения в Англии по возможности путем примирения классовых интересов и сглаживания классовых противоречий.

Эта программа не отличалась ни оригинальностью, ни реализмом. Она имела своим истоком планы, предлагавшиеся еще в 20-х годах. Суть этих планов, равно как и концепции Идена, состояла в том, чтобы попытаться подкупить рабочих не столько реальными материальными выгодами, сколько возможностью (в действительности иллюзорной) получить эти выгоды. Это был циничный и бессовестный обман широких масс трудящихся, которым внушалось, что они станут совладельцами и соправителями промышленных предприятий и превратятся в капиталистов. Иден ратовал за "партнерство в промышленности. Оно включало совместные консультации рабочих и владельцев предприятий, предоставление рабочим полной информации о состоянии дел компаний, в которых они работают, а также их участие в прибылях, осуществляемое в различных формах (наиболее предпочтительной из них признавалось предоставление рабочим возможности владеть акциями и тем самым приобрести реальную долю капитала в фирме, где они трудятся). Премьер-министр просил "каждую фирму в Англии срочно и тщательно изучить вопрос о том, не могут ли они ввести дополнительные меры, которые развивали бы чувство

партнерства". И далее Иден объяснял, почему он так настойчиво пропагандирует идею "партнерства": "Я верю, что этим и другими путями мы сможем в течение нескольких лет добиться установления большего мира в промышленности". Через пять лет Иден отметит: "Эти слова... выражали суть моих убеждений по внутренней политике".

Концепция "владеющей собственностью демократии" была нацелена не только на то, чтобы побудить рабочих отказаться от борьбы против предпринимателей, поманив их перспективой обогащения. Схема Идена противостояла лейбористской программе, предусматривавшей национализацию промышленности. Она внушала трудящимся, что национализация, передающая предприятия в распоряжение государства, им ни к чему, что для них гораздо выгоднее и надежнее самим стать совладельцами предприятий. Они будут владеть фабриками и заводами, на которых работают, не через государство, а непосредственно, сделавшись держателями акций и сополучателями прибылей. "Чтобы консерваторы могли упрочить свои позиции, необходимо было, - пишет Иден, - донести свой призыв до высококвалифицированных промышленных рабочих, которые, как следовало ожидать, извлекут пользу из того общества, которое мы хотим создать". Следовательно, призыв "обогащайтесь!" был адресован прежде всего рабочей аристократии.

Однако кроме общей идеи "владеющей собственностью демократии" в ходе избирательной кампании 1955 года требовалось предложить конкретные меры, которые сулили бы улучшение положения широких масс немедленно, на второй день после того, как мандат консерваторов на власть будет возобновлен. Поэтому в своих выступлениях перед избирателями Иден обещал им модернизацию железных и шоссейных дорог, давал зарок "строить больше жилых домов и школ", осуществлять "программу строительства больниц", повести "решительное наступление на трущобы", "в течение ближайших пяти лет построить новые школы для одного миллиона учащихся и улучшить существующие школы и их оборудование", вести "прогрессивную социальную политику". "Наша задача, - говорил Иден избирателям, - не завершена. Остается сделать очень многое. Я прошу вас возобновить наш мандат с тем, чтобы мы могли работать над укреплением мира в сфере внешней политики и над созданием владеющей собственностью демократии внутри страны".

Мандат консерваторов был возобновлен, и ближайшие же месяцы продемонстрировали, как далека была внутренняя и

внешняя политика правительства Идена от предвыборных обещаний консерваторов. Будем, однако, справедливы к этому правительству - оно поступило в точном соответствии с традицией, существующей в английской политической жизни. Предвыборные программы партий - и консервативной, и лейбористской - предназначены прежде всего для улавливания голосов избирателей и, как правило, выбрасываются за борт соответствующими правительствами целиком или в значительной своей части.

Правительство консерваторов, возглавлявшееся вначале Черчиллем, а с мая 1955 года Иденом, действовало в сложных условиях. К началу 50-х годов правые лейбористы, стоявшие у власти с 1945 по 1951 год, завершили период внутриполитических реформ. А когда, как считали правящие круги, опасность острых классовых боев, вызванных полевением народных масс в ходе антифашистской войны, миновала, лейбористское правительство перешло к политике максимального ограничения благоприятных для трудящихся последствий проведенных реформ.

Осуществив широкую идеологическую обработку масс и навязав Англии участие в военных антикоммунистических, антисоветских блоках, лейбористское правительство приступило к перевооружению страны в соответствии с агрессивными планами НАТО. Оно развернуло гонку вооружений, ассигновав в июле 1950 года первую, поначалу скромную сумму на эти цели - 100 млн. ф. ст. Но уже через месяц была объявлена программа перевооружения стоимостью в 3400 млн. ф. ст., увеличенная в январе 1051 года до 4700 млн. ф. ст., которые имелось в виду вложить в гонку вооружений в течение трех лет.

Поворот от уступок трудящимся к наступлению на их жизненный уровень, осуществленный правительством Эттли, стимулировал классовую борьбу, которая находила выражение в росте стачечного движения. Таким образом, правительство Черчилля - Идена пришло к власти и условиях обострения классовых противоречий и классовой борьбы внутри страны.

Классовое противоборство обострялось и на международной арене. Возвращение консерваторов к власти произошло в разгар "холодной войны".

Национально-освободительная революция, быстро разрушавшая британскую колониальную империю, к началу 50-х годов вывела на путь независимости английские владения в Азии. Центр освободительного движения затем переместился в английские владения на Ближнем Востоке. Именно здесь консервативное правительство ожидали тягчайшие поражения.

Важным фактором, воздействовавшим на экономику и политику Англии в первой половине 50-х годов, была научно-техническая революция. Ее проявления видны в усилиях английских правительств, направленных на получение собственного ядерного оружия и средств его доставки к цели, в бурном росте так называемых новых отраслей промышленности, в стремлении развивать атомную энергетику и т. д.

Все это означало, что английский империализм существовал и развивался в условиях трех революций - социалистической, национально-освободительной и научно- технической. Против первых двух он вел борьбу не на жизнь, а на смерть, достижения третьей он стремился поставить себе на службу и использовать в своих классовых интересах. Обстановка была сложной, насыщенной новыми быстротекущими явлениями, с которыми британским государственным деятелям ранее не приходилось иметь дела. Возникавшие проблемы надо было решать в условиях, когда соотношение сил в мире изменялось в пользу, социализма, а в лагере империализма - становилось все более и более неблагоприятным для Англии.

Правда, первые годы консервативного правления совпали с выгодной для Великобритании игрой экономических сил. Начиная с 1952 года движение мировых цен стало изменяться в ее пользу. Ввозимые в страну продовольствие и сырье быстро дешевели, а экспортируемые ею промышленные товары, хотя и медленно, дорожали. Одна эта разница в ценах давала в год многие сотни миллионов фунтов стерлингов чистого дохода, для получения которого не требовались дополнительные усилия. Жизненный уровень населения, за исключением беднейших слоев, повысился.

Однако эта благоприятная конъюнктура сохранялась недолго. В 1955 году английская экономика вступила в очередную полосу серьезных затруднений. Реализация гигантской программы вооружений душила экспорт и тормозила техническое переоснащение промышленности. ФРГ и Япония в это время набирали темпы экономического развития, грозя вскоре обогнать Англию.

Английской экономике были присущи периодические кризисы платежного баланса и периодические приступы истощения валютных резервов. Это естественно, если учесть, что консервативное правительство увеличило расходы на военные нужды и агрессивную внешнюю политику с 1123 млн. ф. ст. в 1951/52 бюджетном году до 1519 млн. ф. ст. в 1956/57.

Вспоминая страшный шум, поднятый консерваторами в период, когда лейбористская партия провела национализацию

ряда отраслей экономики, многие ожидали, что, придя к власти, они полностью восстановят статус-кво. Но правительство Черчилля - Идена вернуло в частные руки лишь автомобильный транспорт и черную металлургию. Остальные национализированные отрасли остались во владении государства. Это подтвердило марксистский вывод о том, что проведенная в свое время национализация была государственно-капиталистической мерой, выгодной английской буржуазии.

Выход из экономических затруднений правящие круги всегда искали за счет снижения жизненного уровня народных масс. Так было и на этот раз. Естественно, трудящиеся не желали поступаться тем, что они имели, что добыли в результате тяжких классовых боев, и отвечали на попытки консерваторов "оздоровить" экономику за их счет упорной стачечной борьбой. В 1955 году в результате забастовок в Англии было потеряно 3781 тыс. рабочих дней.

Для Идена, всю жизнь уделявшего исключительное внимание проблемам внешней политики, экономические и внутриполитические проблемы были и непривычными, и неприятными. Но премьер-министр не мог от них уклониться. "Начиная с того момента, как я прибыл на Даунинг-стрит, - пишет Иден, - серия забастовок поглотила все мое внимание". Забастовка, прекратившая выпуск газет, началась еще при Черчилле и продолжалась при Идене. Вот-вот должны забастовать железнодорожники и докеры. Их стачка могла парализовать экономическую жизнь страны.

Был создан специальный комитет из министров во главе с министром внутренних дел Гвилимом Ллойд Джорджем[11], который занялся выработкой мероприятий, подлежавших осуществлению для подавления стачек, - первая акция Идена в сфере внутренней политики. "Комитет Ллойд Джорджа" работал в глубокой тайне. В то время шла избирательная кампания, и консерваторам пришлось бы туго, если бы рабочим-избирателям стало известно, чем занимается этот комитет.

На предвыборных митингах Иден ратовал за "владеющую собственностью демократию", призывал рабочих стремиться стать капиталистами, а возвращаясь в Лондон из избирательного округа на следующее утро после выборов, обдумывал, как бы задушить начавшуюся стачку докеров и железнодорожников. Через четыре дня правительство провозгласило чрезвычайное положение в стране. Этот акт приостанавливал действие английской конституции и уполномочивал правительство применять в борьбе против стачечников любые меры, включая войска. Таким образом, самые первые дни деятельности кабинета

Идена были отмечены такими реакционными действиями, к которым даже консерваторы прибегают лишь в самом крайнем случае. Такой оказалась иденовская "демократия" в отношениях с рабочими.

Вскоре английские трудящиеся столкнулись еще с одной стороной этой "демократии". Накануне выборов консерваторы пошли на некоторые весьма незначительные уступки по бюджету. Прошло пять месяцев, и в октябре 1955 года правительство приняло дополнительный бюджет, по которому не только были ликвидированы сделанные весной уступки, но и предусматривались меры, серьезно ухудшавшие положение трудящихся. Отныне увеличивались покупательные налоги, повышалась стоимость почтовых услуг, сокращались субсидии на жилищное строительство и т. п.

Еще через три месяца оказалось, что и этих экономических жертв со стороны трудящихся "недостаточно". В феврале 1956 года правительство провело ряд "антиинфляционных мер" за счет прежде всего рабочего класса. Принятый в апреле 1956 года государственный бюджет на очередной финансовый год увеличивал налоги на потребительские товары.

Эти акции были с возмущением встречены широкими народными массами. Случилось так, что правительство оказалось не в состоянии осуществить одновременно какие-либо поверхностные, но популярные меры, чтобы сохранить психологический баланс в общественном мнении в свою пользу. К началу 1956 года недовольство правительством стало четко выраженным и усиливалось из месяца в месяц. Естественно, что оно обрушивалось прежде всего на премьер-министра. Надежды на то, что Иден будет "хорошим премьером", уже никем не разделялись и довольно быстро испарились.

В конце 1955 года Иден произвел изменения в составе правительства. Батлер был заменен па посту министра финансов Макмилланом, преемником которого в Форин оффис стал Селвин Ллойд.

Историки утверждают, что Батлер за четыре года пребывания в министерстве финансов устал и по мере ухудшения экономического положения страны все настойчивее просил Идена перевести его на менее ответственный пост. Похоже, однако, что это полуправда. Безусловно, министерство финансов в условиях экономических затруднений - очень хлопотное и неприятное место. Но у главы этого министерства есть одно очень важное преимущество: по традиции он является главным претендентом на пост премьер-министра. И отказаться от этого преимущества Батлер мог лишь под давлением очень веских обстоятельств.

Скорее всего, его сделали козлом отпущения за непопулярные экономические меры.

Макмиллан по своему положению в консервативной партии вполне подходил на пост министра финансов. Но Иден руководствовался не только этим. Премьер-министру хотелось иметь в Форин оффис человека меньшего калибра, более податливого, который принял бы как должное его повседневное вмешательство во все внешнеполитические действия. Макмиллан же был не рядовым деятелем и желал быть полным хозяином в своем министерстве; ему не нравилась мелочная опека со стороны Идена. В общем реорганизация правительства показала, что слухи о трениях и неладах в верхах консервативной партии имели под собой известные основания, хотя Иден их весьма настойчиво опровергал.

Сильно повредил репутации Идена в глазах английского народа и тот факт, что он способствовал ликвидации англо-советского договора о союзе в войне и послевоенном сотрудничестве, подписанного им же самим в 1942 году сроком на 20 лет. Конечно, и лейбористское правительство Эттли - Бевина много сделало для того, чтобы взорвать союзные отношения между СССР и Англией, сложившиеся в ходе войны против общего врага. Но именно Иден, будучи министром иностранных дел в правительстве Черчилля, завершил эту вредоносную работу, организованную воинствующими антикоммунистами и ненавистниками Советского Союза. Он приложил огромные усилия к тому, чтобы вовлечь Западную Германию в НАТО - военно-политический агрессивный блок, направленный против Советского Союза и других социалистических государств, и организовать ее ремилитаризацию. И, к несчастью для дела мира, преуспел в этом. При консервативном правительстве Черчилля - Идена произошло объединение в рамках НАТО Англии в военном союзе с Федеративной Республикой Германии, во главе которой стояло правительство, жаждавшее реванша. Эти действия находились в прямом противоречии с англо-советским договором, предусматривавшим, что Советский Союз и Англия обязуются не принимать участия в блоках или коалициях, направленных друг против друга.

Советское правительство неоднократно предупреждало, что подписание соглашений о включении ФРГ в НАТО и ее ремилитаризации перечеркнет англо-советский договор 1942 года и аннулирует его. Однако в Лондоне не вняли этим предупреждениям и провели ратификацию Парижских соглашений. Советскому правительству после этого не оставалось

ничего иного, как поставить вопрос о юридическом аннулировании договора.

Иден стал премьер-министром 6 апреля 1955 г. Советское правительство, убедившись в том, что приход Идена на Даунинг-стрит не влечет за собой изменения линии английского правительства в отношении СССР, внесло на рассмотрение Президиума Верховного Совета предложение об аннулировании англо-советского договора 1942 года.

7 мая 1955 г. Президиум Верховного Совета СССР принял Указ, в котором отмечалось, что Советский Союз неуклонно стремился к сохранению и укреплению англо-советского договора, руководствуясь тем, что этот договор, скрепленный боевым сотрудничеством советского и английского народов, отвечает интересам безопасности обоих государств и что сохранение и развитие дружественных англо-советских отношений является важной предпосылкой для поддержания мира и безопасности в Европе; Англия же вопреки взятым на себя по договору обязательствам стала участницей Парижских соглашений, которые вели к восстановлению германского милитаризма, и вступила с Западной Германией в военный союз, направленный против СССР. Поскольку правительство Англии пошло на прямое нарушение своих обязательств по англо-советскому договору и тем самым фактически его ликвидировало, Президиум Верховного Совета постановил "аннулировать, как утративший силу, Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенным Королевством Великобритании о союзе в войне против гитлеровской Германии и ее сообщников в Европе и о сотрудничестве и взаимной помощи после войны, заключенный 26 мая 1942 года".

Империалистической политике раскола Европы на антагонистические военные блоки социалистические страны противопоставили идею создания системы коллективной безопасности. Западные державы ответили отказом. В создавшихся условиях социалистические страны оказались перед необходимостью принять дополнительные меры по обеспечению своей безопасности. 14 мая 1955 г. они заключили Варшавский Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, который имеет оборонительный характер. Этот договор явился ответом на нарастание опасности новой мировой войны и возникновение угрозы национальному суверенитету миролюбивых государств.

Варшавский Договор стал важным шагом по консолидации сил социалистических государств в их противоборстве с миром капитализма. Постепенно соотношение сил между социализмом и капитализмом все больше изменялось в пользу социализма. В

середине 50-х годов это обнаружилось особенно очевидно. То был результат успешного решения Советским Союзом стоявших перед ним задач дальнейшего развития социалистического общества и сохранения международного мира. Эффективно реализовывались планы Коммунистической партии в сфере социалистической экономики.

С момента окончания второй мировой войны прошло десять лет. Англия и США использовали эти годы для того, чтобы развязать "холодную войну" против Советского Союза и, накапливая запасы атомного оружия, под угрозой его применения попытаться добиться капитуляции СССР. Империалистические круги не желали принять ни географические (новые границы), ни социально-политические (победа социалистической революции в ряде стран Европы и Азии) итоги второй мировой войны. Они были намерены использовать достижения научно-технического прогресса в военной области для того, чтобы остановить и повернуть вспять движение народов по пути социализма и прогресса.

Сразу же после создания атомного оружия лидеры консервативной партии заявили о своем твердом намерении использовать его в противоборстве с Советским Союзом. Этот важнейший факт подтверждается многочисленными опубликованными документами.

Фельдмаршал Аланбрук, председатель комитета начальников штабов и близкий к Черчиллю в годы войны человек, зафиксировал в дневнике, как глава английского правительства реагировал в июле 1945 года на сообщение Трумэна об успешном испытании атомной бомбы. Черчилль "позволил себе увлечься самыми первыми и довольно скудными сообщениями о первом атомном взрыве, - записал Аланбрук. - Он уже видел себя способным уничтожить все русские промышленные центры и не принимал во внимание никаких связанных с этим проблем - таких как средства доставки бомбы к цели, производство бомб, возможность того, что у русских тоже могут быть такие бомбы, и т. п. Черчилль немедленно нарисовал великолепную картину, на которой он был изображен в качестве единственного обладателя этих бомб, имеющего возможность накапливать их там, где он пожелает, являющегося таким образом всемогущим и способным диктовать Сталину свои условия".

Для того чтобы диктовать Советскому Союзу условия империалистических держав и заставить его принять эти условия, нужна была сила. Ядром такой силы должно было явиться, по мнению империалистических лидеров, атомное (а позднее и водородное) оружие. Как отмечает американский исследователь

Пьер, Черчилль, Иден и Макмиллан "требовали, чтобы Запад и особенно Англия проводили политику твердости и силы. Чем сильнее будет Англия, тем большим будет ее влияние на международные отношения и тем более примирительно будут вести себя русские".

В Вашингтоне политика в отношении Советского Союза была сформулирована осенью 1946 года в так называемом "меморандуме Клиффорда", который авторы из США квалифицируют как "фундаментально важный американский государственный документ, наметивший послевоенные перспективы (американской политики. - В. Т.) с поразительной точностью". "Это было заявление о принципах внешней политики, - пишет американский историк А. Корк, - особенно в отношении СССР, принятое Трумэном к неуклонному руководству".

Меморандум был подготовлен с учетом соображений государственного секретаря, военного министра, генерального прокурора, военно-морского министра, адмирала Леги (бывшего главного советника Рузвельта), начальников штабов всех родов войск, начальника Центрального разведывательного управления и некоторых других государственных деятелей.

К каким же выводам пришли руководители Соединенных Штатов и какую политику они наметили для своей страны в сентябре 1946 года?

Авторы меморандума исходят из положения, что "мирное сосуществование коммунистических и буржуазных государств невозможно". "Язык военной мощи", по их мнению, является единственным языком, которым должно разговаривать с Советским правительством; "Соединенные Штаты должны использовать этот язык, чтобы заставить советских лидеров прийти к пониманию" необходимости принятия американского диктата.

"Уязвимость Советского Союза ограничена, - гласит меморандум, - благодаря тому, что его важнейшие промышленные предприятия и природные ресурсы широко рассредоточены на обширной территории. Но они уязвимы для атомного и биологического оружия и авиации дальнего действия. Поэтому, чтобы поддерживать нашу мощь на уровне, который даст возможность обуздать Советский Союз, Соединенные Штаты должны быть подготовлены к тому, чтобы вести атомную и биологическую войну... Война с Советским Союзом будет "тотальной" в более ужасном смысле этого слова, чем любая из предшествовавших войн".

Такова была программа империалистических кругов: или Советский Союз удастся "обуздать" под угрозой применения силы,

или же придется пойти на войну против пего, войну атомную и бактериологическую. Американские стратеги проявили известный реализм, допустив, что и Советский Союз сможет получить в свое распоряжение оружие массового уничтожения. В этом случае, считали они, вероятно, будет разумнее воздержаться от развязывания "тотальной" войны против СССР. "Будет ли соответствовать интересам США применение атомного и биологического оружия против Советского Союза в случае военных действий, - говорилось в меморандуме, - это вопрос, который потребует тщательного рассмотрения... На его решение, вероятно, окажет воздействие ряд факторов - таких как способность Советского Союза применить аналогичное оружие, что предвидеть в настоящее время невозможно".

Меморандум готовился не для пропаганды, а для "внутреннего пользования", поэтому авторы не оперировали термином "советская угроза", столь привычным для пропагандистской машины империализма. Напротив, всесторонне взвесив все данные, они записали: "Лидеры Советского Союза хотят оттянуть военный конфликт с Западом на многие годы". Вывод весьма важный. Интересно, что и президент Трумэн в свое время считал, что Советский Союз не желает конфликта с США. "Трумэн никогда не верил, что Советы начнут войну против Соединенных Штатов", - читаем у американского историка Крока.

Английская политика и стратегия на протяжении послевоенного десятилетия полностью совпадала с американской. Это естественно, ибо союз с США являлся краеугольным камнем британской внешней политики. Правда, в Англии вначале не очень торопились с разработкой ядерного оружия. Не хватало материальных средств, да и сильна была надежда, что американцы поделятся в конце концов секретом атомной бомбы, в раскрытии которого им существенную помощь оказали английские ученые. К тому же в случае войны атомный потенциал США непременно будет на стороне Англии в силу союзных отношений между ними. Наконец, лондонские политики как лейбористского, так и консервативного толка испытывали незыблемую уверенность, что СССР, которого они рассматривали как своего противника, если вообще когда-либо и получит атомное оружие, то очень не скоро.

И вдруг в августе 1949 года технические средства западных стран зафиксировали атомный взрыв в Советском Союзе. "Быстрота, с которой в СССР была решена атомная проблема, явилась сюрпризом для Лондона и Вашингтона", - замечает Пьер.

Сразу же после создания атомного оружия Советский Союз выступил с требованием запрещения его изготовления и

применения. Он продолжал настойчиво добиваться этого и после того, как атомная бомба поступила в распоряжение Советских Вооруженных Сил. Позиция СССР получала все большую и большую поддержку со стороны общественного мнения различных стран. Англия в этом смысле не была исключением.

Поэтому, когда лейбористское правительство Эттли приняло решение о развертывании работ по созданию английской атомной бомбы, оно скрыло свое решение от народа и парламента. Работы велись в глубокой тайне. Парламент утвердил крупные ассигнования по статье "Общественное строительство в Англии", не подозревая, что в действительности за этим скрывается.

Чем объяснить обман парламента? Наличие атомного оружия в СССР снимало вопрос секретности, а готовность консерваторов поддерживать гонку вооружений гарантировала одобрение парламентом соответствующих ассигнований. Следовательно, необходимость осуществлять атомную программу втайне от народа - единственное объяснение поведения лейбористского правительства, находящегося в резком противоречии с его рассуждениями об уважении воли народа, выражаемой через парламент, об английской демократии и т. п.

Правительство Черчилля - Идена ускорило разработку атомного оружия. Прежде всего это диктовалось соображениями престижа. Консервативные политики надеялись, что, заполучив атомную бомбу, Англия восстановит свое прежнее положение великой державы. Некоторые оптимисты мечтали этим путем заполучить для Англии даже статус сверхдержавы. Престиж - это не просто дань национальному самолюбию, это, по мнению английских политиков, средство воздействия на международные отношения. Приобретение собственного атомного оружия должно было поставить Англию на равную ногу с СССР и США.

Наконец, обладание атомным оружием дало бы возможность сократить численность английских войск, что должно было в мирное время обеспечить дополнительную рабочую силу для промышленности, а в период войны - снизить потери в живой силе. В известной мере эта концепция напоминала планы, имевшие хождение в военных кругах западных стран в период между двумя мировыми войнами. Тогда тоже намеревались сделать упор на авиацию и ограничить роль пехотных соединений.

Зависимость от Америки в атомной области связывала руки английскому правительству, ограничивала его возможности в сфере внешней политики и была чревата большими опасностями в случае войны. США могли вовлечь Англию в ядерную войну, даже не посоветовавшись с ее правительством. Кроме того, в

условиях войны американское командование использовало бы атомное оружие с учетом прежде всего нужд своей страны, оставляя в стороне интересы Англии.

Ставка на атомное оружие логически привела английские правящие круги к готовности первыми нанести атомный удар. Макмиллан в бытность военным министром записал в дневнике 25 ноября 1954 г.: "Совершенно невозможно оснастить наши вооруженные силы двумя типами оружия - обычным и ядерным... Это означает, что, если русские применят только обычное вооружение.., мы будем вынуждены начать (подчеркнуто автором. - В. Т.) ядерную войну".

3 октября 1952 г. у островов Монте-Белло впервые был произведен взрыв английской атомной бомбы. Это произошло через три года после проведения подобных испытаний в Советском Союзе. Англия смогла самостоятельно решить эту сложную научно-техническую проблему. Однако ее правительство оказалось не в состоянии правильно оценить создавшуюся ситуацию. Об этом убедительно свидетельствует документ, принятый английским кабинетом в 1952 году и известный как "глобальный стратегический план".

План явился логическим следствием осуществления ряда военно-экономических мероприятий. Сразу после второй мировой войны начальники штабов установили принцип: "десять лет без войны". Однако в 1950 году после создания Западного союза и Североатлантического пакта английское правительство пересмотрело этот принцип и стало осуществлять военное планирование, исходя из возможности возникновения большой войны в ближайшие два-три года. В соответствии с этим лейбористским правительством была принята трехлетняя программа вооружения Англии. Это - убедительное свидетельство "миролюбивого" характера НАТО и политики английского правительства!

Пришедшие на смену лейбористам консерваторы поняли, что экономика страны рухнет под давлением огромных военных расходов, и растянули реализацию принятой программы на более длительный срок. Черчилль язвил по этому поводу, называя сокращение лейбористской военной программы консерваторами "курьезным комментарием к английской политике".

Что же касается существа дела, то именно консервативное правительство Черчилля - Идена пустило на полный ход машину подготовки войны и сформулировало стратегический план, из которого исходили его преемники на протяжении ряда лет.

Весной 1952 года правительство поручило начальникам штабов подготовить фундаментальный анализ стратегических

возможностей и задач Англии с учетом создавшихся особых условий: роли ядерного оружия, существования НАТО и положения английской экономики. Начальники штабов трех родов войск: авиации, флота и сухопутных сил - под руководством военного помощника Черчилля генерал-майора Яна Джейкоба уединились на две недели на загородной вилле (беспокоить их было строжайше запрещено) и принялись за составление соответствующего документа. Им не позволили взять с собой никаких помощников. Сумев преодолеть извечные ведомственные споры о приоритетах для соответствующих родов войск, они подготовили единый документ.

"Глобальный стратегический план" предусматривал, что, во-первых, Англия и ее союзники должны готовить войну против Советского Союза и, во-вторых, поскольку появление ядерного оружия революционизировало технический характер войны, им следует применить его первыми. Разумеется, подготовку ядерной войны против СССР необходимо было маскировать лживым тезисом о возможности "советской агрессии" - этот тезис использовался даже в самом документе, имевшем служебное значение.

Суть плана, по оценке Пьера, состояла в том, что военные действия должны развиваться не только в локальном пункте конфликта - массированный ядерный удар будет обрушен на центральные районы России. Американский историк Розенкранц следующим образом комментирует глобальную стратегию Англии: "Ядерная мощь Соединенных Штатов уже очень велика. В войне их стратегическая авиация сможет уничтожить Советский Союз как индустриальную державу... Английские стратегические силы, со своей стороны, в состоянии внести важный вклад в американские усилия".

Как речь Черчилля в Фултоне воздействовала на формулирование политической стратегии империализма на много лет, так "глобальный стратегический план" оказал сильное влияние на эволюцию стратегической доктрины Запада. Он сделал Англию первой страной, которая почти целиком строила свое военное планирование на применении ядерного оружия. Утверждают, что этот план оказал влияние на Соединенные Штаты и помог сформулировать военную политику "нового взгляда" в годы президентства Эйзенхауэра. "Новый взгляд" во многом повторил идеи "глобального стратегического плана". Один из американских авторов - Хантингтон писал: "Изменения в американской военной политике зачастую следуют через два или три года после соответствующих изменений в английской военной политике. "Новый взгляд" берет свое начало в идеях

Черчилля и начальников английских штабов, сформулированных в 1951 и 1952 годах. Он в 1953 и 1954 годах сформулировал американскую политику".

В свете подобных империалистических замыслов, чреватых тягчайшими последствиями для дела мира и всего человечества, становится особенно наглядным историческое прогрессивное значение созидательных усилий советского народа и миролюбивой внешней политики Советского Союза, не допустившего реализации этих гибельных замыслов.

Огромное историческое значение имело решение советскими учеными, техниками и рабочими проблемы атомного и водородного оружия и ракетных средств доставки их к цели. Создание в СССР атомного, а к 1953 году - водородного оружия радикальным образом изменило баланс мировых сил в пользу социализма. Монополии атомного оружия, которой временно владели США и на которой строили свои расчеты и Черчилль в Фултоне, и авторы "меморандума Клиффорда", и создатели "глобального стратегического плана", больше не существовало. СССР удалось поставить новейшие достижения научно-технической революции в области военного дела на службу защиты лагеря социализма и демократии. Это сделало советскую внешнюю политику намного более эффективной, обусловило ее воздействие на последующее развитие международных отношений.

История зафиксировала крупный просчет политических и военных деятелей Англии. В 1950 году они ожидали большую войну через два-три года. Но благодаря усилиям Советского Союза и других социалистических стран человечество смогло избежать ее на протяжении вот уже четверти века.

Характерной чертой послевоенной истории является то, что общественные силы обнаружили способность улавливать новые явления в политическом и социальном развитии человечества быстрее и точнее, чем правящие круги буржуазных государств. Это в большей степени, чем к кому-либо другому, относится к правительству Англии. В середине 50-х годов оно не смогло до конца осознать, что изменившийся баланс сил делает невозможной реализацию "глобального стратегического плана", что эффективность миролюбивой советской внешней политики будет и впредь возрастать и что капиталистическим правительствам придется все более считаться с мнением широких народных масс. Весной и летом 1955 года трудящиеся Англии, США и других стран все настойчивее требовали от правящих кругов достижения договоренности с Советским Союзом и предотвращения новой мировой войны, которая неизбежно стала

бы ядерной катастрофой.

К этому времени движение народов против угрозы новой войны приобрело большой размах. К движению сторонников мира примкнули новые общественные силы, ранее остававшиеся нейтральными. 10 июля 1955 г. ученые и общественные деятели с мировым именем - Альберт Эйнштейн, Бертран Рассел и семь их коллег опубликовали призыв к народам и правительствам "помнить о своих обязанностях перед человечеством и забыть обо всем остальном". Под обязанностью подразумевалась необходимость предотвратить разрушительную войну. Участие таких деятелей в борьбе за мир помогало массам лучше понять возможные последствия ядерной войны, что, в свою очередь, содействовало расширению рядов сторонников мира.

Давление народных масс на правительства Англии и США в 1955 году было особенно сильным. Газета "Нью-Йорк тайме" отмечала 10 июля, что согласие Белого дома на участие в предстоящей конференции в верхах является "отражением огромного давления общественного мнения". Сам президент Эйзенхауэр заявил на открытии конференции: "Мы собрались здесь в ответ на всеобщие настоятельные требования".

Английское правительство также не могло игнорировать давление со стороны народных масс. Вместе с тем оно должно было учитывать и тот факт, что СССР располагает самыми современными средствами обороны, и это делает агрессию против него смертельно опасной для самого агрессора. Даже такой ярый поджигатель войны, как Уинстон Черчилль, оказался вынужденным заявить весной 1955 года: "Итак, у нас осталось очень немного времени, чтобы установить мир друг с другом; в противном случае нам придется заключать мир с господом богом". Подобные озарения, хотя и запоздалые, подталкивали английское правительство к тому, чтобы сесть за стол переговоров. В этом же направлении действовало и то обстоятельство, что западные державы, развязав "холодную войну", с каждым днем все более убеждались, что она приносит им поражения. В ноябре 1954 года Макмиллан записал в дневнике: ""Холодная война" тревожит меня больше, чем "горячая война". Дело в том, что в действительности мы ее не выигрываем, а русские занимают центральные позиции ...и осуществляют хорошо рассчитанные шаги".

К этому времени в Лондоне (как и в Вашингтоне) возникли серьезные опасения по поводу того, насколько реалистична проводимая правящими кругами обеих стран политика, однако ни те, ни другие еще не пришли к мысли о необходимости изменить эту политику и строить свои отношения с Советским

Союзом по-иному.

Будущее покажет, что руководящие деятели США станут на позиции реализма раньше, чем их британские коллеги. Это произойдет почти через два десятилетия, в президентство Никсона. А английское консервативное правительство и тогда не будет торопиться покинуть окопы "холодной войны".

Такую же позицию оно занимало на Женевской конференции. В приглашении, адресованном Советскому правительству, не отражалась готовность западных держав пойти на конструктивную договоренность с СССР. Указав, что пришло время вновь предпринять попытку "решить стоящие перед нами проблемы", из Лондона и Вашингтона предупреждали, что это дело долгое. И не собирались его ускорять. "В ограниченное время, на которое главы правительств смогут встретиться, - гласил документ, - они не будут обязаны стремиться достигнуть соглашения по существу ответов на главные затруднения, перед которыми стоит мир". Явно в адрес народных масс было направлено предупреждение: "Для решения этих проблем потребуется время и терпение".

О чем же тогда они в действительности собирались вести речь в Женеве? Ответ можно найти в тех переговорах (их точности ради следует назвать сепаратным сговором), которые последовали между министрами иностранных дел Англии, Франции и США после получения согласия Советского правительства на предложенную ему встречу. "Договорились, - пишет Макмиллан, - что главными вопросами для обсуждения будут Германия, разоружение и отношения между Россией и западными странами". На первый взгляд, повестка дня весьма обнадеживающая.

Но что скрывалось за этими широкими формулировками? Рандольф Черчилль, присутствовавший на конференции, сообщает, что главной целью Запада в Женеве "должно было быть восстановление единства Германии". Опять-таки формула неплохая: Советский Союз преследовал ту же цель. Истинный смысл этой формулы, однако, обнаруживается в дневниковой записи Макмиллана от 17 июня 1955 г.

В тот день он встретился с канцлером ФРГ Аденауэром. Шла речь о предстоящей конференции. Канцлер высказал уверенность в том, что "Россия стремится к ослаблению напряженности и может оказаться готовой выдать Восточную Германию в обмен на известную степень безопасности в Европе". Исходя из этой уверенности, Аденауэр посоветовал западным державам выступить с каким-либо предложением о разоружении "в целях пропаганды".

Взгляды руководителей английского правительства и канцлера ФРГ полностью совпадали. Как Макмиллан позднее подчеркивал в своих мемуарах, у него не было сомнений в том, что русские "хотели бы уменьшить свои расходы на вооружение". Затем он приводит выдержку из своего дневника от 21 июня: "Но уплатят ли они за это соответствующую цену? В конце концов, уплатят ли они любую цену за что-то, что в действительности не ведет к достижению их цели?" Итак, речь шла о том, чтобы попытаться на конференции добиться от СССР согласия на присоединение ГДР к ФРГ и последующее включение единой буржуазной Германии в НАТО. Со своей стороны, западные правительства готовы были туманно порассуждать о разоружении и безопасности в Европе. Иден даже продумал план таких рассуждений, состоящий из трех частей.

Столь иллюзорные и наивные расчеты не делали чести западногерманским и английским политикам. Им пора было уже усвоить непреложную истину, состоящую в том, что Советский Союз, верный своему интернациональному долгу, никогда и ни при каких обстоятельствах не мог сделать предметом дипломатической сделки настоящее и будущее братского социалистического государства.

Подготовка к Женевской конференции свидетельствовала о том, что Англия и ее союзники не стремятся к разрядке в международных отношениях и к конструктивной, равноправной, отвечающей делу мира договоренности с Советским Союзом. Эта позиция заранее предрешала исход встречи в верхах.

Для Советского правительства не были тайной истинные намерения его партнеров по переговорам. В свое время оно выступило инициатором встречи на высшем уровне. В начале февраля 1955 года вопросы международного положения и внешней политики СССР обсуждались на сессии Верховного Совета. Принятая сессией Декларация о международном положении констатировала: "Народы кровно заинтересованы в укреплении всеобщего мира. Они имеют полную возможность не допустить новой войны, так как силы мира неуклонно растут и уже теперь могущественнее сил агрессии и войны".

В целях улучшения международной атмосферы и обсуждения осложнявших ее спорных проблем и была выдвинута идея совещания глав правительств четырех держав.

Министр иностранных дел СССР В. М. Молотов при подписании австрийского государственного договора в Вене и во время юбилейной сессии Генеральной Ассамблеи ООН в Сан-Франциско обсуждал со своими западными коллегами вопрос о созыве такого совещания. Во время этих бесед выяснился весьма

ограничительный подход к его целям со стороны Англии, Франции и США. Поэтому Советское правительство не ожидало, что результатом женевской встречи явятся конкретные решения по важным международным проблемам.

Директивы, которые были даны советской делегации на совещании, так определяли ее задачи: "Главными задачами совещания глав правительств четырех держав должны являться смягчение международной напряженности и содействие созданию необходимого доверия в отношениях между государствами. В соответствии с этим следует дело вести таким образом, чтобы совещание приняло те или иные решения, отвечающие этой цели, или хотя бы соответствующую декларацию (или заявление)".

Международная общественность понимала искренний и конструктивный характер намерений СССР на предстоящем совещании. Газета "Нью-Йорк тайме" писала: советские лидеры направились на совещание, "серьезно желая улучшения международной атмосферы".

Четыре правительства по дипломатическим каналам договорились, что совещание на высшем уровне откроется в Женеве 18 июля 1955 г. Это была первая такого рода международная встреча, в которой Иден выступал в качестве главного представителя Англии. Его сопровождали министр иностранных дел Макмиллан, постоянный заместитель министра иностранных дел Киркпатрик, начальник секретариата кабинета Брук, а также группа экспертов и секретарей.

Высокопоставленные члены английской и французской делегаций прибыли в Женеву в сопровождении своих жен. Это можно рассматривать как косвенное свидетельство того, что западные министры не ожидали, что совещание потребует от них больших усилий.

Главы всех делегаций разместились в отдельных резиденциях. Иден вернулся на виллу, которая была предоставлена в его распоряжение одним состоятельным швейцарцем год назад, во время Женевской конференции по Индокитаю. Макмиллан вместе с чиновниками из Форин оффис обосновался в отеле "Бо риваж".

Совещание началось с дискуссии о повестке дня. После довольно острого обмена мнениями условились обсудить германский вопрос, проблемы европейской безопасности, разоружения и развития контактов между Востоком и Западом.

Представители западных держав, и прежде всего Иден и Эйзенхауэр, выдвигали на первый план дискуссию по германскому вопросу. Иден, пожалуй, в какой-то степени верил в возможность решить этот вопрос в интересах

империалистических стран. Он надеялся, что, если хорошенько "поднажать" на советскую делегацию, она может согласиться на включение ГДР под тем или иным дипломатическим оформлением в ФРГ, которая останется членом НАТО. Вероятно, на английского премьер-министра произвели впечатление настойчивые утверждения Эйзенхауэра и Даллеса о том, что положение Советского правительства внутри своей страны "весьма затруднительно и потому оно может оказаться вынужденным пойти на уступки Западу". В Лондоне и Вашингтоне явно принимали желаемое за действительное. Заблуждение для политиков весьма опасное!

Утром 17 июля англичане, французы и американцы встретились на вилле у президента США для согласования позиций. То было давно уже ставшее традицией создание своеобразного единого дипломатического фронта против советской стороны накануне важных переговоров с ней. Как вспоминает Иден, он сказал тогда Эйзенхауэру и Фору, что считает объединение Германии самым важным вопросом из всех подлежащих рассмотрению на совещании. Русские, заметил он, не захотят тратить время на обсуждение этой проблемы, "но правильной тактикой для западных держав было бы настаивать на ее обсуждении и выдвинуть такие предложения, которые русским было бы трудно отвергнуть". Было условлено, оказав давление на советскую делегацию, заставить ее пойти на уступки по германскому вопросу. "Если мы в Женеве достигнем практического прогресса в направлении объединения Германии, - сказал Иден своим собеседникам, - эта конференция явится успехом для западных держав".

Официальное обсуждение германского вопроса на совещании также началось выступлением главы английского правительства. Он вновь выдвинул так называемый "план Идена", впервые фигурировавший на Берлинском совещании министров иностранных дел четырех держав в начале 1954 года. Этот план предусматривал проведение "свободных выборов" в Восточной и Западной Германии, которые должны были привести к включению ГДР в ФРГ и сохранению единой буржуазной Германии в НАТО. Эйзенхауэр поддержал английскую позицию. Советская сторона заявила о своих возражениях.

Англичане пригласили советскую делегацию на обед к себе на виллу. Ни американцы, ни французы не были приглашены. Иден в неофициальной обстановке (хотя неофициальность подобных мероприятий всегда весьма условна) продолжал убеждать гостей согласиться с его планом воссоединения Германии. Макмиллан вспоминает, что эту беседу за столом и

после обеда "Иден вел блестяще, пуская в ход все свое очарование". Но, как гласит запись в дневнике Макмиллана от 19 июля, советские представители твердо стояли на том, что они "не примут воссоединения Германии в НАТО и будут драться против этого до конца". В то же время у англичан не осталось сомнений, что русские "не желают провала совещания".

Действительно, советская делегация выдвинула в Женеве идею коллективной безопасности в Европе. Она заявила, что только совместные усилия всех европейских государств смогут дать европейским народам настоящую безопасность. В создании такой системы безопасности должны принимать участие оба немецких государства - ГДР и ФРГ. Было ясно, что Англия, Франция и США не намерены согласиться на роспуск своих военных блоков, и внесенный советской делегацией проект общеевропейского договора о коллективной безопасности учитывал эту их позицию.

Иден выступил против советских предложений. Он противопоставил им идею заключения договора безопасности между участниками совещания и объединенной Германией. По договору Англия, США и Франция обязывались предоставить "гарантии безопасности" Советскому Союзу. Это была как бы "плата" за согласие СССР на выдачу ГДР капиталистическому миру.

Можно понять страстное желание Идена любой ценой добиться ликвидации социалистического строя в ГДР и включения ее в систему капитализма. Но едва ли он мог серьезно рассчитывать на то, что Советский Союз согласится поставить свою безопасность в зависимость от "гарантий" империалистических государств. Принятие таких "гарантий" означало бы, что СССР поставил себя в зависимое от западных держав положение. КПСС и Советское правительство ни в коем случае не могли бы пойти на что-либо подобное, даже если бы они не знали по историческому опыту истинную цену английским "гарантиям". История 20 - 30-х годов содержит яркие примеры того, чем обернулись эти "гарантии" для Франции, Польши и некоторых других стран.

Макмиллан рассказывает, что во время "первого раунда" обсуждения этого вопроса на совещании Иден спросил: "Как насчет гарантий?". С советской стороны последовал ответ: "Мы сильны, нам не нужны гарантии".

Аргументы Идена против предложенного советской делегацией проекта общеевропейского договора о коллективной безопасности были слабы и противоречивы. Советское предложение неприемлемо, заявил он, так как "потребовались бы

годы, чтобы выработать такой договор". Вероятно, в этот момент он забыл (или сделал вид, что забыл) текст приглашения на совещание, где черным по белому было написано, что для решения стоящих проблем потребуется много терпения и времени. Макмиллан, как известно, определял это время десятилетиями и даже поколениями. Между тем для реализации советских предложений такой срок отнюдь не требовался.

Позиция правительства Идена по этому вопросу напоминает позицию, которую через два десятилетия занимало некоторое время правительство Хита в отношении общеевропейского совещания.

Иден, Эйзенхауэр и Фор не проявили интереса и к советским предложениям о разоружении. Делегация СССР высказалась за то, чтобы участники совещания приняли обязательство не применять атомного и водородного оружия и призвали другие государства последовать их примеру. При этом советская делегация подчеркнула, что ее проект основывается на предложениях, ранее выдвинутых самими же западными державами.

Однако партнеры СССР по переговорам не поддержали его инициативу. Их контрпредложения были целиком посвящены контролю и инспекции существовавших вооружений и вооруженных сил.

Новинкой явилось предложение Эйзенхауэра, чтобы США и СССР обменялись информацией о своих вооруженных силах и разрешили друг другу аэрофотосъемку собственных территорий.

Американский демарш несомненно преследовал разведывательную цель: выяснить состояние обороноспособности СССР. На этом основании он и был отклонен советской стороной.

Для Идена предложение президента оказалось неприятной неожиданностью. Он встревожился: а вдруг Москва и Вашингтон договорятся по этому вопросу? Ведь такая договоренность откроет возможность двустороннего советско-американского сотрудничества в данной конкретной области. А Лондон останется ни при чем. Прямые советско-американские контакты без участия английского "маклера" были кошмаром для Черчилля и Идена еще в годы антигитлеровской коалиции. Как же тогда играть на противоречиях между СССР и США, если эти страны попытаются разрешить их путем сепаратных переговоров?

"На этот раз президент преподнес сюрприз", - записал позднее Иден. А у американского историка Флеминга можно в той же связи прочесть следующее: "Предложение президента о взаимной авиационной инспекции Соединенных Штатов и СССР напугало англичан до полусмерти.., ибо оно по существу подразумевало американо-русское сотрудничество".

В ходе обсуждения вопроса о контактах между Востоком и Западом советская делегация выступила за развитие экономических, культурных, торговых и иных связей между народами, что могло бы явиться важным вкладом в дело уменьшения международной напряженности.

Делегации США, Англии и Франции на словах поддержали идею расширения экономических связей, но ушли от конкретного обсуждения этой темы. В то же время они обнаружили сильное стремление к изысканию возможностей для направления в СССР материалов буржуазной пропаганды.

На заключительном этапе совещания между советскими и английскими делегатами состоялся разговор об обмене визитами на правительственном уровне. Представители СССР пригласили Идена посетить Москву.

После совещания можно было порой заметить стремление преувеличить его значение. Много говорили о "духе Женевы". История свидетельствует, что дипломаты, не добившись реальных результатов, часто склонны ссылаться на то, что они вызвали к жизни некий "положительный дух". Замечено, что такой "дух" имеет тенденцию быстро и бесследно испаряться.

В действительности итоги Женевского совещания были невелики. Хотя оно, как справедливо указывается в книге "История внешней политики СССР", изданной под редакцией А. А. Громыко, Б. Н. Пономарева и В. М. Хвостова, на некоторое время способствовало "известному смягчению напряженности в отношениях между государствами", однако "договоренности по важнейшим международным проблемам" не достигло.

На основании женевских встреч с делегатами из СССР. Иден и Макмиллан сделали важный вывод. Подводя впоследствии итоги совещания, Иден записал: "Женевская конференция преподнесла несколько уроков... Каждая из представленных на конференции стран узнала, что ни одна из них не желает войны, и все поняли почему". Эта сложная формула нас интересует прежде всего в том отношении, что из Женевы Иден вывез убеждение: Советский Союз не желает войны и стремится к миру.

Рекламируя итоги совещания, Иден заявил в палате общин: "Женева обратилась с простым посланием ко всему миру: она уменьшила опасность войны". В действительности такая опасность отнюдь не уменьшилась, что обнаружилось не позднее чем через год. А Иден прекрасно понимал это еще летом 1955 года. Но было необходимо убедить английский народ, что премьер-министр выполнил свое обещание относительно совещания на высшем уровне. Отсюда и преувеличенно-оптимистическая оценка итогов Женевы.

На деле для Идена и его правительства Женевское совещание не было успехом. Английская сторона надеялась "поднажать" на СССР и добиться его согласия на объединение Германии в соответствии с планами и целями западных держав. Этого не получилось.

В Англии интерес к итогам Женевского совещания был подстегнут в связи с сообщением Идена в палате общин относительно достигнутой в Женеве договоренности о предстоящем в будущем году визите советских руководителей.

Визит должен был состояться в апреле 1956 года. Настроение у Идена к этому времени было отвратительное. Он долго мечтал о том, как будет действовать в качестве премьер-министра, как период его премьерства впишет славную страницу в английскую политическую историю. Для этого нужно было сделать что-то хоть сколько-нибудь выдающееся. Но все шло вразрез с мечтами и надеждами Идена. Неудачи преследовали его с первых дней пребывания на посту главы правительства. Это были экономические затруднения и внутриполитические неурядицы. Можно было, вероятно, отыграться в области внешней политики, где Иден был силен. Вот ведь Уинстон Черчилль вошел в историю благодаря своим деяниям в военной и внешнеполитической сферах, будучи равнодушен и несведущ в делах экономики и внутренней политики. Идеи рассчитывал, что Женевское совещание в верхах явится его крупным личным достижением и придаст блеск его имени. Но оно прошло заурядно, бледно и популярности ему не принесло.

Плохо, катастрофически плохо складывались для английских правящих кругов имперские дела. В Юго-Восточной Азии и на Ближнем Востоке государства, недавно сбросившие британское владычество, развивали и углубляли свою борьбу за независимость. Вполне естественно, что в этих усилиях они обращали свои взоры в сторону Советского Союза и других социалистических стран. Оттуда они могли получить бескорыстную помощь и поддержку. Но это подрывало колониалистские и неоколониалистские планы империализма. Английские правящие круги требовали от правительства срочных, эффективных и результативных действий. Но что оно могло сделать? Британский престиж в странах "третьего мира" быстро падал.

Политически и психологически для правительства и лично для Идена складывалась крайне неблагоприятная обстановка. Недовольство "слабостью" правительства было известно Идену и крайне угнетало и раздражало его. Вскоре оно вышло из стадии внутренних разговоров в правительственных и деловых кругах и

выплеснулось на страницы не только оппозиционных, но и консервативных газет, включая официоз консервативной партии "Дейли телеграф". "К началу 1956 года, - пишет Рандольф Черчилль, - правительство охватило общее недомогание, которое вызвало острую критику в адрес сэра Антони и его коллег, причем главная вина возлагалась на сэра Антони".

Такова была обстановка и психологическая атмосфера в Англии, когда туда прибыли с визитом советские руководители. Чувства раздражения и недовольства в адрес СССР всегда нарастают в кругах английской буржуазии, как только она сталкивается с какими-либо затруднениями, даже в тех случаях, когда Советский Союз никакого отношения к ним не имеет. Так было и в этот раз.

Недоброжелательство консервативного правительства в отношении СССР сказывалось еще до начала визита. Идена раздражали и поездка советской делегации в Индию и Пакистан, и выступления нашей страны в поддержку новых независимых государств, и высказывания советской прессы против колониализма, и т. п. Все это, писал он позднее, "ставило под вопрос визит в Англию. Естественно, я тщательно взвесил все эти обстоятельства и обсудил их со своими главными коллегами. Мне представлялось, что мы пригласили советских лидеров в Англию не потому, что это их устраивало, а потому, что нам было выгодно их принять здесь. Взвесив все, я счел, что в конце концов визит пойдет нам на пользу".

Эти колебания и сомнения сразу же дали себя знать. Английская печать использовала для антисоветских выпадов нормальный в подобных случаях предварительный приезд в Лондон советских сотрудников для обсуждения с их английскими коллегами мер обеспечения безопасности визита. Английская сторона в нарушение существующих традиций пренебрегла пожеланиями советской стороны при составлении программы пребывания делегации СССР в Англии.

Форин оффис подготовил проект повестки дня переговоров, который даже Идену, показался "слишком перенасыщенным вопросами, выгодными английской стороне". Он предложил, чтобы "повестка дня была сформулирована в самых общих выражениях". Так и было сделано.

Советское правительство предполагало в результате переговоров в Лондоне достичь укрепления отношений между двумя странами и ослабления международной напряженности. А правительство Идена намеревалось использовать визит советских руководителей для демонстрации показного сближения с СССР, чтобы упрочить позиции консервативной партии внутри страны.

Помимо этого оно надеялось заручиться отказом Советского Союза от помощи, по крайней мере морально-политической, национально-освободительной борьбе народов. Как сообщает Иден, он собирался заявить на переговорах, что выступления советских деятелей и печати против колониализма "не могут не вызвать напряжение и не причинить вред англо-советским отношениям". Консерваторы рассчитывали также добиться от Советского Союза (или во всяком случае попытаться это сделать) одностороннего обязательства не поставлять оружия Египту, против которого Англия и некоторые другие державы уже замышляли военную интервенцию.

Официальные переговоры проходили в резиденции премьер-министра, в зале заседаний кабинета. Состоялся острый обмен мнениями относительно колониализма. Советские делегаты заявили, что СССР неизменно поддерживал и поддерживает национально-освободительное движение и не может не выступать с критикой колониализма. Это вопрос принципа. Советская делегация отказалась взять обязательство не помогать Египту и предложила договориться о заключении широкого международного соглашения о запрещении поставок оружия во все страны Ближнего и Среднего Востока.

В Англии в это время все больше склонялись к применению силы в этом районе. Иден заявил: "Мы будем воевать за нефть*. Советская делегация ответила, что никакие ссылки на "важность нефти для Англии", на ее "жизненные интересы" на Ближнем и Среднем Востоке не могут оправдать применения Англией оружия в этом районе. Имея в виду радикально улучшить отношения между двумя странами, советская делегация внесла конкретные предложения о значительном расширении англо-советской торговли. Но правительство Идена отклонило эти предложения, сославшись на "действие существующего стратегического контроля". Это следовало понимать так, что английское правительство упорствует в проведении экономической блокады вместе со своими союзниками.

Серьезных практических результатов переговоры не имели. Да английская сторона и не стремилась к таким результатам. Ее требования, чтобы СССР отказался от проведения принципа пролетарского интернационализма в отношении национально-освободительной борьбы народов, свидетельствовали, что английское правительство пока еще не готово пойти на улучшение отношений с Советским Союзом.

30 апреля 1956 г. Иден разослал членам своего кабинета меморандум, в котором анализировал итоги переговоров с советскими представителями. "Я не верю, - констатировал он, -

что у русских есть в настоящее время какие-либо планы военной агрессии на Западе". Это знаменательное заключение официального документа.

Вновь, как и в Женеве, правительство Идена не испытывало никаких сомнений относительно намерений Москвы. Его признания на этот счет необходимо сопоставить с истерическими криками о "советской угрозе", которые непрерывно раздавались из Лондона на протяжении почти двух десятилетий после событий, о которых идет здесь речь.

"Теперь, когда русский визит закончился, - писал Иден в упомянутом меморандуме, - необходимо проанализировать нашу политику. Есть ряд аспектов, требующих рассмотрения. До сих пор нашим главным оружием сопротивления советским посягательствам были военные средства. Но отвечают ли они современным требованиям?.. Готовы ли мы встретить вызов иным оружием? Это представляется мне главной проблемой внешней политики".

Поскольку в этом же документе Иден признал, что военной угрозы со стороны СССР не существует, возникает вопрос, в чем же он тогда усматривал "вызов", "советские посягательства"? На сей счет есть полная ясность. Этот "вызов" в Лондоне видели в том, что КПСС и Советское правительство неизменно верили в конечную победу коммунизма во всем мире и намерены были содействовать этому, но безусловно не вооруженными средствами. Последнее Иден тоже понимал. "Сразу же после переговоров, - пишет он, - я должен был принять решение о том, какова должна быть наша политика. Теперешние советские руководители, так же как и их предшественники, абсолютно уверены в конечном триумфе коммунизма. В этом отношении они полны непоколебимой решимости".

Идена тревожило, что введенные в заблуждение империалистической пропагандой люди могли понять, что в действительности никакой угрозы советской агрессии не существует. Тем самым были бы подорваны основы НАТО. "По мере исчезновения угрозы большой войны, - размышлял тогда Иден, - существующая основа Западного союза против советских посягательств может быть ослаблена. Нам необходимо особенно быстро приспособить нашу политику, если мы хотим поддержать солидарность свободного мира, чтобы встретить новый вызов со стороны Советского Союза". Затем следовал очень важный вывод: "В области внешней политики дело обстоит так, что мы должны в будущем делать больший упор на экономические и пропагандистские средства борьбы и меньший - на военную силу".

Это выглядело как поворот в английской политике, поворот

от военных средств борьбы против социализма и прогресса к экономическим, политическим и идеологическим. Он, однако, не означал отказа и от военных средств. Было бы неверно полагать, что этот пересмотр политики был вызван прозрением Идена относительно отсутствия военной угрозы Западу со стороны Советского Союза. Он всегда знал, что такая "угроза" была изобретением империалистических политиков и пропагандистов. Скепсис по поводу использования военных средств в борьбе против коммунизма появился у Идена лишь после того, как ему стало ясно, что лагерь социализма обладает эффективными средствами защиты.

И после того как советские делегаты отбыли из Англии на родину, у Идена продолжались неприятности, связанные с их визитом. Неожиданно из коммюнике военно-морского министерства стало известно, что 19 апреля некий Лайонел Крабб - офицер-водолаз военно-морского флота производил погружение в гавани Портсмута вблизи советского крейсера "Орджоникидзе", на котором прибыла советская делегация, и при этом погиб. Сразу же возник вопрос: что делал Крабб возле крейсера? Ответ только один - это была разведка, целью которой являлась подводная часть судна.

Катастрофа, постигшая Крабба, повлекла за собой официальное расследование. Было выяснено, что он остановился в Портсмуте в "Салли порт отель". Когда попытались ознакомиться с регистрационной книгой отеля, оказалось, что высокий полицейский чин выдрал из нее страницу, где был зарегистрирован Крабб. Секретная служба явно стремилась замести следы.

Инцидент с Краббом неопровержимо свидетельствовал, что против Советского Союза предпринимались враждебные действия во время переговоров с его делегацией. Члены парламента, возмущенные этим фактом, так же как и неловкостью своей разведки, подняли вопрос в парламенте. Главой всех разведывательных служб в Англии является премьер-министр, и, следовательно, на такие запросы отвечает тоже он. Обычно ответ всегда дается один и тот же: премьер заявляет, что по соображениям безопасности страны разъяснения не будут даны.

Иден, однако, отступил от традиции. Ведь на него как на политического руководителя разведывательных служб падала ответственность за дело Крабба. А это могло означать, что он вел двойную игру в переговорах с советской делегацией. Впоследствии он объяснил свой необычный ответ тем, что "могли возникнуть сомнения в искренности нашей позиции в ходе этих переговоров".

Иден заявил в палате общин: "Было бы не в интересах общества обнародовать обстоятельства, при которых командор Крабб предположительно погиб. Хотя практика предусматривает, что министры берут (за такие дела. - В. Т.) ответственность на себя, я считаю необходимым, учитывая особые обстоятельства дела, разъяснить: то, что сделано, было совершено без санкции или ведома министров Ее Величества. Принимаются соответствующие дисциплинарные меры".

Таким образом, премьер-министр признал, что английская разведка предприняла беспрецедентные действия в отношении советского крейсера в Портсмуте в то время, когда велись переговоры на высшем уровне с советской делегацией. Это был серьезный удар по репутации Идена. В Англии очень не любят провалов своих разведчиков. И, что бы ни заявлял глава правительства в палате общин, он не мог снять с себя ответственность за этот провал. Если Крабб действовал с санкции Идена, то это скандал. Если же, как говорил Иден, секретная служба действовала без его ведома, то чего же он в таком случае стоил как политический руководитель разведывательных служб? Куда ни кинь, все клин!

Случилось так, что период пребывания Идена на посту премьер-министра совпал с бурным развалом британской колониальной империи на Ближнем Востоке. И, пытаясь противодействовать этому необратимому процессу, Иден оказался в положении человека, действия которого заранее обречены. Национально-освободительная революция к середине XX столетия была выстрадана народами этого района земного шара. Она вполне созрела, для ее победы сложились необходимые внутренние и внешние условия, делавшие поражение английского колониализма неизбежным. Правда, на протяжении первого послевоенного десятилетия Ближний Восток все еще оставался сферой английского влияния, и в Лондоне были полны решимости сохранить эти позиции любой ценой. Если в Индии английское правительство не рискнуло применить вооруженную силу для сохранения своей империи в Азии, то на Ближнем Востоке оно было готово пойти на этот рискованный шаг.

Перспективы складывались благоприятно для арабских народов. Их национально-освободительное движение, поддержанное на флангах освободительной борьбой народов Кипра и Ирана, быстро развивалось и набирало силу. Лондонские деятели не смогли вовремя и правильно оценить степень зрелости этого движения и, следовательно, степень грозящей им опасности. Особенно благоприятным для арабских народов фактором явился рост могущества и мирового влияния

Советского Союза и других социалистических стран - естественных и надежных союзников освободительной борьбы.

Английское правительство маневрировало. Понимая, что неравноправные договоры между Англией и арабскими государствами вызывают ненависть их народов, оно шло, как в случае с Иорданией, на перезаключение таких договоров, оговаривая предоставление "независимости" арабской стороне и сохраняя и увеличивая свои гарнизоны на ее территории. Но этот маневр не давал устойчивых и долговременных результатов.

Поэтому в Лондоне родилась идея создания на Ближнем Востоке многосторонней "оборонительной организации". Поскольку арабские страны участвовали бы в ней на "равных" с Англией юридических основаниях, то ожидалось, что они согласятся принять британский военный вклад в такую организацию и английские базы и гарнизоны останутся на своих местах. Такая многосторонняя "оборонительная организация" должна была охранять от национально-освободительного движения позиции Англии и той части местной буржуазии и феодалов, благополучие которой было прочно связано с британским владычеством.

Чтобы исключить возможность поддержки арабских народов социалистическими странами, многостороннюю военно-политическую организацию намеревались создать под флагом борьбы против коммунистической опасности. Наконец, такая "оборонительная организация" предоставила бы территорию ее участников для использования во враждебных Советскому Союзу целях по планам стратегов НАТО.

Попытка создать отвечавшую интересам империалистических держав военную организацию на Ближнем Востоке была предпринята еще в 1951 году. Она провалилась. Но когда через четыре года было подписано с одобрения английского правительства соглашение об обороне между Турцией и арабским государством Ираком, возникла, как казалось, возможность реализации давно задуманного плана. Англия тут же присоединилась к нему, заключив соответствующее соглашение с Ираком. Когда же в эту группировку вошли Иран и Пакистан, у Идена появилась надежда, что созданный таким образом Багдадский пакт "превратится в ближневосточную НАТО". Однако, замечает большой знаток английской политики Дональд Маклэйн, "все арабские государства, за исключением Ирака, достаточно ясно осознали, что Багдадский пакт по своему существу был лишь хитроумным способом оправдания присутствия английских войск на их территории". Отсюда и их отрицательное отношение к этому империалистическому замыслу[12].

Не только позиция арабских стран, но и отношение американцев к Багдадскому пакту причиняли английскому правительству серьезные неприятности. Соединенные Штаты поощряли создание Багдадского пакта (а с 1957 года принимали участие в его деятельности), ибо он был направлен против СССР и национально-освободительного движения. Но этот блок должен был сохранить английские позиции в арабском мире, в то время как американские монополии стремились расширить свои

позиции на Ближнем Востоке, что можно было сделать, лишь потеснив здесь англичан. Поэтому Соединенные Штаты, несмотря на настоятельные просьбы из Лондона, воздержались от того, чтобы стать полноправным членом пакта. Действие межимпериалистических противоречий было сильнее воли Идена, Макмиллана и руководителей американского правительства.

Подтверждением этому явилась англо-американская встреча в начале 1956 года. Иден и новый министр иностранных дел Селвин Ллойд три дня совещались в Вашингтоне с руководителями Соединенных Штатов. Англичане стремились договориться со своими партнерами о единой англо-американской политике на Ближнем Востоке, Ничего не получилось. Лондонская газета "Ивнинг стандард" 2 февраля 1956 г. писала: "Вашингтонская конференция не смогла дать никаких результатов сверх того, что можно было достигнуть по нормальным дипломатическим каналам. Это становится абсолютно ясным из высокопарной декларации и бессодержательного коммюнике. Когда государственным деятелям и политикам нечего сказать, они всегда кстати и некстати притягивают бога. Во вчерашней декларации это сделано дважды - в преамбуле и заключительной части".

Английское правительство надеялось, что после соглашения 1954 года о выводе английских войск из зоны Суэцкого канала Египет поддержит его планы создания военного блока на Ближнем Востоке. В Лондоне мыслили старыми, многократно проверенными категориями. Сколько раз Англия, сделав уступки и бросив подачки националистической буржуазии, привлекала ее на свою сторону, превращала в свою опору. Совсем недавно по этому рецепту было достигнуто урегулирование с правящей хашимитской династией в Иордании. Значит, если повести дело разумно и осторожно, и Египет молено будет заключить в свои "дружеские" объятия.

Поначалу казалось, что к этому идет дело. Победа Насера в политической борьбе весной 1954 года сулила установление твердой власти. С такой властью проще и надежнее договариваться. Французская печать публиковала сообщение из Каира в следующем духе: "Форин оффис, возможно, считает, что при отсутствии всеобщего голосования (в Египте) сабля Насера является достаточной гарантией будущего соглашения". С американской стороны также делались шаги, направленные на достижение сговора с египетскими руководителями, - разумеется, сговора, выгодного монополистическим кругам и противоречащего коренным интересам египетского народа. Уплатить за такое соглашение правительство США было готово...

английскими интересами.

19 октября 1954 г. в "зале фараонов" египетского парламента у черной базальтовой статуи Рамзеса II было подписано англо-египетское соглашение об эвакуации английских войск. После этого акта англо-египетские отношения нормализовались, что рассматривалось английской дипломатией как свидетельство готовности правительства Египта пойти на сотрудничество с Англией и США.

Но в Лондоне да и в Вашингтоне не смогли понять, что национально-освободительная революция в Египте и вообще в арабском мире не закончилась в середине 50-х годов и что ее цели совершенно несовместимы с целями западных держав. Участие Англии и США в создании Багдадского пакта показало, что правительства этих стран стремятся обуздать национально-освободительное движение и сохранить свое господство над арабскими народами. Понимание этого обстоятельства не могло не углубить революцию в Египте и не заострить ее анти-английскую направленность.

В начале 1955 года было объявлено о создании первого звена будущего Багдадского пакта. Перед правительством Египта встала дилемма: войти в этот блок в качестве младшего, зависимого союзника западных держав или же попытаться объединиться со всеми арабскими народами с тем, чтобы продолжать развивать и углублять освободительную борьбу. Египетские руководители предпочли последнее. А это решение, естественно, повлекло за собой обращение к тем, кто является союзником народов, борющихся за свое социальное и национальное освобождение.

В сентябре 1955 года Советский Союз, Польша и Чехословакия подписали соглашение о поставках Египту оружия. Правительство США ультимативно потребовало от Каира отказаться от приобретения оружия в социалистических странах. На Даунинг-стрит сочли благоразумным тогда от ультиматума воздержаться.

В поддержку позиции Египта Советское правительство опубликовало заявление, в котором утверждалось: СССР "придерживается той позиции, что каждое государство имеет законное право заботиться о своей обороне и покупать для своих оборонительных нужд оружие у других государств на обычных коммерческих условиях, и никакое иностранное государство не имеет права в это вмешиваться и предъявлять какие-либо односторонние претензии, которые нарушали бы права или интересы других государств". Тем самым зависимость Египта в вопросах обороны от Англии и США была снята.

Выбор своего дальнейшего пути, сделанный Египтом, привел

лондонских политиков в бешенство. Иден возненавидел Насера, считая, что тот его лично обманул. Действия египетского правительства нанесли тяжкий удар кабинету Идена и самому премьер-министру. В октябре 1955 года в связи с годовщиной подписания соглашения с Египтом "Таймс" писала: "В то время искренне надеялись, что военный режим постепенно приведет Египет к сотрудничеству с Западом. Теперь видно, что Насер определенно потерял право на доверие Лондона и Вашингтона".

Как ни странно, многие события на Ближнем Востоке явились неожиданностью для Лондона, несмотря на длительное пребывание в этом районе английских колониальных администраторов, дипломатов и разведчиков. Неожиданной оказалась и ситуация в Иордании, за которую на Даунинг-стрит были вполне спокойны. Страной управлял двадцатилетний король Хусейн, получивший воспитание и образование в Лондоне, его войсками командовали английские генералы и полковники, на территории Иордании находилась более чем 100-тысячная британская армия. Англия помогла правителям Иордании аннексировать в конце 40-х годов часть Палестины. Наконец, Иордания была связана с Англией союзными соглашениями, а ее король получал субсидии.

Несмотря на это, все попытки втянуть Иорданию в Багдадский пакт сорвались. Правящие круги страны готовы были исполнить волю Лондона, но народные массы выступили с категорическим протестом. Правительство Идена применило против них силу и... проиграло.

События развивались быстро. В конце ноября 1955 года на Ближний Восток прибыл Макмиллан, и началась реализация "плана Макмиллана", смысл которого сводился к тому, чтобы втянуть Иорданию в Багдадский пакт постепенно, вначале наладив заключение экономических соглашений между ней и членами пакта.

План не удался, и в Лондоне решили стукнуть кулаком по столу. В Иорданию прибыл начальник генерального штаба английской армии генерал Темплер. Ему удалось добиться отставки нейтралистски настроенного правительства и создания нового кабинета, состоящего из людей, готовых втянуть Иорданию в Багдадский пакт. Недолгой была радость в Лондоне. Возмущение народных масс через пять дней смело новое правительство. Генералу Темплеру пришлось убраться из Иордании. Казалось бы, теперь английские государственные деятели должны были понять, что время насильственных методов прошло. Но нет, подобные уроки усваиваются ими с трудом.

Английское правительство стало нажимать на правителя

Иордании, запугивать и третировать его. Одновременно генерал Глабб (англичанин, командовавший армией Иордании - Арабским легионом) развернул кампанию террора против народных масс. На Кипр были двинуты воинские подкрепления с явным намерением использовать их в Иордании. В январе 1956 года газета "Дейли экспресс" писала: "Сохранение дружественного правительства в Иордании считается главным вопросом английской политики на Среднем Востоке... Иден и его министры убеждены, что Англия сможет сохранить свой уровень жизни, только обеспечив получение доли доходов от нефти в Персидском заливе. Из-за этого главным образом премьер-министр и решил увеличить силы главнокомандующего английской сухопутной армией на Среднем Востоке генерала Кейтли с тем, чтобы он мог справиться с любым положением". Английские газеты писали, что непосредственной причиной отправки войск являются антианглийские волнения в Иордании.

Одновременно печать занялась поисками "виновных". Конечно, газетчики не касались сути дела - того, что неудачи правительства на Ближнем Востоке объясняются порочностью его политики, что эта политика давно изжила себя и в современных условиях не может иметь успеха. Они искали только субъективные причины. Одни обвиняли Макмиллана, другие - генерала Темплера, а третьи - Антони Идена.

2 марта 1956 г. под давлением народных масс король Хусейн сместил Глабба с поста командующего Арабским легионом и распорядился, чтобы он в течение часа убрался из Иордании. Одновременно были смещены другие английские офицеры. В ответ на эти действия британская печать требовала применить силу, чтобы "восстановить престиж Англии" в Иордании и на Ближнем Востоке.

Один из наиболее реакционных консерваторов Юлиан Эмери писал в газете "Таймс" 5 марта, что события в Иордании - это результат отступления Англии из Палестины, Абадана, Судана и зоны Суэцкого канала. Он требовал прекратить это отступление и призывал правительство "предпринять военную операцию с целью спасти Англию от бедствия на Среднем Востоке". Такие настроения все больше и больше овладевали консервативными депутатами палаты общин.

7 марта в палате состоялись дебаты о положении на Ближнем Востоке. Уотерхауз, глава так называемой "Суэцкой группы", заявил: "Англия - все еще могучая держава, и при необходимости нам следует применить силу". Выступление Идена, по словам Рандольфа Черчилля, было "нерешительным и неопределенным". "Я должен прямо заявить палате, - сказал премьер-министр, - что

не в состоянии определить сегодня политическую линию, которую следует проводить в Иордании". В качестве оправдания Иден сослался на недостаток информации.

Премьер-министр оказался в крайне затруднительном положении. Было ясно - консервативная партия ждет от него заявления о том, что Англия немедленно силой восстановит свои позиции в Иордании. Но Иден не был уверен, что такая операция даст положительные результаты. Да и генерал Глабб, прибывший уже в Лондон, считал, что применение жестких мер к Иордании на данном этапе привело бы к нежелательным последствиям.

Подводя итоги обсуждению в парламенте положения на Ближнем Востоке, Рандольф Черчилль писал: "Что касается сэра Антони, то эти дебаты знаменовали начало распада личности и характера, которыми, по мнению общественности, он обладал".

Поведение Идена во время дебатов не понравилось горячим головам из консервативной партии. Английская печать писала: "Престиж сэра Антони получил удар. Об этом ясно говорило молчание и угнетенное состояние депутатов на консервативных скамьях позади Идена. Подобные эпизоды неизбежно заставляют задать вопрос: "Как долго еще сможет протянуть Иден?" События могут спасти сэра Антони, но трудно избавиться от чувства, что если этот год будет продолжаться так, как он начался, то в 1957 году не сэр Антони Иден, а Гарольд Макмиллан будет распоряжаться на Даунинг-стрит". Пророческое предсказание! Оно сбылось с большой точностью.

Середина 50-х годов была отмечена двумя крупными агрессивными актами, которыми империалистические политики намеревались обеспечить сохранение колониализма, нанести удар делу свободы и независимости народов, подорвать единство стран социалистического лагеря и ослабить мировую социалистическую систему. Англия, Франция и Израиль, стремясь обеспечить свои империалистические интересы на Ближнем Востоке, развязали вооруженную агрессию против Египта. В то же время империалистические круги спровоцировали контрреволюционный мятеж в Венгрии. Это были звенья одной цепи...

Избавившись от английской оккупации, египетское правительство наметило к осуществлению ряд мер по ликвидации тяжких последствий колониального господства Англии, развитию национальной экономики и повышению жизненного уровня народа. Успех этой программы зависел прежде всего от строительства Асуанской плотины на реке Нил, которая должна была намного увеличить посевные площади и обеспечить электроэнергию для развития промышленности. Для

строительства плотины требовались крупные капиталовложения, и Египет надеялся получить примерно 270 млн. долл. у Международного банка реконструкции и развития, у Англии и у США. Однако обе страны выразили готовность дать взаймы на неприемлемых для Египта политических условиях. Принципиально нового в этом ничего не было. На таких условиях империалистические страны обычно "помогают" развивающимся странам. Английский автор Хью отмечает, что это был случай, когда "Запад открыто использовал помощь развивающимся странам в качестве инструмента политики". Когда же Египет отклонил предложенные условия, правительства Англии и США взяли обратно свои предложения о предоставлении кредитов на строительство Асуанской плотины.

26 июля 1956 г. египетское правительство объявило о национализации англо-французской "Всеобщей компании Суэцкого морского канала", владевшей находящимся на египетской территории Суэцким каналом. Юридически это была совершенно законная акция, и осуществлялась она в интересах как народа Египта, так и всех арабских народов. Условия концессии, по которой действовала компания, предусматривали, что она является египетской, подлежит местной юрисдикции, должна управляться по законам и обычаям Египта и будет в вопросах эксплуатации Суэцкого канала выступать от имени египетского правительства.

Как известно, канал был построен потом и кровью египтян. Строительство началось в 1859 году и велось вручную. Рабочие набирались в принудительном порядке из египетских феллахов. Каждый месяц набирали по 60 тыс. рабочих, что было непомерной тяжестью для египетского народа, численность которого составляла тогда 4 млн. человек. Примерно 120 тыс. египтян погибло на строительстве от непосильного труда и болезней. Египет израсходовал на постройку канала 450 млн. франков. Эта сумма не включает трудовое участие и стоимость земли, отведенной под канал.

В 1875 году английское правительство купило у тогдашнего правителя Египта принадлежавшие ему акции компании Суэцкого канала. В конце концов Египет был полностью отстранен и от управления каналом, и от участия в прибылях, получаемых от его эксплуатации. Национальное достояние Египта оказалось захваченным колонизаторами.

В мемуарах Идена глава, посвященная национализации Суэцкого канала, называется "Кража". Было бы неправильно выбор автором такого заголовка относить к неудачной попытке беллетризации исторического события или счесть отражением его

эмоционального состояния, порожденного неудачным личным участием в событиях. Это выражение убеждений Идена, его мировоззрения; более того, это выражение мировоззрения правящих кругов Англии. Именно это мировоззрение лежит в основе современного английского неоколониализма, и оно служило моральным "оправданием" для английского правительства, предпринявшего вооруженное нападение на Египет в 1956 году. Это сугубо классовая империалистическая концепция, гласящая, что все отнятое колонизаторами силой, хитростью, коварством у порабощенных ими народов на протяжении десятилетий и столетий является священной и неотъемлемой собственностью империалистов. То, что британские колонизаторы отняли у Египта в XIX веке его имущество и его независимость, английские политики и историки считают естественным й законным. Когда же народ Египта заявил о том, что он намерен восстановить свои права на отнятое у него когда- то достояние, из Лондона раздался крик: "Кража!" Таковы идеология и мораль империалистов, являющиеся существенным элементом в международных отношениях.

Английское правительство было застигнуто врасплох акцией Египта, хотя если бы оно внимательнее следило за выступлениями египетских государственных деятелей и лучше понимало процессы, происходящие в этой стране, то внезапности могло бы и не быть.

Иден получил известие о национализации Суэцкого канала в разгар официального обеда, который он давал 26 июля в честь прибывших в Лондон иракских деятелей - короля Фейсала и премьер-министра Нури Саида, усердного защитника английских интересов в Ираке. Нури тут же посоветовал Идену: "Ударьте по нему, ударьте тяжело, ударьте по нему сейчас". Имелся в виду Насер. Наспех избавившись от таких гостей, как лейбористы Гейтскелл и Шоукросс, Иден тут же созвал своих министров, начальников штабов, а также пригласил французского посла и советника посольства США. Как рассказывал впоследствии Нури, Иден был взбешен до предела. Вероятно, уже в тот момент он пришел к мысли о том, что египетское правительство должно быть устранено. Если удастся добиться этого средствами экономического и политического давления - хорошо, если нет - придется применить силу.

На следующий день Иден телеграфировал президенту Эйзенхауэру: "Сегодня утром я проанализировал всю ситуацию со своими коллегами по кабинету и с начальниками штабов. Мы единодушно согласились, что не можем допустить, чтобы Насер захватил контроль над каналом... Мы не должны допустить,

чтобы нас втянули в юридические препирательства относительно права египетского правительства национализировать то, что технически является египетской компанией... (подчеркнуто мной. - В. Т.). Нам представляется, что вряд ли мы достигнем своей цели одним экономическим нажимом... Нам прежде всего следует подвергнуть Египет максимальному политическому давлению... Мои коллеги и я убеждены в том, что нам необходимо быть готовыми в качестве последнего средства применить силу с целью образумить Насера. Со своей стороны, мы готовы пойти на это. Сегодня утром я дал указания нашим начальникам штабов срочно подготовить соответствующий военный план".

Такая оперативность свидетельствует о существовании в тот момент полного единства и твердой решимости в английском правительстве. Все это выглядит так, будто в Лондоне ждали лишь предлога, чтобы обрушить на Египет всю экономическую, политическую и военную мощь с целью восстановить свои позиции в этой стране и во всем арабском мире.

Немедленно были введены экономические меры давления на Египет, а печать стала готовить английский народ к военному нападению на эту страну. Уже 28 июля "Таймс" требовала: "Время решать". "Захват канала представляет собой акт международного разбоя, - объявляла газета. - Если Насер докажет, что он может безнаказанно захватывать западную собственность, то другие, несомненно, последуют его примеру. Нефтяные поля Среднего Востока, от которых так сильно зависит уровень жизни в Англии, находятся преимущественно под властью дружественных правительств. Но в движущихся песках арабской политики экстремисты любой страны потребуют последовать за Египтом, если они увидят, что он действует успешно". Через несколько дней та же газета призывала: "Если наши американские союзники не могут или не хотят присоединиться, то Англия и Франция должны действовать без них".

Казалось, общественное мнение следует этим призывам пропагандистской машины, тем более, что в парламенте не только консерваторы, но и лейбористы высказались за применение решительных мер к Египту. Лидер лейбористов Гейтскелл 27 июля поддержал в палате общин правительство и резко осудил Египет, квалифицировав национализацию Суэцкого канала как "своевольный и ничем не оправданный шаг". Выступая 2 августа, Гейтскелл допускал применение вооруженной силы против Египта. Даже так называемые "левые" лейбористы солидаризировались с правительством Идена. Во всяком случае их признанный лидер Эньюрин Бивен заявил Эмери, крайнему сторонникy военных мер: "Это доказывает, что вы были правы".

И здесь премьер-министр допустил один из многих своих промахов. Он был тогда уверен, что лейбористская оппозиция - на его стороне. А это очень важно. Английская история учит, что правительство не рискует вступать в войну, не располагая поддержкой оппозиции. Идену следовало бы учитывать, что в будущем позиция лейбористов может претерпеть изменения. И такое изменение произошло довольно быстро.

В международном плане сразу же наметились две принципиально противоположные линии. Советский Союз и другие социалистические страны решительно выступили на стороне Египта. Правительство СССР официально заявило, что оно "считает решение правительства Египта о национализации Суэцкого канала вполне законным действием, вытекающим из суверенных прав Египта". О поддержке действий Египта заявило большинство афро-азиатских государств. В защиту справедливого дела подняли свой голос многочисленные прогрессивные общественные силы.

Это не могло не сказаться на позиции английского народа. Очень скоро шовинистическая пропаганда в значительной степени утратила свою эффективность. Простые люди Англии начали понимать, что требуется проявить осторожность, иначе их страна может оказаться в затруднительном положении. Эти настроения охватили рядовые массы лейбористской партии. Под их воздействием заколебались боссы. Уже 13 августа так называемый "теневой кабинет" лейбористов решил, что национализация Суэцкого канала не дает оснований для применения силы в отношении Египта. Это была знаменательная метаморфоза, и, игнорируя ее, кабинет Идена совершил новую ошибку.

Другой линии следовали английские консерваторы, а также правительства Франции и США, осуществлявшие совместно с кабинетом Идена меры экономического нажима на Египет. Эти страны провели ряд международных конференций с целью оказать международно-политическое давление на непокорный Каир и заставить его согласиться на оставление Суэцкого канала в руках империалистических кругов. Второй целью этих маневров было выиграть время, необходимое для подготовки военного нападения на Египет.

По инициативе Англии, Франции и США в августе 1956 года в Лондоне собралась конференция 22 держав, которая должна была, по замыслу ее организаторов, установить так называемое международное управление Суэцким каналом. Чтобы склонить египетское правительство принять его и отказаться от национализации канала, в Каир направили австралийского

премьер-министра Мензиса; однако его миссия не имела успеха.

В сентябре Даллес выступил с предложением о создании ассоциации пользователей Суэцким каналом, в которой приняли бы участие США, Англия и Франция. Ассоциация получила бы право координации судоходства по Суэцкому каналу и взимания сборов за проход судов через канал. Это был слабо замаскированный план захвата канала империалистическими державами. Новая конференция, в которой приняли участие 18 стран, с известными колебаниями приняла американский план, но Египет отверг его.

Лейбористские лидеры все настойчивее заявляли, что не смогут поддержать военные действия против Египта, если они не будут санкционированы Организацией Объединенных Наций. Поэтому английское правительство, не собиравшееся вначале привлекать ООН к проблеме Суэцкого канала, сочло необходимым обратиться туда. Такое обращение могло быть также использовано впоследствии для обоснования перед народными массами военной акции: можно было бы заявить, что, поскольку обращение в ООН не дало результатов, "справедливость" пришлось восстанавливать силой.

Англия и Франция подали в Совет Безопасности жалобу на Египет и предложили призвать его к сотрудничеству с ассоциацией пользователей. СССР не допустил принятия такой резолюции, применив свое право "вето".

Одновременно с официальными международными акциями в глубокой тайне формировался союз Англии с Францией и Израилем и энергично готовилось военное нападение на Египет. Французское правительство охотно шло на эту операцию и даже торопило ее подготовку. Отношения Парижа с арабскими народами все равно были испорчены, и ему нечего было терять. Политики с Ке д'Орсэ надеялись, что военная акция против Египта не только восстановит "права" Франции на Суэцкий канал, но и приведет к смене режима в Каире, а следовательно, к прекращению египетской помощи народу Алжира, ведшему тогда активную борьбу против французского колониального господства.

К этому времени правительство Ги Молле установило отношения тесного сотрудничества с Израилем, французское оружие потоком шло в эту страну, и Париж быстро достиг договоренности с Тель-Авивом о совместном нападении на египтян. В конфликте по поводу Суэцкого канала агрессивные лидеры Израиля усмотрели удачную возможность для расширения своей территориальной экспансии за счет Египта.

Кабинет Идена также стремился привлечь Израиль в качестве союзника, но в отличие от французского правительства должен

был делать это в глубочайшей тайне. Дело в том, что его планы предусматривали замену правительства Насера проанглийской кликой, которая вместе с Нури Саидом объединила бы вокруг себя правительства других арабских стран, причем Англия направляла бы их деятельность в своих интересах. Поэтому нельзя было допустить, чтобы арабам стало известно о блокировании Лондона с Израилем, находившимся с ними в состоянии войны с 1948 года.

Сговор трех агрессоров налаживали в основном французы, но на самом последнем этапе и англичанам пришлось принять в этом участие. 16 октября Иден и Ллойд встретились с французскими руководителями Молле и Пино. Был подробно обсужден и принят план нападения на Египет под кодовым названием "Мушкетер II". А на следующий день, вернувшись в Лондон, Иден уверял, что Англия и Франция договорились создать ассоциацию пользователей. В то же время он подчеркивал свою непричастность к действиям Израиля: "Я не желаю ничего знать об Израиле". Английский премьер-министр не скупился на лживые заявления.

Через неделю, 24 октября, Сел вин Ллойд и Патрик Дин встретились с Молле и Пино и с руководителями Израиля - премьер-министром Бен-Гурионом и военным министром Моше Даяном. Эта встреча и завершила сговор трех агрессоров.

Упорное стремление правительства Идена сделать вид, что оно непричастно к нападению Израиля на Египет, побудило Пино заметить: "Я был тогда поражен тем, что Англия прежде всего ищет средства оправдать свои действия в глазах арабов и мировой общественности". Пино утверждал, что план нападения был оформлен специальным документом, который подписали от Франции - Пино, от Израиля - Бен-Гурион и от Англии - Патрик Дин. Это произошло на вилле в Севре.

Интересно, что споры по поводу того, о чем договорились английское и израильское правительства в октябре 1956 года, продолжались спустя 12 лет. Английская сторона упорно замалчивала наличие такого сговора. Из помещенного в английском журнале "Лисенер" интервью с Бен-Гурионом видно, что он был крайне недоволен попытками Идена и его коллег откреститься от сговора с Израилем. Бен-Гурион заявил, что, поскольку "Иден вел себя не как джентльмен", он не чувствует себя обязанным молчать; у него есть четыре тома материалов по этому вопросу, которые будут опубликованы, когда "Идена, Селвин Ллойда и других уже не будет в живых".

В результате переговоров между официальными представителями Англии, Франции и Израиля во второй

половине октября 1956 года блок агрессоров был окончательно оформлен.

Одновременно продолжалась лихорадочная деятельность по военной линии. Была создана объединенная англо-французская группа планирования, которая работала под дном реки Темзы в секретном убежище, сохранившемся со времен второй мировой войны. Договорились, что верховное командование вторжением в Египет будет поручено генералу Кейтли, главнокомандующему английскими силами на Ближнем Востоке. Его заместителем был назначен француз - вице-адмирал Баржо.

Обеспечение военной стороны вторжения неожиданно оказалось трудным делом, несмотря на то что обе страны в рамках НАТО далеко продвинулись по пути гонки вооружений, истратив на нее огромные суммы. "Оборонные мероприятия Англии, - пишет Хью Томас, - осуществлялись или с расчетом на всеобъемлющую ядерную войну против России, или с учетом необходимости подавления восстаний в колониях. И почти совершенно отсутствовала подготовка к ведению ограниченной, или традиционной, войны старого типа". Между тем нападение на Египет как раз и должно было стать такой "традиционной войной". Поэтому военным штабам пришлось многое импровизировать.

Подготовка к нападению затруднялась отсутствием вблизи Египта подходящих баз, на которых можно было бы сосредоточить войска для удара. Ближе всего находился Кипр, но расположенные на нем английские базы не могли удовлетворить потребности подготовляемой операции. Пришлось многие самолеты и суда базировать на Мальте.

Было условлено, что англичане обеспечат большую часть сил вторжения: средние и легкие бомбардировщики, истребители, 50 тыс. солдат и более 100 военных кораблей. Французы выставляли 30 кораблей и 30 тыс. солдат. Из семи авианосцев пять были английскими и два - французскими. Штаб операции разместился на Кипре.

В соответствии с принятым тремя правительствами планом Израиль начал военные действия против Египта в 21 час 29 октября 1956 г. Удар был нанесен в направлении Синайского полуострова и Суэцкого канала. Через 19 часов, 30 октября, в 16 час. 30 мин. правительства Англии и Франции предъявили Египту ультиматум, содержавший требование в течение 12 часов прекратить все действия военного характера на суше, море и в воздухе, отвести все вооруженные силы на десять миль от Суэцкого канала, согласиться на оккупацию английскими и французскими вооруженными силами ключевых позиций в Порт-

Саиде, Исмаилии и Суэце. В случае отклонения этих требований правительства Англии и Франции угрожали египетскому правительству вооруженной интервенцией. Официально ультиматум был направлен и Израилю. Этот лицемерный ход должен был изобразить агрессоров в виде этаких беспристрастных третейских судей, одинаково относящихся и к Египту, и к Израилю, и выступающих лишь -т интересах восстановления мира".

Поскольку израильские войска уже продвинулись по египетской территории на 160 миль, то ультиматум узаконивал этот захват. Более того, требуя, чтобы войска воюющих сторон остановились в десяти милях от канала, Англия и Франция как бы приглашали израильтян продвинуться еще на 120 миль. Таким образом, абсурдность претензий правительств Идена и Молле на "беспристрастность" обнаруживалась сразу же при ознакомлении с текстом ультиматума. Не случайно канадский автор Т. Робертсон пишет об Идене этих дней: "Бедный, жалкий Иден производил впечатление как мошенника, так и дурака, когда он сгибался под бременем, которое сам на себя взвалил".

Английское правительство, несомненно, допустило крупную ошибку, сблокировавшись с Израилем. Несмотря на все попытки скрыть это, арабские государства прекрасно поняли, что на них напали два врага: один из них пытается восстановить свое прошлое колониальное господство, а второй посягает на арабскую территорию. Это укрепило единство в рядах арабов и стимулировало их борьбу против агрессоров.

30 октября египетское правительство отклонило англо-французский ультиматум и объявило всеобщую мобилизацию. На следующий день срок ультиматума истек, и правительство Идена приказало генералу Кейтли начать военные действия против Египта. Вечером 31 октября английские бомбардировщики с Кипра и Мальты нанесли удар по египетским аэродромам. Атаки с воздуха продолжались в течение пяти дней, а утром 5 ноября английские и французские десантные части высадились в Порт-Саиде.

Иден и его коллеги наивно полагали, что, как только на Египет упадут первые бомбы и высадятся первые десантники, египетский народ тут же свергнет свое правительство и покорно примет предложенный ему агрессорами марионеточный режим. Этими расчетами объясняется то внимание, которое было уделено подготовке психологической войны против Египта. Для этого на Кипре было создано специальное управление под руководством бригадного генерала Фергюсона. Оно предприняло "радионаступление" и засыпало египетские города миллионами

листовок, содержавших призыв свергнуть "тирана Насера". Однако народ Египта, прекрасно понимая, что хотят навязать ему агрессоры, тесно сплотился вокруг своего правительства и поддержал его военные усилия. В распоряжении египетского командования была армия примерно в 100 тыс. человек. Четвертая ее часть находилась на Синае, и, опасаясь окружения, этих соединений, командование дало приказ об эвакуации их через канал.

6 ноября англо-французские части заняли Порт-Саид. В тот же день они двинулись на юг, в сторону Исмаилии и Суэца, и к вечеру продвинулись на 23 мили. Но в этот момент генерал Кейтли получил из Лондона приказ о прекращении огня. Советский историк А. М. Голдобин в интересном исследовании, посвященном суэцкому кризису, пишет: "Несомненно, Египет был к вечеру 6 ноября в очень трудном положении. Сражение в воздухе, бои на Синае и в Порт-Саиде были проиграны. Египтяне готовились в крайнем случае к всеобщей партизанской войне, сотни тысяч ружей были розданы населению. Но в этот момент рука агрессора была остановлена". Кто же остановил эту руку?

Английская, а в значительной степени и американская мемуаристика и историография упорно проводят мысль о том, что военная акция Англии и Франции не удалась потому, что против них выступили Соединенные Штаты. Эта версия широко распространяется, с одной стороны, потому, что в Лондоне не хотят признать решающий вклад Советского Союза в восстановление мира на Ближнем Востоке. Ведь признание истинной роли СССР в этот трудный для арабских стран момент свело бы на нет усиленно пропагандируемые на Западе концепции о "коварных замыслах" СССР в отношении арабов, о его "агрессивных намерениях" в этом районе и т. п. Тем самым оказалась бы подорванной позиция империализма в идеологической борьбе против СССР.

С другой стороны, версия о "благодетельной" роли США в период войны 1956 года устраивает американские правящие круги, ибо рисует их в качестве друзей арабов. А это полезно, учитывая нефтяные, стратегические и политические интересы Соединенных Штатов на Ближнем Востоке.

Факты говорят о другом. Советское правительство во время суэцкого конфликта активно и решительно встало на защиту боровшегося за свою независимость Египта. Оно предприняло ряд попыток использовать Организацию Объединенных Наций для противодействия агрессии. Сразу после нападения Израиля, еще до англо-французского вторжения, оно обратилось в Совет Безопасности ООН с предложением принять резолюцию,

требующую прекращения военных действий и отвода израильских войск. При голосовании США воздержались. Англия и Франция применили "вето", и резолюция не прошла.

2 ноября чрезвычайная сессия Генеральной Ассамблеи ООН подавляющим большинством голосов потребовала от трех агрессоров прекращения военных действий и вывода их войск с египетской территории. Агрессоры игнорировали этот призыв.

Тогда Советское правительство предприняло решающий шаг. 5 ноября оно потребовало от Англии, Франции и Израиля немедленно прекратить войну против Египта и предупредило, что ее продолжение может привести к опасным последствиям. В послании главы Советского правительства Идену говорилось: "В каком положении оказалась бы сама Англия, если бы на нее напали более сильные государства, располагающие всеми видами современного истребительного оружия? А ведь такие страны могли бы в настоящее время и не посылать к берегам Англии военно-морского или военно-воздушного флотов, а использовать другие средства, например, ракетную технику... Глубоко озабоченные развитием событий на Ближнем и Среднем Востоке и руководствуясь интересами сохранения всеобщего мира, мы считаем, что правительство Англии должно внять голосу благоразумия и остановить войну в Египте. Мы обращаемся к Вам, к парламенту, к лейбористской партии, профсоюзам, ко всему народу Англии: прекратите вооруженную агрессию, остановите кровопролитие. Война в Египте может перекинуться на другие страны и перерасти в третью мировую войну". И чтобы не оставалось никаких сомнений в твердости намерений Советского Союза, послание заключало: "Мы полны решимости применением силы сокрушить агрессоров и восстановить мир на Ближнем Востоке".

Одновременно министр иностранных дел СССР направил телеграмму председателю Совета Безопасности ООН с предложением потребовать от Англии, Франции и Израиля в течение 12 часов прекратить военные действия и в течение трех дней вывести вторгшиеся в Египет войска. СССР предлагал оказать Египту вооруженную и другую помощь, если Англия, Франция и Израиль не выполнят это требование Совета Безопасности.

Советское правительство обратилось также к президенту Эйзенхауэру с предложением использовать военные силы обеих стран для пресечения агрессии. Соединенные Штаты отвергли это предложение.

Утром 6 ноября послание главы Советского правительства было опубликовано в английской печати. В Лондоне поняли, что

играют с огнем. Наступило отрезвление. И сразу же возник разброд в руководящих кругах страны. Так всегда бывает, когда правительство терпит сокрушительное поражение. На заседании английского кабинета обнаружилось, что он раскололся. Восемь членов кабинета грозили подать в отставку, если война не будет прекращена. И правительство приняло решение прекратить военные действия, даже не посоветовавшись с начальниками штабов. Было некогда да и незачем, поскольку решение принималось под давлением политических факторов. Иден в полдень позвонил в Париж Молле, поставил его перед свершившимся фактом и повесил трубку.

Прошло 22 часа с того момента, как послы СССР в Лондоне и Париже вручили послания Советского правительства Идену и Молле, и война была прекращена. В декабре чужеземные войска покинули египетскую территорию. Это было тягчайшим поражением английского и французского империализма.

Почему же так случилось? Прежде всего потому, что Иден и его коллеги ошиблись в своих расчетах. Они не учли важнейшего фактора, определявшего развитие международных отношений в ту пору, нового соотношения сил на мировой арене, сложившегося в результате кризиса империалистической системы, с одной стороны, и дальнейшего укрепления мировой социалистической системы - с другой.

Такова правда. Посол США во Франции в те дни, выступая по радио, говорил, что "советское вмешательство было решающим". Многие историки в западном мире приходят к аналогичному выводу. "Нажим со стороны Советского Союза явился последним ударом, который прекратил колебания Идена относительно капитуляции".

Это слова американского историка Флеминга. "Русская ракетная угроза, - пишет Хью Томас, - как полагали во многих местах, была главным фактором, остановившим союзников". Известный американский международник Ганс Моргентау также считает, что "неожиданный и полный крах позиции западных держав объясняется воздействием русского ультиматума".

Естественно возникает вопрос: а какова же была в действительности позиция США в момент суэцкого кризиса? Правительство Эйзенхауэра, понимая, что агрессия против Египта крайне непопулярна в глазах мирового общественного мнения и неизбежно обречена на провал, решило прибегнуть к коварной и лицемерной тактике. Как указывается в коллективном труде "История внешней политики СССР", "на словах оно отмежевалось от своих союзников по НАТО - Англии и Франции. На деле оно продолжало снабжать Англию и Францию нефтью и предоставило

Англии заем в сумме 500 млн. долл.".

Английский тезис о том, что Вашингтон выступил против Лондона, основывается лишь на том, что представители США в ООН при обсуждении суэцкой проблемы или голосовали не вместе с Англией, или воздерживались. Поскольку они не объединились и с теми, кто давал верную и принципиальную оценку агрессии против Египта, то точнее было бы сказать, что США не поддержали Англию в ООН. Заняв нейтральную позицию, они не оказали трем агрессорам и военной поддержки в суэцкой войне.

Эта позиция Вашингтона должна оцениваться в свете ряда связанных с ней фактов. Во-первых, США оказывали Англии всяческую политическую поддержку как своему союзнику по НАТО. Американское правительство последовательно отклоняло все советские предложения, реализация которых должна была призвать агрессоров к порядку. Оно активно поддерживало английские планы и выдвигало собственные проекты, целью которых было сорвать национализацию Суэцкого канала, сохранив управление им в руках западных стран. США знали, как знал и весь мир, о подготовке военного нападения на Египет и не пытались помешать совершить его. Английские ссылки на то, что американцы во время военных действий подорвали фунт стерлингов, необоснованны. Фунт подорвало само правительство Идена, пустившись в авантюру. Британская валюта заколебалась потому, что международные финансовые круги сразу же поняли: война на Ближнем Востоке плохо кончится для Англии и, следовательно, ослабит позиции фунта стерлингов. Это была, так сказать, нормальная реакция финансового мира на затруднительное положение, в которое правительство Идена поставило свою страну.

Во-вторых, есть основание полагать, что самостоятельная английская акция на Ближнем Востоке имела целью утвердить независимость от США политики Англии в этом районе, продемонстрировав Вашингтону возможности Лондона. Речь шла о повышении статуса Англии в англо-американском блоке и в НАТО. Этакая "жажда самостоятельности" не могла импонировать Соединенным Штатам.

В-третьих, не могла радовать американцев и перспектива успеха затеянной Лондоном и Парижем операции, ибо он означал бы радикальное укрепление английских позиций на Ближнем Востоке. А цель политики США была как раз обратной - заменить здесь английское влияние американским. Исходя из этих соображений, правительство США было объективно заинтересовано в неудаче акции правительства Идена.

В-четвертых, по этим же мотивам правительство США никак не желало ссориться с арабами и остерегалось предпринимать шаги, которые могли бы вызвать отрицательную реакцию в арабском мире.

В-пятых, на Даунинг-стрит не могли рассчитывать на активную американскую поддержку в войне против арабов хотя бы потому, что английское правительство и не просило о ней. Оно было убеждено, что справится своими силами. Иден лишь информировал Эйзенхауэра о принятых решениях, да и то в весьма общей форме.

В-шестых, предпринимая военное нападение на Египет за неделю с небольшим до президентских выборов в США, Иден несомненно хотел осуществить эту акцию в условиях, когда президент будет связан в своих действиях соображениями избирательной кампании. Это тоже свидетельствует о том, что в Лондоне не стремились заручиться американской поддержкой.

И, наконец, правительство США не могло упустить этот случай, чтобы не приструнить Идена и не взять реванш за события 1954 года. А тогда он много раз пренебрегал мнением и пожеланиями американцев в крупных международных делах. Он не посчитался с Даллесом на Берлинском совещаний министров иностранных дел. Иден сорвал американские планы "интернационализировать" войну во Вьетнаме. Вразрез с позицией Даллеса он выступил на Женевском совещании за окончание войны в Индокитае. В конце 1954 года Иден пытался перехватить у правительства США ведущую роль в налаживании соглашений, которые должны были привести к ремилитаризации Западной Германии. В свете этих фактов можно понять желание Эйзенхауэра и Даллеса не торопиться на выручку Идену в 1956 году и использовать его затруднения с выгодой для себя. Распределение сил в англо-американском союзе было таково, что английское правительство не могло претендовать на желаемую им меру самостоятельности. На это ему и было указано в соответствующей форме из Вашингтона.

Поражение в войне 1956 года имело для правящих кругов Англии катастрофические последствия. Человеческие жертвы, понесенные Англией в период военных действий, если судить по официальным данным, были небольшими: она потеряла убитыми 22 человека. Зато очень велик оказался полученный ею экономический ущерб. Иден как человек, явно заинтересованный в преуменьшении потерь, назвал сумму в 100 млн. ф. ст. Нам представляются более точными подсчеты, произведенные исследовательским отделом лейбористской партии через три года после событий, когда многое прояснилось. Лейбористы назвали

сумму в 328 млн. ф. ст. Она включает дополнительные расходы на армию, флот и авиацию; стоимость сооружений и оборудования потерянной военной базы на Суэцком канале (Египет аннулировал договор 1954 года, по которому Англия признавалась владельцем этого имущества); ущерб, понесенный английскими нефтяными компаниями; потери от прекращения торговли с Египтом и т. д. К этому следует прибавить стоимость национализированных английских банков и фирм в Египте, по которым была выплачена ограниченная компенсация.

Но ни в какое сравнение с этими цифрами не идет политический урон, который понесла Англия. Гарольд Никольсон, человек консервативных убеждений, знаток международных отношений, 7 ноября 1956 г. по горячим следам писал в письме жене (а значит, не для публикации): "Ну и ну! Вот это фиаско! Я испытал чувство облегчения, смешанное со стыдом, услышав о прекращении огня... Иден провалился по всем линиям. Канал теперь блокирован на несколько недель. Насера считают героем и мучеником. Источники нашего снабжения нефтью будут отрезаны по крайней мере в течение двух месяцев. Обнаружилось, что во всем мире у нас нет ни одного друга. Наша репутация запятнана. И наконец, при первой же серьезной угрозе со стороны Советского Союза мы были вынуждены отступить. Похоже, что это наш самый худший провал за всю историю. И я горячо молюсь, чтобы теперь все прекратилось и мы смогли тихо спрятать наш позор".

Провал интервенции в Египте не только раз и навсегда покончил с английским влиянием в этой стране, но и открыл широкие возможности для упрочения национальной независимости всех арабских государств.

Английское правительство недооценило силу национально-освободительного движения на Ближнем Востоке и серьезно просчиталось. Народы арабских стран оказали энергичную поддержку Египту. В Сирии был взорван нефтепровод, принадлежавший английской нефтяной компании. Саудовская Аравия приняла меры, ограничивающие получение Англией нефти из этой страны. Иордания наложила запрет на использование английских военных баз. Сирия и Саудовская Аравия разорвали дипломатические отношения с Лондоном. На всем Ближнем Востоке английское влияние резко упало.

Суэцкая авантюра Идена вызвала большое напряжение внутри Британского содружества. Новые его члены заняли резко враждебную Англии позицию, старые также отказали ей в своей поддержке.

Серьезно пострадали англо-французские отношения.

Накануне интервенции, казалось, возродилось давнее "сердечное согласие". Однако при проигрыше отношения между партнерами всегда портятся. И на этот раз дело не обошлось без взаимных обвинений. У французов для этого было больше оснований. Кабинет Идена принял решение о прекращении военных действий самостоятельно, не посоветовавшись со своим союзником. Может быть, в виде компенсации за эту, мягко говоря, нелояльность впоследствии Иден, а также другие мемуаристы и историки всячески подчеркивали инициативу и настойчивость, проявленные французской стороной в вопросе о применении силы в Египте и в обеспечении соглашения о совместных действиях с Израилем. Трещина, появившаяся в отношениях между двумя странами после совместного провала на Ближнем Востоке, долго не могла затянуться. Это особенно чувствовалось во время пребывания у власти генерала де Голля.

Еще больший разлад вызвала суэцкая авантюра в англо-американских отношениях. Иден, слывший американофилом, не понимал объективного характера и роли межимпериалистических противоречий. Поэтому он считал, что нежелательные для Лондона акции американской стороны вызываются личной неприязнью к Англии того или иного деятеля. На этот раз он объяснял позицию США недоброжелательством Даллеса. Еще и сейчас английская историография проводит мысль, что, если бы не "злой гений" Даллеса, Эйзенхауэр мог бы вести себя по-другому. Явное заблуждение!

Если недовольство французского правительства совместными действиями в 1956 году в Лондоне некоторое время высокомерно игнорировали (о чем довольно скоро пожалели), то в отношении США английское правительство сразу же после суэцкой войны стало придерживаться правила - не предпринимать впредь без предварительного одобрения Вашингтона никаких сколько-нибудь значительных политических или военных акций. "С тех пор, - пишет Хью Томас, - англичане никогда не пытались действовать во внешней политике независимо от США". Вскоре на этой основе был выдвинут и принят обоими правительствами принцип "взаимозависимости". Английские правящие круги, увидев через призму Суэца свою слабость в современном мире, искали дополнительную силу в более тесном союзе и сотрудничестве с США. Но, учитывая разницу в мощи обоих партнеров, развитие такой тенденции в отношениях между ними не могло не повлечь за собой усиления зависимости Англии от Соединенных Штатов.

Провозглашение доктрины "взаимозависимости" было вынужденным, и осуществлялась она с чувством большой горечи

в английских правящих кругах. После суэцкой войны недовольство позицией США в консервативной партии было очень сильным. Дело дошло до того, что 127 членов палаты общин - консерваторов внесли направленный против Соединенных Штатов проект резолюции. В этом проекте США обвинялись в том, что своими действиями "поставили Атлантический союз в крайне опасное положение".

Что касается СССР, то нет слов, чтобы описать ненависть британских реакционных кругов к великой стране социализма. Поддержка Советским Союзом справедливой борьбы арабов повлекла за собой интенсивную антисоветскую пропагандистскую кампанию в Англии, в которой приняли участие и члены правительства, и парламент, и пресса, и другие средства массовой информации.

Неудача военной интервенции в Египте серьезно подорвала авторитет консервативной цартии внутри страны. В реакционных кругах крупной буржуазии консерваторами были недовольны за то, что они оказались не в состоянии успешно осуществлять такие акции, что им не хватает твердости, решительности, силы.

А в широких массах недовольство консерваторами вспыхнуло потому, что они предприняли несправедливую, разбойничью агрессию против Египта, которая чуть-чуть не переросла из локального конфликта в большую войну. Народ Англии понимал, что, пустившись в бесславную авантюру на Ближнем Востоке, правительство Идена навлекло на свою страну осуждение со стороны всех честных людей. Военное нападение на Египет дало возможность общественному мнению окончательно избавиться от ложного представления об Идене как государственном деятеле и разглядеть его истинное лицо.

Особенно возмущались англичане тем, что в период суэцкого кризиса правительство лгало народу, обманывало парламент. Это задевало "чистоту" английской демократии, которую так оберегают и назойливо ставят в пример всему миру. Правда, компетентные люди знают, что такая "демократия" от начала до конца построена на лжи и лицемерии. Но это одно. И совсем другое, когда премьер-министр "демократической" страны заведомо лжет парламенту и народу. Здесь уже непристойное нарушение правил игры.

Гарольд Никольсон был в гуще событий, и поэтому его оценки, сделанные в дневнике, то есть для самого себя, весьма показательны для понимания тогдашнего состояния умов в Англии. Нападение на Египет Гарольд Никольсон квалифицировал как "преступление". 2 ноября он, рассуждая о возможном успехе на суэцком фронте, замечал: "Успех не сделает

грязный трюк менее грязным". По поводу сговора с Израилем старый консерватор высказался так: "Это в действительности одна из самых постыдных сделок за всю нашу историю. Потребуются годы, прежде чем мы восстановим наш моральный авторитет в мире".

3 ноября Никольсон записал: "Мы слушали выступление Идена по телевидению. Это бесчестное... представление". 4 ноября он разговаривал с сыном Найджелом, находившимся в Лондоне. Молодой консерватор сказал отцу, что у него "вызывает отвращение лицемерие Идена во время его выступления по радио".

Прошло время, по выражению Идена, "пыль улеглась", но Гарольд Никольсон продолжал возмущаться: "Добропорядочным тори не нравится, что Иден поставил их в ложное положение, вынудив их говорить в избирательных кругах вещи, которые, как известно, являются заведомой неправдой". На следующий день в его дневнике появляется другая запись: "Для меня имеет очень большое значение, что премьер-министр... выступил перед страной с серией позорных лживых заявлений".

О чем конкретно идет речь, что имели в виду англичане, говоря о лжи Идена? Ответ на этот вопрос дает запись заседания "комитета 1922 года" (комитет членов палаты общин - консерваторов), состоявшегося 18 декабря 1956 г. Перед собравшимися выступил Иден и закончил свою речь словами: "Пока я жив, я не выражу сожаления по поводу того, что мы сделали". Затем слово взял Найджел Никольсон, выступивший от имени тех, "кто был нелоялен в отношении премьер-министра". Он заявил, что операция против Египта была не только нецелесообразной, но и ошибочной в принципе. "Она была предпринята таким образом, что достопочтенные джентльмены, включая самого премьер-министра, могли использовать... аргументы, которые сами по себе были бесчестными. Я был поражен серией заявлений, являвшихся полуправдой, которую мы были обязаны говорить для оправдания нашей акции".

"Мне нет необходимости называть эти заявления, - продолжал Никольсон-младший, - ибо они почти все хорошо известны... Только что говорилось об одном из них: выдвигалось обвинение в тайном сговоре. Почему премьер-министр не ответил на него более прямым опровержением? Затем существует разница между французскими и английскими объяснениями причины, почему мы не информировали (о своих намерениях. - В. Т.) американцев. Существует легенда, что мы "оказали помощь ООН". Разрешите мне добавить четвертый пункт. Что имел в виду премьер-министр, когда он только что сказал, что мы сделали все, "что

могли, чтобы при помощи предупреждения остановить израильско-арабскую войну"? Кого он предупреждал и о чем? Это и есть те вещи, которые я называю полуправдой".

Идеи ответил на эти обвинения. "Конечно, - заявил он, - есть кое-что и неприятное, связанное с нашей акцией. Вы, надеюсь, не считаете, что Молле и я получали удовольствие, действуя за спиной американцев и Объединенных Наций? Но как можно было поступить иначе? Я могу понять, что Никольсон подразумевает под "полуправдой". Некоторые заявления, являвшиеся полуправдой, если они вообще были, были немногочисленными и не затрагивали серьезных проблем. Они были необходимы, они всегда необходимы при осуществлении операций такого рода". Итак, премьер-министр Англии, лидер консервативной партии был вынужден официально признать ложь и обман, которыми он пользовался в период суэцкого кризиса.

Разве могла партия тори после этого ориентироваться на Идена, который сам признался в бесчестных действиях? Разве могли после этого верить консерваторам и поддерживать их избиратели? Верхушка партии давала на эти вопросы отрицательные ответы, что вызвало борьбу и острые трения среди нее. "Величайшей ошибкой было, - пишет Томас, - втянуть страну в войну на основании того, что в свете имеющихся ныне свидетельств должно расцениваться как умышленный обман народа. Никак нельзя оправдать направление войск в битву и призыв к национальному единству под фальшивым предлогом".

Как видим, Идена обвиняли не за неудачу. В конце концов у любого политического деятеля могут быть неудачи. Премьер-министра обвиняли в другом: он вел дело таким образом, что дискредитировал свою партию, существующую политическую систему в Англии, тот незыблемый порядок, который именуется "истэблишмент". Именно поэтому открытый бунт против Идена начался в рядах его же коллег по кабинету, затем в консервативной фракции парламента и среди государственных служащих (прежде всего в Форин оффис) не после поражения трех агрессоров, а еще в момент предъявления ультиматума Египту, который всеми правильно был понят как объявление войны. Напротив, после приказа о прекращении огня бунт начал утихать.

В момент предъявления ультиматума достигло апогея и нараставшее в течение трех месяцев движение протеста против политики правительства Идена, постепенно охватывавшее все более широкие народные массы и в конце концов захлестнувшее лейбористскую партию и конгресс тред-юнионов.

31 октября подал в отставку в знак протеста против суэцкой

политики правительства заместитель министра иностранных дел Наттинг. Его примеру последовал заместитель министра финансов Бойл. Сенсацию вызвала отставка Кларка, помощника Идена по связям с прессой. Он решил покинуть Даунинг-стрит после того, как главный парламентский организатор консервативной партии дал ему указание сообщить прессе, что отставка Наттинга вызвана не политическими мотивами, а состоянием здоровья, что было, конечно, неправдой. Второй причиной отставки Кларка, как он сам говорил, явилось то, что "правительство старалось использовать конфиденциальные каналы связи с прессой и Би-Би-Си для выдвижения таких версий", которые давали заведомо неправильную трактовку событий.

В парламенте возникла группа, состоявшая примерно из 15 депутатов-консерваторов, которая выступала против политики правительства Идена во время суэцкого кризиса. Главой группы был Спирмэн. Члены этой группы обращались к Идену с письменными протестами.

В Форин оффис группа заместителей министра и старших чиновников, много потрудившихся над созданием "особых отношений" с США, подписала так называемый "круглый робин"[13], осуждавший военные операции против Египта. Юридический советник министерства Фитцморис распространил меморандум, в котором подвергались критике юридические основы подготовлявшихся против Египта военных действий. Несколько младших сотрудников подали в отставку. В министерстве были очень недовольны тем, что Иден действовал, не запрашивая мнения дипломатов. История повторялась: именно так поступал двадцать лет назад Невиль Чемберлен.

Сразу же после прекращения огня последовали многодневные дебаты в парламенте. Они были очень острыми, но в конечном итоге неопасными для кабинета Идена. Консервативные депутаты довольно единодушно выступали в защиту действий правительства. Лейтмотивом защиты они избрали старый, заезженный мотив "советской угрозы". Он был приятен как для консервативных, так и для право-лейбористских ушей. "8 ноября, - пишет Макмиллан, - Питер Торникрофт, министр торговли, произвел огромное впечатление своей сильной речью в защиту позиции правительства. Он смело заявил, что планы русского правительства предусматривали захват Ближнего Востока... Англо-французская интервенция приостановила это". Как обычно в таких случаях, никаких доказательств приведено не было. Да их и не могло быть.

В целом парламентский финал суэцкой авантюры оказался

для Идена благополучным. Никто не внес вотума недоверия его правительству. При голосовании одобрения правительственного курса воздержалось только 15 консерваторов (по другим данным - 8). Из этого следовали два вывода. Во-первых, за суэцкой политикой Идена стояло подавляющее большинство консервативной партии, стояло даже после того, как интервенция закончилась крахом. Во-вторых, никаких официальных оснований для отставки Идена, как тогда казалось, не было.

На поверхности все было спокойно, насколько это было возможно в сложившихся условиях. Но в глубине шли процессы, неуклонно ведшие к уходу Идена. В руководящих кругах консерваторов в глубокой тайне обсуждался вопрос о его судьбе. Сам он, конечно, чувствовал это и 23 ноября, сославшись на рекомендацию врача, уехал на Ямайку. Отдохнуть действительно не мешало, а главное, нужно было выждать и на досуге обдумать, как быть дальше.

Антони и Кларисса Идены отдыхали на вилле, предоставленной в их распоряжение одним из друзей. В отсутствие премьер-министра на заседаниях кабинета председательствовал министр без портфеля Батлер. Иден по телеграфу получал полную информацию о деятельности правительства и санкционировал его решения.

Однако долго отсиживаться под мягким в эту пору солнцем и лазурным небом Ямайки было нельзя. 14 декабря 1956 г. Иден возвратился в Лондон бодрым, отдохнувшим и в боевом настроении, что никак не предвещало скорой отставки. В Лондонском аэропорту он сделал довольно пространное, заранее составленное заявление, свидетельствовавшее о том же. Зная о настроениях в консервативной партии, Иден снова заявил: "Я убежден, более убежден, чем в чем-либо на протяжении всей своей общественной жизни, что мы были правы, мои коллеги и я, в суждениях и решениях, которые мы принимали. История это подтвердит". И опять в качестве главного объяснения и оправдания приводится знакомый тезис: "Сейчас все знают, что Советы планировали и готовились делать на Ближнем Востоке".

Но вскоре появились симптомы, свидетельствовавшие, что дела Идена неважны. 18 декабря состоялось заседание "комитета 1922 года". Оно показало, что консерваторы не осуждают в принципе попытку применить силу против арабов, но возмущены тем, как правительство Идена осуществило эту операцию. Идея была, по их мнению, верна, а исполнение этой идеи правительством - никудышное и вредное для Англии.

Знаменательно, что Хью Томас, комментируя запись заседания "комитета 1922 года", сделал такой вывод: в результате

имевшей место дискуссии присутствовавшие, во всяком случае некоторые из них, пришли к убеждению, что "Иден больше не в состоянии выполнять обязанности премьер-министра".

Идену пришлось платить за побитые горшки. Трудность положения усугублялась тем, что недовольство главой правительства назревало уже давно. Рандольф Черчилль замечает: "Если бы даже не было суэцкого кризиса.., Иден недолго продержался бы на посту премьер- министра. Уже задолго до того многие из его коллег начали сомневаться, обладает ли он достаточной широтой взглядов, волей, моральной силой, которые необходимы британскому премьер-министру в эти перегруженные событиями годы".

Разумеется, сыграли свою роль и честолюбивые устремления деятелей, подвизавшихся на самом верху консервативной партии. Что бы ни говорили и ни писали эти деятели, как бы ни клялись интересами народа, они явно не упустили случая использовать провал ближневосточной политики Идена для замены его на посту премьер-министра. Томас утверждает, что "личная ненависть сыграла большую роль" в отставке главы правительства. "Ни Батлер, ни Макмиллан не любили Идена. Последний находил его излишне женственным, а первый - слишком неинтеллектуальными.

Реальными претендентами на пост премьер-министра в тех условиях могли быть только эти два деятеля. Интересно, что Макмиллан сам являлся энергичным поборником военного нападения на Египет, Батлер же вначале был нерешительным сторонником, а под конец - уже открытым противником суэцкой авантюры. Казалось бы, это давало Батлеру преимущество - ведь он выступал против той политики, которая катастрофически обанкротилась. Но у английских консерваторов своя логика...

Когда Идену стало ясно, что руководство тори приняло неписаное решение убрать его, он постарался прилично обставить свой уход. Прошлые осложнения со здоровьем давали такую возможность. Это устраивало и его, и его партию. Врачи, конечно, тут же дали необходимую рекомендацию.

8 января 1956 г. Иден с женой отправились с неофициальным визитом к королеве в Сандрингэм - одну из ее резиденций за пределами Лондона. Здесь Иден сообщил Елизавете II, что ему придется подать в отставку. Королева обещала на следующий день приехать в Лондон, чтобы принять его отставку, как и надлежит, в Букингем- ском дворце.

9 января Иден собрал членов своего кабинета и сообщил им, что подает в отставку, ибо так советуют врачи. Ни он сам, ни Макмиллан не сообщают, чтобы кто-либо уговаривал премьер-

министра не делать этого шага. Высказывались лишь сожаления. Обычная вежливость.

После заседания кабинета вслед за Иденом ушли Батлер и Макмиллан. Маркиз Солсбери - лорд-президент совета и лорд Кильмюир - лорд-канцлер на правах старших министров вызвали к себе членов правительства и с глазу на глаз с каждым советовались относительно преемника Идена. Подавляющее большинство членов правительства, а затем и членов парламента высказались в пользу Макмиллана. Иден в это время вручал свою отставку Елизавете.

Официально королева не знала о результатах опроса, проведенного Солсбери и Кильмюиром. Создалась ситуация, при которой она имела юридическое право поручить формирование правительства любому деятелю партии, обладавшей большинством в палате общин. Случай довольно редкий в английской государственной жизни.

На следующий день королева пригласила к себе Уинстона Черчилля и маркиза Солсбери и попросила их совета. Совет был дан в пользу Макмиллана. В 2 часа дня 10 января 1957 г. Макмиллан был приглашен в Букингемский дворец и вышел оттуда, облеченный полномочиями премьер-министра Англии.

Через неделю лорд Бивербрук, видный политический деятель, писал своему другу: "Макмиллан - не избранник народа. Он был выбран Черчиллем и лордом Солсбери. Это не тот человек, который нужен. Надлежало предпочесть Батлера. Политика Идена... провалилась. Политика изменяется. Но Макмиллан был поборником политики Идена. Батлер был противником... Естественно, изменение политики требует, чтобы ее проводил Батлер, а не Макмиллан".

Старый боевой конь, соратник многих консервативных премьер-министров, лорд Бивербрук, с точки зрения элементарной логики, был прав, утверждая, что премьером должен был стать тот, кто выступал за изменение политики, ежели политика меняется. Старик, однако, не уловил, что вынужденное прекращение войны против Египта не означало изменения политики. Это было отступление. А политика оставалась старой. Продолжалась борьба за колониальные интересы Англии на Ближнем Востоке, против национально-освободительного движения арабских народов. И, конечно, для продолжения такой политики Макмиллан подходил больше, чем Батлер. Это и обусловило решение правящих кругов в его пользу.

От Макмиллана ожидали, что он исправит испорченное Иденом и будет более благоразумно вести государственный корабль. "Положение Англии в современном мире, - пишет

Рандольф Черчилль во введении к книге об Идене, - определяется тем, что она переживает период упадка. Этот процесс может быть приостановлен, если мы отбросим в сторону всякую фальшивую сентиментальность и попытаемся посмотреть прямо в лицо суровым фактам жизни, будем их принимать такими, какие они есть, не извращая их по классовым или партийным соображениям". Совет разумный, но вряд ли исполнимый. Не могут английские государственные деятели, даже если бы они этого хотели, абстрагироваться в своих действиях от партийных и классовых интересов. Не смог этого сделать и Макмиллан.

Как и его предшественники, Гарольд Макмиллан не смог понять, что революционные изменения, происходящие в современном мире, являются необратимыми и, следовательно, политика Англии неизменно будет терпеть провал, если она не будет учитывать этот фактор. Отсюда и отсутствие успехов в английской политике в период пребывания у власти всех консервативных премьер-министров, руководивших страной после Антони Идена.

После отставки Иден отправился на несколько дней в Чекере. Затем он принял приглашение премьер-министра Новой Зеландии Холланда провести английскую зиму в этой далекой, спокойной и красивой стране. Предстояло долгое путешествие. 18 января пароход, на борту которого находились Иден с супругой, отошел от доков Тильбюри в Лондоне. Друзья пришли проводить их. Сотрудник французского посольства от имени своего правительства преподнес отъезжающим букет роз. Пароход медленно двинулся вниз по Темзе, к Северному морю, и вскоре скрылся в холодном зимнем тумане.

Политическая карьера Антони Идена закончилась.

Заключение

Любая деятельность может порождать ошибки. Не ошибается только тот, кто ничего не делает. Но крах Идена - не просто результат его ошибочных действий во второй половине 1956 года. Такой исход был вполне закономерен и при определенном стечении обстоятельств просто неизбежен, ибо в наше время, как говорил на Всемирном конгрессе миролюбивых сил в Москве Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев, "истинная роль и политический вес государственного деятеля в значительной мере определяются... тем, насколько он понимает значение проблемы сохранения и упрочения мира, что он практически делает для решения этой самой главной проблемы современности".

Можно утверждать, что Иден явился жертвой конфронтации: жернова мирового противоборства между социализмом и капитализмом размололи видного буржуазного государственного

политика, которому на этот раз отказала удача. И это будет по-своему верно.

Можно полагать, что крах Идена объясняется кризисом английского империализма, который все меньше и меньше способен противопоставлять своим противникам решающую силу. Такое толкование тоже будет соответствовать истине.

Это объективные факторы, поставившие точку на политической карьере Идена.

Но была еще и субъективная сторона дела. Она коренится в глубоком и тяжелом заболевании, которым страдал не только Иден, но от которого до сих пор не излечились правящие круги Англии. Суть этого недуга - неспособность формулировать и вести реалистическую политику.

Было время - примерно сто лет тому назад, - когда Англия являлась самой мощной торговой и промышленной державой и в силу этого играла ведущую роль в мировой политике. Но это время давно прошло, соотношение сил в мире радикально изменилось, и Англия уже не обладает ни экономической, ни военной мощью, чтобы доминировать в мире. Материальные условия для этого унесены в прошлое революционными процессами, происходящими в XX столетии, и неравномерностью развития государств капиталистической социальной системы.

А государственные руководители Англии, и прежде всего принадлежащие к консервативной партии, все еще пытаются действовать таким образом, будто бы мир наших дней тот же, что и столетие назад. Результатом этого радикального отставания политического мышления английских правящих кругов от реальных возможностей их государства являются многочисленные, ставшие как бы системой провалы во внешней политике страны.

Если отбросить радужную пропагандистскую маскировку английской политики (каждый деятель пытается в личных интересах выдать за успех даже свой очевидный провал) и оценивать ее результаты, исходя из объективных критериев, то есть из достижения или неспособности достичь поставленных целей, то нельзя не прийти к выводу, что по всем основным линиям эта политика терпела крах. Буржуазная Англия вместе со своими союзниками пыталась приостановить движение человечества по пути социализма - и не смогла. Она стремилась уничтожить национально-освободительное движение и сохранить свою колониальную империю - и потерпела фиаско. Буржуазная Англия ведет извечную борьбу за господствующее положение в Европе, но на протяжении XX века терпит в этой борьбе одно поражение за другим и ныне отстоит от достижения своей цели

дальше, чем когда-либо ранее. Это прямой результат того, что правительства страны ставили и ставят перед собой явно нереальные задачи.

Отмечая этот важный аспект британской внешней политики, было бы неверно умалять реальные возможности современной Англии в сфере международных отношений. В СССР в эту крайность не впадают. В послании главы Советского правительства, направленном премьер-министру Англии в апреле 1957 года, указывалось: "Мы не склонны преуменьшать, как это стало кое-где модным за последнее время, роли, которую продолжает играть на международной арене Великобритания как великая промышленная, торговая и морская держава. Советские люди питают чувство глубокого уважения к мужественному и трудолюбивому народу Вашей страны, обогатившему человечество высокими образцами многовековой культуры труда, гениальными открытиями и достижениями во многих областях науки, техники, литературы и искусства".

В Англии, особенно за последнюю четверть века, появилось довольно много книг, авторы которых указывают на отсутствие реализма в государственной политике и стремятся доискаться причин этого явления. Один из них, Эндрю Рот, американец по происхождению, обосновавшийся в Лондоне и специализирующийся на изучении английской политической системы, утверждает: "Лидеры Англии избегают реализма частично потому, что они не решаются разрушить популярные мечтания... Никогда не считалось политически целесообразным привлекать внимание к тому факту, что за одним и тем же старым фасадом многие комнаты уже закрыты или ободраны... Королева Елизавета II все еще пользуется замками вроде Виндзора, которыми пользовалась ее прапрабабушка столетие тому назад, когда королева Виктория царствовала в самой богатой и самой мощной империи мира... Старые мечтания Англии потускнели, но остались непоколебимыми... Поскольку Англия вышла из обеих мировых войн на стороне победителей, обескровленная, но не поверженная, можно было делать вид (подчеркнуто автором. - В. Т.), что на самом деле ничего не изменилось... Мечты Англии о руководстве миром поддерживались в активном состоянии прослойкой профессиональных государственных деятелей, управляющих страной и обладающих непревзойденными способностями и гибкостью. "Правительство королевы" все еще действует в формах и пользуется терминологией, которые очень близки к употреблявшимся столетие назад".

В этом мире иллюзий и нереальных мечтаний пребывали и

Иден, и его коллеги, и консервативная партия. Не чужда была тоска по "славному имперскому прошлому" и правым лейбористам.

В основе такого отношения английских деятелей к внешнему миру лежат отнюдь не какие-то идеалистические мотивы, а вполне материальные классовые интересы. Правящие классы страны жаждут вернуть условия, при которых их интересы реализовывались наилучшим образом.

Андре Моруа, автор биографий-многих выдающихся деятелей мировой истории и культуры, заметил как-то: "Скорее власть распоряжается человеком, чем человек властью". Рациональное зерно в этом высказывании, несомненно, есть. Действия Идена определялись интересами и психологией тех, в чьих руках находится власть в Англии. Он сам принадлежал к этим кругам, разделял их заблуждения и предрассудки и исходил из их интересов.

Апологеты английского консерватизма утверждают, что Иден 30-х годов совершенно не похож на Идена 1956 года, что суэцкий "срыв" - это исключение в его политической биографии. В общем-то они, обеляя таким путем Идена, пытаются защитить репутацию партии консерваторов.

Разумеется, человек меняется, и очень значительно, на протяжении всей своей жизни. Менялся и Иден под воздействием времени, событий и новых условий.

Но он отличался последовательностью в коренных, принципиальных убеждениях, формировавших его политическую позицию. Это была классовая позиция, и ей Иден был верен на протяжении всей своей политической деятельности. Он всегда был поборником английского господства в международных отношениях, неизменно выступал за сохранение колониализма и, следовательно, против национально-освободительного движения; никогда не складывал оружия в борьбе против социализма, будь то внутри Англии или за ее пределами. В этом смысле нет никакой принципиальной разницы между Иденом, скажем, 1936 и 1956 годов.

Считается общепризнанным, что Иден в 1956 году не проявил достаточной воли и решимости, которых требовали обстоятельства от главы английского правительства. Действительно, суэцкая война лишний раз подтвердила старую истину: несильная личность может благополучно возглавлять правительство в "нормальное" время, но в периоды кризиса такой руководитель неизбежно будет выброшен за борт и навлечет на свою страну серьезные бедствия.

Знали ли в 1955 году, что Иден был удачной "второй

скрипкой" в правительстве, но не обладал необходимыми данными для того, чтобы успешно играть первую роль? Да, знали. Почему же тогда правящие круги вручили ему в апреле 1955 года власть? Обычно в Англии дают на этот вопрос ответ, состоящий из двух частей. Во-первых, ни кого в то время в консервативной верхушке сильнее Идена не оказалось. Макмиллан и Батлер были деятелями такого же калибра. Во-вторых, его еще в 1942 году официально провозгласил своим преемником Черчилль. Король Георг VI принял рекомендацию Черчилля, но реализовать ее пришлось уже его дочери, Елизавете II. Положение "кронпринца" было преимуществом Идена перед Макмилланом и Батлером. Трудно сказать, чем объяснялся выбор Черчилля, которого он неизменно придерживался на протяжении 13 лет, - то ли убеждением, что сильнее Идена действительно не было тогда среди консервативных деятелей, то ли свойственной зачастую государственным деятелям буржуазного мира склонностью держать около себя и готовить в качестве преемников людей значительно меньших возможностей и способностей. Как бы там ни было, но известная ответственность за деяния Идена ложится на Черчилля.

Биографы любят сравнивать Идена с Черчиллем. Вероятно, Черчилль сделал бы в сложившихся обстоятельствах аналогичный просчет, то есть попытался бы силой восстановить "права" Англии на Ближнем Востоке. Но выпутывался бы он из этой авантюры по-своему, здесь сказались бы его более сильный и своеобразный характер, его политическая гибкость и изворотливость. Черчилль был стойким бойцом, он сумел несколько раз выкарабкаться из совершенно, казалось бы, безнадежного положения. В 1915 году он предпринял, будучи военно-морским министром, операцию в Дарданеллах. Последовал страшный провал, Черчилля убрали из правительства. Вскоре, однако, он опять стал министром. На этот раз его ожидало поражение в борьбе против Советской России. Оно стоило ему министерского портфеля и места в палате общин. Но в 1924 году Черчилль уже опять член кабинета. Крупные неудачи преследовали его и в 30-е годы. Когда же началась вторая мировая война и потребовались люди больших способностей, Черчилль вновь оказался в седле, причем держался в нем более прочно, чем когда-либо ранее.

Иное дело Иден. Для него как для личности недостаточно сильной первый же провал означал конец политической карьеры раз и навсегда.

Имелись и другие различия между двумя деятелями. Черчилль был человеком многосторонних дарований. Находясь не у дел, он писал книги. Черчилль обладал несомненным

литературным даром, обеспечившим ему в конце концов значительное состояние, а также большую популярность. Он увлекался живописью и отличался серьезными способностями в этой области. С очередной отставкой из правительства жизнь для Черчилля не кончалась, просто в ней начинался новый этап.

У Идена не было пылких эмоций и разносторонних интересов. Он никогда ничего не сделал в жизни такого, что было бы вызвано не разумом, а сильными чувствами. Вряд ли были у него и настоящие друзья. Для Идена все концентрировалось на карьере, все было подчинено продвижению наверх. Поэтому уход от власти явился для него концом активной деятельности вообще. Поскольку карьера была сутью и смыслом всей жизни Идена, то, когда она сломалась, у него мало что осталось.

Впрочем, разумеется, экс-премьер не был забыт теми, кому он верой и правдой служил много лет. Несмотря на то что после катастрофического провала в 1956 году консервативная партия сделала его козлом отпущения, Иден был щедро отмечен. Ему присвоили графский титул, и он стал именоваться графом Эвоном. Получили высокие награды и ближайшие соратники Идена по суэцкой авантюре.

Вернувшись после отдыха в Новой Зеландии весной 1957 года, отставной премьер-министр принялся за свои мемуары. При их составлении ему было позволено свободно пользоваться документами правительства. Иден торопился оправдаться перед современниками и историей и поэтому начал с конца.

В 1959 году был завершен толстый том под названием "Полный круг". Он посвящен деятельности автора с октября 1951 по 18 января 1957 г. В этот период Иден последний раз был министром иностранных дел и премьер- министром. Затем он стал руководствоваться хронологическим принципом. В 1962 году была закончена работа над томом, озаглавленным "Лицом, к лицу с диктаторами" и посвященным событиям с 1923 по февраль 1938 года, то есть до отставки Идена из правительства Невиля Чемберлена.

Третья книга, вышедшая под названием "Сведение счетов", была завершена в 1964 году. Она посвящена кануну и годам второй мировой войны.

Воспоминания - очень популярный жанр. Читатель обращается к мемуарам в надежде, что там он найдет больше конкретно-человеческого материала, чем, скажем, в исторических исследованиях, который поможет ему лучше понять истину. Однако, как правило, читатель получает меньше, чем рассчитывает.

Политические мемуары в Англии имеют очень широкое

распространение, но они зачастую не приближают, а удаляют читателя от исторической правды. Их общие недостатки сводятся к тому, что авторы возвеличивают собственную персону, обеляют свои деяния и чернят своих противников, мобилизуют обширный дополнительный материал для оправдания политики своего правительства, партии, класса. Как правило, это делается умышленно в определенных политических, классовых целях.

Обычно не учитывается, что воспоминания неточно отражают события и по причинам, не зависящим от их автора. Автор, даже самый добросовестный, рассказывая о прошлом, полагается на свою память, которая отбирает лишь эпизоды, отложившиеся наиболее ярко. Но это далеко не всегда самое важное и существенное. Автор думает, что он рисует прошлое, но на самом деле он рассказывает о нем так, как оно видится ему из настоящего. Повествуя о себе, человек склонен отмечать в своих действиях прежде всего положительное, он показывает себя таким, каким ему хотелось бы быть, хотелось бы казаться. В результате какая-то сторона характера или деятельности не представлена вообще или представлена недостаточно. В силу этих черт человеческой психики мемуары даже самого искреннего человека, наделенного сильным аналитическим умом, не дадут точную и полную картину прошлого.

Многие с интересом ожидали появления воспоминаний Идена. И были разочарованы. Автор никогда не был хорошим стилистом, природа не наградила его литературными способностями. Как уже отмечалось, речи Идена были бедны мыслями и сильно перегружены избитыми, шаблонными выражениями. В мемуарах автор остался верен себе. К прежним его "достоинствам" прибавилось, однако, новое. Иден излагает и объясняет события языком дипломатических речей и документов. А это означает, что смысл скрывается где-то в глубине непроходимого частокола гладких дипломатических формулировок и добраться до него крайне трудно. На протяжении своей тридцатилетней деятельности в сфере дипломатии Иден усвоил и намертво закрепил эту манеру излагать (или скрывать) свои мысли. В подобном стиле написаны и его мемуары.

Читатель испытывает разочарование и по другой причине. Будучи крайне осторожным человеком и стараясь не обидеть ни ныне здравствующих, ни тех, кто давно уже отошел в мир иной, Иден обходит все острые сюжеты и не сообщает ничего принципиально нового по сравнению с уже известными в литературе фактами.

Ознакомление с исповедью "героя" суэцкого кризиса

свидетельствует, что Иден ничему не научился у истории, не извлек никаких уроков из собственных ошибок и провалов. Верен остался он и своему самому сильному политическому чувству - ненависти к СССР. Все беды Англии и "свободного мира" в период после второй мировой войны он объясняет действиями Советского Союза. В этом нет ничего оригинального.

Итак, мемуары были написаны, выпущены в свет лучшими издательствами в Англии и США, принесли автору солидный доход, и на этом Иден успокоился. Он живет на лоне природы на Багамских островах, занимается цветами и собаками. Изредка наведывается в Лондон, иногда заявляет о себе, дав интервью корреспонденту английской или американской газеты или опубликовав очередную статейку. В одной из них он убеждает читателей и руководителей западного мира не идти на мирное сосуществование с Советским Союзом, ибо это было бы равно политике "умиротворения" фашизма в 30-х годах. В другой статье Иден воюет против господствующей в современных международных отношениях тенденции к разрядке, к установлению прочного мира, к созданию в Европе системы коллективной безопасности и сотрудничества. Воюет своим старым оружием. "Советские цели, - утверждает он, как и прежде, - не составляют секрета. Россия добивается ...установления в конечном счете своего господствующего положения на этом континенте". Знакомый, давно надоевший припев.

То обстоятельство, что он назойливо повторяется как доживающим на покое свой век Антони Иденом, так и некоторыми политиками, находящимися у власти, свидетельствует, что недуг, именуемый утратой чувства реального, на Даунинг-стрит, 10, в Уайтхолле и в Вестминстере пока еще не преодолен до конца.

Прочтя эту книгу, иной читатель может почувствовать желание упрекнуть автора в суровости к своему герою.

Что ж, выводы и оценки этой книги основываются на точных фактах, не на словах Идена, а на его делах. Автор, во всяком случае, стремился к этому.

Автор не претендует на беспристрастность. Нет и не может быть беспристрастных книг и статей на подобные темы. Однако отсутствие беспристрастности не означает отсутствия объективного научного анализа. Еще в 1897 году В. И. Ленин возражал сторонникам "беспристрастности" в трудах политического и социального плана. "Если люди требуют, - писал он, - чтобы взгляды на социальные явления опирались на неумолимо объективный анализ действительности и действительного развития, - так из этого следует, что им не

полагается сердиться?! Да ведь это просто галиматья, сапоги всмятку! ...ибо ни один живой человек не может не становиться на сторону того или другого класса (раз он понял их взаимоотношения), не может не радоваться успеху данного класса, не может не огорчиться его неудачами, не может не негодовать на тех, кто враждебен этому классу".

[1] Употребляя это название, участники коалиции претендовали на то, что их правительство представляет интересы не какой-либо одной партии, а всей нации. В действительности же это было правительство, в котором господствовали и проводили свою политику консерваторы.

[2] Биографы Идена расходятся в освещении и изложении многих событий из его жизни. Обстоятельства назначения Идена в Форин оффис даны по его собственным воспоминаниям. Ниже приводится версия из книги Льюиса Броада. "Назначение Идена было произведено следующим образом. Фамилии ряда кандидатов, которых считали подходящими на этот пост, были написаны на листе бумаги. Лист был положен перед лордом Ридингом, чтобы он мог выбрать из списка одного в качестве своего заместителя... Решалась судьба значительно большего, чем пост заместителя, в то время, когда лорд Ридинг задержался, читая фамилии. Его выбор пал на Антони Иденах. Нет сомнений в том, что версия самого Идена значительно ближе к истине.

[3] А. Дж. П. Тэйлор - один из ведущих современных английских историков, крупный специалист по международным отношениям. В поисках истины часто критикует английскую политику. В то же время игнорирует советские документальные публикации и монографическую литературу, чем, вероятно, объясняется непонимание им мотивов многих акций советской дипломатии.

[4] В палате общин депутаты партии, стоящей у власти, сидят с одной стороны зала, а оппозиция - с другой.

[5] Квислинг - норвежский деятель, перешедший на сторону германских фашистов и усердно им служивший.

[6] Речь шла об установлении западных границ польского государства.

[7] Игра слов. Имеется в виду известная пьеса Оскара Уайльда "Как важно быть серьезным".

[8] Имеется в виду упомянутое выше отречение короля Эдуарда VIII, 306

[9] Река, протекающая на юге Ирана, где находились районы добычи нефти и нефтеперегонный завод на острове Абадан.

[10] Ричард Никсон был тогда вице-президентом США.

[11] Сын Дэвида Ллойд Джорджа, известного либерального государственного деятеля Англии.

[12] После революции 1958 года Ирак вы шел из Багдадского пакта, и среди его членов не осталось ни одного арабского государства.

[13] Подписи под таким документом расположены по замкнутому кругу, чтобы начальство не могло установить, кто подписал первым и, следовательно, был инициатором.

Оглавление

 От автора
 Глава I. НАЧАЛО ПУТИ
 Глава II. НА ПЕРВОМ ЭТАПЕ ПОЛИТИКИ "УМИРОТВОРЕНИЯ"
 Глава III. МИНИСТР ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ В ПРАВИТЕЛЬСТВЕ "УМИРОТВОРИТЕЛЕЙ"
 Глава IV. ГОДЫ ВОЙНЫ
 Глава V. ПРОТИВОБОРСТВО: ПЕРВОЕ ПОСЛЕВОЕННОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ
 Глава VI. КРАХ ПОЛИТИКИ И КАРЬЕРЫ
 Заключение